

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ГЕНРИ В. МОРТОН

ЮЖНАЯ АФРИКА

ПРОГУЛКИ НА КРАЮ СВЕТА

ЮЖНАЯ АФРИКА
ПРОГУЛКИ НА КРАЮ СВЕТА

ГЕНРИ
В. МОРТОН

Annotation

Это самая европейская страна Африки, в которой причудливо сочетаются современность и архаика, а с многолюдными городами соседствует по-настоящему дикая природа. Это страна, где добывают золото и алмазы, где охотятся в знаменитом вельде, делают отличное вино, где когда-то существовало королевство зулусов, а англичане воевали с голландцами. Это страна, за южной оконечностью которой — мысом Доброй Надежды — обрываются населенные человеком земли. Это страна на краю света.

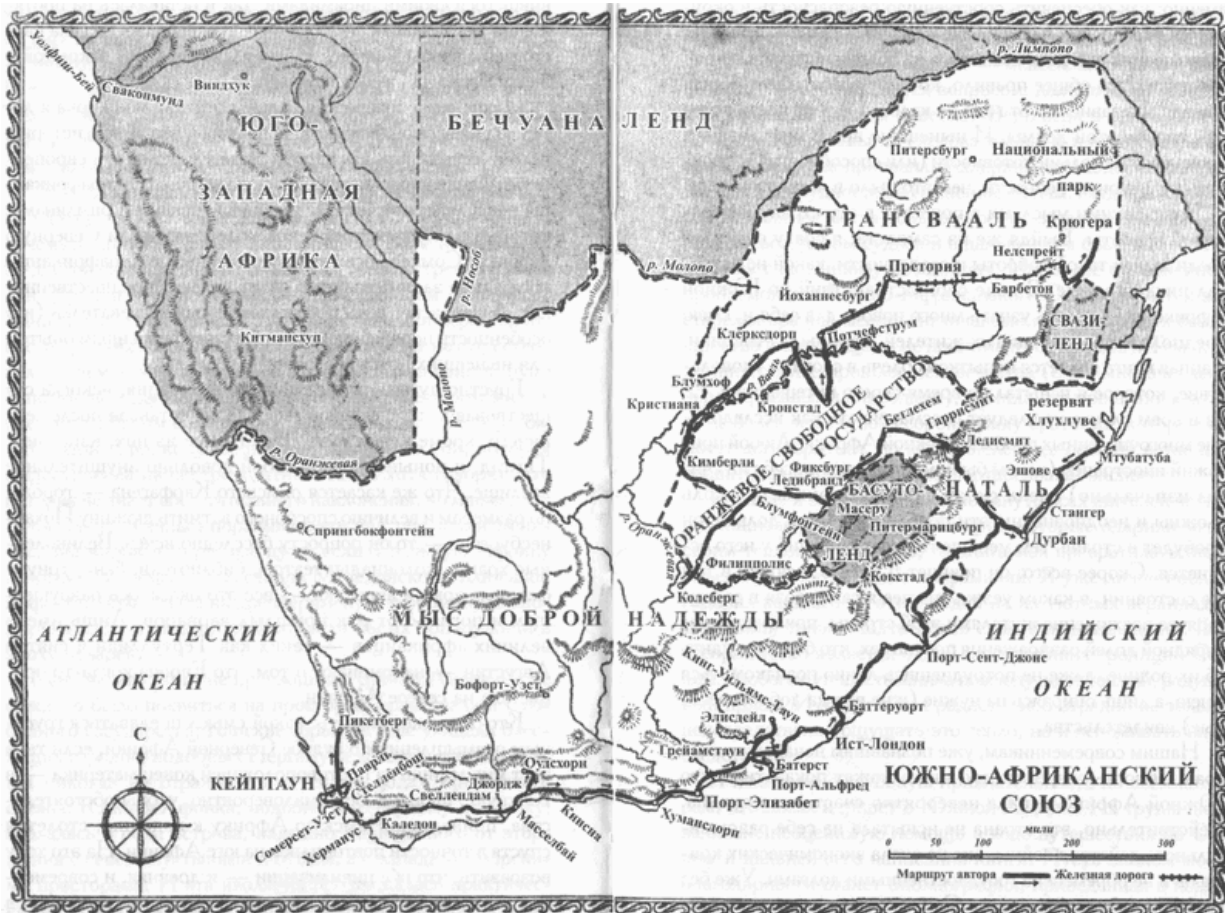
Добро пожаловать в Южную Африку!

- [Южная Африка](#)
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Фотографии](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Южная Африка Прогулки на краю света

Посвящается Тимоти

Предисловие

Во время своего путешествия по Южно-Африканскому Союзу я неоднократно вспоминал Древнюю Грецию и другие страны классического мира. А провоцировали меня на это поразительная прозрачность здешнего воздуха и архитектура сэра Герберта Бейкера. Мне до сих пор кажется странным, что этот кусочек земного шара — который привел бы в восхищение древних греков и всех обитателей эллинистического мира и который, несомненно, возбудил бы прагматический интерес у древних римлян — так и остался сокрытым от их цивилизаций.

Подобные мысли часто посещали меня в начале путешествия. Вопреки предупреждениям моих искушенных друзей, долгий перелет в Южную Африку вовсе не показался мне утомительным. Напротив, он доставил мне огромное удовольствие. За те тридцать шесть часов, что я провел в воздухе, мне удалось увидеть большую часть огромного Африканского континента. Я видел Северную Африку и место, где когда-то стоял славный Карфаген; затем моему взору предстала долина Нила, которая зеленой змеей пересекает две пустыни. А к тому времени, как начало темнеть, мы уже миновали обжитые районы Африки и летели над безлюдной землей, простиравшейся до самого горизонта. На следующее утро я проснулся и первым делом бросил взгляд в иллюминатор. Мы летели над диким бушем, где безраздельно царствовали мухи цеце, москиты и засуха, и лишь иногда тень от нашего самолета накрывала стадо диких слонов. И такой монотонный пейзаж сопровождал нас весь день. Тем не менее полет над этой труднопроходимой и малообжитой

землей составил, пожалуй, самую интересную и поучительную часть моего воздушного путешествия.

Теперь мне стало ясно, почему обитателям древнего мира не удалось открыть и колонизировать Южную Африку, почему попытка Нерона отыскать истоки Нила исчерпалась по достижении Судана и почему для древних греков и римлян Африка ограничивалась лишь северным поясом, от Танжера до дельты Нила. Дело не в лени или нерасторопности древних жителей. Просто в ту эпоху еще не существовало приемлемого пути через пустыни и бескрайний буш. В противном случае древние египтяне, эллины и римляне не преминули бы им воспользоваться и наверняка создали бы в Южной Африке цивилизацию, подобную той, которая существовала на севере континента. И хотя говорят, что история не знает сослагательного наклонения, но мне видится очень заманчивым поразмышлять над тем, как изменились бы мировые торговые пути, если бы Южную Африку открыли во времена Александра Македонского; или какой эффект произвели бы на древнеримскую экономику южноафриканские алмазы и золото, если бы их обнаружили в эпоху цезарей.

Увы, ничего этого не произошло. Храмам Амона-Ра не суждено было появиться на просторах Трансвааля и Свободного государства; Капские горы так и не увидели блестящих городов, подобных Пергаму; а древнегреческие храмы никогда не отражались в теплых водах Индийского океана. Южная Африка, подобно ее северному двойнику, оказалась в роли острова, надежно защищенного от вторжения с севера пустынями и бушем, а с запада — морскими просторами. И эта изоляция продолжалась практически до нашего времени. Южная часть континента, прославившегося своими пирамидами, так и оставалась на протяжении веков неизвестной миру. Она терпеливо ждала своего

часа, чтобы вместе с Новым Светом быть открытой в эпоху Васко да Гамы и Колумба.

И еще одна интересная мысль посетила меня пока я летел над Северной Африкой. Я подумал, что за всю историю человечества лишь два народа рискнули принести европейскую цивилизацию на африканскую землю. Южноафриканцы разделяют эту честь с древними греками и римлянами, которые на протяжении веков колонизировали Северную Африку. Сомневаюсь, что современные южноафриканцы когда-либо задумывались о своих далеких предшественниках. А напрасно, ведь победы античных завоевателей (и в особенности поражения) могли бы стать бесценным опытом для нынешних колонизаторов.

Грустно думать, что великая цивилизация, некогда существовавшая в Северной Африке, не оставила после себя ничего, кроме кучки руин. Некоторые из них, например, Тимгад, и поныне являют собой довольно внушительное зрелище. Что же касается римского Карфагена — города, по размерам и величию способного затмить дюжину Йоханнесбургов, — то он попросту бесследно исчез. Великолепные храмы, колоннады, театры, библиотеки, бани, триумфальные арки и акведуки — все это оказалось разрушенным и погибло от рук пришлых варваров. Лишь имена великих африканцев — таких как Тертуллиан и святой Августин — напоминают о том, что Европа когда-то процветала на севере Африки.

Кто-то может сказать: какой смысл предаваться грустным размышлениям о судьбе Северной Африки, если ты в этот миг летишь на противоположный конец материка — в Южную Африку? Ведь маловероятно, чтобы обстоятельства, приведшие Римскую Африку к падению, столетия спустя в точности повторились на юге Африки. На это хочу возразить, что обе цивилизации — и древняя, и современная — призваны решить по сути

одну и ту же проблему, а именно: как обеспечить собственную безопасность в окружении варварских племен? Не следует забывать, что очаг цивилизации всегда оказывается на положении осажденной крепости. Это общее правило, которое срабатывает всегда и везде. Независимо от года на календаре и от цвета кожи участников этой драмы. И нынешние враги цивилизации проявляют не больше готовности (или способности) воспринять культурные ценности, чем это было в четвертом веке.

Вот с какими мыслями я прилетел в эту страну неотразимой красоты. Выйдя же из самолета, я сразу очутился среди людей такой доброты и сердечности, какой не встречал нигде прежде. В ходе своих странствий по Южной Африке мне удалось узнать много нового для себя и, смею предположить, для многих жителей Европы и Америки. Данная книга является попыткой облечь в слова то удовольствие, которое я испытал во время своего путешествия. Ее ни в коем случае не следует рассматривать как исследование многочисленных проблем Южной Африки. Любой приезжий иностранец (каким бы компетентным он себя ни считал изначально) очень скоро начинает понимать, сколь сложны и неоднозначны эти проблемы. И чем дольше он пробудет в стране, тем меньше готовых решений у него останется. Скорее всего, он покинет Южную Африку в том же состоянии, в каком уезжал из нее я сам: увозя в сердце горячее восхищение жителями этой страны, приправленное изрядной долей раздражения против тех, кто берется судить об их родине, даже не потрудившись лично познакомиться с нею, а лишь опираясь на чужие (и не всегда добросовестные) свидетельства.

Нашим современникам, уже познавшим ненадежность и враждебность современного мира, может показаться, что Южной Африке выпала

невероятно счастливая судьба. Действительно, эта страна не испытала на себе разрушительного действия войны, она не знала экономических кризисов и не обременена государственными долгами. Уже без малого столетия жители Союза наслаждаются относительно спокойной и обеспеченной жизнью, не зная жгучей боли потерь и разочарований, выпавших на долю европейцев. Наверное, жители прочих — менее счастливых и солнечных — краев задаются вопросом: да понимают ли южноафриканцы, как им повезло? Ведь вера в непрерывное процветание страны, а, следовательно, и в их собственное светлое будущее призвана поддерживать людей в минуты временных трудностей и сомнений. И нам, глядящим на это со стороны, остается только скрестить пальцы на удачу и помолиться, чтобы судьба и в дальнейшем была милостива к этому счастливому доминиону. Наиболее болезненной проблемой для Южно-Африканского Союза является застарелая вражда между англичанами и бурами (хотя большинство иностранцев и не принимают ее всерьез). Тем, кто помнит темное прошлое человечества (с его многочисленными кровавыми эпизодами), вражда эта может показаться не более чем глупой ссорой между братьями, которые не могут договориться, по какой железнодорожной ветке направить свой шикарный комфортабельный экспресс.

Если бы я задался целью упомянуть всех жителей четырех южноафриканских провинций, которые одарили меня своим теплом и любовью, то книга моя превратилась бы в объемистый каталог имен и фамилий. Я уже лично поблагодарил каждого из этих людей на их уютных верандах и здесь могу только подтвердить свою признательность. Гостеприимство является одной из старейших традиций Союза. Любого путешественника повсюду ждет теплый, радушный прием. И это двойная

радость, ибо отрадno не только непосредственно ощущать это тепло, но и вспоминать впоследствии.

Я испытываю глубокую признательность ко всем авторам, кто писал и пишет о Южной Африке. Их труды оказали мне неоценимую помощь в ходе путешествия по Союзу и дальнейшего написания книги. Пусть знаком моей благодарности станет библиография, приведенная в конце книги. Очень надеюсь, что ссылки на этих авторов заинтересуют моих читателей и подвигнут их на более глубокое знакомство с указанными источниками. Отдельную благодарность хотел бы выразить мистеру Уинстону Черчиллю за его любезное разрешение опубликовать письмо, которое он написал памятной декабрьской ночью 1899 года, когда бежал из тюрьмы Претории. Этот уникальный документ на протяжении многих лет хранился как семейная реликвия, и я очень признателен жительнице Барбетона, миссис О. Э. де Суза за предоставленную возможность с ним ознакомиться. Я получил послание от мистера Черчилля, в котором он выражает свое согласие на публикацию письма и, между прочим, пишет: «Вы вольны опровергнуть историю о том, что мне якобы пришлось переплыть реку Апис». Вот так канула в лету одна из самых привлекательных (и самых несерьезных) легенд Южной Африки.

Г. В. Мортон

Глава первая

Страна на краю света

Тридцатишестичасовой перелет в Южную Африку, кейптаунский поезд и Столовая гора, где автор предаётся воспоминаниям о великой торговле пряностями и прибытии из Голландии Яна Антони ван Рибека.

1

Прошло тридцать шесть часов с того момента, как я холодным октябрьским утром покинул Лондон. И вот наш самолет приземлился в аэропорту неподалеку от Йоханнесбурга. Я вышел в теплую африканскую ночь, испытывая приятное чувство отрешенности и нереальности всего происходящего. Казалось даже странным, что работники таможни видят и слышат меня.

Над просторами Трансвааля бушевала сильнейшая летняя буря: где-то вдалеке грохотал гром, ночное небо то и дело освещалось фиолетовыми сполохами. Я, как был, в теплом зимнем пальто, уселся в машину и поехал в сторону города. Вначале за окном мелькала лишь непроглядная чернота душной африканской ночи, но вскоре очередная вспышка молнии — подобно профессиональному фокуснику — явила нашему взору удивительные белые пирамиды, которые на поверку оказались отвалами местных золотых рудников. Вслед за тем на горизонте обозначились темные очертания приближающегося мегаполиса. Я рассматривал непривычный пейзаж и забавлялся мыслью, что на мне

та самая одежда, которую я минувшим утром надел в Лондоне.

В гостинице меня проводили в роскошную спальню. Я уселся на кровать, с нетерпением ожидая, когда же наконец принесут мой багаж. Мне хотелось поскорее освободиться от надоевшего (и явно здесь неуместного) пальто, а заодно и от того ирреального ощущения свободы, которое оставило во мне недавнее перемещение во времени и пространстве. Сам по себе перелет был не слишком обременителен — я просто-напросто отсидел тридцать шесть часов в удобном кресле, но вот прибытие в конечный пункт выбило из привычной колеи. Я чувствовал себя вымышленным персонажем какого-то приключенческого романа.

Тем временем раздался стук в дверь, и в номер вошел носильщик с багажом. Это был чернокожий и босоногий зулус, одетый на манер маленького мальчика — белые шорты и такая же кипенно-белая туника. Его наряд странным образом контрастировал с гладкой черной кожей, которая лоснилась, словно намазанная маслом. В мочках ушей у него торчали нелепые деревяшки, смахивавшие на крашеные бобины для пряжи. На левой щиколотке поблескивал тонкий медный браслет.

По-английски зулус не понимал, но нам удалось объясниться жестами: слуга интересовался, внести ли багаж в спальню или оставить снаружи под дверью. Получив на чай шесть пенсов, он согнулся в поклоне и сложил ладони в благоговейном жесте — так, словно я вручил ему по меньшей мере Священный Грааль.

Чуть позже стук в дверь повторился. Появилась седовласая женщина в темном платье.

— Добрый вечер, сэра, — приветствовала она меня. — Желаете получить утренний чай?

— Вы из Глазго! — сразу же догадался я. Это выглядело невероятным совпадением!

— О нет! — рассмеялась женщина. — В Глазго я и вовсе не бывала. Родилась в Кейптауне, сюда приехала много лет назад в повозке, запряженной волами. А вот моя матушка, та точно приехала из Шотландии.

— Наверняка из Глазго! — продолжал настаивать я.

— Нет, сэр, — упрямо помотала головой женщина. — Она родом из Пэйсли.

Покинув номер, я остановился перед лифтом. Его обслуживал маленький мальчик-индус: он широко распахнул двери лифта, сияя белозубой улыбкой. Внизу в ресторане играл оркестр, и метрдотель, итальянец по национальности, радушно проводил меня за стол, на котором красовалась огромная ваза с летними цветами.

2

Я знал, конечно, что Южная Африка значительно выросла и развилась за последние пятьдесят лет, но должен признаться, слабо представлял себе масштабы этого роста. То, что я увидел в Йоханнесбурге, поразило меня до глубины души. Само название города, подобно легендарному Клондайку, ассоциируется с периодом золотой лихорадки и вызывает в памяти соответствующую картину: хаотически разбросанные шахты в окружении жалких жестяных лачуг. Именно так и выглядел Йоханнесбург полвека назад. Однако сейчас все разительным образом переменялось. Выйдя поутру прогуляться по городу, я увидел нечто среднее между маленьким Нью-Йорком и столичным Кингстоном на Ямайке.

Со всех сторон меня окружали высокие здания из мрамора и белого бетона. Приятное разнообразие вносили лепные украшения в духе эдвардианского Ренессанса и живописные веранды из кованого железа, знакомые нам по голливудским фильмам о Диком

Западе. Именно на такой веранде обычно стоит главная героиня и машет платком своему возлюбленному, в то время как доблестный шериф невозмутимо посасывает манильскую сигару. По мостовым двигался плотный поток автомобилей, на тротуарах же толпились белые и черные представители человеческой расы.

Обычный, в общем-то, городской пейзаж, однако яркий солнечный свет придавал ему оттенок некоторой экзотической романтики и удачно маскировал неизбежную неряшливость большого мегаполиса.

Прежде всего я направился на Центральный почтамт отбить каблогранму друзьям. Пристроившись в хвост очереди, целиком состоявшей из чернокожих аборигенов, я стал с интересом их разглядывать. Это были веселые, беззаботные люди с широкими улыбками на лицах и все, как на подбор, с прекрасными зубами. Некоторые были обряжены в полувоенное хаки из тонкого тика или поношенные костюмы европейского образца. Другие, подобно носильщику из гостиницы, предпочитали национальную униформу — они выглядели шестифутовыми статуями в белых шортах и безрукавках. Когда я наконец добрался до стойки, сидевший там клерк страдальчески поднял брови и объяснил, что я впал в непростительную ошибку: вошел в дверь для цветных посетителей и, соответственно, встал не в ту очередь — «не для белых». Очевидно, я медленно учусь на ошибках, ибо позже совершил аналогичный промах. Я долго тосковал на остановке, провожая взглядом проезжающие мимо автобусы, ни один из них не пожелал передо мной остановиться. В конце концов кто-то из чернокожих горожан сжалился надо мной, специально пересек улицу, чтобы растолковать мне: оказывается, я опять-таки встал на остановке «для цветных». Нужная мне остановка обнаружилась неподалеку, и тут уж автобус с готовностью распахнул двери перед белым *баасом*.

Таким образом мне мягко указали на мое законное место в местной иерархии. Это непреложный закон южноафриканской жизни, который надлежит постигнуть каждому чужестранцу: любой белый человек по праву своего рождения принадлежит к некой аристократической касте и, как следствие, должен нести бремя ответственности и сопутствующих проблем. А бесчисленное множество чернокожих южноафриканцев с готовностью ему в том помогает. Честно говоря, «помощников» этих такое количество, что с непривычки легко и растеряться. Они толпятся повсюду, подстерегая шанс стать вашим поваром или домашней прислугой! Уже вечером, укладываясь в постель, я размышлял: а много ли сыщется белых граждан, которые собственноручно чистят свои ботинки, моют посуду и прибираются на кухне? Пришел к выводу, что немного (если таковые вообще существуют). Водитель такси, устроивший мне получасовую экскурсию по городу, сообщил, что у его жены есть слуга, так называемый «помощник по хозяйству». По словам этого немолодого уже англичанина, выросшего в семье с прислугой, в тот самый миг, как приехал в Южную Африку, он вновь окунулся в благословенную атмосферу детства и ранней юности. Стоит ему позвонить в колокольчик, и кто-нибудь обязательно отзовется. Почтительное обращение «сэр», которое в Англии практически вышло из обращения — если не считать, конечно, привилегированных школ для мальчиков, — здесь, в Южной Африке, по-прежнему в ходу, трансформировавшись в местное словечко *баас*, искаженное «босс». Если вам посчастливилось родиться белым, то вы автоматически становитесь баасом. И ваша привычка к обслуге — впитанная с молоком матери и накрепко вбитая в стенах британской детской — в южноафриканском доме расцветает пышным цветом.

И еще одна мысль посетила меня, пока я тем утром прогуливался по залитым солнцем улицам Йоханнесбурга. Глядя на оживленных и энергичных горожан, я подумал, что из всех жителей Британского Содружества белый южноафриканец труднее всего поддается идентификации. В отличие от канадцев, австралийцев и новозеландцев — которых узнаешь с первого взгляда (или уж во всяком случае с первого же произнесенного вслух слова) — крайне затруднительно составить для себя портрет так называемого типичного южноафриканца. То же самое можно сказать и об их манере говорить: такого явления, как южноафриканский акцент, попросту не существует. Впервые попав в Южную Африку, вы не чувствуете себя иностранцем в чужой стране. Местные жители выглядят, говорят и одеваются точь-в-точь как ваши соотечественники. И это в равной степени относится к тем южноафриканцам, которые происходят от голландских, немецких, французских предков и вовсе не испытывают желания в чем-либо копировать британскую манеру поведения. Дело тут не в подражании, а в естественной принадлежности к единой европейской расе. Это непреложный факт, с которым не поспоришь. Даже здешний язык, *африкаанс*, имеет те же корни, что и наш родной английский. Невольно создается впечатление, что любой студент, изучающий Чосера, способен за несколько недель освоить африкаанс — если уж не говорить свободно, то по крайней мере читать на нем и понимать прочитанное.

Таковы были мои первые впечатления от Йоханнесбурга. Я с самого начала полагал — и дальнейшие впечатления не поколебали этой моей уверенности — что знакомство с Южной Африкой надо начинать с Кейптауна. А посему я сел на знаменитый «Голубой экспресс» и отправился в столицу бывшей Капской провинции. Поездка занимала целые сутки, так

что мне хватило времени пролистать четыре книги, входившие в обязательный ассортимент британской компании «Юнион касл». Я нашел чтение исключительно познавательным и настоятельно рекомендую всем путешественникам ознакомиться с данными шедеврами энциклопедического жанра. Вот эти книги: «Ежегодник и путеводитель по Южной и Восточной Африке»; «Африканеры» Гертруды Миллин; «Южная Африка» А. У. Уэллса и, наконец, «Знакомьтесь — африканеры» Джулианы Мокфорд.

Самым удивительным открытием для меня стали два факта. Во-первых, как выяснилось, можно добраться от Кейптауна до Стамбула, ни разу не прибегнув к помощи морского транспорта; и, во-вторых, оказывается, Южная Африка принадлежит Старому Свету. Отрезанная от древних империй и средневековых государств огромными расстояниями, она долгое время пребывала в неизвестности.

Открыли Южную Африку, совершенно неожиданно и незапланированно, только в эпоху Великих географических открытий — тогда же, когда и Америку. В пятнадцатом веке португальские мореплаватели разведывали путь в Индию и наткнулись на южное побережье Африки. Не дав себе труда его исследовать, они решили, что перед ними еще один необитаемый остров.

И в этом качестве — пустынного, необитаемого острова — Южная Африка оставалась на протяжении полутора столетий. Земля, в географическом смысле относившаяся к Старому Свету, во всех прочих отношениях числилась среди находок Нового Света. Никто не желал там селиться, и Южная Африка оставалась не востребованной до 1652 года, когда Голландская Ост-Индская компания решила основать там перевалочную продовольственную базу для своих судов, следующих из Европы в Индийский океан. С этой

целью — дабы обеспечить постоянный запас овощей и свежего мяса — в Южную Африку были направлены две сотни служащих Ост-Индской компании. Первым управляющим данной базы, а следовательно, и отцом-основателем Южной Африки как таковой стал почтенный голландец по имени Ян Антони ван Рибек.

На Капе обитало уже около двадцати тысяч голландцев и голландских гугенотов, когда полтора столетия спустя Британия, воевавшая тогда с Наполеоном, вознамерилась опередить противника и захватить стратегически важный мыс. После достославной битвы при Ватерлоо Капская колония перешла под британское правление. И лишь в 1820 году сюда прибыли несколько тысяч британских эмигрантов. Они, как и голландцы, осели на узкой кромке южноафриканского побережья. В то же время внутренние плато, отделенные от прибрежной области высокими горами, по-прежнему оставались неисследованными: сюда забредали лишь немногочисленные охотники и миссионеры.

Как ни странно, но в тот период белые переселенцы практически не сталкивались с чернокожим населением Африки. Первыми «туземцами», с которыми жители колонии вступили в контакт, были бушмены (и поныне обитающие в пустыне Калахари), а также готтентоты — племя, которое за минувшие столетия вымерло или во всяком случае утратило свою расовую чистоту. Что же касается африканских «туземцев», говоривших на языке банту и в наше время расселившихся повсеместно, то они, как и европейцы, являлись по сути пришлыми чужаками. Пока европейские переселенцы, постепенно осваивая Африканский континент, продвигались с запада на восток, навстречу им с востока шли племена банту. Волею судеб встреча этих двух народов оказалась отсроченной на целое столетие.

С началом британской оккупации в Кап хлынул поток миссионеров. В девятнадцатом столетии в Англии существовало множество религиозных обществ, проповедовавших евангелизм, и все они считали своим долгом послать представителей в далекую африканскую колонию. Среди этих миссионеров было немало самоучек, попадались и откровенно ограниченные, подверженные диким предрассудкам люди. А ведь не забудем, именно по свидетельствам этих полпредов евангелизма Англия формировала свое представление о далекой Африке и людях, ее населявших. Миссионеры, как и в странах Тихоокеанского бассейна, стремились к установлению господства над местным населением, и свободолюбивые *буры* — потомки первых голландских поселенцев — никак не укладывались в схему освоения нового континента. Можно представить, какие характеристики давали им евангелисты в своих отзывах. Со своей стороны, буры считали себя несправедливо оклеветанными, и это сыграло не последнюю роль в их решении покинуть Капскую колонию.

Что из себя представляет современная Южная Африка? Это самоуправляющийся доминион, известный под именем Южно-Африканского Союза. Он объединил в себе четыре региона, некогда бывших самостоятельными провинциями или государствами: Капскую провинцию, Наталь, Оранжевое свободное государство и Трансвааль. Объединение состоялось (и было законодательно оформлено) только в 1910 году. Белое население ЮАР составляет около двух с половиной миллионов, в то время как черных и цветных граждан насчитывается почти одиннадцать миллионов. Значительная доля чернокожего населения работает на шахтах и заводах, обеспечивает штат прислуги на фермах и в городских домах. Однако некоторая часть проживает в национальных резервациях и по-прежнему пребывает на стадии родоплеменного строя.

Достаточно провести пять минут в любом южноафриканском городе, чтобы усвоить азы государственной структуры: все население страны делится на белых и черных. Белые, в свою очередь, также подразделяются на две группы: в одну входят африканеры, то есть потомки первых переселенцев — голландцев, немцев и французов по происхождению, а в другую — потомки англичан. Свыше половины всего белого населения страны имеет небританское происхождение, и эти национальные различия порождают некий государственный дуализм. В ЮАР официально приняты два государственных языка — английский и африкаанс. Над полицейскими участками и правительственными зданиями бок о бок развеваются два различных флага — «Юнион Джек» и «Юнион флаг». Национальных гимнов тоже два — «Боже, храни короля» и «Die Stem van Suid Afrika», что переводится как «Голос Южной Африки». О том, что в стране две столицы, вы, наверное, знаете. Одна в Кейптауне, где заседает парламент, и вторая — в Претории, где располагаются учреждения исполнительной власти. Именно так: две столицы, разделенные расстоянием в тысячу миль.

В Южной Африке все европейские сезоны поставлены с ног на голову. Самыми жаркими месяцами года являются декабрь, январь и февраль, осень наступает в марте, а после апреля и мая приходит зимняя пора — июнь, июль и август.

Пока я размышлял над странностями африканской жизни, подоспело время обеда. По поезду разнесся мелодичный звук — это шел проводник с ксилофоном, приглашая всех пассажиров в вагон-ресторан. Я сохранил меню (естественно, отпечатанное на двух языках) и предлагаю его вниманию читателей.

Томатный суп
Tomatiesop

Консоме брюнуаз
Groentesop

Жареное филе палтуса под соусом по-
татарски
Gebakte tongvis met tartaresous

Бараньи ребрышки в винном соусе
Lamsribbetjies met bruinsous

Жареная индейка и салат
Gebraaide kalkoen met slaai

Рис со специями и изюмом
Geelrys met rosyntjies

Овощное ассорти
Groentesoorte

Яблочный пирог с меренгами
Appelskuimpies

Персик «мельба»
Perske-melba

Сыр Бисквиты Кофе
Kaas Beskuitjies Koffie

Фрукты
Vrugte

Думаю, никто в наши дни не станет оспаривать ресторанный счет — при таком-то меню! Тем более что счет составил всего четыре шиллинга шесть пенсов.

Это был великолепный поезд! Гораздо лучше любого состава, курсирующего по Европе, я бы сказал, достойный конкурент тем первоклассным поездам, которыми по праву гордятся Соединенные Штаты. Помимо голубых спальных вагонов, в состав поезда входили специальные вагоны-рестораны. В каждом купе работала система кондиционирования воздуха — так что можно было по своему желанию установить комфортную температуру. Я лично убедился в этом, когда перед сном покрутил маленькую хромированную ручку в изголовье моей койки.

В Южной Африке все авиалинии, железные дороги и большая часть общественного транспорта принадлежат государству. Обслуживавшие нас проводники, официанты и цветные горничные, расстилавшие постели по вечерам, могут служить лучшей рекламой Союза, ибо это самые вежливые и предупредительные госслужащие, которых я видел за последнее время. Южноафриканские железнодорожные пути выглядят необычно для европейцев, привыкших к ширине полотна в четыре фута и восемь с половиной дюймов. Дело в том, что здешняя местность — с ее гористым рельефом и протяженными перегонами — диктует собственные требования, в соответствии с которыми ширину железнодорожной колеи уменьшили до трех футов шести дюймов. Эксперимент оказался удачным, и теперь вся Африка последовала примеру Капа и Наталя.

После обеда я вернулся в свое купе и стал рассматривать пейзаж за окном. Мы проезжали по широко раскинувшейся равнине, чьи плоские очертания лишь изредка нарушались невысокими горными хребтами и разрозненными *колли*, то есть пологими холмами. Мимо проносилась иссохшая земля, покрытая чахлой травой, и на этой земле паслись стада коров вперемешку с лошадьми. Некоторое время вдоль железнодорожных путей тянулась покрытая красной

пылью дорога, затем она отклонялась и бесконечной лентой убегала к горизонту.

Вы замечали, что в каждом путешествии присутствуют некие мелочи — возможно, не самые важные, которые тем не менее почему-то врезаются в память путника и остаются там навеки? Со мной такое происходит постоянно. Уверен: впредь, где бы я ни оказался, стоит мне увидеть странный, неровный полет вдовушки, и я буду вспоминать Свободное государство. Эти мелкие птахи с нелепым черным вымпелом вместо хвоста (самцы отращивают его в период спаривания) то и дело выпархивали из зарослей маиса. Обремененные своим громоздким украшением, они неловко взмывали в воздух, двигаясь зигзагообразно, пролетали несколько ярдов и вновь ныряли под защиту массивных стеблей. Полагаю, любой мало-мальски расторопный мальчишка способен поймать на лету эту милую, но такую неуклюжую птичку.

Затем взору открылась картина, которая из всех моих дорожных впечатлений показалась мне наиболее символичной для Южной Африки. Я увидел шестерку запряженных попарно рыжих быков, которые тянули за собой тяжелую повозку. Впереди, во главе упряжки, шел обнаженный до пояса паренек, его темная кожа матово лоснилась на солнце; а возле повозки вышагивал чернокожий мужчина в традиционной накидке — должно быть, отец юного погонщика. Он то ли напевал в полный голос, то ли покрикивал на неторопливых быков. Затем упряжка осталась позади, а на дороге показался всадник. Вдалеке промчался фермерский автомобиль, он двигался подобно комете, оставляя за собой длинный хвост красной пыли.

Некоторое время спустя мы приблизились к станции. К ней вела живописная аллея из голубых эвкалиптов. В тени деревьев прятались американские машины, крытые капские повозки и просто телеги. На платформе уже

собралась толпа из белых и черных южноафриканцев. Они стояли на одной и той же платформе, но группировались в разных ее концах. Темнокожие туземцы толпились в дальнем конце, возле локомотива: именно туда прибывали вагоны «для черных»; европейцы расположились отдельно. Все станционные постройки, как-то киоски, туалеты и скамейки, были снабжены табличками, обозначающими предназначение удобств — для белых или для черных. Так я получил еще один предметный урок, уже преподанный мне в Йоханнесбурге. Суть его сводилась к простой истине: Южная Африка существует в двух ипостасях — белая Африка и, соответственно, черная.

Другой отличительной особенностью этой станции (как и всех прочих станций Союза) являлся неизменный интерес к высоте расположения объекта. Рядом с названием станции обязательно указывалась высота над уровнем далекого невидимого океана. Мне запомнилось, что в конкретном случае она составляла четыре тысячи футов.

Мы ехали дальше — по бескрайнему, залитому ослепительным солнцем вельду. Я смотрел на эту землю и осознавал, что она имеет для меня двойное очарование. Во-первых, благодаря своей богатой цветовой гамме: красные дороги, золотые и зеленые поля, голубые тени, скапливающиеся на пределе видимости; а во-вторых, в силу своего сходства с морем. Здесь, как и в морском путешествии, глаз то и дело обращался к горизонту, обшаривая его в поисках мира, покоя, свободы. Возможностей для этого было больше чем достаточно, ибо нам предстоял еще долгий путь на юг — туда, где в послеполуденном зное скрывался далекий Кейптаун.

Я проснулся с первыми солнечными лучами и выглянул в окно. Мы ехали по дикому пустынному краю, который я определил для себя как Кару. Эта холмистая местность с ее пересохшей почвой напомнила мне характерные пейзажи из фильмов об Аризоне. Каменистая земля поросла мелким кустарником, который при ближайшем рассмотрении оказался прекрасно сформированным, по виду напоминающим карликовые японские деревца. Во время очередной остановки для пополнения запасов воды я вышел наружу и убедился, что здесь каждый квадратный ярд представлял собой подлинный сад суккулентов. Когда солнце окончательно взошло и света прибавилось, стало видно, что холмы тоже не гладкие: их зазубренные вершины четко выделялись на фоне нежно-зеленоватого сияния. Затем небо внезапно окрасилось в розовый цвет, дневное светило засверкало в полную силу, и пейзаж в очередной раз изменился — теперь это была настоящая Самария.

Плато мы пересекли на исходе утра, и местность начала заметно понижаться в сторону морского побережья. В какой-то миг, когда мы проезжали по перевалу Хекс-Ривер, поезд наш превратился в длинную извивающуюся змею: только что локомотив виднелся справа по ходу, и вот уже он доблестно пыхтит в левом окне. Вокруг нас стояли могучие горы; каждая лощинка и расселина были заполнены бледно-голубыми тенями. Тот самый цвет, для которого в западных областях Ирландии придумали специальное название — «голубой атлантический марлин». Мы незаметно въехали в благословенную страну цветущих персиков и виноградников. Долгое время нашим спутником был хрустально-чистый ручей, весело бежавший вдоль железнодорожного полотна.

И я — как человек, выросший на острове, где море всегда рядом, всегда в пределах досягаемости — вдруг

ощутил, как в душе моей завибрировала невидимая трепетная струна. В самом воздухе, во внезапно вспыхнувших красках чудилось некое обещание. Я чувствовал, что мы приближаемся к южной оконечности Африки, к тому волшебному месту, где теплые течения Индийского океана встречаются с холодными волнами Атлантики.

5

В то утро, когда мы прибыли в Кейптаун, все было голубым: голубое море и голубые небеса, на фоне которых еще более голубым контуром выделялась Столовая гора. На Эддерли-стрит ко мне подошла голубоглазая девушка и приколола на лацкан пиджака крохотный флажок. Город утопал в золотом сиянии летнего затишья, которое, как мне объяснили, принес с собой юго-восточный ветер. Жалюзи на окнах были опущены, люди на улицах перемещались, стараясь держаться в тени колоннад.

Глядя на охваченный зноем Кейптаун, я невольно подумал, что из всех городов мира, которые мне довелось посетить, лишь он один напоминает Афины. Причем непонятно, почему. Во всяком случае речь явно идет не о внешнем сходстве. Ведь, если говорить о географических особенностях, Афины лежат в четырех милях от побережья и представляют собой равнинный город, кольцом опоясывающий золотой холм, который, подобно замку, возвышается в центре. В отличие от греческой столицы, Кейптаун начинается практически у кромки океанского прибоя и расползается — сначала мягко, незаметно, а затем все более круто — по склонам Столовой горы. Учитывая характер рельефа — многочисленные неровности и теснины — архитекторы при всем желании не могли бы воссоздать афинский

«бублик». В результате Кейптаун полумесяцем охватывает подножье горы.

Прогулявшись по городским улицам, я зашел в парк, расположенный в самом центре Кейптауна. Услышал воркование голубей на ветвях деревьев, и на меня с новой силой нахлынули воспоминания о Греции. Я снова явственно представил себе, как пересекаю Афинскую равнину. Тогда, как и сегодня, тоже был солнечный день. В оливковых зарослях вовсю трещали цикады, казалось, будто в жарком воздухе бьется пульс лета. Легкий туман окутывал склоны Пентеликона, длинный хребет Гиметта и более низкие вершины Агалеоса — в точности как сейчас Столовую гору. И как тогда мой взгляд необратимо возвращался к золотому Афинскому холму, на котором возвышалось дивное строение, воплотившее мечты человечества и на долгие годы ставшее источником вдохновения для всего мира, точно так же и сегодня я не мог отвести глаз от Столовой горы, этого величайшего акрополя Южной Африки.

Однако еще более примечательным, нежели гора или море, было здешнее освещение. Благодаря чрезвычайно чистому и прозрачному воздуху солнечный свет беспрепятственно достигал земли и буквально затоплял город (совсем как в Афинах!). Наверное, именно эта атмосфера, одновременно теплая и светлая, которую Плутарх сравнивал с шелковой пряжей, и вызывала навязчивые ассоциации с Грецией. Именно таким я запомнил Кейптаун — как место, где встречаются два океана, город необыкновенной красоты и достоинства, раскинувшийся у подножия горы и пронизанный волшебным светом. Здесь неминуемо должны жить поэты, художники и философы, думалось мне.

За несколько дней до моего приезда в Кейптаун на склонах Столовой горы было обнаружено тело маленького мальчика, и весь город с тревогой обсуждал это печальное происшествие. Новость занимала значительное место на страницах местных газет, о ней судачили на всех перекрестках. Честно говоря, меня это удивило. Одно дело, когда неудачное восхождение на Бен-Невис будоражит такой, в общем-то, небольшой городок, как Форт-Уильям, или очередная альпийская трагедия лишает сна жителей крохотной швейцарской деревушки. Но тот факт, что столь крупный город, как Кейптаун, с его обширными интересами и насыщенной общественной жизнью на протяжении недели не мог говорить ни о чем другом, кроме как о найденном в горах трупе, — это показалось мне странным. Бесконечные обсуждения данной темы в значительной мере сформировали мое отношение к Столовой горе. Вместо того, чтобы со стороны восхищаться безобидным и благодушным великаном, я стал думать о горе как о злобном чудовище, которое время от времени требует кровавых жертвоприношений. На вершину горы ведут несколько дорог, но желание по возможности сократить время подъема заставило меня прибегнуть к помощи канатной дороги.

Стальные тросы толщиной в человеческую руку соединяют подножие Столовой горы с вершиной, которая вздымается на высоту три с половиной тысячи футов. Две маленькие кабинки стартуют одновременно — одна наверху, другая внизу — и медленно ползут навстречу друг другу. Они перемещаются почти по вертикальной траектории — так, что у пассажиров возникает неуютная иллюзия, будто они зависли внутри гироскопа. В качестве компенсации они могут наслаждаться зрелищем крутых обрывов и пропастей, проплывающих внизу, а также видом на город с высоты птичьего полета.

Моими попутчицами оказались две дамы средних лет и девочка, чей малый росточек не позволял даже заглянуть за борт кабинки. Что касается дам, одна из них была высокой, плотного сложения, а вторая — маленькой и болезненной на вид. Первая, как вошла в кабинку, сразу же уселась и вцепилась правой рукой за поручни, а левой прикрыла глаза. В таком положении она и просидела все время, пока мы поднимались к вершине. Зато ее подруга — хрупкое создание неполных пяти футов роста — разглядывала пейзаж с неослабевающим интересом и не переставая восхищалась открывавшимися головокружительными безднами.

— Маргарет, мы скоро уже приедем? — простонала могучая леди, бросая осторожный взгляд из-под растопыренных пальцев.

— Приближаемся к вершине, — откликнулась непрошибаемая Маргарет. — Ты пропустила незабываемое зрелище! Так и кажется, будто можно запустить теннисным мячиком прямо на Эддерли-стрит.

— Лучше мне этого не слышать, — вздохнула ее побледневшая компаньонка.

Канатная дорога заканчивается в небольшом павильоне, где установлен почтовый ящик — вы можете отправить послание друзьям прямо с вершины Столовой горы. Здесь же продают сопутствующие мелочи вроде почтовых открыток и фотопленки.

Выйдя из кабинки, я остановился, чтобы полюбоваться открывавшейся панорамой. Вид был воистину великолепный! Весь Кейптаун лежал, как на ладони, можно было рассмотреть все улицы, сад ван Рибека, порт с доками и остров Роббен посреди Столовой бухты. Береговая линия плавно изгибалась, уходя к северу. Там в легкой дымке виднелись белые фермы и несжатые поля вокруг Малмсбери.

Макушка Столовой горы разительно отличалась от всех прочих вершин, которые мне доводилось видеть в своей жизни. Это не та узкая возвышенность, на которой вы останавливаетесь перевести дух и набраться сил перед утомительным спуском. Здесь раскинулся собственный просторный мир, где проложены прогулочные маршруты в несколько миль, где в определенном месте с обрыва открывается вид сразу на два океана. На вершине Столовой горы вполне можно построить целый город, и уверен, какие-нибудь греки эллинистической поры именно так бы и поступили. Уж они бы не пожалели сил и средств, чтобы возвести здесь южноафриканский Пергам. И не важно, что жителям его приходилось бы по шесть месяцев в году мириться с туманами и штормовыми ветрами.

Неподалеку от фуникулерной станции расположилось небольшое, но очень солидное с виду кафе. Построено оно было из массивных серых камней, словно перенесенных сюда из сассекской деревни. Управлялась здесь одна неразговорчивая официантка, судя по всему, изрядно утомленная глупыми вопросами посетителей, на которые ей приходилось отвечать в течение долгого рабочего дня. Крайне неохотно она сообщила мне, что шесть человек круглогодично проживают на вершине Столовой горы, что иногда здесь бывает холодно, часто ветрено и, конечно же, одиноко.

Мне кажется, любая вершина горы обладает особыми чарами — когда обольстительными, а когда и пугающими, даже вселяющими суеверный страх. Что касается Столовой горы, то я не обнаружил в ней ничего ужасного или отталкивающего. Вершина не выглядит голой и пустынной. Напротив, меня порадовало изобилие здешней флоры и фауны. Повсюду среди обломков скал снуют юркие ящерицы, а приглядевшись, можно увидеть на задворках канатной станции целое семейство симпатичных полосатых мышей. Выглядят

они откормленными и вполне довольными жизнью. Подозреваю, что здесь также водится и множество куда менее симпатичных змей. Присев на ковер из разнообразных диких цветов, я припомнил слова доктора Хатчинсона, который на страницах своей книги «Ботаник в Южной Африке» утверждал, будто склоны этой горы представляют собой цветущий сад.

Кстати, любопытный факт: преодолев долгий подъем на вершину Столовой горы, вы в результате окажетесь на две тысячи триста футов ниже, чем в Йоханнесбурге. Такова курьезная особенность Южной Африки — здесь почти половина страны лежит выше своей знаменитой горы. Величественный горный хребет Капа — а со стороны моря он выглядит очень внушительно — по сути является как бы бастионом, на крыше которого расположились Трансвааль и Свободное государство.

Сидя на вершине Столовой горы и созерцая зеркальную гладь бухты, я размышлял, сколь серьезное влияние на человеческие дела оказало такое простое, казалось бы, растение, как перец. Да-да, именно перец и прочие специи, а также жемчуг и шелк (но в особенности перец!) стали теми сокровищами, которые привели к открытию торгового пути в обход Африки и, как следствие, к основанию первого европейского поселения на Капе. Торговля специями, похоже, является одним из самых древних промыслов на земле. Люди издавна, еще до возникновения письменной истории, занимались перевозкой драгоценных пряностей растительного и животного происхождения с Востока на Запад. Во всяком случае в рецепте приготовления священного елея, который Моисей получил от Бога на горе Синай, упоминались такие знаменитые индийские пряности, как корица, смирна самоточная и кассия. Мы помним также историю Иосифа, проданного родными братьями в рабство. Купившие его

арабы как раз направлялись в Египет с грузом специй для тамошних парфюмеров и бальзамировщиков.

Загляните в самую глубь веков, и вы увидите, как в Малабаре и Траванкаре люди грузят мешки с перцем на спины быков, собирают нард с деревьев на берегах Ганга и Джамны, добывают наносное золото в индийском Дардистане, охотятся за изумрудами и рубинами, ныряют за жемчугом, сушат имбирь, гвоздику и мускатный орех, а затем доставляют все эти ценные товары в великие державы Нила и Евфрата.

В эпоху Древнего Рима западный человек тоже пристрастился к перцу. Данная пряность завоевала небывалую популярность в Европе, и популярность эта не уменьшается с веками. Чуть ли не каждый кулинарный рецепт в знаменитой книге Аписия содержит в себе перец. Более того, древнеримские врачи прописывали его в качестве лечебного средства от малярии. С падением Рима торговля пряностями переместилась в Константинополь и стала источником несметных богатств Византийской империи. После того как Константинополь пал под напором турок, эстафету подхватила Венеция. Можно сказать, что крылатый лев святого Марка стоит, опираясь на восточные специи. Европейские рыцари возвращались из крестовых походов в свои скучные замки и везли с собой маленькие шкатулочки с пряностями. Средневековая Европа вошла во вкус и начала буквально сходить с ума по перцу. И то сказать, надо же чем-то приправлять ужасную солонину и рыбу, которые составляли основу рациона европейской знати в зимнее время. Бароны и графы (не говоря об их женах) мечтали о мускусе и корице, о шелках и жемчугах, о черном дереве и слоновой кости. Дабы удовлетворить их потребности, венецианские галеры совершали регулярные рейсы, и каждая из них привозила на Запад кусочек Востока.

А в это время португальский принц Энрике, лелеявший идею покорения новых земель и потому прозванный Генрихом Мореплавателем, рассуждал следующим образом: если предположить, что Земля действительно круглая, как доказывают некоторые географы, тогда можно попасть в Индию, обогнув Африку, и завладеть богатствами Востока в обход ненасытных венецианцев. Португальские мореходы начали исследовать западное побережье Африки, с каждой экспедицией продвигаясь все дальше на юг. Наконец в 1486 году произошло событие, коренным образом изменившее картину мира. Один из португальских мореплавателей по имени Бартоломеу Диаш попал в жестокий шторм, который закинул его на самый юг Африканского континента, примерно в то место, где располагается современный Порт-Элизабет. Так волею судеб Диаш совершил революционное открытие: он понял, что Африка имеет конечность, которую можно обогнуть. На обратном пути он увидел мыс и назвал его Мысом Штормов. Позже это название — то ли по инициативе самого Диаша, то ли волею Жуана II Португальского — было изменено. Вновь открытому мысу дали имя мыс Доброй Надежды, ибо он сулил удобный морской путь в вожделенную Индию.

Надежды португальцев полностью оправдались одиннадцать лет спустя, когда Васко да Гама действительно обогнул мыс, поднялся вдоль восточного побережья (поскольку все это происходило во время Рождества, то прибрежная область получила название Наталь) и бросил якорь в Каликуте. Этот момент знаменовал собой начало краха Венеции. Былые торговые маршруты утратили значимость, и постепенно вся средиземноморская торговля пришла в упадок. Какое-то время венецианцы не осознавали масштаба постигшей их катастрофы. Затем встревожились, попытались принять меры. Они даже предлагали

пробить Суэцкий канал. А корабли тем временем продолжали двигаться в обход африканского Капа, и все сокровища Востока уплывали в Лиссабон. Затем на сцену выступила Голландия, она тоже пробовала свои силы в этой древней торговле пряностями. Голландцы, надо сказать, оказались способными учениками — со временем они даже превзошли своих португальских учителей. Очень скоро Голландия монополизировала (и сохраняла за собой на протяжении полутора столетий) исключительное право торговли с Востоком. В этой схеме Столовая гора занимала важное место, ибо располагалась как раз на полпути в Индию.

Для человека, только что совершившего 36-часовой перелет в Южную Африку, странно было сознавать, что когда-то тот же самый путь занимал у португальских и голландских моряков без малого полгода. К тому моменту, как они достигали Капа, добрая половина команды погибала от цинги и лихорадки, остальные же были настолько истощены, что едва могли продолжать плавание. Единственным лекарством от этих проклятых болезней служили свежие овощи, сок лимона и хотя бы краткосрочное пребывание на суше. И тогда родилась идея организовать своеобразный плацдарм на Капе, однако этому мешала жесточайшая конкурентная борьба в Индии. Никто не желал тратить время и деньги на долговременные проекты. Надо понимать, что для людей той эпохи южная оконечность Африки — где встречаются два океана и где всегда штормит — казалась несравненно более диким и опасным местом, чем спокойная Вест-Индия или даже далекие американские берега.

И если португальцы рассматривали Кап как край злобных дикарей, которые сидят наготове с отравленными стрелами, то англичане и голландцы прежде всего видели в нем место, где можно запастись свежей водой и полезными травами. А еще они наладили

здесь своеобразное почтовое сообщение: моряки оставляли свои послания под плоскими камнями и надеялись, что какой-нибудь собиратель щавеля обязательно на них наткнется и передаст дальше. Весьма полезное место, однако никто не хотел селиться на Капе. Как-то раз (должно быть, разыграл дух комедии) было предложено, чтобы обе Ост-Индские компании — Голландская и Британская — объединили усилия и построили совместную перевалочную базу для идущих в Индию кораблей. Однако для реализации этого проекта ничего не было сделано. В 1627 году два англичанина скорее из спортивного интереса вскарабкались на Львиный хребет и во славу своего короля Иакова I водрузили там «Юнион Джек». Красивый жест, но не более того. И снова долгое время ничего не происходило. Так продолжалось до самого 1652 года, когда на Капе высадился Ян ван Рибек во главе группы соотечественников. Голландцы возвели временные жилища и стали потихоньку обживать. Развели домашних животных, в небо потянулся дымок, окрестности оживились детскими голосами. Так белый человек пришел на юг Африки.

7

Гостиница моя располагалась в Си-Пойнте, очаровательном пригороде Кейптауна. Ясным летним утром я проснулся с первыми лучами солнца и вышел на балкон. Мне была видна кромка берега, на которую накатывали волны с Атлантики. Я долго смотрел, как они одна за другой бегут издали, изгибаются, на мгновение замирают и затем с шумом разбиваются о прибрежные скалы. Ярко светило октябрьское солнце. По моим ощущениям с каждым днем становилось все теплее и теплее. Несколько постояльцев гостиницы из

числа самых энергичных уже оккупировали пляж. Я обратил внимание, что одна и та же группа людей — в купальных шлепанцах, с огромным медицинским мячом и в сопровождении крайне подвижного пса — ежедневно появлялась на этой полоске травы. Были и другие, еще более решительно настроенные: они с раннего утра плескались в небольшой каменистой бухточке, сообщавшейся с прохладными водами океана. В саду под балконом цветные няньки катали детские колясочки; мальчик-садовник усердно поливал из шланга клумбу алых и белых канн. Время от времени бухту пересекал корабль, державший курс на восток — в Порт-Элизабет, Ист-Лондон или Дурбан.

С дальнего конца балкона я мог видеть блестящую на солнце громаду Львиной Головы. Вокруг нее лепились чистенькие белые виллы и современные корпуса многоквартирных домов. Все строения были обращены фасадами к Атлантике, их окружали аккуратные палисадники, в которых буйно цвели бугенвиллеи, гибискусы и вьющиеся розы хорошо знакомого нам сорта «Дороти Перкинс». Я невольно задумался о благотворном влиянии мягкого климата на жизнь людей. Мне кажется, я бы с удовольствием поселился в подобном месте и тихо наслаждался вечно длящимся летом. Хотя мне часто доводилось слышать жалобы южноафриканцев на здешнюю погоду — как они устали от постоянного слепящего солнца, как жара изматывает и разжижает кровь, как они тоскуют по английскому дождичку — я, хоть убейте, им не верю.

Тихо шурша резиновыми шинами, мимо спешили электрические троллейбусы. Любопытно, что здесь их называют «безрельсовыми трамваями», или же *трембусами* на африкаанс. Когда-то это название бытовало и у нас в Англии, но давно вышло из употребления. А жаль... На мой взгляд, при всей своей странности, оно наиболее точно определяет данный вид

транспорта. И еще одно маленькое наблюдение: уличные светофоры в Южной Африке называют «роботами» (сегодня едва ли кто из англичан вспомнит это архаичное словечко и времена, когда оно использовалось).

Как приятно проснуться солнечным утром, не строя далеко идущих планов и не имея особых дел — если, конечно, не считать делом ознакомительную прогулку по городу. Безрельсовый трамвай доставил меня в центр Кейптауна, на Сент-Джордж-стрит, заполненную в этот час толпами домохозяек. Я с удовольствием наблюдал, как местные дамы прогуливаются по улице, заходят в магазины за ежедневными покупками. Если судить по их внешнему виду, то с этим городом все в порядке. Никакие кризисы или катаклизмы не мешают течению счастливой, цивилизованной жизни. Женщины, которых я видел, выглядели веселыми, здоровыми и довольными, а это, по моему мнению, в немалой степени способствует спокойной и уравновешенной жизни в любой стране мира.

Все население Кейптауна я бы разделил на две группы: белые и люди с кожей самых разнообразных цветов — от желтого до иссиня-черного. Европейцу, привыкшему к более или менее однотипному окружению, легко потеряться среди такого многообразия черт и оттенков. Некоторые из цветных обитателей Капа имеют вполне европейскую форму черепа, но при этом волосы и нос, характерные для банту. Есть и такие, у которых разрез глаз азиатский, а волосы неожиданно светлого цвета. Многие девушек — тоненьких, изящных, двигавшихся с непередаваемой грацией — вполне можно спутать с еврейками или испанками. Цвет кожи у местного населения варьируется в широких пределах. Я видел абсолютно чернокожих негров и мулатов с голубоватой кожей, которых по ошибке можно принять за обычных англичан,

страдающих сердечной недостаточностью. Если говорить о физиогномике, то некоторые из цветных кейптаунцев выглядели живыми, сообразительными и благонравными, черты других предполагали природную склонность к хитрости и вероломству. Попадались и такие, с которыми я ни за что не хотел бы встретиться темной ночью в узком переулке. Среди жителей Кейптауна немало мусульман — это потомки рабов-малайцев, завезенных на Кап во времена Голландской Ост-Индской компании. Хватает здесь и индусов. Вообще, по сравнению с Йоханнесбургом, где преобладает в основном народность банту, разнообразие неевропейского населения кажется просто поразительной.

На каждом шагу мне встречались чернокожие, катившие тележки или переносившие поклажу. Они распахивали передо мной двери гостиницы и обслуживали лифт, на котором я поднимался; они мыли лестницы, застилали постель в моем номере и выполняли прочую неблагодарную работу. Их было так много, что казалось: только черные и трудятся в этом городе. Поэтому я несколько не удивился, узнав, что цветное население Кейптауна составляет двести тысяч человек. Сей факт — сам по себе примечательный — несет различную смысловую нагрузку для разных людей. Антрополог углядел бы здесь обширное поле для научных изысканий, а социальный реформатор — для применения своих теорий. Сентиментальный человек наверняка нашел бы повод прослезиться, а пропагандист воодушевился бы при виде такой благодарной аудитории. Я же как обычный человек, да к тому же иностранец, увидел лишь печальное и пугающее последствие многовекового смешения кровей, характерного для приморского города.

Что касается белых жителей Кейптауна, они, на мой взгляд, ничем не отличались от европейцев — таких,

какими те были накануне последней войны. Я умышленно употребил здесь прошедшее время, ибо нынешние европейцы, увы, уже не выглядят столь веселыми и респектабельными, как кейптаунцы. Африканеры говорят на правильном английском языке, без малейшего акцента или неприятной гнусавости (если не считать склонности произносить «а» как «о»). Я, например, был свидетелем, как одна из девушек, сидя за рулем, говорила подруге: «Сейчас, только при-ПОРК-ую свою МОШ-ину!» Я с непривычки удивился и лишь потом понял, что она всего-навсего собиралась «припарковать машину». Впрочем, этот маленький инцидент не вызвал у меня раздражения. Когда подобное слышишь из уст очаровательной девицы, да еще солнечным утром на Эддерли-стрит, хочется просто улыбнуться.

Первое, что я сделал по прибытии в Кейптаун, это бросил взгляд на вершину Столовой горы: не окутана ли облачной пеленой? Это, кстати, не столь уж редкое явление.

Иногда бывает, что все небо над городом безоблачное, а на Столовой горе примостилась белая подушка. Так и кажется, будто какая-то сказочная тварь ночью выползла из-под земли подышать воздухом, да так и заснула наверху. Полежит себе часик-другой и уползет прочь. А случается, что туча проявляет упрямство и не желает уползть: лежит и лежит и приманивает к себе другие облака. А те и рады стараться — откликаются на зов своей товарки! Местные жители давно изучили все фокусы Столовой горы и с успехом предсказывают погоду по ее виду. Вот такой вот барометр — высотой в три с половиной тысячи футов!

Выйдя из *трембуса* и убедившись, что *робот* мигает зеленым огоньком, я отправился прогуляться по Эддерли-стрит. Первым делом я заглянул в книжный магазин, привлекший мое внимание тем, что на фасаде

его красовалась фигура Шекспира. Это, пожалуй, единственная статуя английского классика во всей Южной Африке. Затем я прошелся еще по десятку магазинчиков и поразился тому количеству новомодных швейцарских часов, которое предлагают кейптаунцам. Я шел и размышлял о счастливой судьбе южноафриканских женщин, живущих в этом благословенном краю. К их услугам шикарные магазины, десятки слуг и, как следствие, неограниченный досуг. Редко кому выпадает такая удача!

Главное мое впечатление от Кейптауна — ощущение красоты и добротности. Думаю, это проистекает из самой истории города. Он строился не в спешке, как другие южноафриканские города, а создавался на протяжении достаточно долгого времени. Это для нас, европейцев, пара-тройка столетий не возраст, а в Южной Африке он знаменует крайнюю древность. Прямая, как стрела, Эддерли-стрит проходит через весь город — начинается у морского порта и тянется до самого парка, расположенного на месте знаменитых садов Голландской Ост-Индской компании. Собственно, эта улица и парк с прилегающими к нему общественными зданиями и формируют внешний облик Кейптауна. Причем в расположении зданий ощущаются чисто греческая гармония и сообразность.

Я вообще не могу припомнить другого города, где бы главные центры интеллектуальной жизни группировались в одном месте и составляли бы столь прекрасный ансамбль. В одном конце парка высится музей Южной Африки, в другом же стоит публичная библиотека, их соединяет центральная аллея. Слева от нее расположилось изысканное белое здание художественной галереи в окружении английского сада с крохотным прудом. И практически напротив, с другой стороны от аллеи, находится здание центрального государственного архива. Парк по сути представляет

собой ботанический сад со множеством цветущих роз и канн, с декоративным кустарником и могучими деревьями, многим из которых перевалило за сотню лет. Тишину летнего дня нарушают лишь воркование голубей да голоса детишек, которых приводят в парк на прогулку. А на заднем фоне маячит окутанная голубоватой дымкой Столовая гора.

Картина настолько изысканная и прекрасная, что становятся понятными мои навязчивые ассоциации с Афинами. Здесь присутствует то самое сочетание дикой, естественной красоты с великолепными пропорциями человеческих строений, столь характерное для древнегреческих городов. Добавьте сюда идеальное соответствие архитектуры яркому солнечному свету, который изливается с небес. Да плюс культурное назначение зданий, которые воплощают в себе торжество человеческого гения, интерес к прошлому и любовь к традициям — все то, без чего самый красивый город превращается в скопление бездушных построек.

От станového хребта Эддерли-стрит подобно ребрам разбегаются остальные улицы Кейптауна, на которых также обнаруживаются достойные внимания здания. Одно из таких зданий — старинный городской дом в классическом стиле, точная копия тех, что строились в Голландии в середине восемнадцатого столетия. На мой взгляд, это одно из прелестнейших строений во всей Южной Африке, и Кейптаун может по праву им гордиться. Вровень с этим зданием я бы поставил и музей рабства, который располагается в самом конце Эддерли-стрит. Хоть данная постройка и относится к гораздо более позднему периоду, ей также присущи достоинство и непогрешимость стиля. Для Кейптауна было бы большой потерей лишиться этого здания.

Здание парламента, застенчиво прятавшееся в глубине дубовой аллеи, произвело на меня странное впечатление. Оно выстроено из розового кирпича и

благодаря этому имеет какой-то трогательно-девический вид. Летней порой, когда лучи солнца ярко освещают кирпичные стены и классический портик с колоннами, все строение приобретает приподнято-праздничный и даже радостный облик, не вполне уместный для здания, где в жарких спорах решается судьба страны. Еще большим разочарованием для меня стал новый кафедральный собор Святого Георгия. Трудно объяснить, с какой стати этот флагман готической архитектуры пришвартовался в здешнем сухом доке, где ему явно не хватает места для маневров. И чем вообще руководствовались создатели собора, когда решили импортировать сумрачный готический стиль под жаркое солнце Южной Африки, где он смотрится совершенно не к месту? Это осталось для меня большой загадкой.

В заключение хотелось бы рассказать о садах ван Рибека, главной достопримечательности Кейптауна. Они спроектированы в Амстердаме почти триста лет назад. Собственно, из-за них-то белый человек и пришел в Южную Африку. В свое время они славно послужили Ост-Индской компании — исправно поставляли свежие фрукты и овощи экипажам голландских кораблей. Сегодня же, выйдя на пенсию, сады стали излюбленным местом отдыха горожан. В кронах старых деревьев распевают свои песни горлицы, на месте прежних грядок с капустой и луком разбиты клумбы с пламенеющими каннами и розами. Неказистый летний домик превратился сначала в гостевой коттедж, а затем и вовсе в резиденцию президента. Неподалеку от него установлена большая клетка с разноцветными мелкими птичками, напоминающая шкатулку с драгоценными камнями. И несомненно, главным украшением этой коллекции служат красные ткачики — забавные крохи с красной грудкой наподобие наших снегирей.

Должен заметить, что жители Капа — фанатичные поклонники чая. Уверен: если в один из дней по какой-либо причине отменят утренний чай, то жизнь в Кейптауне попросту замрет. А можно ли придумать лучшее место для 11-часового чаепития, нежели старый сад? Это несказанное удовольствие — сидеть с чашечкой ароматного напитка в тени столетних деревьев и слушать журчание ручья и воркование голубей, рассеянно скользя взглядом по вздымающейся вдали громаде Столовой горы. А еще здесь назначают свидания все юные влюбленные Кейптауна и выгуливают вот уж которое поколение местных ребятишек. Дети резвятся в тенистых аллеях, а цветные няньки в это время сидят на скамеечках, вяжут бесконечные свитеры и обмениваются последними новостями. Ну чем не Кенсингтонские сады на юге Африки?

8

В нижнем конце Эддерли-стрит высится памятник ван Рибеку. Основатель южноафриканского государства стоит на пьедестале и задумчиво смотрит на Столовую гору. Чтобы узнать, как на самом деле выглядел этот человек, достаточно посмотреть на его портрет в амстердамском Рийкс-музее. Глядя на суровое, самоуверенное лицо ван Рибека, мы понимаем: он как нельзя лучше подходил для освоения враждебного, дикого края, каковым в то время представлялась Южная Африка. Он был решительным, упорным и предприимчивым человеком, а его преданность интересам Ост-Индской компании не вызвала никаких сомнений. Ван Рибек являлся достойным представителем безжалостного меркантилизма, утвердившегося в то время в Европе.

О его десятилетнем самоотверженном труде на Капе хорошо известно по многочисленным письменным источникам, а вот с ранними годами жизни ван Рибек, полагаю, знакомы немногие читатели. Ван Рибек родился в маленьком голландском городке Кулемборг, что в пятнадцати минутах езды от современного Утрехта по арнемской линии. Вокруг простирается плоская равнина, на которой пасутся стада черно-белых коров — пасторальный пейзаж, типичный для Гельдерланда. Шеренги стройных тополей служат оградой для персиковых и яблочных садов, кое-где виднеются негустые перелески. Как это часто бывает в Голландии, роль гор на себя берут облака: золотыми грядами громоздятся они над плоской землей, и небо — отражаясь в многочисленных каналах, пересекающих поля во всех направлениях — добавляет золотисто-голубые краски в неизменно зеленую палитру голландского ландшафта. Такова была мирная и сонная земля, на которой вырос ван Рибек. Она разительным образом отличалась от диких гористых берегов Южной Африки, куда судьба забросила нашего героя.

Кулемборг с тех пор состарился, но умудрился сохранить свой средневековый облик. Он не оброс громоздкими окраинами, не превратился в промышленный центр. Если бы ван Рибек заглянул в современный Кулемборг, он, несомненно, узнал бы родной город: ведь многие старинные здания сохранились до наших дней практически неизменными. Нынешние земляки ван Рибек — девять тысяч горожан — зарабатывают на жизнь производством мебели, сигар и нехитрой упаковки для этих сигар.

Вы попадаете в город через массивные ворота (во времена ван Рибек их было несколько, но уцелели только одни). Миновав изогнутую арку, вы оказываетесь на широкой главной улице, вдоль которой выстроились крохотные магазинчики и кафе под высокими

черепичными крышами цвета герани. За поворотом открывается вид на рыночную площадь, посреди которой возвышается изящное здание из красного кирпича. В ту пору, когда маленький босоногий ван Рибек бегал по улицам родного города, этому зданию уже было не менее ста лет. Пусть вас не вводит в заблуждение ступенчатый фронтон, купол и церковного вида башня. Это всего-навсего ратуша, и мне рассказывали, будто ее построили в 1534 году по заказу рыцаря, выдававшего дочь замуж за одного из правителей Кулемборга.

В нескольких сотнях ярдов от города протекает река под названием Лек, приток Нижнего Рейна. Небольшая, в общем-то, речушка, но ее вод хватало, чтобы заполнить оборонительный ров вокруг Кулемборга, а также крепостной ров, который окружал маленький замок с остроконечными башенками. Сегодня от этого замка не осталось ни следа, а некогда он служил жилищем графов Кулемборг. До самого конца восемнадцатого века они правили городом на манер средневековых баронов. На территории их вотчины нидерландское право не действовало, и, как следствие, сюда стекалось множество людей, по тем или иным причинам вступивших в конфликт с законом. Все они находили прибежище в Кулемборге. Подобное положение вещей сохранялось до 1795 года, когда французские захватчики положили конец автономии Кулемборга и насильственно поставили его в ряд со всеми прочими городами революционной Голландии.

Тем не менее горожане и поныне с любовью вспоминают графов Кулемборг, которые, между прочим, имели странную привычку оставлять после себя посмертные портреты. Загляните в местный сиротский приют, и здесь в темном зале с массивными дубовыми балками вы увидите удивительную галерею полотен: каждое из них изображает одного из правителей

Кулемборга на смертном одре. Череди бледных лиц с заостренными бородками, темные бархатные костюмы с высокими кружевными воротниками. Все эти джентльмены бесследно сгнули в круговороте истории, однако имя их сохранилось в титуле графини Кулембург, который в числе прочих носит королева Голландии.

Здесь же, в Кулемборге, родился и Антони ван Димен, чьим именем была названа Вандименова земля, позже переименованная в Тасманию. Вполне возможно, что и ван Рибек назвали Антони в честь его знаменитого соотечественника, который дослужился до поста генерал-губернатора голландских владений в Ост-Индии. Справедливости ради надо заметить, что сам ван Рибек не слишком любил это имя и предпочитал зваться Яном. Как бы то ни было, Кулембург по праву гордится своими славными сыновьями. Мне показывали медный подсвечник, который ван Рибек, будущий основатель Капской колонии, подарил церкви Святой Варвары перед своим отплытием в Южную Африку. Побывал я также на Каттен-стрит и полюбовался на группу из трех ничем не примечательных зданий (сейчас в них живут семьи ремесленников). Мне объяснили, что раньше здесь стоял дом, в котором в 1618 году родился Ян ван Рибек. Надо думать, не маленький это был дом, раз занимал столько места. К сожалению, от него ничего не осталось, кроме резной головы льва, специально сохраненной на фасаде одного из зданий.

В семнадцатом столетии Кулембург по-прежнему оставался самостоятельным средневековым городом — с крепостной стеной и защитным рвом. Сидя в своей фамильной цитадели, графы Кулембург правили округой, регулировали движение по реке Лек, а в свободное время охотились в ближайших лесах. Должно быть, юный ван Рибек неоднократно наблюдал, как блестящая кавалькада рыцарей — с благородными борзыми и ловчими соколами на запястьях — выезжала

из замка и под звуки охотничьих рожков устремлялась в окрестные поля. Эти люди привносили в скучную жизнь буржуазной Голландии семнадцатого века некий оттенок благородного безумия и блестящего расточительства. Они казались посланцами из другой эпохи — яркого и романтического Средневековья.

Сам ван Рибек происходил из вполне уважаемого семейства. Его мать звали Элизабет ван Газбек, она умерла в 1629 году и была похоронена на церковном кладбище городка Шидам. Известно, что отец ее занимал пост бургомистра Кулемборга. А поскольку ван Димены также входили в городской совет, то можно с уверенностью утверждать (хоть этот факт нигде и не задокументирован), что ван Рибек, ван Газбек и ван Димены были хорошо знакомы между собой.

Что касается отца Яна ван Рибек, то полагают, будто он был морским капитаном и на момент рождения сына находился в плавании. И действительно, он никак не проявлялся на протяжении всей жизни ван Рибек. Говорят, будто он умер в Бразилии в 1639 году и был погребен в церкви Святого Павла города Олинда, штат Пернамбуку. Таким образом, Ян ван Рибек лишился матери в возрасте одиннадцати лет и отца, когда ему было двадцать один год. Голландский историк и писатель, доктор Э. К. Годи-Молесберген, который исследовал ранний период жизни ван Рибек, сообщает, что после окончания кулембургской школы юноша получил специальность цирюльника-хирурга и устроился на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию. Причем он допускает, что произошло это не без помощи Антони ван Димена, который в 1636 году занимал пост генерал-губернатора Ост-Индии. Три года спустя, когда ван Рибеку было 21, он уже числился по бухгалтерским книгам Ост-Индской компании помощником судового

хирурга с ежемесячным окладом в двадцать два гульдена.

Мне неизвестно, появлялся ли ван Рибек в родном городе после своего отъезда в 1651 году. Но во всяком случае его дар в виде тяжелого подсвечника доказывает, что он был патриотом Кулемборга. Остается добавить, что в наши дни в городе и его округе не осталось ван Рибеков. Не обнаружил я такой фамилии и в телефонном справочнике Амстердама. Поэтому вполне допускаю, что голландская линия ван Рибеков окончательно пресеклась.

Странно было гулять по современному Кейптауну и размышлять о Кулемборге — как, несомненно, это делал в свое время ван Рибек. Наверняка ведь, когда он смотрел на Столовую гору или же на зазубренные горные вершины Готтентотской Голландии, по контрасту ему вспоминались плоские луга и низкие берега Лек, по которым он бегал в детстве.

На долю его родного Кулемборга выпало немало испытаний. В Средние века здесь побывало множество английских и шотландских наемников, и их имена — пусть в измененном до неузнаваемости виде — до сих пор сохраняются в фамилиях местных жителей. Например, здесь живет семья Киннегинов. Если проследить ее корни, то мы наверняка выйдем на шотландского предка по фамилии Каннингем, который в 1580 году служил в Кулембургском гарнизоне в чине лейтенанта. В последнюю же войну город стал объектом пристального внимания германской армии, ибо мост через Лек рассматривался как важный стратегический объект в этой части Голландии. Кулембургские старожилы до сих пор вспоминают, какой шум и грохот доносился со стороны Арнема в ночь парашютного десанта.

А затем пришли войска союзников, и их встречали с распростертыми объятиями. Первый солдат, который

появился под стенами города, был канадцем. Его мало того что обняли-расцеловали, так еще и запретили идти пешком. Вы не поверите, но жители Кулемборга привезли его в город на корове!

9

На мой взгляд, совсем неглупо начать длительное путешествие в Южную Африку с посещения Амстердама. Помимо удовольствия, которое вы получите от созерцания старого города с его бессмертными каналами, тут можно составить достаточно точное представление о поколении первых африканеров, ибо они как две капли воды похожи на тех голландцев, что сегодня толпятся на амстердамских набережных.

В семнадцатом столетии Голландия создала два важных очага новой жизни — так сказать, посеяла семена собственной культуры. Один из них в Америке (все помнят, как возник Нью-Йорк), а второй в южноафриканском Кейптауне. Оба города имеют идентичное происхождение и много общего в развитии. Фактически, если заглянуть в письменную историю Нью-Йорка и Кейптауна, то можно обнаружить множество сходных эпизодов. Интересно, что здания, в которых зарождались эти два города, все еще стоят в центре Амстердама.

На набережной принца Хендрика располагается старинное здание Вест-Индской компании, в настоящее время приспособленное под складские и жилые помещения. Это массивное пятиэтажное строение с многочисленными узкими окошками и высеченной на фронте датой «1641». На верхнем этаже до сих пор сохранились ворота, с помощью которых в свое время поднимали на склады шкуры бобров — основной продукт

обмена между индейцами-ирокезами и первыми жителями Манхэттена.

В десяти минутах ходьбы, на углу Ауде Хоогстраат и Кловенирбургваль, стоит и Дом Ост-Индской компании. На самом деле это целый комплекс строений с очень красивыми фасадами. Старые склады давным-давно сгорели, но я постоял на берегу канала, где некогда разгружались баржи с драгоценным грузом мускуса, амбры, корицы, гвоздики и мускатного ореха. За углом Ауде Хоогстраат высится старинная арка, которая ведет в мощный четырехугольный дворик. Его обрамляют красно-белые кирпичные здания в неоготическом стиле. Это и есть штаб-квартира Голландской Ост-Индской компании. Сейчас здесь располагается налоговое ведомство — весьма многолюдное учреждение, и в дневное время весь двор забит велосипедами. Зато вечером, когда служащие разъезжаются по домам, мы можем увидеть здание Ост-Индской компании таким, каким оно было в эпоху ван Рибек. Именно здесь ему выдавали инструкции по организации перевалочной базы на мысе Доброй Надежды.

В качестве корабельного хирурга ван Рибек должен был часто посещать штаб-квартиру компании, ведь именно тут хранились все лекарства и медицинские приспособления. Штатные аптекари, сидевшие в помещении рядом с часовой будкой, укомплектовывали специальные лекарские сундучки, которые затем использовались хирургами торговых судов, а также на всех постах и факториях Ост-Индии.

Ван Рибек родился в 1618 году, в конце так называемой елизаветинской эпохи. Со смерти Шекспира прошло два года, в том же самом году был казнен сэр Уолтер Рэли. Эра великих географических открытий миновала, и наступил период их коммерческого освоения. Все то время, что маленький ван Рибек рос в Кулемборге, на просторах Яванского моря бушевала

война за монополию в торговле пряностями. Началось с того, что голландские торговые суда стали грабить прибрежные португальские форты. Затем борьба разгорелась уже на море: британские и голландские корабли забрасывали друг друга пушечными ядрами, и одновременно дипломаты конкурирующих стран усиленно интриговали при дворах султана и раджи.

К тому моменту, как повзрослевший ван Рибек устроился служить на флот, первая фаза войны за пряности завершилась, и Голландская Ост-Индская компания вышла из нее победительницей. Она превратилась в самую богатую в мире коммерческую организацию. Британская Ост-Индская компания проиграла, и ей приходилось довольствоваться крохами со стола более могущественной соперницы. Что касается всех прочих Ост-Индских компаний, то их, можно сказать, и не существовало. Генерал-губернатор Батавии играл роль могущественного вице-короля, он подчинялся только Совету Семнадцати (так именовался совет директоров Ост-Индской компании), который заседал на Ауде Хоогстраат и правил разветвленной торговой империей.

В 1651 году, когда было принято решение о создании перевалочной базы на Капе, Голландия переживала пик своего золотого века. В мире не было другой страны, столь богатой, счастливой и спокойной (ибо политические и религиозные противоречия в то время еще не раздирали голландское общество). Голландия выглядела очень самоуверенной и зазнавшейся. Что ж, она могла себе это позволить. Она уже успела учредить по всему Востоку целую сеть торговых пунктов и теперь спокойно пожинала плоды в виде 40-процентного годового дохода. Призрак грядущего банкротства, если и маячил, то где-то в неопределенном (и таком неправдоподобном) будущем. Ее непосредственная конкурентка Британия переживала не лучшие времена.

Англичане совсем недавно казнили своего короля. В том самом 1651 году Карл II короновался в Скуне, был наголову разбит Кромвелем и изгнан из страны. Франция пылала в огне гражданской войны. Испания и Португалия переживали явственный упадок. Германия лежала в руинах, опустошенная Тридцатилетней войной. Турция хищно посматривала в сторону обессиленной Европы и лелеяла планы ее завоевания. На этом мрачном фоне лишь Голландия преуспевала — веселая и счастливая страна знаменитых художников и пряностей.

Кстати, о художниках. Радостный подъем, царивший в Голландии, запечатлен на сотнях живописных полотен. Это и картины Питера де Хооха, который любил изображать добропорядочных голландских домохозяек, начищающих медные котлы и сковородки в кирпичных интерьерах. И работы Брейгеля, где стар и млад несутся на коньках по заснеженным каналам: развеваются на ветру полосатые шарфы, вдалеке маячат красные черепичные крыши, ветряные мельницы и церковные шпили. А рядом висят картины Тенирса, на которых пьяные гуляки целуются возле кабаков со своими шлюхами. Все это Голландия — многоликая и разнохарактерная, как всякая страна. И все-таки в первую очередь облик Голландии определяли торговые короли — те самые пожилые неулыбчивые джентльмены в белых кружевных воротничках, которые солидно восседают на портретах рядом со своими чопорными женами.

Итак, ван Рибек бродил по набережным и вербовал добровольцев, желавших отправиться в Южную Африку. А что же происходило вокруг? Рембрандт только-только переехал в собственный дом со ставенками на Бредестрат; Франс Хальс, этот старый семидесятилетний Фальстаф, распродал имущество, чтобы расплатиться с булочником; Вермееру недавно исполнилось двадцать лет, а де Хооху стукнуло

тридцать четыре; что касается, Вауэрмана, то он уже всюду рисовал белых лошадей. Такова была бессмертная Голландия, из которой впоследствии выросла Южная Африка.

На тот момент, когда ван Рибек предстал перед Советом Семнадцати и согласился обустроить перевалочную базу на Капе, он был уже вполне опытным мореходом, успел объездить полмира по делам компании — от Гренландии до Японии. Как-то, возвращаясь домой из Батавии, он даже успел побывать на Капе и три недели провел в тех местах, где в будущем ему предстояло налаживать новую жизнь. Он застал там группу соотечественников — моряков с корабля «Харлем», потерпевшего крушение возле Столовой бухты. Уцелевшие члены команды вплавь добрались до берега и расположились лагерем приблизительно в том месте, где ныне находится Грин-Пойнт Коммон. Они уже успели разбить небольшой огородик и занимались тем, что просушивали пострадавшие от морской воды специи. Ван Рибек изучил окрестности Столовой горы и по прибытии в Амстердам со знанием дела изложил перед Советом свои «соображения и критические замечания» по поводу предполагаемого мероприятия.

Не составляет большого труда вообразить себе сцену, разыгравшуюся в зале заседаний дома Ост-Индской компании. Здесь собрались семнадцать директоров, и мы хорошо их себе представляем благодаря полотну Рембрандта «Синдики цеха суконщиков» — умные, заинтересованные лица с вандейковскими бородками, белоснежные крахмальные воротники, широкополые шляпы и бархатных штаны до колен, перевязанные атласными ленточками. Они с жадностью допрашивали своего преданного слугу (ван Рибек действительно всю жизнь преданно служил родной компании).

Вполне возможно, что в ходе этой дискуссии коснулись и Манхэттенского острова, успешного проекта Вест-Индской компании. За двадцать пять лет до того она сумела заложить на американских берегах собственную базу, ставшую как бы прообразом Капской колонии. Ее основатель Питер Минуит (человек, во многом похожий на ван Рибек) построил на Манхэттене земляную крепость и в предвидении великих торговых перспектив нарек ее «Фортom Дoбpoй Надежды». На месте того скромного форта сегодня располагаются новое здание Таможенного управления и Бэттери-парк. Поселение Минуита получило название Новый Амстердам. Землю под него выменяли у краснокожих аборигенов на горстку бус стоимостью в шесть фунтов. Да уж, подобные сделки делают честь голландским торговцам. Если бы подобное удалось повернуть и с племенами готтентотов, то уж будьте уверены, что ван Рибек затмил бы славу Питера Минуита!

Однако между Капом и Новым Амстердамом имелась существенная разница. Хотя и тот, и другой строились для обслуживания кораблей компании, но Новый Амстердам имел права торговой фактории, в то время как Капская колония представляла собой большой огород и станцию для выращивания свежего мяса. Тем не менее с точки зрения Семнадцати, американский опыт мог оказаться чрезвычайно полезным в новом начинании. В частности, их тревожила излишняя самостоятельность манхэттенских голландцев. Вместо того, чтобы верой и правдой служить пославшей их организации, они норовили наладить собственный бизнес, а подобное почиталось одним из самых страшных грехов в Компании. Мало того, эти заморские служащие имели наглость обвинить в растрате одного из управляющих и донести свои обвинения до Амстердама. Кроме того, директорат Компании весьма тревожила тенденция, в соответствии с которой их

служащие стремились из торговцев перекавалифицироваться в *буров*, то есть в свободных фермеров. Эти их фермы (или «бури» по-нидерландски) уже расползлись по всей территории колонии. Память о них сохранилась в англазированном названии нью-йоркского района Бауэри. И не исключено, что в тот миг, когда ван Рибек выслушивал строгие внушения о недопустимости подобных явлений на Капе (ах, если б они еще помогали делу! Так ведь нет, все самоуправства в полном объеме повторились на африканской почве), в Компанию уже поступила петиция от новоамстердамских буров, в которой те требовали предоставления бюргерских прав. Попутно отметим, что «американцы» добились-таки своего: испрошенная привилегия была им дарована на следующий год, как раз когда ван Рибек высадился на Капе.

Итак, повторяюсь: подобные вопросы почти наверняка обсуждались на том достопамятном совещании директората. Ибо правление Компании во что бы то ни стало желало избежать подобного развития на мысе Доброй Надежды. Им не нужен был новый город, который затем перерастет в колонию — со всеми вытекающими последствиями в виде дополнительных расходов и скандальных судебных процессов. Компания хотела получить обычную корабельную стоянку, где проходящие суда могли бы запастись мясом и свежими овощами. И никакого развития, никакой чепухи вроде свободного фермерства! Только продукты! И желательно по минимальной цене. Это были очень жесткие условия, но ван Рибеку пришлось на них согласиться. Впрочем, он не слишком горевал. Как человек бывалый, поездивший по белому свету, он, конечно же, знал десятки способов обойти требования Компании. Не удивлюсь, если у ван Рибека имелись собственные представления о том, как надо вести дела в

Африке. Однако ему хватило ума держать свои соображения при себе.

В декабре 1651 года все было готово. Сотня добровольцев с ван Рибеком во главе погрузилась на борт обычных торговых судов и отчалила от голландских берегов. Караван держал курс на Батавию. Ван Рибека сопровождали жена — Мария де ла Келлери, представительница старинного гугенотского рода, и их годовалая дочь. Вместе с ними отправились в путь две племянницы ван Рибека — Элизабет и Себастьяна ван Опдорп. Помимо названных дам, в экспедиции присутствовали еще две женщины. Одна из них — Аннет Боом, являлась женой садовника, а вторая ехала со своим мужем — законоучителем, или катехизатором, как их называли. Несчастливая женщина заметно нервничала, и было от чего: два месяца спустя ей предстояло произвести на свет сына — первого белого европейца, рожденного на южноафриканской земле.

Когда мы размышляем о судьбе подобных экспедиций, то больше всего сокрушаемся о судьбе женщин. Еще бы, оторванные от европейской цивилизации, от привычного домашнего уклада, они ехали в незнакомые края, где им предстояло обустраивать хозяйство и воспитывать детей в окружении диких зверей и кровожадных дикарей. И не забудем: в семнадцатом столетии мир был еще далеко не изучен, сведения о нем представляли причудливую мешанину из реальных фактов и фантастических выдумок. Путешественники из уст в уста передавали страшные истории, многие из которых восходили еще к Средним векам. Требовались недюжинная смелость и преданность высшим идеалам, чтобы пуститься в длительное морское путешествие со всеми его опасностями и неудобствами, а затем, по прибытии на место, оказаться перед лицом еще больших сложностей. Ибо женщинам этим предстояло решать труднейшую

задачу: дать нормальное воспитание детям в абсолютно ненормальных условиях. Колониальная жизнь — с ее охотой и рыбалкой, с неизбежной неразберихой и беспорядком — относительно приемлема для мужчин. Женщине же очень трудно учить детей словам молитвы, когда вокруг дома рыщет голодный лев, трудно наводить уют в доме, если дома как такового не существует.

Стоя на набережной в Амстердаме, вы можете легко вообразить себе тот зимний день, когда партия ван Рибека покидала родной город. Лично я увидел все воочию — как если бы рассматривал живописное полотно в Рийкс-музее. Небольшая флотилия Ост-Индской компании медленно продвигается по длинному извилистому каналу к Зайдер-Зей. В хвосте тянутся три маленьких корабля, снаряженные на Кап. Пассажиры столпились на палубе, они глядят на туманные очертания родного города, оставшегося позади. На фоне серого неба выделяются крылья ветряных мельниц, скопление голых мачт и стройные башни церковной звонницы. Из труб поднимается дымок, ветер доносит его запах. Вдоль канала тянутся судостроительные верфи, где раздается деловитый перестук молотков. На набережной сгружены тюки, баулы и ящики, доставленные с островов Пряностей; тут же навалены бобровые шкурки и древесина гикори с Западных островов, где среди заснеженных елей бродят матерые лоси, а краснокожие индейцы бесшумно скользят по рекам в своих легких скорлупках из серебристой бересты.

Путешественники бросают последний взгляд на Схрейерсторен, «Башню плача», где обычно собираются толпы провожающих. Именно сюда приходят жены и подруги моряков, чтобы в последний раз попрощаться с возлюбленными, помахать вслед уходящему кораблю и помолиться об его благополучном возвращении.

И никто в тот момент, когда три судна ван Рибекы — «Дромадер», «Рейхер» и «Хууде» — медленно исчезали за горизонтом, не думал, что они несут в себе зерно новой жизни. А между тем в бессмертных анналах истории все уже было предначертано — и *вуртреккерские* вагоны, установленные на земле Наталя; и ассегаи, со свистом летящие в буров и англичан; и ответные пули, вылетающие из лагерных повозок; и роковая поездка Питера Ретифа в Умгунгундхлову; и бешеная скачка Дика Кинга, спешащего за подмогой в Грейамстаун; и карательный рейд доктора Джеймсона; и мечты Сесила Родса о заповедных землях в глубине континента; и дядюшка Пауль, вершащий правосудие на веранде своего особняка... Бота... Херцог... Смэтс.

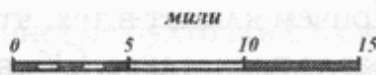
Всевидящее око Времени уже прозревало все эти события, которым еще только предстояло свершиться в будущем.

10

Как иностранец могу заявить со всей ответственностью: трудно найти место, более запутанное в топографическом отношении, чем Кейптаун. Узкий гористый полуостров, протянувшийся на тридцать миль к югу от Кейптауна, омывается с одной стороны Индийским океаном, а с другой — Атлантическим. Бедные приезжие туристы постоянно путают океаны, им требуется несколько дней, чтобы привыкнуть к подобному положению вещей. А происходит это, на мой взгляд, оттого, что на карте Капский полуостров выглядит совсем крохотным, почти невидимым. И когда мы читаем о кораблях, «огибающих мыс», то мысленно представляем себе Столовую бухту и забываем, что эту самую бухту от мыса Доброй Надежды

отделяет более тридцати миль. Например, Диаш, заброшенный штормом на южную оконечность полуострова, даже не подозревал о существовании Столовой бухты и обнаружил ее лишь на обратном пути. Возвращаясь домой, он снова обогнул мыс, проделал тридцать миль на север и только тогда очутился в месте, где ныне располагается Кейптаун.

КАПСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

С тех пор, как построили Марин-драйв — великолепное приморское шоссе вдоль Атлантического побережья (оно, кстати, сильно напоминает мне Корнуолльскую дорогу на юге Франции) — поездка к мысу Доброй Надежды изрядно упростилась. Спускаешься по «атлантической» стороне полуострова, несколько часов проводишь на месте, а затем возвращаешься по «индийской». По дороге — как туда, так и обратно — проезжаешь ряд небольших городков. Причем климат в тех, что на Атлантическом побережье, гораздо прохладнее. Объясняется это разницей воды в двух океанах: в Индийском она градусов на десять-пятнадцать выше, чем в Атлантическом. Южноафриканцы с удовольствием катаются на байдарках и загорают на атлантическом побережье, а вот купаться предпочитают в Индийском океане. Это побережье знаменито своими песчаными пляжами Мюзенберга.

Я тоже решил прокатиться до мыса Доброй Надежды, благо погода стояла прекрасная — ярко светило октябрьское солнце. Я двинулся по Марин-драйв, которая тянулась вдоль подножья гор. Справа, буквально в нескольких ярдах, дорога обрывалась к океанскому побережью, и я мог на ходу любоваться маленькими бухточками, где изумрудные волны набегали на белый песок.

Похоже, такой сложный ландшафт не является помехой для местных архитекторов. Когда дело доходит до строительства бунгало или шале, никакой подъем не кажется им слишком крутым, никакая скала — слишком отвесной. Некоторые постройки на этом побережье, подобно козам, карабкаются в гору. Другие же, напротив, резко ныряют к океану, оставляя на уровне дороге лишь гаражи. Все вместе создает легкую и праздничную атмосферу, столь знакомую мне по французской и итальянской Ривьере. При том что я

никогда не бывал в Калифорнии, могу сказать: если с чем и можно сравнить Капский полуостров, то только с Ривьерой.

Люди загорали, лежа на песке, или же прогуливались у самой кромки прибоя. Дети играли с собаками, оглашая пляж громкими радостными криками. И весь этот праздник жизни происходил на фоне синеющих вдалеке гор, которые резко обрываются в море.

Просто не верится, что я в Африке. Подобную картину вполне можно наблюдать в Сан-Тропезе с легким оттенком Корнуолла (особенно, когда набегают теплая волна). Однако это Африка!

Вскоре маленькие каменистые бухточки с их прелестными виллами остались позади, и дорога углубилась в более дикую местность. Теперь с одной стороны от меня по-прежнему тянулся океан, а с другой высились горные хребты. Их острые, резко очерченные вершины носят название «Двенадцать апостолов». Между ними пролегали неширокие долины, будто залитые грейпфрутовым соком, но порой они казались голубоватыми, а временами отливали фиолетовым. В безоблачном небе парил ястреб, высматривая невидимую добычу. С океана по-прежнему накатывали пенящиеся волны. Они на мгновение замирали перед прибрежной каменной грядой, а затем со всего размаха обрушивались в изумрудную лагуну. Я безмолвно восхищался этим узким полуостровом, который столь удачно сочетает в себе океан, горы и щедрое, жаркое солнце.

Проезжая мимо одной такой бухты, укрытой меж каменистых утесов (ну чем не Малион), я бросил взгляд вниз и рассмотрел компанию цветных ребятишек, которые с увлечением плескались на мелководье. Их тела демонстрировали всю палитру цветов — от золотисто-коричневого до лимонно-желтого. Примерно

через полмили дорога резко сворачивала вглубь полуострова, и прямо перед поворотом обнаружился маленький городок с названием — вы наверняка не поверите! — Лландидно. Он уютно расположился на берегу крохотного заливчика, к которому вела одна-единственная дорога. Казалось, будто городок намеренно спрятался от остального мира за оградой из прибрежных скал и горных хребтов.

Долина, тянувшаяся к Хаут-Бей, была усеяна холмиками из белого, как снег, зыбучего песка. Меж ними росли деревья с узкими листьями серебристого цвета. Сразу вспомнилось, как в детстве один из моих дядюшек приезжал из Индии и привозил мне такие листья в подарок — я их использовал в качестве книжных закладок. Если порыться, наверное, и сейчас можно обнаружить сотни таких бархатных серых листиков в семейной Библии.

Дорога теперь пролежала по горному ущелью, по обе стороны от меня высились горные вершины, а океан лишь иногда мелькал вдалеке. Нависавшие скалы временами закрывали солнце, и я попеременно ехал то по ярко освещенным, то по тенистым участкам. Вскоре ущелье расширилось в пологую долину, и, свернув на запад, я выбрался к живописному заливу Комметье. Взору моему открылся обширный пляж с удивительно белым, даже серебристым песком. Ах, это была та самая картинка из приключенческих романов, которыми я зачитывался в детстве. Не хватало лишь трехмачтовой шхуны да шайки бородатых пиратов, закапывающих на берегу кованый сундучок. Зато неподалеку располагался охотничий заповедник, и именно там состоялась моя первая встреча с животным миром Южной Африки. На небольшой полянке, пятнистой от солнечных лучей, неподвижно стояли две антилопы канна. Издали они напоминали каменные изваяния.

Собственно, мыс Доброй Надежды представляет собой узкую скалистую полосу, которая вздымается на девятьсот футов над уровнем моря. Здесь всегда, даже теплым летним днем, дуют сильные ветры и волны яростно разбиваются о каменистый берег. В самой верхней точке, на краю обрыва стоит старый маяк. Когда-то он считался самым мощным маяком в мире — восемьдесят тысяч свечей, виден за восемьдесят километров. Сегодня, однако, он уже не действует, а вместо него у подножия утеса построен Новый Кейп-Пойнтский маяк.

Сверху открывается поистине великолепный вид. Взгляд мой перебегал с маленьких укромных бухточек (в прошлом отличного убежища для контрабандистов) — где волны бились о скалистые берега, а морские птицы с криками носились над поверхностью воды — на каменный хребет полуострова, протянувшийся на север до самой Столовой горы. Мыс Доброй Надежды, как и все подобные места, окутывает особая атмосфера некоей драматической завершенности — здесь заканчивается обитаемый мир. Ну и, помимо этого, туристы наслаждаются сознанием, что находятся на самом прославленном, самом известном в мире мысе.

У этого мыса дурная репутация. Стоя здесь, невозможно не думать о внезапных ураганах, которые неожиданно налетают посреди ясной погоды — так и кажется, будто два океана, западный и восточный, что-то не поделили между собой и затеяли ссору. В такие мгновения корабли спешат укрыться в относительно безопасной Столовой бухте и переждать шторм. Невольно на память приходит мрачная картина: ночь, страшная буря, и пятьсот британских моряков, которые стоят навтыжку на палубе «Биркенхеда», пока их жены и дети грузятся на спасательные шлюпки.

— Знаете, — рассказывал мне смотритель маяка, — иногда для развлечения посетителей я проделываю

такую штуку: сбрасываю с утеса пустую бочку и жду, когда встречный ветер снизу подхватит и выбросит ее обратно! Публике нравится. Вам надо прийти сюда ночью, когда дует настоящий штормовой ветер. Тогда скорость восходящего потока достигает сотни миль в час!

Я поинтересовался, доводилось ли ему видеть «Летучего Голландца», и к своему разочарованию, получил отрицательный ответ. Дело в том, что это величайшая морская легенда всех времен и народов. Вы тоже, наверное, слышали историю о капитане, который за свои злодеяния был обречен вечно скитаться вокруг мыса, не имея возможности причалить к берегу. Полагаю, в ней отражается тот суеверный ужас, который это место вселяло в души первых мореплавателей. Существует несколько версий относительно личности того злополучного капитана. Голландцы утверждают, будто звали его ван дер Деккен (хотя некоторые склоняются к фамилии ван Страатен), немцы же настаивают на имени фон Фалькенберг. Как бы то ни было, все рассказчики сходятся в одном: капитан, как бы его ни звали, играл в кости с дьяволом под заклад собственной души.

Вальтер Скотт заинтересовался данной легендой и раскопал следующую историю. Якобы был такой корабль, что вез груз золота. И вот на борту его приключилась беда — то ли свершилось злодейское убийство, то ли возникла вспышка неведомой болезни, мнения на сей счет расходятся. Все окрестные порты прознали об этом и отказались принимать судно в своих гаванях.

Однако больше всего меня поразил следующий факт, связанный с «Летучим Голландцем». Оказывается, корабль-призрак видели в 1881 году, причем вдалеке от его традиционного «места обитания». Сохранились письменные свидетельства об этом событии, и не кого-

нибудь, а будущего короля Георга V и его брата, принца Альберта-Виктора (впоследствии герцога Кларенса). Оба юноши в тот период служили гардемаринами на борту британского военного корабля «Вакханка».

Молодые принцы успели посетить колонию в Южной Африке и должным образом отреагировать на ее проблемы. После этого их корабль в составе эскадры направился к австралийским берегам. Вопреки всем приметам (согласно которым повстречавших «Летучего Голландца» ожидают всяческие беды) неприятность с «Вакханкой» произошла еще до встречи с фантомом. На подходе к Мельбурну корабль перестал слушаться руля, и высокопоставленных курсантов срочно перевели на другой корабль эскадры под названием «Инконстант».

Мы листаем пожелтевшие страницы походного дневника и узнаем, что за два дня до отплытия принцам преподнесли две шкурки утконоса, причем, как отмечено с мальчишеской радостью, «каждая из них стоила не меньше пары гиней!» Затем, уже накануне отбытия, состоялся прощальный бал в местной правительственной резиденции, и там случился неприятный инцидент. Вот как об этом рассказывают сами принцы: «Как раз перед тем, как начались танцы, часть карниза в западной части комнаты внезапно обвалилась с громким «ба-бах». Никто серьезно не пострадал, однако, по несчастной случайности, штукатурка осыпалась на голову одного из чиновников управления общественных работ — непосредственно того, кто отвечал за убранство зала... Великолепный получился бал».

Эта чисто государственная забота в сочетании с плохо скрываемым удовольствием от происшествия («ба-бах!») и удивительной точностью изложения (не где-нибудь, а именно «в западном конце комнаты») характерна для всего дневника будущего короля Георга V. Отметим, что подобная пунктуальность принцев — а

они стремились измерять все, что подлежало измерению, как-то скорость ветра, высоту холмов и так далее, и тому подобное, да еще под неусыпным оком наставников — безусловно, повышает достоверность их рассказа о встрече с кораблем-призраком.

Эскадра отправилась в плавание 9 июля 1881 года, а уже 11 июля в дневнике появляется следующая запись:

В четыре часа утра перед нашим носом курсировал «Летучий Голландец». Он излучал красный фосфоресцирующий свет, словно сияющий корабль-фантом. В центре свечения были отчетливо видны мачты, реи и паруса брига. Дозорный на полубаке доложил о встречном судне по левому борту, то же самое видели вахтенный офицер на мостике и гардемарин на кормовой палубе. Но стоило «Инконстанту» направиться к призраку, как тот исчез. Никаких признаков брига ни поблизости от нас, ни вдали на горизонте мы больше не заметили, хотя ночь была ясная, а море спокойное. Загадочное судно вместе с нами наблюдали еще тринадцать человек, но был ли это «Ван Димен» или же «Летучий Голландец», сказать невозможно. С других кораблей эскадры — «Клеопатры» и «Турмалина», которые шли по правому борту от нас — просигналили, интересовались, наблюдаем ли и мы загадочное красное свечение...

Вслед за этим — новая порция новостей:

В 10:45 утра матрос, первым заметивший «Летучего Голландца», сорвался с фок-мачты и расшибся насмерть. Вечером того же дня, в 10:45, тело его, согласно морской традиции,

было опущено за борт. Он был отличным рабочим Королевских верфей и одним из самых перспективных матросов на борту. Все с горечью оплакивали эту потерю. (В следующем порту, куда мы прибыли, командовавший эскадрой адмирал тоже погиб.)

И, наконец, третье несчастье, зафиксированное в дневнике принцев:

Начались экзамены за полугодие, сегодня состоялась контрольная по алгебре.

После этого корабль прибыл в Сидней.

Обратно мой путь лежал вдоль побережья Индийского океана. Примерно в пяти милях от Кейптауна расположился городок под названием Смитсвинкель-Бей. На обоих языках — и нидерландском, и африкаанс — слово «винкель» означает лавку, небольшой магазинчик. Таким образом, получается, что небезызвестный Рип ван Винкль — это Рип-из-лавки или же Рип, владелец лавки.

Начиная с этой точки, дорога проходит по самому краю утеса. Слева громоздятся поросшие густым лесом горные склоны. И именно здесь, вывернув из-за поворота, я впервые повстречался с компанией бабуинов. Обезьяны как раз пересекали шоссе и, думаю, были удивлены не меньше моего. Одно неуловимо краткое мгновение они глазели на меня с тем выражением, с каким все пешеходы обычно смотрят на лихачей-водителей, а затем, опустившись на четвереньки, ринулись прочь. Пара секунд, и они скрылись среди деревьев на противоположной стороне дороги. И хотя я вышел из машины и принялся внимательно вглядываться в заросли, никаких следов

стаи обнаружить не удалось. Лишь легкое колыхание ветвей свидетельствовало о том, что здесь только-только пронеслась дюжина бабуинов.

Я миновал еще множество прибрежных деревушек и наконец прибыл в Саймонстаун — город, где расположена морская база с ее доками и элегантным зданием адмиралтейства. Окрестности города также изобиловали маленькими каменистыми лагунами, где купалась и загорала местная ребятня — очевидно, дети морских офицеров и служащих.

После Саймонстауна пейзаж стал еще более средиземноморским. Красоту бухты Фалс-Бей только подчеркивали дикие очертания горной гряды Готтентотская Голландия, которая на заднем фоне вздымала в небо синеющие пики. Я ехал, не останавливаясь, и мимо одна за другой проносились крохотные бухточки в окружении зеленых холмов. По склонам холмов карабкались нарядные белые виллы. Кое-где мелькали миниатюрные пристани, возле которых на изумрудной воде покачивались прогулочные яхты и рыболовецкие лодки. Вокруг рыбаков всегда крутились мальчишки, так что я вдоволь насмотрелся на тощие детские ягодицы, обтянутые шортами цвета хаки. Их обладатели обычно стояли, опасно перегнувшись через парапеты и волнорезы, и с волнением ожидали, какую же рыбину на сей раз извлекут из заколдованных морских глубин.

Мне чрезвычайно понравился городок Сент-Джеймс. Очаровательное местечко, одним своим видом пробудившее в моей душе воспоминания о Капри. Здесь — на берегу океана и в виду темной горной гряды — проживает всемирно известный писатель Фрэнсис Бретт Янг. Своими книгами — «В поисках страны» и «Город золота» — он сослужил бесценную службу Южной Африке, фактически открыв эту страну всему миру. Я, как и все, с нетерпением жду завершения начатой

трилогии, а пока мне хотелось бы со слов самого автора поведать читателям, как, собственно, возникла идея написания первых двух романов.

«Так уж случилось, — рассказывал мистер Бретт Янг, — что мне выпало участвовать в военной кампании в Германской Восточной Африке, сражаясь под началом Смэтса. К тому времени я уже был безнадежно влюблен в Кап, и меня чрезвычайно расстраивали все эти разговоры о расовых разногласиях и о том, как они скажутся на будущем страны. И вот как-то раз я плыл на транспорте, совершающем рейс из Дурбана на север. За столом я сидел с двумя другими джентльменами. Один из них был моим близким другом, военным хирургом, получившим тяжелое ранение на войне (к несчастью, позже он скончался). Второго звали Андриес Бринк. На тот момент он был бригадным майором, а впоследствии стал начальником штаба Оборонительной Армии Союза.

За обедом мы много разговаривали, и в ходе этих бесед выяснилось: оба моих собеседника принимали участие в англо-бурской войне, но на противоположных сторонах. Более того, оба сражались за Наталь, и вполне вероятно, что в одном из боев именно Бринк ранил моего друга. Ситуация складывалась весьма драматическая, и меня буквально потрясло, что вчерашние враги не испытывали друг к другу ненависти или желания отомстить. Надо было слышать, как эти два человека спокойно и со знанием дела обсуждают события минувшей кампании. Помнится, тогда я подумал, что встреча эта знаменует собой некую новую общность духа, которая рано или поздно (так я надеялся) создаст основу для национального примирения и зарождения нового — великого! — южноафриканского государства. “Рождение нации” — отличное название для книги, промелькнуло у меня в мыслях. К сожалению, тут меня уже опередили. Однако идея создать роман на эту тему с тех пор застряла у меня в мозгу. Другое дело, что

прошло долгих двадцать лет, прежде чем я взялся за перо... Но сам замысел родился именно в тот день, когда мы плыли на корабле. И я до сих пор верю, что тема эта представляет собой нечто большее, нежели просто романтическую мечту, воплощенную в законодательном акте об объединении».

И сегодня все жители Южной Африки, независимо от их происхождения, в равной степени считают, что книги Бретта Янга внесли достойный вклад в дело объединения обеих наций. Что касается меня, то я прочитал их еще до того, как попал в Южную Африку, и, помнится, именно они дали мне первое представление о духовном наследии бурского народа.

Неподалеку от Сент-Джеймса начинаются знаменитые пляжи Мюзенберга — целые мили чистейшего белого песка, на который накатывают теплые волны Индийского океана. Здесь же, на обочине центрального шоссе, стоит маленький коттедж, в котором в 1902 году скончался Сесил Родс. Мне говорили, что сегодня этот скромный домик превращен в национальный мемориал. Но хотя я довольно долго стучал в двери, никто мне так и не открыл. Позже я предпринял еще две попытки осмотреть дом изнутри, но они также не увенчались успехом.

Глава вторая

Кейптаун и мыс Доброй Надежды

Я изучаю подлинный дневник ван Рибека; совершаю экскурсию на остров Роббен; осматриваю Кейптаунский замок, хранящий воспоминания о леди Энн Барнард; посещаю Хрут-Констанцию и отправляюсь в Хрут-Скер, особняк Сесила Родса.

1

Наверное, самый титулованный историк в замешательстве останавливается и бессильно опускает перо, когда приходится писать о Южной Африке. Где уж ему тягаться силами с таким учреждением, как Кейптаунский государственный архив! Здесь хранится вся история Южной Африки — от первой недели ее существования и буквально до позавчерашнего дня. Полагаю, ни одна страна в мире не может похвастаться столь внушительной коллекцией письменных свидетельств о себе самой. Такие расхожие фразы, как «предполагают, что» или же «некоторые считают, будто» — то есть те самые штампы, которые широко используются в обычной исторической литературе, — решительно неприменимы к Южной Африке. И вообще об этой стране надо писать очень осторожно, ибо любое недобросовестное высказывание легко опровергается с помощью оригинального исторического документа.

Именно сюда, в это потрясающее хранилище истории, я пришел, чтобы ознакомиться с подлинным дневником ван Рибека. Должен сказать, это непередаваемое ощущение — стоять в центре современного Кейптауна и держать в руках пожелтевшие страницы, на которых запечатлены первые впечатления европейца от здешних мест. Дневник представляет собой небольшую по размерам, но толстую книжку. Бумага от времени выцвела и приобрела оттенок высушенной соломы, но черные чернила хорошо сохранили свой цвет и позволяют разглядеть витиеватые записи, сделанные в семнадцатом веке. Дневник, естественно, велся на голландском языке, рукой секретаря ван Рибека, но губернатор собственной подписью засвидетельствовал истинность каждой записи в дневнике.

Это было одно из многочисленных и непреложных требований Голландской Ост-Индской компании — чтобы начальники всех иноземных постов вели ежедневные записи о своей деятельности, причем в трех экземплярах. Согласно инструкции, одна копия отправлялась в Амстердам, вторая — в Батавию, а третья оставалась на месте. Поскольку батавский экземпляр был утерян, то на данный момент сохранилось лишь две копии дневника ван Рибека — в Гааге и здесь, в Кейптауне. К несчастью, кейптаунская копия значительно пострадала от последующей редакции. Рука неумелого палача столь старательно подчистила текст, что многие строки стали совершенно нечитабельными. Зато гаагский экземпляр сохранился в отличном состоянии. Обработав его с помощью фотостата, Общество ван Рибека подготовило и напечатало перевод дневника первого коменданта Капской колонии. Выход в свет был приурочен к трехсотлетию юбилею голландской высадки в Южной Африке.

Это, несомненно, один из самых интересных документов в многочисленном потоке литературы об Африканском континенте. Читая его, невольно переносишься мыслями в те далекие дни, когда первые европейские поселенцы строили вокруг форта немудреные жилища, а их начальник — в ослепительных лучах капского солнца или же при тусклом свете красной африканской луны — фиксировал все, что происходило вокруг. Экспедиции потребовалось семнадцать недель, чтобы достичь мыса Доброй Надежды. Люди высадились на берег в ужасном состоянии: они были измучены тяготами долгого путешествия, многие страдали от тропических болезней. Тем не менее ван Рибек сразу же приступил к делу. Первейшей его заботой было возведение форта и разбивка огорода площадью в двадцать шесть акров. В предвидении живительных майских дождей ван Рибек спешил поскорее посадить семена овощных культур, доставленные из Голландии в специальных бочонках с песком.

Поэтому неудивительно, что на первых порах жизнь на Капе была несладкой. Трудиться приходилось с утра и до ночи. Ведь необходимо было, по выражению ван Рибека, «произвести все буквально из ничего». Ему приходилось постоянно убеждать и подбадривать людей. Иных же — кто явно не годился на роль героев — и вовсе изгоняли из колонии. Характеризуя своих подопечных, комендант пишет, что «многие из них совершенно неопытны», впрочем, тут же добавляет он, «это, конечно, не их вина, и со временем будет исправлено». Больше тревожили ван Рибека те «бессовестные упрямы», которые используют малейший шанс, чтобы тайком сбежать на первом же корабле. Надо сказать, что сам ван Рибек — при всем его героическом и плодотворном труде — так и не полюбил Кап. Уже через год он стал просить, чтобы руководство

компании перевело его в Индию — подальше от этих «тупых, ленивых и вонючих» готтентотов, с которыми нет никакого сладу. Дело в том, что комендант не имел полномочий наказывать туземцев, даже если они по ночам портили посевы и крали у голландцев скот.

Эта эпоха, вполне сопоставимая с приключениями швейцарской семьи Робинзонов, является одной из самых ярких и волнующих страниц в истории Южной Африки. Интересно наблюдать, как быстро черты новой жизни утверждались в крошечной голландской колонии. Помимо постоянных обитателей здесь присутствовало некоторое количество временных жителей — ибо практически каждый проходящий корабль высаживал на Капе страдавших от цинги моряков. И нельзя сказать, чтобы эти «постояльцы» сильно украшали жизнь колонистов. Как правило, они только и делали, что шатались по тавернам, накачиваясь араком или любым другим спиртным, какое удавалось раздобыть. Напившись, они вытаптывали капустные грядки и орали, что «скорее пойдут на виселицу, чем останутся жить в этой проклятой стране». В свете вышеизложенного нельзя не удивляться тем успехам, которых достиг комендант ван Рибек за десятилетний срок. Даже если бы его окружали одни только святые, с готовностью подставляющие плечи под груз повседневных забот, — даже и тогда достижения Капской колонии вселяли бы уважение. На самом же деле все это время коменданту приходилось вести нескончаемую борьбу с пьянством, дезертирством и беспрерывными склоками в среде поселенцев. Просто диву даешься, как ему удалось в подобных условиях сделать так много и так хорошо. Ведь если бы не этот человек, вполне вероятно, Кап стал бы всецело французским или английским. И голландское влияние навсегда бы рассеялось с исчезновением самого ван Рибека.

По истечении некоторого времени комендант Капской колонии пришел к мысли использовать рабов. С точки зрения современного человека, трудно признать необходимость рабского труда в условиях мягкого средиземноморского климата, казалось бы, идеально приспособленного для ручного труда белого человека. И тем не менее рабы появились на Капе. Согласно голландским законам, местное население не подлежало порабощению. Так что готтентоты остались свободными, а рабов стали завозить сначала из Анголы и Гвинеи, а затем с Мадагаскара и Малайи. Что поделать, таковы были каноны поведения европейцев семнадцатого века в жарких странах. И эти свои привычки они благополучно перенесли в благодатную винодельческую Ривьеру на юге Африки.

Уже в ближайшие сезоны все проходящие голландские суда запасались на Капе свежими овощами и мясом. Пшеница росла плохо, зато импортированный из Гвинеи маис дал прекрасный урожай. В 1658 году впервые было сварено пиво, которое в то время считалось действенным лекарством против цинги. Уже на следующий год жители Капа получили собственное вино и бренди. В окрестностях форта они насадили дубы, каштаны, грецкий орех и ясеневые деревья. В 1659 году — знаменательный момент! — был посажен первый куст калины. В 1661-м сняли первый урожай апельсинов, а в 1662-м — и яблок. Не позднее 1658 года местные кузнецы уже всюду клепали из голландской стали собственные лемехи, ножи и лопаты.

Сохранилось письмо ван Рибека, в котором он просит прислать «крепких, здоровых девок» в качестве жен для колонистов. К запросу отнеслись с полным пониманием — благо в Голландии не было недостатка в воспитанницах сиротских домов. Их приодели в симпатичные средневековые платья — наполовину черные, наполовину красные — и отправили в далекую

Южную Африку. Трудно сказать, ориентировался ли ван Рибек на историю Манхэттена, но он с самого начала предвидел, что настанет момент, когда его люди выйдут из повиновения у ненавистной Компании. Наверное, поэтому он в первые же пять лет расселил всех желающих колонистов на собственных фермах, где они проживали в качестве фрименов.

В результате, когда через десять лет напряженного труда ван Рибек покидал колонию, ее белое население, насчитывавшее несколько сот человек, уже разделилось на верноподданных слуг Компании и свободных бюргеров. И это разделение (которое в Нью-Йорке, к примеру, заняло гораздо больше времени) усугублялось. К тому моменту практически половина всех поселенцев жила на уединенных фермах в окрестностях Столовой бухты и лишь время от времени приезжала на повозках в основной поселок — продать собственную продукцию и прикупить необходимые товары.

Старое здание форта использовалось в качестве губернаторской резиденции. На входе в крепость располагались складские помещения и конторы чиновников Компании. Здесь же находился и госпиталь — барак с соломенными тюфяками, на которых лежали моряки с голландских судов. Они лечили пораженные цингой десны и пытались избавиться от неизбежных вшей. Был выстроен деревянный мол, далеко выдававшийся в воды Столовой бухты. К нему примыкали скромные судостроительные верфи. Жилища колонистов представляли собой кучку одноэтажных, крытых соломой домиков, которые лепились по обеим сторонам пресноводного ручья. Главной же достопримечательностью поселка являлись огороды Компании. Они располагались на возвышенности, где равнина постепенно переходила в предгорья, были снабжены крепкими изгородями и целой сетью ирригационных каналов. Огороды эти ежегодно давали

завидный урожай картофеля, маиса, капусты, редиса и дынь.

Что касается ван Рибек, все свое свободное время (если такое оставалось при его исключительной занятости) он проводил в Бушавеле, в своем личном саду, где на солнце созревал виноград, плодоносили яблони, апельсиновые, лимонные и прочие деревья. Глядя на айву, груши, вишни, каштаны и грецкие орехи, он наверняка с тоской вспоминал родные края. Ибо даже по истечении стольких лет ван Рибек так и не почувствовал себя настоящим южноафриканцем!

Время от времени возле жилья объявлялся леопард и совершал в сумерках набеги на местный курятник. Однако гораздо больше досаждали колонистам готтентоты, которые завели привычку красть вывешенное на просушку белье, срезать медные пуговицы с детских курточек или же по-мелкому грабить прохожих. Налетит такой чернокожий молодец, сорвет шляпу с головы и умчится прочь, как дикий олень. В поселке все время было шумно: били барабаны, призывавшие загулявших матросов обратно на борт корабля; с Сигнального холма то и дело раздавались ружейные залпы, оповещавшие жителей о появлении паруса на горизонте. По утрам в воздухе разносились едкие запахи — это хозяйки жарили тушки дикобразов или жиряков-даманов. С наступлением же темноты, когда сигнальные огни на острове Роббен полыхали, подобно лесным пожарам, на улицы поселка выходил ночной дозор — мужчины с фузеями на плечах нехотя обходили темные переулки, с завистью косясь в сторону освещенных окон таверны.

Население поселка вряд ли можно было назвать культурным, просвещенным обществом. Как-никак, Кап в первую очередь являлся портовым городом, который систематически подвергался нашествиям грубой и буйной матросни. Этим людям тоже можно было понять.

Они по полгода проводили в море, драя палубы и в кровь обдирая руки о мокрые паруса. И грела их единственная мысль: о том, как они доберутся наконец до порта и напьются в первом же попавшемся кабаке. Долгими бессонными ночами им грезилась бездонные бочки арака!

Ну и, конечно же, на Капе было место, отведенное Богу. С самых первых дней колонисты соблюдали священное воскресенье: в этот день (если не происходило ничего экстраординарного) они собирались в просторном дворе форта — вот место, где Божье Слово впервые прозвучало в Южной Африке, — слушали проповеди и читали вслух Библию. Хочу напомнить, что Библия стала той единственной книгой, которую вуртрекеры везли с собой через дикие горы в неведомые северные земли.

В итоге, когда десять лет спустя ван Рибек покидал свой пост и уезжал с Капа, он оставил после себя нечто больше, чем просто обширный огород. За его спиной оставалась достаточно многочисленная колония — с обозначившимися национальными проблемами, с зарождавшейся аристократией и с прирожденной, вошедшей в плоть и кровь ненавистью к централизованному правлению.

2

Прогуливаясь по улицам города, я то и дело ловил себя на мысли: как бы мне хотелось провести этот день вместе с ван Рибекком. Вот бы он каким-то чудом перенесся из прошлого в современный Кейптаун! Благодаря таким ориентирам, как Столовая гора и бухта, он, конечно, сразу бы признал место. Но все остальное его несомненно бы удивило. От старого поселения не осталось ничего, кроме его любимого сада.

В лучшем случае, побродив вокруг почтамта и ратуши, ван Рибек смог бы отыскать место, где прежде стоял старый форт. Но куда же в таком случае подевалась река — та самая, которой он в приступе ностальгической тоски дал имя Амстел? И неужели возможно, чтобы море так далеко отступило от прежних берегов? Ведь раньше улица Странд тянулась вдоль самой набережной, а теперь проходит на значительном удалении от моря.

Его наверняка бы заинтересовало состояние почтовых дел в городе, ведь до того, как Кап превратился в продуктовую базу, он долгое время играл роль почтово-пересылочного пункта. Думаю, ван Рибек по достоинству оценил бы все новации в этой области: куда удобнее и надежнее опускать послания в почтовый ящик, нежели оставлять под камнем на холме.

Я бы обязательно сводил его в музей, который стоит в самом конце Сада. Уж здесь-то ван Рибек почувствовал бы себя, как дома. С мрачной усмешкой он осмотрел бы экспозицию, посвященную туземным народностям. Его внимание обязательно привлекли бы удивительные по своему правдоподобию статуи воинственных бушменов и их толстозадых жен. И, возможно, он признал бы некоторые из старых корабельных камней, которые в его время валялись на берегу Столовой бухты.

Я бы непременно расспросил его, откуда триста лет назад — когда в корабельных компаниях служили в основном грубые и малограмотные люди — так вот, откуда среди них взялись столь искусные резчики по камню? Те самые, что создали непревзойденные по своему изяществу надписи, которым впору бы красоваться на обложке какого-нибудь кэкстоновского издания. Особенно хороши английские образцы. Взять хотя бы камень с лаконичной надписью «Лондон, 1622». Он принадлежал кораблю, на котором капитаном служил Ричард Блит. И еще один — датированный 1631

годом, с именем капитана Ричарда Арнотта. Да и голландский камень неплох — на нем рядом с датой «1632» высечено имя Дирка ван дер Ли. Даже если предположить, что надписи эти делались профессиональными каменщиками, то и тогда они, на мой взгляд, являются подлинными шедеврами латинской письменности.

Вне всякого сомнения, ван Рибеку интересно было бы посетить зоологическую секцию музея. Он полюбовался бы на чучела львов и львиц (будто живых), а также гиппопотамов, которых в его время называли «морскими коровами». Его бы удивил и порадовал тот факт, что все эти животные не бродят больше по берегам Столовой бухты. Носорогов он хорошо знал, поскольку в семнадцатом веке эти увальни беспрепятственно бродили по просторам Капа, и многие виды антилоп были бы ему знакомы. Что касается леопарда — даже слишком хорошо знакомы. И то же самое можно сказать и о циветте — дикой кошке, однажды вломившейся в его спальню! А вот жираф оказался бы для него диковинкой.

Но, наверное, самое сильное потрясение ван Рибек испытал бы, поднявшись на вершину «Олд мьючел билдинг» — самого выдающегося современного здания в Южной Африке. Лично я небольшой любитель небоскребов. Но если уж без них никак не обойтись, то пусть бы они все были похожи на «Олд мьючел». По мне, так это настоящая Вавилонская башня или, если угодно, халдейский зиккурат. Но в то же время я признаю, что архитекторы блистательно решили задачу возведения небоскреба в непосредственной близости от Столовой горы. Высота здания почти триста футов, и на крышу поднимает один из четырех современных (стремительных и совершенно бесшумных) лифтов. Сверху открывается потрясающий вид: весь Кейптаун с высоты птичьего полета, Столовая гора и Столовая бухта.

Я трижды поднимался наверх, и с каждым разом мой восторг только усиливался. Мне казалось, что все туристы должны дни напролет простаивать на крыше «Олд мьючел». Ничего подобного: я наслаждался перспективой в гордом одиночестве.

3

Я никогда не слышал слова *тики* до того, как приехал в Южную Африку. Как выяснилось, так здесь называют трехпенсовую монету. В Союзе невозможно прожить и дня, чтобы не услышать это странное слово. Серебряная монета старого образца достоинством в три пенса очень популярна в Южной Африке — не менее, чем в славящейся своей скарденостью Шотландии.

Откуда взялось такое странное название? Легче всего, конечно, предположить, что это местное подражание какому-то английскому или бурскому слову. Так, например, некоторые считают, что «тики» возникло в попытке точно воспроизвести словечко из языка африкаанс — «стаки», то есть маленький кусочек чего-либо. Другие полагают, будто слово произошло от английского «тикет» — билет, талон. Одно время чернокожим рабочим, занятым на общественных работах, платили не наличными деньгами, а талончиками стоимостью как раз в три пенса (позже они могли отоварить свои талоны в местной лавке).

В словаре Чарльза Петтмана, посвященном диалектизмам африкаанс, я обнаружил длинную и путаную статью на сей счет. Не вдаваясь в традиционные теории, автор выдвигает предположение, что данное слово имеет куда более древнее происхождение, чем считалось до сих пор — фактически восходит к тем временам, когда белых людей на Капе еще не было и в помине. Он допускает, что «тики»

представляет собой готтентотскую транскрипцию португальского слова «патака», означающего мелкую монетку.

А вот еще один диалектизм, с которым неминуемо сталкиваются все иностранцы в Южной Африке. Речь идет о слове «морген» — это такая голландская мера площади, составляющая чуть больше двух английских акров. И еще два слова из той же области: «эрф», означающее по-голландски приусадебный участок, и «инхеританс» — участок застройки.

Южноафриканцы, в отличие от нас, не пользуются выражением «кинематограф». Вместо него в ходу очаровательное старомодное слово «биоскоп», которое любому взрослому человеку неминуемо навеивает воспоминания о черно-белой хронике в провинциальном клубе — ну, знаете, путешествие по венецианским каналам и прочее. Однако из этого вовсе не следует, что южноафриканская индустрия развлечений отстает от мировых стандартов. Напротив, вы можете посмотреть все последние фильмы в роскошных «биоскопах», многие из которых снабжены кондиционерами.

Если вы приглашены на вечеринку в один из южноафриканских домов, можете смело рассчитывать на гостеприимный прием в американском стиле. Ужин будет восхитительным, а застольная беседа — веселой и непринужденной. Однако ближе к концу вечера вы почувствуете, что в воздухе повисло некое напряжение. Вы ловите странные взгляды, которыми обмениваются хозяева, и мучительно соображаете, что же не так. Еще через четверть часа, когда гости доели мороженое и кое-как проглотили обжигающе горячий кофе, очаровательная хозяйка обращается к присутствующим: — Не хочется никого торопить, но, боюсь, мы опаздываем в биоскоп!

При этом никто не интересуется, хотите ли вы в биоскоп или, может быть, уже успели посмотреть

данный фильм (что тоже нередко случается). Вся компания загружается в роскошный американский лимузин и поспешно ретируется из уютной реальности в страну грез.

4

«Капский доктор» — одно из наименований юго-восточного ветра, личного муссона Кейптауна. Обычно он налетает во время летнего засушливого сезона, а «Доктором» называется потому, что дует в сторону моря и, как полагают, уносит с собой все городские микробы. Муссон этот известен еще со времен Бартоломеу Диаша, и уже тогда люди относились к нему с боязливым почтением.

Итак, стоило мне проснуться поутру и высунуть нос наружу, как я сразу понял — «Капский доктор» заявился в город. Бросив взгляд в сторону Столовой горы, я увидел, что вершина ее окутана серой облачной пеленой, которая струилась по склонам на манер замедленного водопада. Достигнув некоторого уровня, клочья тумана редели и рассеивались в воздухе, но данный процесс никак не сказывался на общей массе «водопада». Воющий ветер гонял белые барашки по поверхности бухты. И все это время небо оставалось безоблачно-голубым, а солнце сияло с обычной силой.

Кейптаунский муссон — богатырь с капризным, переменчивым характером. Он дул с невероятной силой. Казалось, будто все городские улицы временно превратились в гигантские дымоходы, которые с такой силой разгоняли ветер, что люди на перекрестках вынуждены были сгибаться чуть ли не пополам — лишь бы устоять на ногах. Любопытно, что кое-где образовывались локальные зоны затишья, где ветер почти не ощущался.

Как я уже говорил, «Капский доктор» — особый, принадлежащий лишь Кейптауну ветер. Такое впечатление, будто город держит его взаперти в одной из пещер на Столовой горе и лишь время от времени выпускает на волю. Помнится, древние греки тоже верили, что ветры живут на вершине фракийской горы. Здешний ветер очень непостоянен, он меняется день ото дня. В тот день, о котором я говорю, он был не слишком злобен, скорее, напоминал не на шутку разыгравшегося щенка дога — большого и бестолкового. Он метался по улицам Кейптауна, срывая шляпы с мужчин, кусал женщин за голые колени и порождал крохотные смерчи, куда затягивало старые газеты, грязную апельсиновую кожуру и цветочные лепестки. Но, самое главное, он выметал из города микробы!

И именно это ветренное утро я выбрал для того, чтобы отправиться на остров Роббен. С самого начала, как только я прибыл в Кейптаун, этот небольшой островок, маячивший среди Столовой бухты, возбуждал мое любопытство. Издали он казался пустынным и гладким, как бильярдный шар. Я был наслышан о зловещей истории Роббена — в прошлом он использовался как тюрьма и лепрозорий — и во что бы то ни стало хотел осмотреть остров. Однако это было не так-то просто устроить, ибо в настоящее время Роббен принадлежал вооруженным силам Союза, и посторонние туда не допускались. Благодаря любезности местных властей мне удалось выхлопотать пропуск. И вот я очутился на продуваемой насквозь пристани, возле которой покачивались на приливной волне большие корабли и маленькие лодочки.

Я отыскал небольшой потрепанный буксир с названием «Изи», который и осуществлял сообщение между островом и материком. Хорошая часть палубы была загружена припасами для военных (включая солидный запас пива для сержантской столовой). Все пассажиры

были облачены в форму цвета хаки. Насколько я понял, часть из них возвращалась из очередного отпуска, остальные ехали на курсы переподготовки в артиллерийской школе. «Изи» неспешно снялся с якоря, и сразу же попутный ветер подхватил наш кораблик и понес к белой линии, обозначающей выход из гавани в Столовую бухту. Я оглянулся на оставшуюся позади Столовую гору с ее облачной шапкой и узнал картинку, которую видел на десятках старых открыток: гора, туман, штормовой ветер и утлое суденышко, кренящееся к волнам.

Укрывшийся в рулевой рубке шкипер сказал, что сейчас-то мы выйдем в открытые воды без проблем, а вот возвращаться будет тяжеловато. Как только мы пересекли границу бухты, нас подхватили длинные набегавшие волны, которые время от времени перехлестывали через низкие бортики и заливали палубу водой. Ощущение было не из приятных: подняв воротники и втянув голову в плечи, мы поспешили в укрытие. Здесь я познакомился с молодым офицером, возвращавшимся из отпуска. Он рассказал мне, что жизнь на острове совсем неплоха — для тех, кто любит уединение. Однако большинство солдат с грустью смотрят на далекие мерцающие огоньки, которые с наступлением темноты зажигаются у подножья Столовой горы. Лично ему Роббен нравится, он ничего не имеет против такого образа жизни — выполнять свою работу, по вечерам читать книжки и копить деньги в ожидании более веселых времен.

Вскоре волнение на море почти улеглось, мы приблизились к Роббену. Он нарисовался по правому борту — низкий, невыразительный остров Робинзона Крузо. Ярко светило солнце, волны с шумом разбивались о каменистые берега. На острове была маленькая гавань с каменным пирсом, которая носила гордое название Порт-Мюррей. Возле этого пирса мы и пришвартовались.

На берегу меня встречал приятный молодой офицер с машиной.

Пока мы ехали к армейскому штабу, он изложил мне события недавней истории Роббена: как в 1936 году правительство решило укрепить остров и приспособить его под военную базу; как военные осваивали безлюдный и заброшенный клочок суши, где стояли полуразрушенные строения без крыш — бывшие жилища прокаженных и осужденных преступников. Остров изрядно зарос маниоккой, и новым хозяевам Роббена пришлось изрядно потрудиться, пока его расчищали. В послевоенные годы сюда перевели военное училище с постоянным штатом преподавателей и сменяющимся составом курсантов. Помимо военных здесь обитают несколько сот чернокожих и цветных работников, завезенных с материка. С ними много проблем: прослышав о трагической истории острова, они все поголовно верят, будто на острове живут привидения. Честно говоря, временами молодой лейтенант и сам так думает.

За этими разговорами мы подъехали к зданию девятнадцатого столетия. Раньше оно служил резиденцией губернатора Роббена, теперь же здесь разместились штабные помещения и клуб-столовая. Поблизости располагалось несколько лачуг, а также остатки более старых построек. Судя по всему, это и был центр острова.

Я бросил взгляд в сторону и замер, пораженный: там стояло превосходное, прямо-таки совершенное в своей красоте здание английской церкви. Казалось, эти башенки с навесными бойницами перенесены сюда прямо из какой-то гемпширской деревушки. Две старинные корабельные пушки стояли дулами вниз по обеим сторонам от дверей. Над входом была высечена надпись: «Возведена в год 1841 от Рождества Христова. Капитан Ричард Вульф, комендант острова». Мы прошли

внутри здания. Как я и думал, это оказалась маленькая английская церквушка, построенная одним из королевских инженеров, очевидно, в приступе ностальгических чувств.

После обеда мы отправились на автомобильную экскурсию по острову. Маршрут протяженностью в семь миль, в общем-то, не отличался разнообразием. Вокруг тянулась земля, покрытая жесткой травой и невысоким кустарником.

Кое-где виднелись заросли маниоки — растения, которое завезли в 1910 году, и с тех пор оно распространилось по всему острову. Мне рассказывали, что весной весь Роббен покрывается ковром из белых нарциссов, разросшихся из нескольких луковиц, оставленных на кладбище.

На севере острова я увидел заброшенный известняковый карьер, откуда первые голландские поселенцы брали сланец для своих мощеных *ступов*, то есть веранд. Здесь же добывали материал для строительства Кейптаунского замка. Неподалеку тянется ракушечный пляж (как мне объяснили, мелко дробленные ракушки поднимаются со дня приливной волной и выбрасываются на берег). Этот пляж упоминал в своих записках еще ван Рибек. По его словам, эта ракушечная масса использовалась в первых голландских печах для обжига известняка. Единственная возвышенность на острове представляет собой холм с названием Вурберг, то есть огненная гора. Во времена ван Рибек на нем зажигали сигнальные огни — для тех кораблей, что вынуждены были заходить в бухту в ночное время. Таким образом, можно сказать, что на Роббене располагался самый первый маяк в Южной Африке. Сегодня здесь построен современный маяк, и его сигналы — одна вспышка каждые семь секунд — знают все моряки с Атлантического побережья.

В восемнадцатом веке Роббен приобрел печальную знаменитость благодаря лепрозорию, устроенному на острове.

— Забавно, — рассказывал сопровождавший меня офицер, — что привидения (те самые, о которых постоянно толкуют цветные) являются им без рук, без ног. Лично я связываю этот факт с фотографиями, найденными в домике доктора, там изображались больные с ампутированными конечностями. Должно быть, эта коллекция попала на глаза кому-то из рабочих. Отсюда и все разговоры!

Мы вышли из машины, чтобы осмотреть то немногое, что осталось от поселения прокаженных. Палящие солнечные лучи, ежегодные дожди и прежде всего наступавшие джунгли стерли почти все следы некогда обширного поселка. Наибольшее впечатление на меня произвел дом прокаженных матерей, стоявший посреди заброшенного сада.

Маленький катер доставил меня обратно в Кейптаун. Здесь по-прежнему свирепствовал «Капский доктор». Всю дорогу до материка наш бедный «Изи» мужественно боролся с волнами — раскачивался, кренился и взлетал на гребни валов, — так, что нам приходилось крепко держаться за поручни. И вот передо мной снова предстал Кап со Столовой горой и беспокойной бухтой — картина, которая навечно врезалась в память.

5

Кейптаунский замок из числа тех счастливых крепостей, которым ни разу не довелось палить из пушки по неприятельским кораблям. Если говорить честно, то сегодня это не удалось бы даже при всем желании. Благодаря проведенным мелиоративным работам замок стоит теперь не на берегу бухты (как

проектировалось изначально), а на значительном удалении от побережья. Так что, если крепостная пушка и может кого поразить, то только «Голубой экспресс» или же девятичасовой винбергский поезд, которые пересекают линию огня в момент приближения к вокзалу.

Замок являет собой самое массивное и самое старинное европейское сооружение Южной Африки. Хотя по-настоящему древним его назвать сложно — здание возведено в 1666 году (в том самом, когда в Лондоне случился Великий пожар), но все жители Южной Африки относятся к нему с большим пиететом. Замок представляет собой еще и дополнительный интерес — как образец тех крепостей, которые строила Голландская Ост-Индская компания в период растущего соперничества с Британией. Старый форт ван Рибекка был скромным деревянным строением, служившим колонистам убежищем от диких зверей и готтентотов. В 1679 году на его месте возвели более основательное (и более помпезное) каменное здание в виде традиционного для семнадцатого века пятиугольного фортификационного укрепления. Именно его мы и видим сегодня в центре Кейптауна. За крепостными стенами укрывается просторный учебный плац с казармами, а вокруг него по периметру располагаются здания Компании и очаровательная резиденция губернатора (ибо к моменту постройки замка комендант Капа уже был повышен в звании).

На посту возле главного входа стоят часовые в тропических тиковых мундирах, и каждый час в тени эвкалиптов собирается толпа туристов, чтобы понаблюдать за сменой караула. Сами по себе ворота — едва ли не главная достопримечательность замка. Они сложены из узкого кирпича темно-красного цвета, которым так славилась Голландия. На деревянных балках до сих пор висит колокол, отлитый в Амстердаме

в семнадцатом веке. Тем, кто интересуется историей Голландской Ост-Индской компании, советую повнимательнее приглядеться к арке главных крепостных ворот. Там до сих пор можно разглядеть вырезанные гербы шести торговых городов, чьи представители и входили в могущественный Совет Семнадцати.

Я присоединился к небольшой экскурсионной группе, ядро которой составляла стайка местных школьниц. Помимо них туда входила еще пожилая семейная пара, приехавшая на Кап из Англии (как они сказали, «чтобы остаться здесь насовсем»), один американец и весьма дружелюбная дама с маленьким мальчиком. Дама бегло говорила на африкаанс, и я решил воспользоваться случаем, дабы попрактиковаться в этом языке. И что же? Лишний раз я убедился, что стандартные разговорники — абсолютно бесполезная штука для живого общения с носителем языка. Вы, конечно, можете изучать такие разделы, как «Место проживания», «Таможня», «Обмен денег», «Почта и телеграф» и тому подобное, но вряд ли там вам подскажут, как следует обращаться к посторонней женщине, которую вы случайно встретили на экскурсии. Кстати сказать, новая знакомая обогатила меня великолепным выражением, которое в зависимости от интонации может передавать широкий спектр понятий: утверждение и отрицание, одобрение и осуждение, доверие и скептицизм. Это универсальное выражение — «йа-не». В языке африкаанс оно часто предваряет контраргумент и тогда переводится как «да, но...» Кроме того, «йа-не» с успехом заменяет наше «более или менее».

Мы прошли в зал заседаний Ост-Индской компании, в котором не одно поколение голландских губернаторов вершило свою власть. Все началось в семнадцатом веке и продолжалось до 1795 года, когда Кейптаун, пусть и неохотно, был вынужден признать британское

правление. В комнатах с высокими потолками царила прохлада. Вдоль стен были расставлены старинные голландские комоды и напольные часы. Над камином висела картина, которая, по преданию, навлечет несчастье на любого, кто посмеет перевесить ее на другое место.

И я подумал: «Вот место, где леди Энн Барнард устраивала свои приемы!»

Миновав арочный проход, мы приблизились к соленому источнику, возле которого стоял простой деревянный крест. По словам экскурсовода, крест этот возвели солдаты Первой Южно-Африканской пехотной бригады, причем использовали древесину, привезенную из Делвилл-Вуда. Затем мы поднялись по ступенькам на верхушку одного из бастионов. Сверху хорошо просматривалась сеть железнодорожных путей и сам город, раскинувшийся у подножья Столовой горы. Не преминули мы заглянуть и в подземные темницы замка. По ряду признаков я отметил, что они активно использовались начиная с восемнадцатого столетия и по наши дни. Мне запомнилась надпись, которую один из узников нацарапал над дверью своей камеры:

Пришлец незванный в чужой стороне,
С друзьями прощаюсь. О, горе мне!
Счастье минуло, и время бежит,
И камень тяжкий на сердце лежит.
Страдая безвинно, зову смертный час,
И больше ничто не радует глаз.

В этих коротких стихах ощущается изящный стиль далекой эпохи. По сравнению с ними современные послания удивляют своей бедностью и вульгарностью (и это в наш-то век всеобщего обязательного образования!) «По мне, так армия может катиться ко всем чертям!» —

вот лучшее, что смог породить год 1943-й. Или еще один загадочный перл: «Я угодил сюда благодаря своей жене и своей девчонке». Вот и гадай, что там произошло. Может, жена сговорила с его «девчонкой», дабы засадить бедолагу в тюрьму?

Мы немного побродили по крепостному валу, затем пересекли залитый солнцем двор и распрощались возле ворот. В нестройном хоре обычных «до свидания» прозвучало одно «tot siens» и парочка «пока». Наше маленькое содружество, ненадолго возникшее благодаря Кейптаунскому замку, распалось, и каждый вернулся к персональному существованию.

Я шел и думал: «Какие же молодцы были эти голландцы! Насколько приятное местечко они создали для себя». Здесь, вдали от европейских бурь и потрясений, они вели мирную жизнь — возможно, несколько провинциальную, но все же не лишенную своеобразного изящества и шарма. Наверное, путешественники, приезжавшие на Кап из охваченной революцией Европы, наслаждались уютом и безопасностью. К тому же история имеет свойство повторяться. Если вспомнить эпоху правления губернатора Симона ван дер Стела, то и ей присуще нечто идиллическое. В Кейптаунском замке все пропитано воспоминаниями об этом человеке, которого по праву можно назвать первым политиком Южной Африки, а возможно, и первым ее джентльменом. Замок не сильно изменился с тех пор, и сегодня нетрудно представить себе запряженную шестеркой лошадей карету на лужайке перед домом губернатора — господин ван дер Стел выйдет, чтобы отправиться по своим государственным делам.

А кто еще? Единственное имя, которое сразу же приходит мне на ум, — имя леди Энн Барнард, автора знаменитой баллады «Старина Робин Грей». Женщина

эта прибыла на Кап в качестве супруги секретаря британской администрации.

К тому моменту Кап давно уже перерос свой изначальный статус скромного подсобного хозяйства. Теперь это был важный стратегический пункт, расположенный на полпути в Индию. В 1793 году, когда французские революционные войска двигались по направлению к Амстердаму, голландцы объединились под знаменем Батавской республики — такое вот экзотическое имя выбрали они для своего государства. Принцу Оранскому пришлось бежать в Англию. Примерно в то же время Франция объявила войну Британии. В Европе разразилась долгая и кровавая война, которая то затихала, то снова возобновлялась и закончилась исторической битвой при Ватерлоо.

С самого начала было ясно, что либо французы, либо англичане захватят Кап.

«То, что было пером в руках Голландии, станет мечом в руках Франции», — написал в то время один морской капитан. Воистину пророческие слова!

Британский флот появился у капских берегов с важным козырем в рукаве. Англичане привезли письмо от принца Оранского, которое тот написал, сидя в Кью. В этом послании опальный принц просил губернатора Капской колонии принять англичан как друзей и не чинить препятствий «в укреплении обороноспособности полуострова». Однако данное письмо не возымело ожидаемого действия. Капские голландцы, на которых столь неожиданно (и некстати) свалились обязательства их далекой родины, пребывали в нерешительности. Они разрывались между верностью Оранской династии и привязанностью к своему новому дому. В конце концов, после долгих дискуссий, они решили все же воспротивиться британской высадке на Капе. Однако сопротивление это было чисто символическим, и британские войска без особых проблем достигли

Кейптауна и подняли на башне замка «Юнион Джек». Таким образом, на восемь лет — с 1795-го по 1803-й — Кап перешел под британское правление.

Этот краткий восьмилетний период, к которому, собственно, и относятся воспоминания о леди Энн Барнард, принято называть временем первой британской оккупации. Затем воевавшие державы подписали Амьенский мир, по условиям которого Кап был возвращен Батавской республике. Однако ненадолго. В собственности Голландии Кап находился всего три года, после чего начались наполеоновские войны. И поскольку Голландия и Британия оказались уже в разных лагерях, то на сей раз англичанам пришлось завоевывать Кап силой. Надо отдать им должное: одна удачная военная кампания, и Британия снова восстановила свои позиции в Кейптауне. Что произошло дальше, всем хорошо известно. Крах Наполеона. Венский конгресс, который закрепил права Британии на Капский полуостров и некоторые другие голландские владения (в качестве компенсации Англия выплатила Голландии шесть миллионов фунтов стерлингов). Таким вот образом Британия пришла в Южную Африку.

6

Первая британская высадка на Капе стала причиной трагической гибели очень достойного человека, чья роль в истории Южной Африки еще по достоинству не оценена. Речь о полковнике Роберте Джейкобе Гордоне, командующем гарнизоном Ост-Индской компании на Капе. Фактически он стал первым шотландцем, поселившимся в Южной Африке. Однако, несмотря на свое шотландское происхождение, Гордон почитал себя добронравным голландцем и был беззаветно предан

Оранской династии. Несчастный полковник столь глубоко переживал факт британской экспансии, а также обвинения в государственной измене (по слухам, выдвинутые против него лично), что совершил самоубийство.

Гордон принадлежал к старейшему шотландскому клану, одному из тех, что последовали в изгнание за Стюартами. Он вырос в Голландии и там же поступил на службу в голландскую армию. Гордона хорошо знали все, кто приезжал на Кап в конце восемнадцатого века. Его образ то и дело мелькает на страницах приключенческих книг и мемуаров путешественников. Мы видим умного и доброжелательного человека, культурного и образованного, веселого и гостеприимного хозяина. Он сыграл значительную роль в исследовании Южной Африки.

Хотя Гордону и не удалось войти в историю в качестве первого европейца, увидевшего Оранжевую реку (его опередил некий голландец, охотник на слонов), но он стал вторым. И не забудем: именно Гордон дал имя этой африканской реке, назвав ее в честь правящей Оранской династии. Между прочим, имя самого Гордона увековечено в названии городка Гордон-Бей, расположенного неподалеку от Сомерсет-Уэста. Все, кто знал Гордона, отзывался о нем как о чрезвычайно добром и общительном человеке, любителе классической литературы и ученых бесед. Наверняка временами ему было одиноко в африканской глуши, поэтому он с радостью принимал у себя гостей — всевозможных заезжих писателей и ботаников.

Мы находим замечательное описание этого человека в «Мемуарах» Уильяма Хикли. В 1777 году Хикли, 28-летний адвокат, направлялся в Индию и вместе с группой своих попутчиков, таких же молодых людей, сделал остановку на Капе. Гордон организовал для них незабываемую экскурсию на вершину Столовой горы. Он

заблаговременно отправил туда слуг-готтентотов с корзинами вина и провизии, с флейтами и валторнами. Когда утомившиеся путники сделали на полпути привал, Гордон порадовал их сытным завтраком: сэндвичи с цыпленком и холодной ветчиной поглощались под звуки флейты. На вершине же горы их ожидало настоящее пиршество в сопровождении валторн.

Гордон оказал неоценимую помощь Ле Вайяну в написании двух книг. Он также составил компанию Уильяму Патерсону в его путешествиях, впоследствии описанных в путевых дневниках.

Современные австралийцы, возможно, не знают, что вся их шерстяная промышленность зародилась на Капе, и благодарить за это следует именно Роберта Гордона. Дело в том, что в конце восемнадцатого века Джон Макартур, основоположник Нового Южного Уэльса, задумал разводить тонкорунных овец. Он обратился к двум знакомым капитанам с просьбой присмотреть для него подходящую породу. Те оказались на Капе вскоре после самоубийства Гордона — как раз в тот момент, когда его вдова распродала часть оставшегося имущества, в том числе и стадо мериносов с замечательной родословной. Овцы эти принадлежали знаменитому эскориальскому стаду и в свое время стали подарком испанского короля голландскому правительству.

Имея намерение разводить овец в Африке, правительство отправило их на Кап. Однако местные фермеры отнеслись к затее без всякого энтузиазма. Их волновала исключительно баранина, а никак не шерсть — таковы уж были капские традиции на тот момент. А поскольку прибывшие животные никого не заинтересовали, они перешли в собственность Гордона. Увы, но потребовалось немало лет, чтобы овец в Южной Африке стали рассматривать с точки зрения шерсти, а не мяса.

Так или иначе, а в Австралии элитных мериносов встретили с распростертыми объятиями. Макартур окружил овец заботой, а сам поспешил в Лондон с образцами великолепной тонкорунной шерсти. Собственно говоря, это и стало началом шерстяной промышленности в Австралии.

Роберт Гордон был умелым картографом и талантливым художником. Среди его личных бумаг обнаружилось четыре сотни великолепных акварельных пейзажей Южной Африки (особенно много рисунков береговой линии Капа). Все работы датированы и подписаны рукой Гордона. В настоящее время коллекция, сведенная в шесть толстенных томов, хранится в амстердамском Рийкс-музее. Пожалуй, наибольший интерес представляют зарисовки Оранжевой реки — хотя бы потому, что это вообще первое изображение великой африканской реки. Привлекает также внимание прелестный вид Свеллендама: на лужайке перед *Дростди* магистратом, гордо реет голландский флаг, а вокруг разбросаны маленькие белые фермы. В заключение стоит сказать, что некоторые из панорам (в особенности Оранжевой реки) имеют значительные размеры — свыше тридцати футов в длину, и их лучше рассматривать, разложив на полу.

7

Южная Африка все еще оставалась неизведанной землей в 1797 году, когда леди Энн Барнард сошла на Капский берег в составе первой британской администрации. Учитывая тот факт, что мыс располагался на пересечении важнейших торговых путей, просто удивительно, как мало к тому времени было о нем известно. Если разобраться, то письменных

свидетельств было, что называется, раз-два и обчелся. В 1683 году Кап посетил отец Тэтчард, направлявшийся в Сиам с иезуитской миссией. Он оставил небольшое, но весьма интересное описание Кейптауна, из которого следует, что среди служащих Голландской Ост-Индской компании практически не было тайных католиков. Затем в 1719 году некий немец по имени Петер Кольбен написал не слишком достоверную книжку. И, наконец, в 1789 году еще одну весьма скучную книгу выпустил шотландец Уильям Патерсон. Вот, собственно, и все. Долгое время писатели обходили вниманием Южную Африку, и лишь в девятнадцатом веке литература хлынула обильным потоком. Таким образом, когда леди Энн в 1797 году ступила на Капскую землю, это поистине был шаг навстречу волнующему и опасному приключению. И наша дама сделала такой шаг — вооруженная лишь острым глазом, пытливым умом и сострадательным сердцем.

Эта шотландская женщина взяла на себя великую миссию примирить два народа — капских голландцев и англичан. Она решила доказать, что ее соотечественники вовсе не такие грубые и высокомерные люди, как казалось местным бурам. И ей вполне это удалось простым, чисто женским способом: собрав (и сплотив) смешанное общество в Кейптаунском замке. Всего-то и требовалось, что радушная атмосфера, скрипичная музыка, мерцающий свет свечей, немного вина и холодный цыпленок. Свои воспоминания о том периоде жизни леди Энн оставила в виде писем к английским друзьям.

Энн... Какое прелестное имя! Мне кажется, в нем ощущается нечто юношеское, какая-то непреходящая бодрость и задор. Посему я изрядно удивился, узнав, что наша героиня была уже весьма зрелой 47-летней женщиной, когда впервые приехала на Кап и обосновалась у подножья Столовой горы. По

свидетельствам современников, в ней не было ничего девичьего. Напротив, леди Энн выглядела успешной светской дамой, шотландской аристократкой, чья жизнь протекала в среде эдинбургской и лондонской знати. Через всю жизнь леди Энн пронесла любовь к одному мужчине. Она вышла замуж за Эндрю Барнарда, человека на двенадцать лет ее моложе. Однако брак этот оказался вполне удачным, даже счастливым. Леди Энн обладала изрядным запасом практичности и здравого смысла. Лучшим доказательством служит тот факт, что, отправляясь в Африку, она захватила с собой «схему разделки овцы и быка» — на случай, если местные мясники окажутся недостаточно умелыми.

Сохранилась чудесная миниатюра Ричарда Козуэя, на которой мы видим леди Энн в юности. Тогда она носила фамилию Линдси и покоряла высший свет в качестве любимой дочери старого графа Балкарреса. Причем делала это с блеском и элегантностью, присущими эпохе конца восемнадцатого века. В возрасте двадцати одного года она сочинила свою знаменитую балладу «Старина Робин Грэй» и потом до конца жизни испытывала неловкость по сему поводу. В балладе описываются терзания замужней женщины, которая по истечении лет неожиданно-негаданно снова встречается со своей первой (истинной) любовью. Драма эта была навеяна подлинной историей, которая приключилась с сестрой леди Энн. Не желая компрометировать любимую сестру, леди Энн сочла за благо вообще откреститься от своего творения. Долгие годы она упрямо отрицала авторство и лишь на склоне лет (в 73-летнем возрасте) наконец призналась Вальтеру Скотту, что написала «Робина Грэя». Однако источник своего вдохновения так и не открыла.

Так уж случилось, что несмотря на незначительную должность мужа (а он, напомним, был лишь секретарем британской администрации) леди Энн пришлось играть

роль официальной хозяйки замка. Дело в том, что леди Макартни, супруга английского губернатора, по каким-то причинам не смогла сопровождать мужа на Кап. Сам лорд Макартни, шестидесятилетний, обремененный подагрой джентльмен, тяготел к уединению, а потому предпочел обосноваться в более скромном Садовом домике, а роскошные замковые апартаменты передал в пользование Барнардам. Бедной леди Энн пришлось обживать эти огромные комнаты с непомерно высокими потолками. Поскольку бюджет ее был ограниченным (чтобы не сказать скудным), пришлось прибегнуть к помощи военных плотников и портных.

Так или иначе, вскоре работы были завершены, и встал вопрос: кого же приглашать на приемы? Первая леди Южной Африки присмотрелась к местному обществу и нашла его не только прискорбно провинциальным, но и враждебно настроенным. Местные жители были недовольны английской оккупацией и лелеяли надежду, что по окончании войны Кап либо станет французским, либо снова перейдет в руки голландцев (как, собственно, и произошло). Осторожные буры не спешили засвидетельствовать почтение британской администрации и тем самым запятнать себя в глазах будущих правителей. Очень скоро леди Энн заметила: представители местной верхушки — которым по рангу полагалось бы присутствовать на ее приемах — «появляются на какое-то короткое время, а затем незаметно исчезают, словно не желая, чтобы их заметили другие».

Леди Энн решила бороться с окружавшей ее атмосферой холодного недоверия теми средствами, которые были ей доступны, а именно, используя лучшие качества своего характера — доброту, сердечность и радушие. При этом она сохраняла трезвый, беспристрастный взгляд на вещи. Первыми, кто удостоился ее внимания, были местные дамы. Наблюдая

за ними на торжественном приеме — как они неподвижно сидят в своих лучших одеждах, — леди Энн отметила их сходство с сельскими матронами на ежегодном балу по поводу открытия ассизов. «Все, что их волнует, — пишет она, — это плечи и манеры».

Уж не знаю, как, но ей удалось сломать лед недоверия. А дальше пошли в ход всевозможные приманки — от «синих мундиров», военных моряков из Саймонстауна, до родных «красных мундиров». Леди Энн все шире раскидывала сети, привлекая новых дам и их молоденьких дочерей. И вскоре уже под сводами замка собиралось веселое, оживленное общество. Гости охотно усаживались за стол при свете старинных голландских канделябров, они пили вино, ели цыплят, флиртовали и танцевали под музыку чернокожих скрипачей. Можно с определенностью утверждать: непривычная атмосфера тепла и дружелюбия, что царила в Кейптауне на протяжении тех непростых восьми лет, целиком и полностью является заслугой леди Энн. Эта женщина не была обременена снобизмом или другими предрассудками, характерными для ее времени и ее класса. Она прекрасно понимала, что все малоприятные особенности, которые присутствовали в общественной жизни Капа, происходят вовсе не от дурного нрава горожан. Скорее, они являются естественным результатом замкнутого, наполовину деревенского существования, которое те на протяжении веков вели в полной изоляции от европейской культуры.

Хотя, надо отметить, что к тому времени Капское поселение уже значительно разрослось и превратилось в настоящий город. В нем было свыше шести тысяч белых жителей, которых обслуживало огромное количество темнокожих рабов. И хотя город, конечно же, уступал современному Кейптауну, но характерный дух легкости и беззаботности ощущался уже тогда. После долгих месяцев, проведенных на море,

путешественники чувствовали, будто попали в некое подобие земного рая.

Южное солнце заливало ослепительным светом длинные, пересекающиеся под прямыми углами улицы, вдоль которых выстроились аккуратные домики с тростниковыми крышами. Попадалось немало строений в классическом стиле семнадцатого столетия: по обе стороны от высоких массивных дверей — многостворчатые окна со средником и небольшими стеклянными вставками, пилястры во всю высоту дома и обязательные каменные веранды, на которых горожане коротали время прохладными вечерами. Дома эти, должно быть, напоминали леди Энн старинные лондонские постройки в стиле короля Иакова. В то же время высокие окна и величественные двери будили воспоминания о голландской архитектуре времен Вильгельма и Марии. При этом многие улицы оставались немощеными и плохо освещались по ночам. И, конечно же, здесь не было роскошных магазинов. Потребности жителей удовлетворяли несколько десятков маленьких неприметных лавочек да крытые соломой таверны, которые обычно назывались по имени владельца — «Де Витте Свон», «Де Руд Оз», «Де Кониг ван Прузен» или «Де Гуд Анкер». В посетителях недостатка не было — у каждого из этих заведений имелась своя преданная и вечно испытывающая жажду клиентура.

Хотя, как я уже сказал, официальных магазинов в городе не существовало, при желании можно было купить все, что угодно. В Кейптауне процветала чудовищная контрабанда — закономерный результат запрета на розничную торговлю, установленного Голландской Ост-Индской компанией. Стоило какому-то судну бросить якорь в Столовой бухте, тут же вокруг него поднималась подозрительная возня: появлялись загадочные личности (эмиссары подпольных кейптаунских складов) и заключали таинственные

сделки с капитаном. Главная достопримечательность города — Херренграхт, в честь самого знаменитого амстердамского канала — представляла собой широкую улицу, скорее, даже аллею, которая вела к Садам Компании, главному предмету гордости кейптаунцев, как тогдашних, так и нынешних.

Все это вместе взятое являлось захватывающим зрелищем и неисчерпаемым источником вдохновения для такой женщины, как леди Энн Барнард. Ведь помимо зоркого глаза она обладала ярким талантом художника. И сегодня мы с интересом рассматриваем Кейптаун конца восемнадцатого века, запечатленный на ее акварелях. Это и малайские рабы с сероватыми лицами — они бредут куда-то с грузом фруктов, рыбы или хвороста на растопку; и грузные фигуры буров в синих куртках, широкополых шляпах и *башмаках-вельдскунах*; и шестерка распряженных волов на городской площади — животные стоят, лениво понутив головы и отмахиваясь хвостами от мух, а рядом суется погонщики-готтентоты; и роскошные цветы на фруктовом рынке; и мускулистые обнаженные тела рабов, несущих портшез с белой красоткой; и женщины-рабыни, устроившиеся на солнышке с шитьем — лица их лоснятся, в волосах цвета воронового крыла блестят серебряные заколки.

В девять часов вечера раздается залп из замкового орудия. Носильщики портшезов немедленно просыпаются, разминают одеревеневшие мышцы и, подхватив нарядные стеклянные ящики на длинных шестах, спешат за своими хозяйками. И вот уже бегут-торопятся по неровным, разбитым мостовым носилки с капскими леди и их мамушками. Ярко светит в небе Южный Крест, покачивается на ходу подвесной фонарь, а юные красавицы сидят, обмахиваясь веерами, напевают себе под нос привязавшийся мотивчик котильона или, может быть, с улыбкой вспоминают, что

там этот нахал мичман Робинсон нашептывал насчет завтрашнего свидания. И тут — словно в напоминание размечтавшимся барышням, что они все-таки не в Париже, не в Лондоне или Гааге — все городские псы поднимают лай, а на обочине мелькает силуэт гиены с какой-то падалью в зубах.

Поздно вечером леди Энн отправляется в постель с сознанием исполненного долга: она в очередной раз поддержала реноме родной державы. А в это время в Садовом домике — где по углам поют сверчки и ночные мотыльки слетаются на пламя свечи — старый лорд Макартни знакомится с последними депешами из Лондона. С чувством глубокого удовлетворения читает он, что Англия пока остается непобежденной.

В 1803 году Кап снова перешел в руки голландцев. Незадолго до этого чета Барнардов покинула Африку и вернулась в Лондон. На протяжении четырех лет они вели обычную столичную жизнь, а затем разразилась война с Наполеоном. Англия снова захватила Кап. Эндрю Барнарду предложили вернуться в Южную Африку вместе с лордом Каледоном, новым губернатором Капа. Он согласился поехать на полгода, оставив жену дома.

Хотела бы я знать, — вскоре писала леди Энн, — где это письмо настигнет Вас, мой возлюбленный супруг. Ах, Барнард, если бы все случилось заново, я бы ни за что не согласилась на разлуку с Вами. Не позволяйте Вашей миссии затянуться сверх оговоренного срока. Надеюсь, что во время плавания Вам будет сопутствовать попутный ветер и что он скоро принесет Вас обратно...

Увы, все сложилось иначе. Лорд Барнард тяжело заболел, однако еще в мае 1807 года он писал жене,

пересказывая последние капские новости. В октябре, во время поездки во внутренние районы страны, он скончался и был похоронен на голландском реформатском кладбище неподалеку от Грин-Пойнта. Что касается леди Энн, она дожила до семидесяти четырех лет и даже в конце своей жизни сохраняла тот живой и доброжелательный интерес к окружающему миру, которым было отмечено ее недолгое пребывание на мысе Доброй Надежды.

8

Никогда не забуду тех волшебных дней, что я провел в сельской местности возле Кейптауна — среди фруктовых садов и виноградников, любуясь старыми голландскими фермами, которые сверкали на солнце белыми, словно заснеженными, стенами. В старину фермеры любили давать своим жилищам поэтические имена — например, «Велгемеенд», то есть «Исполненная лучших намерений»; или «Вергелеген» — «Удаленная»; или, наконец, «Морген-стер» — тоже красивое название, которое переводится как «Утренняя звезда». Точно так же, кстати, поступают и современные голландцы.

Капская ферма являет собой образец самого старого архитектурного стиля во всей Южной Африке. Отдельные черты этого стиля — подобно любимой музыкальной теме — сохранились и прослеживаются в работах современных архитекторов. В наиболее чистом виде его можно наблюдать непосредственно на Капе. Надо сказать, что стиль этот великолепно адаптирован как к местности, так и к жаркому климату Африки. По сути он является южноафриканским аналогом колониального испанского стиля в Южной Америке или же колониального английского в Каролине и Виргинии.

В семнадцатом веке обычная голландская ферма выглядела как скромное одноэтажное строение, в то время как дома богатых амстердамских купцов представляли собой шести- или семиэтажные здания обязательно с декоративным фронтоном, в котором размещались дополнительные чердачные помещения. Переехавшись в Южную Африку, голландцы вполне успешно соединили одноэтажную ферму с амстердамским фронтоном. Со стороны могло бы показаться, что это весьма неудачное сочетание — фронтон, располагающийся на уровне глаз. Однако на деле все вышло как раз наоборот. Пресловутый фронтон стал наиболее интересной деталью здешних ферм. Он служит украшением самых заурядных построек, придавая им неповторимую оригинальность.

Капская ферма — длинное многокомнатное здание, по размерам и пропорциям смахивающее на наши гемпширские амбары. По бокам у него симметричные фронтоны, которые повторяют очертания соломенной крыши. Третий же, самый большой фронтон высится в центре, над входной дверью. В нем располагается чердачное помещение, которое в старину использовалось как склад или как классная комната для детей. Стены фермы всегда сияют свежей побелкой, создающей ощущение приятной прохлады на ослепительном африканском солнце. Деревья, в основном дубы, насаживаются так близко к дому, что их кружевная тень отпечатывается на стенах. В нескольких ярдах от основного здания непременно стоит изящная белая арка с так называемым «рабским колоколом». На некотором удалении от дома размещаются хозяйственные постройки — конюшни, амбары, склады и виноградные давилки. Все здания выдержаны в едином стиле и тоже обязательно побелены.

Эти старые голландские фермы произвели на меня неизгладимое впечатление своей солидностью и

чувством собственного достоинства. Там, должно быть, очень приятно жить, думалось мне. Все сыты и довольны, занимаются своим делом. Ходят неспешно, работают обстоятельно — ибо такие занятия, как земледелие и виноградарство, не предполагают спешки.

Одна из самых живописных капских усадеб — Хрут-Констанция, расположенная в двенадцати милях от Кейптауна. Здесь производилось вино «Констанция», очень популярное в Европе в восемнадцатом столетии. И хотя сама ферма сегодня превращена в музей, ее знаменитые виноградники сохранились и продолжают плодоносить. К дому ведет длинная дорога, обсаженная вековыми дубами. И когда вы приближаетесь к концу тенистой аллеи и видите перед собой ослепительно-белое здание Хрут-Констанции, даже как-то неловко вламываться в пределы фермы и нарушать ее идиллический полуденный сон.

Сторож проводил меня в просторный прохладный холл, являвшийся продолжением парадного крыльца. По обе стороны от него располагались комнаты с высокими потолками. Еще одна, центральная дверь вела в длинный *салун* — столовую по-нашему. В задней части дома располагались кухонные помещения и спальни для гостей. Все здание дышало простором и спокойным достоинством. Оно идеально соответствовало величественному духу семнадцатого столетия. Построивший его человек наверняка жил в прекрасном доме в Голландии и здесь, на южноафриканской земле, постарался воссоздать привычную атмосферу. То же самое происходило в Виргинии и Каролине, где переселенцы из Англии устраивали себе жилища по образу и подобию родных английских домов.

Закончив осмотр главного здания, я заглянул в хозяйственные постройки, где производилась и хранилась знаменитая «Констанция». Вино это относилось к разряду десертных и обладало столь

приятным и своеобразным вкусом, что искушенные европейцы восемнадцатого века предпочитали его остальным напиткам такого рода. Наверное, виноделы меня поймут, если я скажу: своим непревзойденным качеством «Констанция» обязана тому парадоксальному факту, что некоторые виноградники дают великолепное сырье.

Отчего, неизвестно, ведь соседние виноградники — отделенные от данного всего лишь изгородью или канавой — ничем особым не выделяются. Существует, правда, мнение, будто здесь сыграл свою роль обычай скручивать стебли на лозе — дабы избежать чрезмерного роста побегов. В результате ягоды превращаются практически в изюминки. Вот они-то и идут под пресс. Якобы этим и объясняется богатый оттенками сладкий вкус местного вина. Если говорить о сортах, то здешний виноград относится к сортам мускат и мускат де фронтиньяк. Немалое значение для качества вина имела тщательность, с которой оно производилось и транспортировалось в Европу.

Кажется вполне естественным, что, скажем, Ричард Шеридан был большим поклонником «Констанции». Меня больше поразила другой факт: оказывается, Наполеон настолько любил это вино, что не мог без него обходиться даже в ссылке, и его верный спутник маркиз Лас Казас доставлял ему бутылки «Vin de Constance» прямо с винодельни. Говорят, будто бокал «Констанции» — последнее, что попросил опальный император перед своей кончиной на острове Святой Елены. В 1769 году имение Хрут-Констанция посетил известный французский мореплаватель Антуан де Бугенвиль, который также попробовал знаменитое вино за обедом. Приятно знать, что Южная Африка принимала у себя в гостях человека, чье имя столь изысканно увековечено на всех стенах страны.

В Южной Африке множество мемориалов, посвященных Сесилу Родсу, но самым интересным и необычным, на мой взгляд, является Хрут-Скер — чудесный дом, который Родс построил на окраине Кейптауна. Этот человек так был увлечен своей мечтой о новом англосаксонском мире — мирном и прекрасном, о государстве по имени Соединенные Штаты Южной Африки, что на такие мелочи, как декор комнат, конструкция столов и кроватей, у него попросту не оставалось времени. Родс чувствовал себя счастливым и в жестяном сарае с раскладушкой и «гладстоновским» саквояжем в качестве подушки. Ну и, конечно же, он был убежденным холостяком.

Тем не менее со временем, достигнув вершин власти, Родс приобрел старинное здание, которое называлось «Большой амбар» (или «Хрут-Скер» по-голландски) — Ост-Индская компания когда-то действительно хранила здесь зерно. Здание приглянулось Родсу, и он решил перестроить его с тем, чтобы устроить себе наконец нормальное жилище. Это, кстати, чуть ли не единственный случай, когда Родс озаботился домашним уютом.

Как-то раз за обедом он познакомился с молодым застенчивым архитектором и между делом попросил его заняться перестройкой Хрут-Скер. Это стало началом сотрудничества — чрезвычайно счастливого для Южной Африки — между Сесилом Родсом и Гербертом Бейкером. Вскоре уже к зданию пристроили дополнительное крыло, а в нем приготовили новую спальню для хозяина. Но Родс продолжал по привычке жить в маленькой садовой хижине, в которой раньше обитали рабы. Потребовалось немало усилий со стороны архитектора, чтобы уговорить Родса покинуть старую

лачугу и перебраться в новое жилье. И даже когда перестройка Хрут-Скер была окончательно завершена — дом заново обставили старой голландской мебелью, и Родс им явно гордился, — и тогда он пользовался случаем, чтобы потихоньку улизнуть через заднюю дверь и уединиться в одной из хибарок. Сейчас ведутся споры, действительно ли он намеревался жить в Хрут-Скер или же это был мимолетный каприз. А может, женская интуиция (которая заменяла ему жену) подсказала, что настало время покончить с трущобами из ржавого железа. Пора, мол, устанавливать новые эстетические стандарты в Южной Африке!

Так или иначе, а постройка Хрут-Скер стала событием. До этого момента никто, кроме кучки энтузиастов вроде мадам Купманс де Вет, даже не заводил разговор о таком явлении, как капская архитектура. В равной степени никого не интересовала и голландская мебель семнадцатого века. И вдруг все это в одночасье стало модным! Таким образом, можно утверждать, что постройкой собственного особняка Сесил Родс вдвойне облагодетельствовал страну. Он не только дал путевку в жизнь новому южноафриканскому стилю в архитектуре жилища, но и заложил основы современной мануфактуры, имитирующей интерьеры семнадцатого века. Согласно завещанию Родса Хрут-Скер отошел в собственность нации в качестве будущей резиденции премьер-министра Южно-Африканского Союза. Случилось это за несколько лет до возникновения самого Союза.

Мне повезло: я получил приглашение от фельдмаршала Смэтса отзавтракать в Хрут-Скер. По этой причине в половине восьмого утра я уже был в пути — катил по Де Вааль-Драйв в сторону бывшей резиденции Сесила Родса. На выезде из Кейптауна я притормозил — мне хотелось еще раз полюбоваться великолепным видом на Столовую бухту. Затем дорога

сворачивала в глубь материка, и скоро я уже проезжал мимо Университетского комплекса — воплощенной мечты Родса. Прекрасные белые корпуса университета четко выделялись на фоне массивных темно-голубых отрогов Дьявольского пика. Неподалеку был устроен загон, в котором паслись зебра и дикий бык. Дорога сворачивала, немного не доезжая до этого живописного места, и уходила вниз — прямо к Хрут-Скер.

Это оказалось большое белое здание с фронтонами, колоннадой и обязательной для южноафриканского дома верандой. Перед домом прохаживался чернокожий садовник, поливавший из шланга цветочные клумбы. Я разглядел бронзовую табличку на центральном фронтоне: текст был посвящен высадке миссии ван Рибекы.

После завтрака генерал (а этот емкий титул используется в Южной Африке повсеместно) повел меня осматривать дом, и я поразился, как много комнат сохранилось в том же состоянии, что и при Родсе. Так и кажется: вот сейчас распахнется дверь и перед вами предстанет сам хозяин в белых тиковых брюках для верховой езды. Мне подумалось, как странно, что личность этого человека — который при жизни практически не уделял внимания убранству своего жилища — столь прочно отпечаталась на стенах дома, на столах, стульях и прочих предметах интерьера.

И все же самым интересным помещением в Хрут-Скер, на мой взгляд, является спальня Родса. Она в полной мере отражает характер и привычки своего хозяина. Эту большую полупустую комнату никак не назовешь спальней миллионера. Скорее уж она напоминает жилище солдата, привыкшего к ночевкам в походных биваках. Из окон открывается замечательный вид на горы, и наверняка сам Родс неоднократно им любовался. Я обратил внимание на кровать: она казалась чрезвычайно жесткой и неудобной. Количество

прочей мебели было сведено к минимуму. Зато на стенах висели два портрета египетских фараонов, гравюра с изображением Наполеона, коронующего самого себя, и фотография некой чернокожей женщины.

Закономерно возникает вопрос: кто эта женщина в спальне Сесила Родса? Сморщенная старуха из племени зулу глядела прямо в объектив, темные глаза в сеточке морщин, высохшие руки чинно сложены на коленях. Как мне объяснили, она была женой Мзиликази, бывшего верховного вождя матабеле. Вернее сказать, последней из оставшихся в живых жен Мзиликази. Женщина эта сыграла важную роль: благодаря ей состоялась историческая поездка Родса в Матопос, на переговоры с вождями восставших туземцев. Дело происходило в 1896 году во время широкомасштабного мятежа матабеле. Сесил Родс доверился покровительству старой зулуски и отправился на встречу безоружный, в сопровождении всего нескольких соратников. Переговоры прошли удачно, и в результате мятеж удалось погасить. Генерал пересказал мне эту историю вкратце, но позже я обнаружил подробное описание событий в замечательной книге доктора Ганса Зауэра «Ушедшая Африка». Зауэр был одним из троих людей, сопровождавших Родса в его дерзкой поездке. Он вспоминал, что буквально до последнего момента был уверен, будто всех их ждет неминуемая и жестокая казнь.

Как произошла та знаменательная встреча? До смешного случайно. Как-то раз Сесил Родс отправился на охоту в обществе нескольких друзей из Капа. По дороге они заметили цыплят, гулявших возле одинокой хижины, и решили их изловить. Однако не успели они прикоснуться к цыплятам, как из дома выскочила древняя старуха и с руганью накинулась на похитителей. Родс попытался ее успокоить, тут-то и выяснилось, что старуху зовут Ньямбезаной, она вдова

Мзиликази и мать одного из мятежных вождей. Родс, которого все убеждали, что для подавления восстания потребуется не меньше десяти тысяч солдат, ухватился за этот неожиданно выпавший шанс. Он решил лично поехать к мятежникам, а старуху уговорил стать его посредницей в переговорах.

История этой поездки Родса на *индабу* (то есть сходку вождей) — той самой, что принесла мир Родезии, по своей отчаянной смелости стоит в одном ряду с безрассудным поступком Пита Ретифа, который на свой страх и риск отправился к зулусскому королю Дингаану. Всем известно, сколь печальные последствия имела выходка Ретифа: он сам и все его спутники были зверски убиты Дингааном. Сесил Родс благополучно избегнул подобной участи. А посему, думаю, с полным основанием можно утверждать, что старая зулуска, чей портрет висит в спальне Родса, стала самой важной женщиной в его жизни.

Мы спустились вниз, и генерал продемонстрировал мне еще одну небольшую комнату, оставшуюся в неприкосновенности после смерти хозяина. Это была библиотека Родса, и она произвела на меня сильнейшее впечатление! Несколько сотен томов — все отпечатанные на машинке, в одинаковых сафьяновых переплетах красного цвета. Здесь, кстати, уместно рассказать еще одну удивительную историю из жизни Сесила Родса. Одним из любимейших писателей Родса был Эдуард Гиббон. Он настолько восхищался Гиббоновой «Историей упадка и разрушения Римской империи», что пожелал перечесть всех латинских и древнегреческих авторов, которые встречались в примечаниях. В продаже их, естественно, не было. Тогда Родс зашел в один из книжных магазинов на Пиккадилли и сделал необычный заказ: попросил, чтобы кто-нибудь из оксфордских или кембриджских ученых перевел для него указанные произведения. И, представьте себе, его

заказ выполнили! В Хрут-Скер потек нескончаемый поток переводов — все они были аккуратно отпечатаны на английском языке. И так продолжалось до тех пор, пока не выяснилось, что счет за присланные книжки уже подбирается к 8 тысячам фунтов стерлингов.

Мне очень хотелось ознакомиться с библиотекой Родса, ибо я читал о многочисленных нападках, которым он подвергался. Его высмеивали как тупого толстосума, который платит непомерные деньги за тривиальные переводы Овидия и Цезаря. Каково же было мое удивления, когда выяснилось, что большую часть библиотеки составляют редчайшие византийские тексты, которые никогда ранее не переводились. Здесь собрана великолепная коллекция византийских авторов, не имеющая аналогов ни в одной английской библиотеке! Уверен, что студентам, изучающим историю Византийской империи, будет интересно узнать наименования произведений. Всего за несколько минут, бегло просмотрев имена на корешках книг, я обнаружил: «Историю» Агафия из Мирины; «Хронографию» Иоанна Кантакузина; «Историю Иоанна Комнина», писанную Никетом; еще три «Истории» — Михаила Атталийского, Иоанна Куропалата и Феофана; а также «Анналы» Занара и книгу Константина Багрянородного «О церемониях Византийского двора». И все эти сокровища собраны в одной маленькой комнате! Хочется надеяться, что рано или поздно редкие тексты из библиотеки Родса будут опубликованы и, таким образом, станут доступны широкому кругу читателей.

Спартанская обстановка Хрут-Скер произвела впечатление и на миссис Гертруду Миллин, которая так описывает ее в биографической книге «Родс»:

Это сугубо мужское жилище. В доме практически нет слуг женского пола, а всем посетительницам рекомендовано держаться как

можно незаметнее. В Хрут-Скер пятнадцать спален и две ваннные комнаты. Одна из них — отделанная мрамором, с огромной гранитной ванной — является предметом особой гордости хозяина. Некоторые спальни снабжены весьма приличными зеркалами. К сожалению, этого нельзя сказать о спальне самого Родса: здесь нет ни зеркала, ни книжной полки на стене, ни приятных глазу картин — вообще ничего уютного, располагающего к отдыху.

Родс нисколько не возражал против посетителей в Хрут-Скер. Люди приходили и свободно разгуливали по его поместью, нередко можно было встретить совершенно постороннего человека и в самом доме. «В усадьбе постоянно толклись многочисленные гости, — вспоминал Гордон ле Зауэр, один из секретарей Родса. — Они ходили туда-сюда, заглядывали в окна, нимало не смущаясь присутствием хозяина. Скорее всего, они даже не признавали мистера Родса в сидящем на веранде человеке. То и дело слышался звон колокола — это очередная парочка решила таким образом развлечься. Люди приходили, просили подать чай (что всегда неукоснительно исполнялось), разгуливали по комнатам, заходя во все незапертые двери. Как-то раз после обеда я заглянул в библиотеку и застал там незнакомого фермера, который сидел в глубоком кресле и читал газету. Я поинтересовался, могу ли быть ему чем-то полезен, и услышал в ответ: «Да нет, приятель». «Тогда что вы здесь делаете?» — с негодованием спросил я. «Да просто осматриваюсь, — нимало не смутившись, отвечал он. — Ведь это же дом Сесила Родса, не так ли?»

Подобно всем людям, не имеющим отношения к литературному творчеству, Родс наивно полагал, что стоит только поместить писателя или поэта в удобное и

живописное место, и тот немедленно начнет творить свои шедевры. Глубочайшее заблуждение! Опыт показывает, что лучшие образцы литературы возникали как раз-таки в качестве протеста против невыносимого существования. Привезите какого-нибудь поэта на Кап, и он, скорее всего, не напишет ни строчки. Будет просто сидеть и наслаждаться жизнью. И успокаивать свою совесть тем, что все уже и так написано людьми, более талантливыми, нежели он.

Бедняга Родс об этом не догадывался. А посему снова пригласил сэра Герберта Бейкера, чтобы тот перестроил небольшой коттедж под названием Вулсак, который стоял рядом с Хрут-Скер — от усадьбы его отделяла лишь голубая река цветущих гортензий. Предполагалось, что в доме оборудуют комфортабельное убежище, где заезжие художники и писатели могли бы наслаждаться великолепными пейзажами и — по собственным словам Родса — «вдохновляться, дабы средствами своего искусства лучше отражать красоту и величие нашей земли». В скором времени убежище было готово — очаровательный белый дом с маленьким крытым двориком, так называемым атрием. И первым его постояльцем стал Редьярд Киплинг, который имел привычку ежегодно выезжать с семьей в Южную Африку.

Хотя в книге писателя «Кое-что о себе для моих друзей, знакомых и незнакомых» и сохранились воспоминания о приятных каникулах в Вулсаке, но, думается, Киплинг разочаровал своего гостеприимного хозяина. Кроме кратких строк:

Под жаркой Констанцией зреет темный густой
виноград,
Склоны в цветущем терне, облачка недвижно

стоят... [1]

Да еще вот этих:

...Хоть маргариток веселых,
Белее дюнных песков... [2]

ничто не свидетельствует о каком-то особом вдохновении, посетившем поэта на Капе. Похоже, что окружавшая его красота (а Киплинг, естественно, не мог ее не видеть и не ощущать) подействовала на него как седативное средство. Бедный Родс! Он, должно быть, посматривал на Киплинга точно так же, как заглядывал в рудник Большая Дыра, вырытый старателями в районе Кимберли. Точно известно, что алмазы там есть, но непонятно, когда же они покажутся на белый свет. Увы, киплинговские алмазы так никогда и не засияли для Родса. И лично меня это нисколько не удивляет. Я прекрасно понимаю Киплинга. По крайней мере у меня не возникало желания работать на Капе. Хочется просто смотреть по сторонам и впитывать в себя эту красоту. А пером вашим может воспользоваться любой желающий — пусть пишет, если охота.

10

Крутая тропинка вела меня по склону горы, расположенной сразу за Хрут-Скер. Я карабкался вверх, чтоб взглянуть на мемориал Сесила Родса. Наконец взору моему предстало гранитное сооружение с массивной лестницей и колоннадой. По виду оно напоминает древнегреческий храм. Внутри установлен бюст Родса: отмеченное печалью лицо, взгляд задумчиво

устремлен вдаль. Я прочитал строки Киплинга, высеченные на пьедестале:

Не спит, не спит неумный дух,
Повсюду успеть спеша.
При жизни он был заодно со страной,
И с нею осталась душа.

По словам сэра Герберта Бейкера, храм сей возведен на площадке, где сам Родс любил сиживать на скамейке и любоваться «своим любимейшим пейзажем». А мне как-то не верится, чтобы расстилавшаяся внизу долина была «любимейшим пейзажем» Родса. Наверняка его «волевое, задумчивое лицо» обращено на далекий север, туда, где скрывалась страна, названная его именем, та, которую он действительно любил больше всего на свете.

О Сесиле Родсе уже написано множество книг, а в будущем к ним, несомненно, прибавятся новые. И надеюсь, они помогут отделить катастрофическую неудачу Родса — так называемый рейд Джеймсона — от великих достижений этого человека. Мне больно, что одна прискорбная ошибка заслоняет все предыдущие заслуги Сесила Родса. Напомню, что родился он в Бишопс-Стортфорде (Англия) в большой и дружной семье приходского священника. В юности у Родса обнаружили чахотку, и для поправки здоровья он уехал в Южную Африку, где у его брата была небольшая ферма. Благодаря своей кипучей энергии и проницательному уму Родс стал миллионером и все свое значительное состояние употребил на реализацию заветной мечты о Pax Britannica.

Современная литература рисует нам противоречивый портрет этого человека — сильная и яркая личность, одновременно реалист и мечтатель,

жесткий делец и щедрый благодетель, искушенный политик и вечно юный энтузиаст, поэтический фантазер и прожженный циник (утверждавший, что «всякий человек имеет свою цену»). Не удивляйтесь: все это действительно присутствовало в Родсе, да вдобавок еще сочеталось с непостоянством характера и причудами, которые со времен Наполеона считаются неотъемлемой частью сильных натур, самодеятельных Цезарей. Подобно своему великому предшественнику Родс имел верный глаз на помощников и с первого взгляда умел распознать гения в толпе бездарей. Он находил какого-нибудь безвестного молодого человека и говорил ему: «Делай так-то». И все складывалось блестяще, и молодой человек становился знаменитостью. Именно такая легенда культивируется на страницах биографической прозы. Слов нет, великим покойникам принято петь дифирамбы. Но я бы с большим интересом почитал о жизненных неудачах Родса, о тех людях, которые его обманули или разочаровали, о тех гадких утятах, которые на поверку не стали даже гусями.

Я не знаю человека, который бы за столь недолгую жизнь (напомню, что Сесил Родс прожил всего сорок девять лет) сделал больше для реализации Великой Имперской Идеи. Эта идея была религией и смыслом жизни Родса. Мало найдется людей, которые бы так беззаветно и бескорыстно служили своей мечте. И еще одно замечание: мне кажется вполне закономерным, что человек, чьими усилиями появилось столько выпускников университета, сам так и остался недоучившимся студентом.

На обеде присутствовали: профессор А, профессор Б, доктор и еще некто, чье имя я то ли не расслышал, то ли

не запомнил. Мы все сидели в клубе и вели беседу о Кейптауне.

— Кстати, а много ли существует названий, где бы присутствовало слово «Кап»? — спросил я. — Сколько вы можете вспомнить?

— Ну прежде всего, конечно, «Капский доктор», — сразу же откликнулся профессор Б.

— И «кап-карт», капская повозка, — добавил доктор.

— Ага, а также «капский крыжовник» или физалис, — внес я свою лепту.

— А про «кап-датч», капский голландский язык, вы забыли? — вмешался незнакомец.

— Да-да, и еще «кап-пиджин», он же капский голубок, — припомнил профессор А.

— А как насчет гардении садовой или капского жасмина? — не сдавался профессор Б.

— И капской курочки, как у нас здесь называют альбатроса, — напомнил доктор.

— Ну, тогда уж надо вспомнить и капских цветных, — пожал плечами я.

В разговоре возникла долгая пауза.

— Капский купец! — воскликнул наконец незнакомец с торжествующим видом.

— Капские облака, — спокойно парировал доктор.

— Точно, — поддержал его профессор Б, — их еще называли Магеллановыми облаками.

Мы посидели еще немного и разошлись по домам. Уже в дверях профессор А (который последние полчаса пребывал в странной задумчивости) вдруг остановился и провозгласил с победным блеском в глазах:

— Капский морок!

После чего, не оглядываясь, удалился.

— Он прав, — сказал доктор. — Это такой мираж на море.

В моей памяти осталось воспоминание о вечере, который я провел в кейптаунских трущобах под

названием «дистрикт номер шесть». Справедливости ради следует сообщить, что был я там не один, а в компании вооруженного сержанта полиции. В тот вечер в районе царило относительное спокойствие. А все потому, что накануне шайка местных головорезов, обкурившись конопля, вырвалась на улицы и наделала много шума со своими бритвами и велосипедными цепями. Туда незамедлительно послали полицейских, последовала целая серия арестов. Так что на следующий день и буянить-то было некому. Каковы мои впечатления от посещения «дистрикта»? Ну, что сказать... Я увидел то же самое, что ранее наблюдал в различных иностранных трущобах. Та же смесь хорошего и дурного, чистого и испорченного — как везде в мире. Никаких особых признаков порока или деградации я не заметил. Если уж говорить о потрясениях, то самым большим шоком для меня оказалось возвращение обратно. Только что я находился посреди грязи и беспорядка и вот вновь стою на фешенебельной улице Кейптауна.

На следующий день я вновь вернулся в тот же район, чтобы присутствовать на малайской свадьбе. Это было прелестнейшее представление! Несколько часов я в числе прочих гостей провел за праздничным столом, уставленным цветами и засахаренными фруктами. На возвышении (чтобы всем было видно) восседали виновники торжества — серьезный жених и очаровательная маленькая невеста в окружении целого выводка подружек. Новобрачные весь вечер улыбались и, вежливо кланяясь, принимали поздравления мусульманской родни.

Глава третья

Голландия в Южной Африке

Я ненадолго заглядываю в университетский Стелленбош, а затем отправляюсь исследовать фруктовую страну, расположенную в Дракенштейнской долине и Паарле; провожу незабываемый день в Цересе, после чего осматриваю Тулбах и держу путь в Пикетберг; здесь я знакомлюсь с семьей, которая уже на протяжении восьмидесяти лет живет в горах.

1

В какой-то момент капский ветер стих, и установились жаркие ноябрьские деньки. Столовая бухта превратилась в спокойное озеро, а далекие вершины гор четкими фиолетово-голубыми контурами выделялись на фоне неба.

Весенние первоцветы начали постепенно исчезать со склонов холмов, зато в кейптаунских садах наступила пора буйного цветения. Европа и Африка счастливо уживались на ухоженных клумбах: рядом с штокрозами и георгинами там красовались бугенвиллеи и гибискусы. Все водоемы, включая придорожные лужи, покрылись желтыми и белыми лилиями.

Между тем, дело двигалось к Рождеству, и, выйдя на Эддерли-стрит, я убедился: традиции, зародившиеся в холодном климате Северного полушария, неукоснительно соблюдаются и здесь, в Южной Африке. Странно было наблюдать, как посреди этой цветочной

круговерти на витринах магазинов вырастают крошечные сугробы из ватного снега. Там же стоял Рождественский Дед в тяжелой малиновой шубе с опушкой, а рядом с ним, как полагается, запряженный в санки северный олень. И все это было густо затянуто мишурной изморозью, ослепительно блестящей на жарком южноафриканском солнце.

2

Стояло ясное солнечное утро. На выезде из Кейптауна я обратил внимание на пологие зеленые холмы, которые вполне могли бы стоять где-нибудь в Саут-Даунс. Это сходство с Сассексом настолько завораживало, что мне казалось: вот сейчас сверну за угол и увижу «Уилмингтонского человека» во всей его красе. Затем наваждение рассеялось. Впереди обозначились зазубренные контуры гор — темно-голубые, будто выкрашенные берлинской лазурью. Между ними пролегла Дракенштейнская долина.

Первым местом, куда я приехал, оказался маленький очаровательный Стелленбош. В эти утренние часы городок был заполнен велосипедами. Со всех сторон раздавались мелодичные звонки: молодые люди и девушки, все с книжками и конспектами под мышками, торопились на лекции. Я вполне понимаю этих ребят. Им было куда спешить — впереди их ждали богатство и слава. Мне подумалось: какой прелестный городок! Здесь все так или иначе связано с университетом. Учебные корпуса расползлись по всему Стелленбошу и его окраинам. Современные светлые здания соединяются между собой тенистыми дубовыми аллеями, вполне заменяющими крытые аркады. А благодарить за это следует губернатора Симона ван дер Стела, который в свое время позаботился насадить

дубовые саженцы. В результате сегодня, по истечении двух с половиной столетий, улицы Стелленбоша превратились в широкие зеленые туннели, в тени которых прячутся белые домики. Река Эрсте весело несет свои воды меж каменных берегов, навевая воспоминания о голландских каналах.

После Кейптауна Стелленбош — второй по древности город в Южной Африке. На протяжении долгих двадцати шести лет голландские переселенцы не решались покинуть Капское побережье. Время от времени они совершали вылазки «во внутренние области», но жить продолжали поблизости от форта — в пределах слышимости друг от друга (или, уж наверняка, в пределах оружейного выстрела). Оно и понятно: обстановка в те дни не способствовала рассредоточению. По ночам вокруг бродили львы и «тигры» (как колонисты называли леопардов). Но куда хуже диких зверей были кочующие орды готтентотов, а еще дальше, на холмах, жили грозные бушмены. Однако Симон ван дер Стел, величайший из всех голландских губернаторов Капа, в 1679 году размышлял над судьбами своего маленького королевства и пришел к мудрому и дальновидному решению: для белого человека наконец-то настало время оторваться от Столовой бухты и сделать первый шаг в глубь африканского континента.

Этот первый шаг и привел голландцев в Стелленбош. Несколько отважных фрименов взяли в обработку землю в той местности. Надо сказать, что тогда все здесь выглядело совсем иначе. Ни елей, ни дубов, ни эвкалиптов не было и в помине. Ни о каких виноградниках тоже говорить не приходилось. Все это еще предстояло насадить и вырастить. Будущим фермерам достался обычный кусок африканской земли, которая ждала умелых человеческих рук. Из Голландии привезли на Кап желуди в мешках. Их успешно

прорастили и стали ждать. Когда молодые побеги сделались толщиной с человеческий палец, их со всеми предосторожностями высадили в черноземную почву Столовой горы. Через десять лет саженцы — те, что не пострадали от нашествия бабуинов — уже достигали тридцати шести футов в высоту при толщине семь-восемь футов у основания. Такие темпы роста кажутся невероятными! Я бы и сам не поверил, если б не видел собственными глазами письменное свидетельство Симона ван дер Стела. Губернатор относился к Стелленбошу как к любимому детищу и ежегодно в день своего рождения устраивал здесь скромное празднество.

Он приезжал в коляске, запряженной шестеркой лошадей, и располагался в молодой дубовой роще. Губернатор беседовал с горожанами, раздавал кексы наиболее отличившимся студентам, а вокруг него разворачивалось настоящее ярмарочное веселье. Чтобы лучше представить себе эту картину, взгляните на картины Тенирса Младшего — он любил изображать старинные голландские *кермисы*, ярмарочные площади.

В современном Стелленбоше говорят на африкаанс. За все время пребывания в городе я едва ли услышал пару слов по-английски. Преподавание в местном университете (как и в Претории) тоже ведется на африкаанс. В отличие от них, Кейптаунский и Витватерсрандский университеты предпочитают английский язык. Книжные магазины Стелленбоша порадовали меня обилием и разнообразием произведений на бурском языке. По-моему, они служат лучшим доказательством успешного развития южноафриканской литературы.

Стелленбош по праву гордится своими земляками. Двое самых знаменитых из них — это генерал Херцог и фельдмаршал Смэтс. Первый со временем перебрался из Стелленбоша в Голландию, второй отправился учиться в

Кембридж. И хоть оба придерживались различных политических воззрений, в одном они были, безусловно, согласны: в Стелленбоше живут самые красивые и желанные девушки в мире. И Херцог, и Смэтс влюбились еще в студенческие годы и рано женились. Из своего краткого знакомства с городом я сделал вывод, что это было не так уж сложно.

В Стелленбоше я услышал одну историю, которая затем долго не шла у меня из ума. Признаюсь, мне так и не удалось разгадать этот ребус. Таинственная история! А дело было так. В 1797 году в Стелленбош приехала с визитом леди Энн Барнард, и *ланд-дрост* (так здесь называли магистратов) выслал навстречу высокой гостье свой экипаж. Каково ж было удивление леди Энн, когда на дверце кареты она увидела фамильный герб четвертого герцога Куинсберри! Да-да, того самого «Старины Куи», который прославился своим чрезвычайным женолюбием. Рассказывали, будто он и в семидесятилетнем возрасте развлекался тем, что сидел на балконе и рассматривал проезжавших мимо дам. Если какая-нибудь из красоток привлекала внимание старого сластолюбца, он делал знак лакею (тот уже ждал на улице — верхом и с записочкой в кармане), чтобы тот передал понравившейся даме приглашение. Конечно, в те времена английская знать нередко распродала свое имущество... Но все же согласитесь: встретить карету «Старины Куи», этого реликта георгианского Лондона, в Африке — запряженную шестеркой лошадей и с чернокожим кучером на козлах — событие из разряда невероятных.

Дракенштейнская долина — как и многое на Капе — выглядит совсем не по-африкански. Такая долина была

бы вполне уместна где-нибудь во Франции или даже в Германии. Думаю, если б в одну из ночей вы потихоньку перенесли ее в любую местность к западу от Бордо (желательно поближе к Севеннам), то наутро никто бы особо не и удивился. С севера Дракенштейнская долина защищена горами, чьи длинные склоны густо поросли елями и пихтами. Вообще в этой местности все (за исключением, может, самих гор) является результатом долгого и упорного труда европейских колонистов. Каждый квадратный ярд долины тщательно возделывается — здесь раскинулись фруктовые сады и виноградники. Среди деревьев белеют аккуратные *шато*, зеленые виноградники карабкаются по склонам холмов, совсем как в долине Рейна. И вся Дракенштейнская долина являет собой великолепный образчик чуждого ландшафта, магически перенесенного на африканскую почву.

Глядя на эту землю, такую европейскую с виду, трудно поверить, что когда-то здесь хозяйничали львы, леопарды и бабуины (последних, кстати, все еще можно увидеть в окрестностях долины). Даже чернокожие работники смотрятся несколько странно на фоне ухоженных виноградников.

В одном конце долины, в местечке под названием Франч Хук, воздвигнут мемориал французским гугенотам, которые вместе со своими голландскими собратьями осваивали Капский полуостров. Приятно, конечно, что южноафриканцы бережно хранят память о своих предках. Хотя, на мой взгляд, лучшим памятником французским переселенцам является сама Дракенштейнская долина с ее винодельческим бизнесом. Если рассматривать эмигрантское племя в целом — то есть всех тех людей, которым по политическим или религиозным мотивам пришлось в различное время покинуть родную землю, — то французские гугеноты, наверное, были самыми

желанными гостями на чужбине. И немудрено: ведь они обладали не только бесценными профессиональными навыками (которые ценились в любой принимающей стране), но и таким качеством, как абсолютная и безусловная лояльность к новой родине. Таким образом, можно сказать, что с прибытием гугенотов в развитии Южной Африки началась новая счастливая эра. И хотя число французских переселенцев было сравнительно невелико, трудно переоценить то воздействие, которое они оказали на южноафриканскую историю. Вновь прибывших колонистов расселили в местности, получившей название Франч Хук, а также на противоположном конце долины — вокруг Паарля. Перед французами ставилась задача разобраться, что же не так с капским вином, и поелику возможно привить новые полезные навыки местным жителям. А надо сказать, что голландцы уже на протяжении семи лет (с самого прибытия на Кап) предпринимали доблестные попытки производить вино. Увы, их продукция не пользовалась спросом ни в Батавии, ни в самой Голландии. Оценка экспертов не оставляла никаких надежд — капское вино по вкусу напоминало яблоки-дички. Однако, на счастье местных фермеров, среди гугенотов сыскались люди, знакомые с секретами французского виноделия.

Они прибыли на африканскую землю точно так же, как приезжали в другие уголки мира: не имея за душой ничего, кроме той одежды, что была на них, своих убеждений и своих уникальных трудовых навыков. Эти люди начинали с убогих глинобитных лачуг, но достаточно скоро стали владельцами очаровательных шато и лучших виноградников на Капском полуострове. Понадобилось всего несколько поколений, чтобы французские переселенцы породнились с голландскими соседями и обогатили их знанием французского языка и своих обычаев. Если бы какой-нибудь француз приехал

на Кап в конце восемнадцатого столетия и попытался отыскать своих бывших соотечественников, то он был бы сильно разочарован, обнаружив новую (и практически монолитную) общность южноафриканцев. Если они что и унаследовали от гугенотских предков, то французские имена и названия ферм, некую живость характера да особый способ выпечки хлеба.

Мы можем проехать по долине реки Берг — от Франч Хука до Веллингтона — и убедиться, что французские имена благополучно дожили до наших дней. Среди наименований ферм попадаются такие, как Ла Кот, Ла Дофин, Ла Тер де Люк, Ла Прованс, Шампань, Кабрье, Ле Пари, Дьедон, Бьендон, Ле Рон, Ле Арк де Орлеане и многие, многие другие. Если же говорить об именах тех, кто обитает на этих (и прочих) винодельческих фермах Капа, там вы непременно встретите Дю Туа, де Виллье, Маре, Жуберов, Малербов и прочих потомков французских эмигрантов.

Надо заметить, что здесь, в Южной Африке, гугенотские фамилии претерпели неизбежные трансформации, порой изменившись до неузнаваемости. Собственно, то же самое происходит и у нас в Англии: тысячи людей живут, не подозревая о своем французском происхождении. Если не брать в расчет экзотическую фамилию Букок, которая является совершенно явным англицизмом от французского «Beaucour», то большинство гугенотов — очевидно, в целях более успешной ассимиляции — очень ловко замаскировались под англичан. Для этого они просто-напросто переложили свои фамилии на английский лад. Так, мсье Леблан превратился в мистера Уайта, Тоннелье стал Купером, Лежен — Янгом, Ленуа — Блэком, а Уайзо — Бэрдом. Аналогичный процесс наблюдался и в Голландии: Дюбуа превратился в ван дер Боша, Леруа стал де Конингом, Леблан — де Виттом.

Я к сожалению, не могу сказать, до какой степени подобное утверждение применимо к Южной Африке.

Однако достаточно беглого взгляда на местный телефонный справочник, чтобы убедиться: огромное количество южноафриканских фамилий имеет гугенотское происхождение. Некоторые из них практически сохранились в первозданном виде, другие приобрели легкий голландский оттенок. Так например, фамилия Дюпре в Южной Африке звучит как Дю Прэз, Сенешаль превратился в Сенекаля, Вильон в Вильена, Селье в Силлие, Меснар в Миннаара. С другой стороны, множество имен — таких, как де Клерк, Дюплесси, Леруа, Маре, Малан, Ретиф и Малерб — сохранили исконную французскую форму.

Я исследовал эту чудесную долину от края и до края. Видел, как работают цветные рабочие в протяженных виноградниках и в ухоженных фруктовых садах: они подвязывали виноградные лозы, обрывали сливы и опрыскивали химикатами персиковые деревья в целях борьбы с вредными насекомыми, которые, судя по всему, прекрасно прижились и на южноафриканской почве. Я любовался старинными французскими шато, излучавшими атмосферу мира и спокойного достоинства. Ла Прованс, Бушендаль, Ламотт, Ле Рон и Бургонь (иногда произносится как Бургундия) — все стояли, обратившись лицом к аккуратным садам и виноградникам и сверкая ослепительно-белыми фронтонами, на которых отпечатывалась кружевная тень окружающих деревьев.

Все эти шато выстроены в конце восемнадцатого века или, может быть, в начале девятнадцатого. И все они неуловимо похожи друг на друга — то же самое фамильное сходство, которое порой обнаруживается в очаровательных девицах из одного семейства. Хозяйка одного из таких шато любезно разрешила мне осмотреть дом изнутри. Я заглянул в традиционную *вуркамер*, или,

по-нашему, гостиную (в произведениях ранних писателей это сугубо дамская комната — здесь, как правило, сидит жена хозяина, его многочисленные дочери и рабыни). Из *вуркамер* можно попасть в соседние комнаты. Я обратил внимание на простую планировку здания, которая вполне соответствовала здешнему климату. Как мне объяснили, привычка строить одноэтажные фермы объясняется естественными причинами, к коим относятся частые капские ветра и недостаток в древесине. С другой стороны, те же причины применимы и к Голландии, однако там подобной традиции не сложилось. Голландские фермы и поныне строятся в виде бунгало.

Дальше я отправился в сторону горного массива Саймонсберг — этакой голубой Валгаллы. Долгий переезд завершился возле прелестной белой усадьбы, стоявшей в окружении пышных садов. Небольшой плавательный бассейн был заполнен прохладной водой горных ручьев. С веранды открывался великолепный вид на живописную долину, тянущуюся далеко на восток. В самом конце ее начиналась узкая белая тропинка, уходившая в глубь горных хребтов. Дорога эта под названием Франч Хук-пасс ведет через Готтентотскую Голландию в Восточный Кап. Я узнал, что в старину она называлась Олифантс-пасс, то есть Слоновый перевал. Невероятно, но получалось, что в прошлом — менее чем три столетия назад — по Дракенштейнской долине действительно разгуливали слоны.

Хозяин фермы оказался пожилым англичанином, который большую часть своей жизни посвятил строительству дорог, мостов и дамб, а также разведению виноградников и фруктовых садов. Это был один из тех безвестных героев, которые снабжают англичан свежими фруктами и помогают им пережить холодные британские зимы. Долгие годы, проведенные в

Южной Африке, не изменили его внешнего облика — в нем до сих пор угадывался выходец из Вест-Ридинга.

Сидя на открытой веранде, я слушал его рассказ о пионерах фруктового бизнеса — Страбене, Маллесоне и Дайси. Эти люди многое сделали для развития фруктовой промышленности Южной Африки. Однако наибольшее восхищение у него вызывал Пикстоун — человек, который первым догадался выращивать фрукты в оранжереях. По словам фермера, именно Пикстоун заручился поддержкой Сесила Родса и тем самым обеспечил успех всему предприятию. Как известно, Родс славился своей беззаботной щедростью, чем и снискал неувядающую любовь всех цветных работников на фермах. Его старый кучер по имени Герт рассказывал, что Родс никогда не скупился на чаевые. Просто доставал монетку из кармана и отдавал, не разглядывая. «А в то время, — рассказывал седовласый Герт, — шестипенсовик и полфунта были одного размера. Так что баас неоднократно ошибался и даже не замечал этого!»

Я слушал эти рассказы и восхищался тем, что, на мой взгляд, составляет главную прелесть старых капских ферм, а именно, такой планировкой, когда хозяйственные постройки и жилье для рабов располагаются в непосредственной близости от господского дома. Все здания в совокупности (включая амбары, конюшни и прочее) образуют неповторимый рисунок, который легко разрушить неряшливостью исполнения. Слава богу, капским архитекторам удалось избежать подобной ошибки. Они всегда рассматривали фермерскую усадьбу как единую композицию и размещали внешние службы — белые, крытые соломой здания — таким образом, чтобы не нарушать общего равновесия и не лишать весь ансамбль ощущения спокойного достоинства.

В былые времена капские фермеры обычно созывали рабов на работу при помощи специального колокола, который подвешивался внутри легкой арки — непременно детали бурского поместья. Эта конструкция — две изящные башенки с арочным перекрытием, непременно беленые, как и прочие постройки — является отличительной особенностью именно капской фермы. Я такого больше нигде не видел. Что касается здешней звонницы, то она дополнительно привлекла мое внимание бронзовой табличкой, на которой было выгравировано золотыми буквами:

*Посвящается Уильяму Уилберфорсу,
уроженцу города Халл, графство Йоркшир,
чьими усилиями в 1833 году было
уничтожено рабство.*

Хозяин фермы (тоже йоркширец по происхождению) прикрепил эту памятную табличку в 1933 году в честь столетнего юбилея знаменательного события — отмены рабства на территории Капской колонии. По его словам, он желал напомнить всем своим работникам — чернокожим мужчинам и женщинам — о подвиге Уильяма Уилберфорса, который посвятил жизнь освобождению угнетенного человечества. Достигнув великой цели, он коренным образом изменил жизнь огромного числа людей в этой части света. Так что сегодня ровный и мелодичный колокольный звон, плывущий над долиной гугенотов, не только возвещает начало и конец рабочего дня, но и напоминает о том чуде, которое случилось столетие назад. Если же вдруг случается, что колокол — ночью или днем — начинает бить громко, часто, тревожно, то местные жители знают: это сигнал тревоги. Значит, случился очередной степной пожар и надо спешить на помощь. К сожалению, подобные пожары в буше не редкость в летнее время.

Они наносят большой урон экономике, уничтожая растительность на склонах окрестных холмов и способствуя эрозии почвы.

Мы путешествовали по цветущей долине в жарком сиянии капского солнца. Все здесь выглядело ухоженным. Казалось, будто за каждым персиковым деревом ухаживает персональный слуга, а к каждой виноградной лозе приставлена собственная нянька. Именно здесь, в Дракенштейнской долине, была заложена основа для широкомасштабного производства фруктов, которые впоследствии стали немаловажным предметом экспорта Южной Африки. Хотя фрукты и прежде выращивались в капских садах (более того, они были объектом особой заботы коменданта ван Рибек), но лишь Сесил Родс всерьез задумался над проблемой транспортировки этого деликатного продукта за шесть тысяч миль, на европейские рынки. Не только задумался, но и успешно решил, вполне в духе своих имперских амбиций. У Родса была небольшая ферма в здешних местах, и вот как-то раз он пришел к управляющему и велел ему купить всю Дракенштейнскую долину! Миссис Миллин описывает этот случай в книге. Когда озадаченный управляющий заметил, что подобная покупка требует больших вложений — не меньше миллиона фунтов, Родс раздраженно перебил его. «Я не спрашиваю вашего совета! — прикрикнул он. — Я просто хочу, чтобы вы купили мне долину. Будьте добры исполнять!»

Именно так пятьдесят лет назад начинались «Фруктовые фермы» Сесила Родса. Они сыграли неоценимую роль в развитии фруктовой индустрии всей Южной Африки. Этот человек с присущей ему энергией и предприимчивостью не только развил и укрупнил мелкие производства, он сделал больше — сумел убедить судоходные компании в перспективности сотрудничества с фруктовым бизнесом. Смелая мечта

Родса воплотилась в жизнь. Заложенные им фермы существуют и поныне (хотя больше уже не принадлежат тресту Родса).

Я даже не представлял себе, сколь огромен и разнообразен выбор фруктов в Южной Африке. Фрукты выращиваются здесь круглогодично и практически в течение всего года доступны потребителю. Дабы читатель сам мог в том убедиться, я привожу ниже график созревания фруктовых культур. Итак:

- Октябрь: Клубника, апельсины и лимоны, инжир, гуавы, «капский крыжовник» или физалис.
- Ноябрь: Апельсины, ранние сорта абрикосов и персиков, клубника, физалис.
- Декабрь: Персики, абрикосы, инжир, ананасы, бананы, папайя, сливы, янгберри.
- Январь: Персики, сливы, груши, ананасы, папайя, ранний виноград.
- Февраль: Виноград, груши, сливы, нектарины, дыни, ананасы, бананы, персики, манго.
- Март —
апрель: Виноград, яблоки, груши, персики, сливы, бананы, папайя, авокадо.
- Май —
июнь: Ананасы, бананы, апельсины, лимоны, танжеринны, грейпфруты.
- Июль —
сентябрь: Апельсины, лимоны, танжеринны, грейпфруты, ананасы, гуавы, бананы.

Тропические и субтропические фрукты — такие, как манго, папайя, бананы и ананасы — в Западном Капе не произрастают, их выращивают в Натале и Северном Трансваале. Здесь, на южноафриканской земле, все растет и зреет исключительно быстро. Если говорить о персиках, абрикосах и апельсинах, требуется всего три-четыре года, чтобы маленький слабый саженец окреп и начал плодоносить. Для яблони, груши или сливы этот период растягивается от четырех до семи лет.

Слово «паарль» означает в переводе с африкаанс «жемчуг». Город с таким названием является одним из важнейших центров виноделия на Капе. Если вам когда-либо довелось пробовать южноафриканский херес, рейнвейн, красное бургундское или бренди, то сделано оно, скорее всего, в Паарле. И виноград, из которого произведено вино, выращивается там же, в окрестностях Паарля. Многие южноафриканцы уверены, что это один из прекраснейших городов на всем Капе.

Стоит приехать в Паарль, и опять начинает казаться, будто вы на юге Франции. Ярко светит солнце, городок стоит в окружении высоких гор, под ногами горячая пыль, воздух звенит от бесконечного пения цикад. Оглянитесь вокруг, и вы увидите маленькие белые домики, внезапные яркие вспышки цвета на клумбах и в палисадниках, глубокие тени, которые отбрасывают все мало-мальски крупные предметы, и, самое главное, целое море виноградников. Виноград тут повсюду: миллионы виноградных лоз лежат в полях и карабкаются по горным склонам, крупные ягоды зреют и наливаются сладким соком на жарком летнем солнце.

Чуть ли не все местные жители носят французские фамилии — что ни фермер, так Дюплесси, дю Туа или Виллье. И практически все население так или иначе связано с виноградом: либо выращивают его, либо превращают в вино. Все эти Дюплесси, дю Туа и Виллье (не говоря уж о многочисленных Леру, Вильенах и Маре) проживают на старых фермах или в маленьких белых домиках, выстроившихся вдоль длинной семимильной улицы. Уклад здешней жизни не меняется с годами. Люди живут и трудятся так же, как делали их далекие предки — гугеноты — те самые, что почти три столетия назад появились в окрестностях Паарля и принялись

обучать местных жителей искусству виноделия. Однако если сегодня в Паарль приедет какой-нибудь француз и начнет разыскивать близкого по духу (и речи) человека, то, боюсь, его ожидает жестокое разочарование. Ибо все эти французские имена постигла та же самая участь, что и ле Вальяна: фамилии сохранились, а вот носители их все до единого превратились в африканеров.

Именно это мне в первую очередь бросилось в глаза в Паарле: во-первых, масса людей, которые носят французские фамилии, но говорят на африкаанс; а во-вторых, сияющие белизной стены. Вообще, побелка на Капе — своеобразная униформа или, может быть, визитная карточка. Любое старинное здание демонстрирует всему миру безукоризненную белизну своих стен как неоспоримое доказательство древности. В Паарле подобное зрелище подстерегает на каждом шагу. Куда бы вы ни бросили взгляд, повсюду видны белоснежные стены: они светятся сквозь яркие брызги бугенвиллей и кружевную тень дубовых рощ; выделяются белым пятном на фоне зеленых виноградников, разбросанных по склонам холмов; радуют глаз в глубине цветущих палисадников. Даже местная церковь щеголяет свежей побелкой — подобно белому призраку маячит над старым погостом в окружении стройных кипарисов.

Говорю вам: даже если бы Паарль и не был столь прекрасен собой, если бы не излучал дух спокойствия и тихой радости, то и тогда стоило бы приехать в этот город — лишь для того, чтобы увидеть два его самых выдающихся здания. Прежде всего это уже упомянутая старая церковь с белеными стенами и соломенной крышей. Вторая же достопримечательность, которой гордятся жители Паарля, — новое сверхсовременное здание городской ратуши. Архитекторы снабдили его прелестной аркой и внутренним двориком, совершенно испанским на вид.

Организация под названием Ассоциация винодельческих кооперативов объединяет почти пять тысяч местных фермеров. Им принадлежат винные погреба, огромные чаны для изготовления вина, а также небольшое помещение, где любой желающий может ознакомиться с секретами южноафриканских марочных вин. Большая часть продукции поступает на британский рынок, и надо сказать, что в последние годы отмечено значительное улучшение вкуса южноафриканских вин, в особенности это касается местного хереса. Объясняется все просто — на Капе наконец-то освоили процесс «гипсования» вина, которым издавна пользовались испанские виноделы. Пусть вас не пугает странное название. Суть метода заключается в том, что перед ферментацией в виноградное сусло добавляют некоторое количество гипса. Подобные добавки позволяют обеспечить лучшую сохранность вина. Однако еще большим успехом южноафриканских виноделов стало раскрытие секрета «флора» — таинственной субстанции, которая, как считалось, не могла существовать нигде за пределами Испании. Что такое «флор»? Это определенная форма дрожжевой закваски, которая образуется в процессе ферментации сусла и затем тонкой спиртовой пленкой покрывает поверхность вина. В процессе брожения она увеличивается до 2 см толщины и не пропускает воздух. В результате вино контактирует только с этой пленкой и стенками бочки, благодаря чему развивается совершенно особенный букет.

Мне говорили, что дешевые виды вина вполне можно изготавливать и по старинке. Но в производстве элитных сортов хереса, таких как амонтильядо, фино и мансанилья, невозможно обойтись без «флора». Теперь благодаря исследованиям ученых из Сельскохозяйственного колледжа Стелленбоша южноафриканские виноделы получили вожделенный

рецепт «флора», что немедленно отразилось на качестве их продукции. Херес является самым знаменитым, но далеко не единственным сортом южноафриканских вин. Помимо него на Капе производят портвейны, рейнвейны, бургундские и шипучие вина. Что интересно, весь этот широкий ассортимент обеспечивается сырьем, получаемым в сравнительно небольшой географической области. И еще один любопытный факт: лишь малая толика великолепной винной продукции потребляется на внутреннем рынке Южной Африки. Несмотря на давние традиции винодельческой страны, местные жители практически не пьют вина. С чего бы это, недоумевают иностранцы?

Мне кажется, я нашел объяснение сему парадоксу. Дело в том, что предки современных африканеров были убежденными кальвинистами. Должно быть, в национальном характере южноафриканцев сохранилась некая суровая пуританская жилка, которая противится потреблению вина. И не то чтобы они осуждали алкоголь вообще (я заметил, что многие местные жители охотно пьют бренди собственного изготовления). Просто вино служит для них символом изнеженного, папистского Юга. Подобная версия кажется мне вполне правдоподобной. История алкогольных пристрастий южноафриканцев включает в себя и увлечение такими крепкими напитками, как арак и бренди (немало было выпито моряками в таверне «Де Опрегте Анкер» на Странде), и более позднюю моду на джин и виски, подававшиеся в барах Кимберли. Что же касается замечательных вин, порождения солнечных капских виноградников, то в Южной Африке они рассматривались лишь как предмет экспорта. Своих поклонников они нашли при европейских дворах восемнадцатого века, и уж там-то ни одно застолье не обходилось без южноафриканских вин.

Поскрипывая и постанывая на ходу, по склону холма медленно ползла громоздкая старая повозка. Впереди шествовал *вурлопер*, который вел за собой запряженных попарно волов. Основной же погонщик шел рядом с упряжкой, то и дело покрикивал на быков, обращаясь к каждому животному по имени.

Дорога была узкой, обогнать эту процессию не представлялось возможным. А посему я был обречен плестись сзади в облаке белой пыли и наблюдать, как цепочка рыжих быков одолевает подъем. Они шли медленно, не спеша, низко склонив головы и методично переставляя копыта. Их белые рога поблескивали на солнце. Достигнув наконец вершины холма, они остановились, чтобы перевести дух. Я тоже притормозил и вышел побеседовать с погонщиком — уже немолодым, успевшим поседеть капским «парнем». В знак приветствия он вежливо приподнял потертую фетровую шляпу, всем своим видом показывая, что не прочь перекинуться парой слов с заезжим иностранцем. Погонщику, несомненно, польстил мой интерес к его повозке, однако попытка измерить ее длину в шагах была встречена с насмешливым удивлением.

Такие бычьи повозки — *вагоны*, как их здесь называют — на мой взгляд, являются одним из интереснейших зрелищ в Южной Африке. Несмотря на появление большого числа грузовых автомобилей, старые *вагоны* все еще в ходу — тысячи подобных повозок бродят по Капской земле. Искусство делать такие *вагоны*, а также искусство передвигаться на них по горным склонам — вот два главных достижения, которыми могут похвастаться африканеры. И хотя жизнь в Южной Африке сильно изменилась за последнее столетие, кое-что осталось неизменным — неспешная,

мерная поступь быков, поскрипывание тяжелой повозки и щелканье кнута, когда он взлетает над круторогими, лобастыми головами. Да и слова, с которыми погонщик обращается к животным во время своих долгих путешествий, не сильно отличаются от тех, что использовали первые африканеры. Мне кажется, такой вот *вагон* служит главным символом человеческого прогресса в Южной Африке. Конечно, сегодня на африканской земле выросли сталелитейные заводы. По горным хребтам протянулись железнодорожные пути, по которым бегут вполне современные поезда. Электричество пришло в самые отдаленные уголки страны, сделав жизнь людей безопаснее и комфортнее. Однако поверьте: ничего этого бы не было без старого доброго *вагона*! И мне кажется, было бы справедливо, если бы изображение бурской повозки перекочевало со знамени Трансвааля на государственный флаг Союза. Ибо, на мой взгляд, этот *вагон* с упряжкой рыжих быков может по праву считаться настоящим символом всей Южной Африки.

Данное средство передвижения, как и все старинные фермерские повозки, являет собой подлинный шедевр колесных дел мастеров. Конкретно эта повозка имела в длину около двадцати футов, что вдвое превышает длину тех *вагонов*, на которых путешествовали вуртреккеры. Такие громоздкие повозки вошли в обиход лишь в семидесятых годах девятнадцатого столетия, а прежние походные *вагоны* были на удивление маленькими. Их средняя длина едва достигала двенадцати футов, что ставит их в один ряд с английскими фермерскими повозками. Внешне они тоже очень похожи. Это и неудивительно, ибо как походные *вагоны* треккеров, так и наши деревенские телеги являются вариациями старой голландской повозки. Данная модель проникла в Англию в шестнадцатом веке

и с тех пор широко использовалась наряду с нашими традиционными двухколесными тележками.

В прошлом для изготовления шасси и подрамников буры использовали очень качественный и прочный материал — так называемое «железное дерево». Позднее на смену ему пришла менее ценная древесина австралийской кари (она же гикори). Ступицы колес делали из кладрастиса (или «желтого дерева», как называли его туземцы). Дерево это произрастало в районе Книсны и отличалось крайней твердостью. Наконец древесина, из которой племена банту вытачивали древки своих ассегаев, шла на изготовление тягового устройства, а к нему уже прикреплялось дышло. Хочу напомнить, что дышло — такой длинный шест, к которому крепятся хомуты самой первой пары быков. В треккерских *вагонах* использовались и другие виды местной древесины — например, белой и красной груши. Основное отличие такого *вагона* от исходной голландской повозки заключается в том, что последняя предназначалась для кратких поездок и перевозки сельскохозяйственной продукции, в то время как *вагон* африканского треккера представлял собой фургон — можно сказать, настоящий дом на колесах, в котором люди жили во время длительных путешествий.

Этим обусловлено и появление некоторых деталей, отсутствовавших в исходной европейской повозке. Так, в вагоне добавилась *катель*, то есть походная кровать; *вуркис* и *агтеркис* — передний и задний сундуки (или *кисы*), в которых можно было хранить одежду и другое имущество. Наибольший интерес из всего перечисленного представляет *катель* (между прочим, слово это пришло к нам из языка хиндустани). В основе всей конструкции лежит деревянная рама, густо заплетенная сыромятными ремнями. Во время дневного перехода *катель* убиралась под парусиновую крышу фургона. На ночь раму спускали, и в комплекте с

матрацем и подушками она образовывала вполне комфортабельное спальное место для женщин.

Согласитесь, весьма рациональное решение проблемы. В вуртреккерских вагонах хватало подобных приспособлений, делающих честь бурским мастерам. Но при том никто не удосужился снабдить тяжелую повозку тормозами! Это жизненно важное устройство появилось лишь в шестидесятых годах девятнадцатого века. До той поры спуск по горному склону представлял немалую опасность, ведь единственным, что могло хоть как-то затормозить разогнавшийся вагон, был *ремскун*, то есть тормозной башмак, который на ходу подсовывали под заднее колесо. Мне рассказывали, что бурские фермеры уделяли большое внимание украшению своих вагонов. Предметом особой гордости были *бломметис*, то есть цветочные панно, которыми декорировалась поверхность вагона. В наши дни и в английской глубинке можно встретить (хоть и крайне редко) фермерскую повозку, чей передок и задник разрисованы красочными букетами. Наши отечественные фермеры вообще любили ярко раскрашивать свои повозки: например, сам корпус небесно-голубого цвета, а спицы колес — ярко-красные. Кстати сказать, это контрастное сочетание, успешно используется и для современных тракторов и плугов.

Пока я предавался этим размышлениям, впереди снова послышались громкие крики и щелканье кнута — капский вагон засобирался дальше. Я обратил внимание, что быки — как и люди — сильно разнятся по характеру. Одни из них энергично берутся за работу и стараются исполнить ее как можно лучше, другие же с удовольствием уступают это право. Однако старый погонщик зорко следит за упряжкой. Ему прекрасно известны привычки каждого животного. Стоит ему окрикнуть ленивца по имени и громко щелкнуть в воздухе кнутом, как справедливость восстанавливается

— все быки тянут ношу в полную силу. Тяжелая повозка трогается с места и медленно движется по дороге, окутанная облаком белой пыли.

6

Я стоял на вершине Бейнс-Клуф и обозревал сорок квадратных миль Капской земли, которые расстилались у меня под ногами. У самого подножия горы примостился суматошный, пыльный Веллингтон; поодаль от него виднелся Паарль (я мог разглядеть Паарльскую скалу, ярко блестящую на солнце). А вокруг на многие мили колосились золотые поля. Они тянулись до самого горизонта, где на фоне голубого неба можно было различить более темную полосу — Атлантический океан.

Здесь, в самой верхней точке горного перевала, вовсю кипела жизнь: за последние годы тут вырос современный отель в окружении множества летних бунгало. Пока я любовался окрестностями, ко мне подошел мужчина и попросил разрешения воспользоваться моим полевым биноклем. Он оказался маленьким коренастым лондонцем, на вид ему было около тридцати пяти лет.

— Вы живете неподалеку? — поинтересовался я, передавая ему бинокль.

— В Йо'бурге, — ответил он и пояснил: — Я эмигрировал.

— Ну и как вам здесь нравится?

— Знаете что, давайте выпьем за знакомство, — предложил мужчина.

Мы взяли по стаканчику ледяного шанди и уселись в тени дерева.

— Видите ли, я строитель, — начал рассказ мой собеседник. — А в Африку впервые попал, когда служил

в британских ВВС. Наша часть стояла возле городка с названием Джордж. Когда дело подошло к демобилизации, я стал задумываться о будущем. Я понимал, что в Англии мне ничего не светило. Самое лучшее, на что там можно было рассчитывать, это работа по сборке щитовых домов. Ну я и решил переехать в Африку. Жена-то, конечно, все глаза повыплакала... А куда ей деваться — в конце концов и она примирилась. У меня на руках было выходное армейское пособие. Ну, мы кое-как извернулись, поднакопили еще денег, да и выехали сюда... вернее сказать, вылетели. Здесь-то, конечно, все совсем по-другому. Я и недели не провел в Йо'бурге, как нашел работу. Можете себе такое представить в Лондоне?

— И хорошая работа? — спросил я.

— Да не так, чтобы слишком, — рассмеялся он, бессознательно переходя на привычный кокни.

— Ну, зато страна красивая, — попытался я его утешить.

— Вы когда-нибудь бывали в Йо'бурге? — вздохнул мужчина. — Там никакого порядка — сплошная неразбериха. И повсюду черномазые! Тысячи кафров... И еще — куда ни пойдешь, везде только и разговоров, что о деньгах. Ей-богу, чтоб мне провалиться на месте!

— Но вам-то нравится ваша работа?

Мужчина задумчиво отхлебнул из своего стакана.

— Да как сказать... Здесь все совсем по-другому, не так, как в Англии. Тяжело с непривычки. Понимаете, существует целая куча дел, которые белый человек не должен делать — не принято! А я люблю все делать своими руками. Ну что это за работа, когда только стоишь и командуешь кучей черномазых. Ей-богу, так и ходить разучишься! Ну, что поделаться... Надеюсь, со временем привыкну.

Распрощавшись со своим новым знакомым, я продолжил путь и вскоре очутился в высокогорном

краю, столь же диком и безлюдном, как и Гленко. Этот проход в горах был некогда проделан с помощью динамита, и в некоторых местах над дорогой нависали скальные карнизы, смахивающие на книжные полки. Остановившись у обочины, я бросил взгляд вниз — туда, где по узкому ущелью прокладывала себе путь река Вит. Со всех сторон ее окружали горные склоны. Одни из них были покрыты травой, другие выглядели такими голыми и неприступными, что мне снова на ум пришла Гленко. Однако стоило еще немного углубиться в это нагромождение скал и утесов, как всякие сравнения с Шотландией показались неуместными, ибо навстречу выскочил крупный бабуин.

Вскоре дорога привела меня в плодородную долину, почти целиком занятую под зерновые посевы. Свободного пространства оставалось совсем немного, и его занимала река, протекавшая среди полей. Поскольку на дворе стоял ноябрь, то урожай уже сняли, и повсюду высились аккуратные пирамидки связанных снопов. Им предстояло как следует высушиться и прожариться на летнем солнышке. В поле я увидел мужчину и воспользовался случаем, чтобы расспросить его о животных, которые водятся в здешних горах. Он рассказал, что всего неделю назад один из местных стариков подстрелил наконец леопарда, за которым числилось сто двадцать зарезанных овец. Кроме того, в горах можно встретить антилоп, обезьян, зайцев, фазанов и куропаток. Правда, в последнее время через Клуф такое сильное автомобильное движение, что, коли хочешь увидеть дикое животное, придется изрядно порыскать по маленьким боковым лощинкам.

Следующий перевал (почти столь же дикий, как и Бейнс-Клуф) вел наверх, к Цересу. Он проходил между горами Хекс-Ривер и Витзенберген. Хотя этот проход тоже был проложен Эндрю Геддесом Бейном, назвали его в честь Чарльза Майкла, исполнявшего обязанности

генерал-губернатора Капа в 1848 году, когда велось строительство горной дороги. Наверное, мало кто из современных путешественников задумывается, как выглядели эти два перевала в эпоху великой алмазной лихорадки. А ведь тогда здесь пролегла главная дорога в Кимберли, столицу алмазодобывающей промышленности. Именно здесь проходил самый странный трек в истории Южной Африки. Весть о найденных алмазах взбудоражила все население, и тысячи людей снялись с места в безумной надежде на быстрое обогащение. Моряки дезертировали с кораблей, а солдаты — из полков; торговцы закрывали семейные лавки, которые их кормили на протяжении поколений; клерки покидали свои конторы, а фермеры — обжитую землю. И эта разношерстная толпа двигалась по горной дороге — кто верхом, а кто и пешком. Здесь можно было встретить и кап-карты, и бычьи повозки, и многоместные дилижансы — люди использовали любое средство передвижения, чтобы добраться до заветного места в горах. Если верить свидетельствам очевидцев, то города и села в одночасье опустели, дома остались лишь совсем дряхлые старики и юные мальчишки.

Достигнув вершины перевала, я оказался на высоте в две тысячи футов над уровнем Столовой бухты. Отсюда было рукой подать до небольшого городка с удивительным именем Церес. Это и впрямь было неожиданно — встретить Цереру в окружении всяческих Веллингтонов, Вустеров и Вулсли. Все равно, как если бы кто-то подкупил прелестную деву с известной картины Боттичелли «Весна» и уговорил ее постоять на пьедестале вместо мистера Гладстона.

Церес не обманул моих ожиданий. Он оказался маленьким городком, затерявшимся посреди *боккевельда*. Слово это в переводе с африкаанс означает «козье поле», так что, пока я ехал по Майкл-пасс, в памяти моей роился классический набор

пасторальных образов. Кстати, пусть вас не вводит в заблуждение южноафриканское словечко *вельд*. Многие иностранцы ошибочно полагают, будто это название какой-то конкретной местности — как у нас в Англии Даунс или, скажем, «фен». Так вот, ничего подобного! Мало того, что южноафриканский вельд простирается на многие сотни миль, так еще и существуют различные виды вельда. Есть вельд плодородный и болотистый; вельд высокогорный и низинный; вельд глухой, удаленный, и вельд прибрежный. Побеседуйте с местными жителями, и вы наверняка услышите о теплом и холодном вельде, о вельде песчаном и травянистом, а также о множестве других разновидностей вельда. В Южной Африке это слово используется двояко: во-первых, для обозначения всех степных пастбищ, независимо от их географического месторасположения, а во-вторых, для описания типа этих пастбищ. Поэтому любой южноафриканец может петь восторженные дифирамбы родному вельду (вообще), но когда дело дойдет до покупки земельного участка, он непременно поинтересуется, какой именно вельд ему предлагают приобрести.

7

Церес меня совершенно очаровал. Этим знойным летним полднем городок, казалось, сладко дремал в окружении гор. Единственным звуком, нарушавшим его безмятежный полуденный сон, был неумолчный звон цикад в садах. Я обнаружил, что весь Церес состоит из одной-единственной широкой улицы, пары-тройки магазинчиков, одноэтажных бунгало с прилегающими садами и прелестной речушки, которая лениво несет свои воды меж заросших плакучими ивами берегов.

Любопытно, что здесь меня посетило то же самое ощущение, которое не давало покоя в Андалусии. Мне казалось, будто я попал в сонное царство, и ходить тут можно лишь на цыпочках — чтобы, не дай бог, не разбудить спящих жителей. Я и вправду заметил старого оборванного негра, который крепко спал в тени раскидистого дуба. Рядом с ним — в той же самой тени — стоял выпряженный из тележки серый ослик. У него был вид философа, размышляющего над судьбами Вселенной. Городские псы спасались от полуденной жары под стенами домов. Все оконные жалюзи были опущены, и единственным бодрствующим в гостинице оказался сам хозяин — маленький подвижный человечек в рубашке с закатанными рукавами. Он вручил мне ключ от номера, расположенного прямо над каменной верандой.

Занавески на окнах были задернуты, и в комнате царила прохлада. Единственным признаком царившего снаружи зноя была узкая полоска ослепительно-белого света — там, где занавеси неплотно смыкались. Я бросил взгляд на кровать, которая манила меня своим уютом, но затем решительно шагнул к окну и впустил в комнату жаркое ноябрьское солнце. Снаружи по-прежнему царила сонная тишина. Темные контуры гор четко вырисовывались на фоне аквамаринового неба. Посреди пустынной улицы я увидел цветного мальчишку, который куда-то брел, вздымая босыми пятками фонтанчики белой пыли. Пальцы его лениво перебирали струны мандолины — парнишка тихо напевал себе под нос. Интересно, подумал я, о чем поют эти чернокожие трубадуры, которые бродят со своими гитарами и мандолинами по дорогам Южной Африки? Вы встречаете их далеко за пределами ближайшего города: пыльное сомбреро надвинуто на лоб, на лице играет белозубая улыбка... Идет себе этакий темнокожий Блондель — сам

с собой разговаривает, чему-то посмеивается, тихо напевает. Куда идет, зачем? Непонятно...

Ближе к вечеру гостиница начала наконец просыпаться. На длинной каменной веранде появились постояльцы, вернувшиеся из экскурсий или пеших прогулок. Я тоже вышел подышать свежим воздухом и расположился рядом с мужчиной, который, как выяснилось, приехал из Йоханнесбурга. Он рассказал мне, что, в отличие от прочих областей Капа, где процветают огромные фруктовые хозяйства, фермеры Цереса довольствуются небольшими садами, размером примерно в сорок акров. В них они выращивают свои знаменитые груши — самые лучшие в Союзе, а также превосходные персики, яблоки, сливы и абрикосы. Церес — благодатный край, со всех сторон его окружают горные хребты, защищающие от юго-восточных ветров. Кажется, будто сама богиня Церера распростерла над городком свою охраняющую длань.

Люди со всего Союза круглогодично приезжают в Церес на отдых. Зимой сюда устремляются толпы горнолыжников: их привлекают склоны Матросберга, где нередко выпадает снег. В летний же сезон к услугам отдыхающих великолепный открытый бассейн — по словам моего собеседника, один из лучших во всем Союзе.

Заинтригованный его рассказом, я вышел на закате из гостиницы и поднялся по склону ближайшего холма. Там я набрел на маленькую рожицу, стоявшую на берегу огромного искусственного водоема. Меня поразило, сколько труда вложено в его оформление: на берегу аккуратно подстриженные газоны, по ним проложены мощеные дорожки — вот уж неожиданный изыск в африканском *боккewelде*! Русло небольшой речушки специально перегородили плотиной — так, чтобы воды ее проходили через водоем и лишь потом устремлялись вниз по склону, в город. В результате вода в бассейне

неизменно сохраняла горную прохладу и свежесть. На своем веку мне довелось повидать множество рукотворных водоемов, но должен признать, что не припомню более живописного и романтического места. Я бы не удивился, если б повстречал на берегу Цересского бассейна не только Цереру, но и саму Венеру.

Помимо меня здесь отдыхало несколько семейных групп — люди сидели на траве, наслаждаясь последними лучами ноябрьского солнца. Их присутствие ни в коей мере не нарушало великолепия тихого летнего вечера.

Я успел уже достаточно хорошо изучить южноафриканцев, чтобы утверждать: даже если б их здесь собралось не двадцать человек, а целая сотня, то и тогда не возникло бы шума и беспорядка. Просто крикливая вульгарность не числится среди недостатков этого народа. Среди сравнительно небольшого белого населения Южной Африки вам навряд ли встретятся потенциальные завсегдатаи Блэкпула или Кони-Айленда. Я никогда не видел, чтобы белый южноафриканец орал, горланил песни или каким-либо иным способом оскорблял чувства окружающих (а ведь, что греха таить, подобное поведение давно уже стало едва ли не нормой для современных западных демократов). Полагаю, если такие порывы и возникают в среде южноафриканцев, то они легко гасятся благодаря природной суровости национального характера. Опять же, Южная Африка — достаточно просторная страна, чтобы подобные «крикуны» имели возможность уединиться где-нибудь на ферме и дебоширить в свое удовольствие, не досаждая соседям. И вообще, если говорить о моих впечатлениях от Южной Африки, то я бы на первое место поставил хорошие манеры ее жителей.

Мы уселись обедать под тихое шуршание электрических вентиляторов. Здесь тоже было немало

семейных групп. Помимо них я отметил несколько молодых людей в шортах цвета хаки и с походными рюкзаками за плечами — судя по всему, они только что спустились с окрестных гор. Присутствовала и дюжина моряков из Саймонстауна — весьма воспитанных ребят, совершавших автомобильную поездку по Капу. После обеда я вышел прогуляться по вечернему городу. На улицы Цереса спустилась южная тьма. С ярко освещенных веранд доносились звуки граммофона и обрывки радиотрансляции с очередного матча по крикету. Неожиданно для самого себя я принял решение посетить *биоскоп!*

Не поверите, но я уже два года не был в кино. На сей раз мне повезло: шел фильм по сценарию, написанному одним из моих друзей. Там рассказывалось об американском солдате, которого война забросила в круг английской семьи. Зрители смотрели фильм с искренним интересом, и было их в зале на удивление много. Честно говоря, я даже не подозревал, что в Цересе столько жителей.

Обратно я возвращался уже в полной темноте. В небе мерцающим покрывалом рассыпались южные звезды. Оглушительно трещали сверчки. Я готов был поклясться, что все южноафриканские сверчки собрались в эту ночь на симпозиум в крохотном Цересе.

8

И вновь я ехал перевалом Майкл-пасс, приближаясь к тем долинам, что по праву считаются житницами Союза. Большая часть урожая была уже собрана, однако кое-где еще виднелись несжатые куски полей. Стояло жаркое летнее утро, и все это вместе — щедрое южное солнце, прозрачный, чистый воздух и голубые горы, испещренные темно-лиловыми тенями — создавали

непередаваемое ощущение благоденствия и безмятежного счастья. Сердце мое преисполнилось тихой радости, и я, пусть ненадолго, почувствовал себя одним из тех темнолицых трубадуров, что бродят по дорогам Африки со своими мандолинами.

По дороге мне встретился старый фермер, который поведал, что урожай в этом году выдался на редкость хорошим. Я поинтересовался, сколько же бушелей зерна он собирает с одного акра. И тут в беседе возникла заминка — мы безнадежно запутались в единицах измерения. Однако старичок попался упорный, и в конце концов ему удалось растолковать мне все насчет *мюйдов, моргенов* и проч. В результате выяснилось, что урожай его не так уж и хорош. Если я ничего не напутал с таблицей перевода мер и весов, то он составлял всего лишь семь с половиной бушелей с акра — для любого английского фермера это равносильно катастрофе! Я сообщил старому африканеру, что в моих родных краях обычно собирают по шестьдесят бушелей с акра, но, думаю, он не поверил. Меня удивило, насколько экономно сеют пшеницу в Южной Африке — всего сорок фунтов зерна на акр площади. У нас в Гемпшире эта цифра колеблется от ста пятидесяти до ста восьмидесяти фунтов.

После этого я задал вопрос, который давно уже меня интересовал. Когда-то в книге Петера Кольбена мне попала любопытная картинка — крестьяне молотят зерно при помощи лошадей. Внешне это выглядело так: пшеничные колосья засыпали внутрь круглой каменной загородки высотой почти по грудь взрослому человеку. Туда заводили связанных гуськом лошадей и начинали гонять их рысью по кругу. Я хорошо запомнил ту иллюстрацию. В самом центре загородки стоял человек с длинным кнутом (точь-в-точь как инспектор манежа в цирке) — он-то и задавал темп движения. Я поинтересовался у фермера, доводилось ли ему —

может, в далеком детстве — наблюдать подобную процедуру.

О, да, не только наблюдать, но и самому участвовать! Было это пятьдесят лет назад, и он (в ту пору еще сопливый мальчишка) как раз помогал гонять лошадей по кругу. До того, как появились механические молотилки, все фермеры в зерновых районах пользовались именно таким методом. По мнению моего собеседника, традиция эта сложилась еще в незапамятные времена.

Тут я склонен с ним согласиться. Более того, я практически уверен, что встречал упоминание об этом обычае в Ветхом Завете. С той только разницей, что в библейские времена люди использовали для молотбы быков. Наверняка израильтяне научились этому в Египте. А тот факт, что южноафриканские фермеры прибегали к помощи лошадей, ничего по сути не меняет. Просто еще одна вариация на тему древнейшего способа обмолота из всех известных человеку. Интересно, что предки буров приехали из Голландии, а там, как, впрочем, и по всей Европе, крестьяне издавна пользовались цепями. Выходит, что, приехав в Африку и увидев, как молотит зерно местное население, буры отказались от собственной традиции и сделали выбор в пользу более эффективного библейского метода.

Распрощавшись со старым фермером, я поехал дальше. Впереди меня ожидала встреча с Тулбахом — городом, который во всех туристических справочниках превозносится как «несравненный город королевы Анны на юге Африки».

Должен сказать, что Тулбах меня разочаровал. Не исключено, конечно, что многочисленные восторженные отзывы заранее настроили меня на слишком требовательный лад. Я ожидал, что передо мной откроется немыслимое архитектурное совершенство, а вместо того увидел обычный старинный городок, каких

немало на Капе. В тени разросшихся деревьев прятались маленькие белые домики. Конечно же, они несли на себе печать очарования и достоинства семнадцатого века — как, собственно, и все постройки той эпохи. Но не более того. Один из местных жителей с гордостью продемонстрировал мне два главных сокровища Тулбаха — расположенный в нескольких милях от города *Дростди* и старую церковь, которая ныне превращена в музей. Завершив экскурсию, он с трогательным простодушием поинтересовался: «А у вас в Европе есть такие старые здания?» Я попытался описать ему наши Винчестер и Оксфорд — он вроде бы слушал и даже время от времени вставлял замечания типа «Поди ж ты!» или «Поразительно!» Однако очень скоро я умолк, осознав, как это непросто — объяснить жителю Южной Африки (особенно после того, как он хвастался перед вами музейной коллекцией предметов середины девятнадцатого века), что три столетия в Европе вообще не считаются за возраст.

Помимо архитектуры, Тулбах знаменит своими великолепными винами, а также весенними выставками цветов. Меня предупреждали: если моя поездка на Кап совпадет по времени с Тулбахской выставкой, то я ни в коем случае не должен пропустить это событие.

Дорога теперь проходила по совершенно плоской равнине. В одном месте я остановился, залюбовавшись вроде бы незатейливым, но таким прелестным капским пейзажем. В стороне от дороги стояла маленькая беленая хижина с соломенной крышей, она выделялась светлым пятном на фоне голубой горы. А перед домом по поляне с высохшей травой мирно разгуливали овцы, телята, поросята, индейки, куры и несколько страусов. Да уж, подумал я, с таким хозяйством фермерской жене скучать не приходится! Мне всегда казалось, что страусы отличаются капризным характером, однако, судя по всему, к здешним обитателям тощей поляны это

не относилось. Они прекрасно уживались с остальными животными и выглядели совершенно ручными. Я где-то читал, что страусиное яйцо по своему объему и питательности заменяет два десятка куриных. Там же сообщалось, что омлет из страусиных яиц обладает непревзойденным вкусом. Ну и последний полезный факт, врезавшийся в мою память: чтобы сварить такое яйцо вкрутую, понадобится целый час!

Дорога привела меня в маленький городок с названием Пикетберг. Некогда здесь проходила граница белых владений в Западном Капе. Симон ван дер Стел рассказывает в своем «Дневнике», откуда возникло такое название. Оказывается, во время пограничной войны с одним из готтентотских племен здесь был установлен сторожевой дозор, или *пикет*. От него-то город и получил свое имя.

Если раньше мне казалось, что в Дракенштейнской долине и Цересе было жарко, то теперь я понял: та жара не шла ни в какое сравнение с беспощадным, иссушающим зноем Пикетберга. Я и поныне уверен, что это самое жаркое место в Южной Африке.

Представьте себе: в воздухе не ощущается ни малейшего ветерка, деревья практически отсутствуют, а посему укрыться от солнца негде. Оно беспрепятственно изливает свой жар на каменную мостовую и раскаленные кирпичные стены. Над землей колышется дурнотное марево. В этом городе чувствуешь себя, как на операционном столе: все четко очерчено, беспощадно освещено и твердое на ощупь. Тут я припомнил, что где-то здесь неподалеку проживает мистер Версфельд, с которым мне настоятельно рекомендовали познакомиться. Я заглянул в маленькую гостиницу, чтобы навести справки о нем. Когда глаза мои привыкли к полумраку затененной комнаты, я разглядел несколько человек, которые потягивали ледяное пиво из запотевших кружек. Они выглядели, как

путешественники, решившие переждать самые жаркие часы в относительной прохладе гостиничного холла. Вряд ли они могли быть мне чем-то полезными. Зато чернокожий парнишка, исполнявший в отеле роль подсобного рабочего, сразу же понял, о ком я говорю. Он отвел меня на задний двор гостиницы и неопределенно ткнул пальцем в сторону ближайшей горы.

— Вон там, — лаконично сообщил он.

— А высоко ли надо подниматься? — спросил я.

— До самого верха.

Подъем на вершину горы, да еще в такую жару, представлялся мне весьма трудоемким делом. Поэтому я решил сначала вернуться в гостиницу и немного передохнуть. Тем более что время близилось к обеду. В полутемном зале уже сидели два десятка человек. Все они внимательно изучали меню, в котором числились: суп, жареный цыпленок, отдельно жареная баранина и свинина, а на десерт — пропитанный вином и залитый взбитыми сливками бисквит. На мой взгляд, та негибкая стойкость, которую южноафриканцы — несмотря на жуткое пекло — проявляют за столом, заслуживает всяческого уважения. Я с интересом следил за мужчиной, который сидел за соседним столом. Вот он вооружился ножом и вилкой и накинулся на дымящееся жаркое. Через десять минут с бараниной было покончено. Когда мужчина вскинул голову над опустевшим блюдом и шумно перевел дух, я было решил: все, спекся парень! И тут же понял, что сильно его недооценил. Ибо к столику бесшумно скользнул чернокожий гарсон с огромным блюдом жареной свинины в руках. Затаив дыхание, я ждал развития событий. И что же? Мой сосед — этот чемпион по уничтожению жаркого — лишь покрепче сжал свое оружие и ринулся на нового врага. Я просидел за столом достаточно долго, чтобы убедиться: десерт постигла та же печальная судьба — с ним расправились еще

быстрее, чем со свининой. После этого я тихонько покинул обеденный зал и вышел на залитую солнцем улицу. Я все никак не мог решить для себя: стоит ли подниматься в гору и пытаться отыскать мистера Версфельда, руководствуясь весьма туманными указаниями чернокожего мальчика.

Те, кому доводилось путешествовать в отдаленных областях Шотландии и Ирландии, легко поймут мои колебания. Знаете, как обычно бывает?

— Отправляйтесь в ту сторону, — говорят вам. — Как доберетесь — спросите. Там любой подскажет, где живет мистер Такой-то.

И вы двигаетесь в указанном направлении, наивно надеясь, что вам укажут на конкретный дом (лучше бы на центральной улице). А вместо того слышите:

— Мистер Такой-то? А он живет вон за той горой...

Или как вариант:

— Вон на тех холмах...

И что остается делать, особенно после того, как вы уже полдня прошагали под дождем? Разве только собрать остатки мужества и идти до конца. А с другой стороны, рассуждал я, наверху все-таки попрохладнее. Сидеть в городе в такую жару — это верный способ получить солнечный удар с дальнейшей перспективой превращения в *бильтонг*. Все, решено! Попытаюсь одолеть Версфельдпасс.

Первая часть подъема оказалась сравнительно несложной. Когда я остановился обозреть пейзаж, то увидел под собой все те же бесконечные поля, убегавшие к горам вокруг Олифантс-ривер. Ощущение было такое, будто смотришь на землю в окошко самолета, летящего на высоте две тысячи футов. Вслед за тем дорога пошла круто вверх, в воздухе повеяло прохладой. Теперь меня со всех сторон окружали куполообразные вершины. Ого, думал я, а перевал-то показывает характер! Но я тоже не намеревался

сдаваться — упорно крутил руль, стараясь не потерять тропинку, петлявшую между скал. Я преодолел таким образом около трех миль и нигде не заметил признаков человеческого жилья. Где-то на середине пути я наткнулся на большое стадо коз — около сотни черно-рыжих животных паслось на склоне пологого холма. Мое появление застало коз врасплох. Несколько мгновений они стояли неподвижно, а затем бросились наутек, ловко перепрыгивая с одной скалы на другую. В воздухе ощущался какой-то терпкий запах. Он напоминал аромат тимьяна, но был гораздо резче и сильнее. Принюхавшись, я узнал *баку* — лечебное растение, по виду смахивающее на вереск. Я не поленился собрать небольшой букетик, который потом долго валялся у меня на заднем сиденье автомобиля. Он стал для меня символом Южной Африки. Я знаю: впредь всякий раз, как мне случится увидеть пучок полевых трав, я непременно вспомню этот летний день, проведенный в горах Капа.

Между прочим, интересное растение — этот *баку*. Местные жители издавна использовали его для изготовления лечебных снадобий. Латроб, впервые приехавший на Кап в 1815 году, пишет, что спиртовая или уксусная настойка из листьев этого растения использовалась для заживления всевозможных ран и ушибов. Если же настоять листья *баку* в бренди, получится отличное лекарство от расстройства кишечника. По свидетельству ле Вальяна, готтентоты широко использовали *баку* в качестве дезинфицирующего средства. Обычно они высушивали и измельчали листья, а полученным порошком посыпали себя и свой скот.

Преодолев последний участок подъема, я наконец-то очутился на вершине горы. Огляделся по сторонам и застыл в удивлении. Впечатление было такое, будто какие-то неведомые силы (возможно, извержение

вулкана или сдвиг земных плит) захватили кусок хорошо обработанной и обжитой капской земли и закинули на высоту в несколько тысяч футов. Передо мной тянулись возделанные поля, виноградники и фруктовые сады. Вы не поверите, но здесь, на вершине пикетбергской горы, росли вековые дубы, персиковые и апельсиновые деревья!

Я направился к стоявшей на возвышении усадьбе. Навстречу мне вышли хозяева — два Версфельда, отец и сын. После традиционного представления рекомендательных писем у нас завязалась дружеская беседа, в ходе которой Версфельд-старший поведал мне удивительную историю возникновения здешнего хозяйства.

— Первые Версфельды появились здесь восемьдесят лет назад, — рассказывал он. — Мой отец пришел из Каледона, да так и остался в здешних местах до конца своей жизни. Я унаследовал его ферму, а теперь вот и третье поколение уже подрастает.

И он кивнул в сторону сына.

— Полагаю, по дороге вам попадался кое-кто из наших людей. Все они потомки тех самых слуг, что пришли с моим отцом восемьдесят лет назад. Живется им тут совсем неплохо — сыты, одеты-обуты и при деле. Во всяком случае никому и в голову не приходит уйти отсюда.

Среди отцовских слуг были люди самых различных национальностей. За небольшим исключением, все они представляли собой помесь готтентотов и малабарцев с незначительным добавлением бушменской крови. Что же касается исключения, то среди них было несколько представителей макати — их племя жило на Крокодиловой реке в Трансваале — и один мозамбикец. С этим мозамбикцем вообще вышла интересная история. В юности его похитили и привезли на корабле в Кейптаун. Там он сбежал и все пытался найти дорогу

назад, пока случайно не попал к нам. Здесь он прижился — можно сказать, обрел вторую родину. Жаль старика, помер несколько месяцев назад...

Таким образом, размышляя я, на вершине пикетбергской горы сложился особый микрокосм. Небольшая община — словно нарочно изолированная в интересах чистоты эксперимента — на протяжении восьмидесяти лет сохраняла традиционный образ жизни. Прямо-таки готовый срез южноафриканской жизни вековой давности: хозяин-фермер со своими домочадцами, их обслуживают несколько десятков слуг, которые давно уже превратились в членов семьи. И все они усердно трудятся, благоустраивая не только усадьбу, но и окружающую местность. Кстати сказать, чернокожие слуги жили в своих отдельных жилищах, которые тоже переходили по наследству из одного поколения в другое. Великолепный образчик той патриархальной жизни, которую некогда вели буры.

— А почему ваш батюшка решил обосноваться на горе? — поинтересовался я.

— Видите ли, земля здесь была намного дешевле, чем внизу. Думаю, это соображение сыграло не последнюю роль. Кроме того, отец уже был знаком со здешним типом вельда. Ему приходилось обрабатывать такую землю под Каледоном. Я часто слышал рассказы отца о том далеком треке 1866 года. Он выехал на *вагоне* с женой и двумя ребяташками. С собой забрал всю скотину, какая у него была... ну и слуг, конечно. Последнюю ночь трека они провел на ферме у подножия горы. И хозяин, у которого они остановились, сказал моему отцу (очевидно, чтобы подбодрить): «Ты отправляешься в горы на *вагоне*, но помяни мое слово, очень скоро спустишься оттуда пешком». Ничего не скажешь, веселенькое напутствие!

— В те дни горы были совсем неисследованными и дикими, — продолжал старший Версфельд. — Наверх

вела лишь одна каменистая тропа. Повсюду бродили леопарды, так что вскоре поголовье наших овец сильно поуменьшилось. Помню, мама рассказывала, как в первую же ночь леопард забрался в *крааль* и утащил овцу прямо у них из-под носа.

Отец мой был прогрессивным фермером, он следил за всеми новыми веяниями. Со временем завел у себя мериносов, начал выращивать табак и даже производить собственное вино. Вот с пшеницей пришлось намучиться — не росла в горах, хоть ты тресни! Первую партию зерна отец закупил в долине и привез сюда на спинах лошадей. Затем дела пошли на лад, и в 1879 году он решил построить нормальную дорогу. Все строительство велось собственными силами — руками наших рабочих, а сам отец выступал в роли инженера. И что вы думаете? Проложили настоящую горную дорогу по южному склону горы! Затем десять лет спустя взялись строить новую дорогу — теперь уже на восточном склоне. Между прочим, прогремели на всю Южную Африку!

Дело в том, что прокладкой крупных горных дорог всегда занималось государство, и лишь наша была построена усилиями частного лица! Кроме того, отец прославился благодаря изобретению особого поворотного механизма хомута, позволявшего быстро (практически мгновенно!) разворачивать упряжку из двенадцати мулов. Вы, возможно, не знаете, что тяжелую повозку с длинной упряжкой гораздо легче разворачивать на спуске, чем на подъеме или даже на ровном месте. Не буду вдаваться в подробности, но вы уж поверьте на слово человеку, который всю жизнь этим занимается. Так вот, мой отец изобрел такую конструкцию хомута, которая уравнивала скорость разворота — что на подъеме, что на спуске. До него ничего подобного не существовало, во всяком случае у нас, в Южной Африке.

— Кажется невероятным, но весь Версфельдпасс — а в нем без малого три мили — построили за три месяца. И потратили на это всего двести фунтов! А люди потом целых пятьдесят пять лет пользовались его дорогой. Лишь три года назад проложили новую, более короткую дорогу. Вы спросите, как моему отцу удалось так быстро построить горную дорогу? А я вам расскажу! Фокус в том, что у нас работали не наемные строители, а свои, фермерские работники. Они были как одна большая семья — во всем помогали друг другу. Но одновременно и соревновались! Ну, знаете, как бывает соперничество между братьями. Выходит, скажем, бригада поутру на работу. Каждый из работников получает свою полоску в двенадцать футов и стремится во что бы то ни стало закончить работу раньше соседа. Между прочим, они это сами придумали — насчет соревнования. А что? Все они были здоровыми, сильными мужчинами. И знали, что работают не «на чужого дядю», а для себя и на любимого хозяина. Можете не верить, но они гордились своей работой! Вот как строилась наша дорога...

Я спросил, не страдал ли он в детстве от одиночества. Все-таки они вели очень уединенную жизнь в горах...

— Ну уж нет! — перебил меня мистер Версфельд со смехом. — Жизнь здесь какая угодно, но только не одинокая! Посчитайте сами. У моих родителей было пятнадцать детей. Двое, правда, умерли в младенчестве, но остальные тринадцать благополучно выросли. Кроме того, с нами жили шестеро детей отцовской сестры, которая неожиданно овдовела, и еще двое детей одного из отцовских братьев. Так что здесь всегда бегала целая ватага мальчишек и девчонок. Двадцать один человек — это вам не шутки. Почитай, целый школьный класс! Да-да, у нас и гувернантки свои были. Помню, одна приехала прямо из Англии. Она была внучкой сельского священника. С ней тоже

приключилась интересная история. За несколько лет до ее приезда у нас появился новый работник — бывший моряк, мастер на все руки. Сам пришел в горы и нанялся работать к моему отцу. Представляете, как он удивился, увидев нашу новую гувернантку? Оказывается, они оба были из одной деревни и ее дедушка в детстве крестил моряка. О, нет! Нашу жизнь никак не назовешь одинокой. Большая дружная семья! А нам, ребятишкам, тут и вовсе было раздолье. Мы лазили по горам, ездили верхом (для этих целей отец держал полную конюшню лошадей), плавали в реке и даже танцевали. В музыкантах недостатка не испытывали — к нашим услугам было трое чернокожих скрипачей. А еще к нам часто приезжали люди из долины — и поучиться фермерскому делу, и просто так, погостить.

— В ту пору в горах водились не только леопарды, но и зебры, — вспоминал мистер Версфельд. — Потому и самая высокая гора получила название «Зебра-Коп». Знаете, какое это прекрасное зрелище, когда черно-белые лошадки пасутся на солнечном склоне! Их можно было видеть до 1903 года, а потом они начали постепенно исчезать.

Думаю, их отстреливали чернокожие из англиканской миссии. Они всегда брали с собой ружья, когда отправлялись в горы на сбор *баку*. Кстати, о ружьях. Мой отец еще пользовался ружьем, которое заряжалось с дула. Когда я дорос до огнестрельного оружия, в ходу уже были ружья, заряжавшиеся с казенника.

Мы прогулялись по тенистым дубовым аллеям, осмотрели поля и фермерские постройки. Распрощавшись с радушными хозяевами и вернувшись к своей машине, я обнаружил на заднем сиденье целый ящик великолепных спелых персиков. Спускаясь по старой горной дороге, я размышлял об увиденном. «Сколько людей живет у подножия пикетбергской

горы, — думал я. — Все они время от времени поглядывают на вершину. Но мало кто вспоминает о ферме наверху и — уж тем более! — о тех героических усилиях, которые предприняла простая южноафриканская семья, чтобы ее возвести».

Полагаю, многие и не слышали эту историю. А очень жаль! В наше время, когда весь мир живет в разладе с самим собой, когда доминирующим настроением является всеобщее чувство неудовлетворенности, людям было бы весьма полезно познакомиться с эпопеей семейства Версфельдов. Ибо на общем мрачном фоне жизнь маленькой горной общины выглядит подлинным золотым веком.

Солнце уже утратило свой ослепительный блеск и начало потихоньку сползать за линию горизонта, когда я проезжал через Рибек-Уэст. Именно здесь, на этих склонах, южноафриканский политик (я бы даже сказал, политик-философ) некогда пас своих овец. Прежде чем начать спуск по дороге, ведущей к Малмсбери, я еще раз обвел взглядом окрестности и был вознагражден: в просвете между эвкалиптовыми деревьями я заметил величественную голубую тень — это была Столовая гора.

Глава четвертая

Страусы, слоны и прочие

Я выезжаю из Кейптауна и направляюсь на восток; посещаю Каледон и Свеллендам, где неожиданно наталкиваюсь на шотландца; затем проезжаю по Садовому пути до Джорджа и люблюсь тамошними хмельниками; в Оудсхорне посещаю страусиную ферму; в Книсне встречаю еще одного шотландца и узнаю много нового о слонах.

1

Славным ноябрьским деньком я выехал из Кейптауна, не обремененный никакими заботами (по крайней мере я о них не вспоминал, что, в принципе, одно и то же).

Передо мной простирались необъятные, иссушенные зноем просторы. И все это была Южная Африка — огромная, поражающая своим разнообразием страна. Еще каких-нибудь сто пятьдесят лет назад дорога, по которой я ехал, представляла собой дикую и опасную тропу. И вела она в неисследованный край, известный под названием «внутренних территорий». Двигаясь неизменно на восток, я — как это ни парадоксально — приехал в Сомерсет-Уэст, маленький городок, чье имя вступало в явное противоречие с показаниями компаса. На самом деле, никакого противоречия нет: городок назван Западным по сравнению с другим Сомерсетом, расположенным еще дальше на востоке.

Вдоль широкой главной улицы росли высокие пальмы. Маленькие белые магазинчики с крытыми верандами отбрасывали глубокую тень на мостовую. По улицам разъезжали на велосипедах цветные мальчишки-рассыльные — они развозили по домам мелкую бакалею и прочие покупки. Чернокожие няньки катали детские колясочки. То и дело мне встречались люди, которым, казалось бы, самое место в Челтнеме: отставные полковники со своими спаниелями, чопорные английские матроны и очаровательная девочка-англичанка верхом на пони. Мне показалось, что в городке царит очень милая и дружелюбная атмосфера. На заднем фоне вздымались голубые горные вершины. Это была Готтентотская Голландия — горный массив, который со стороны Мюзенберга выглядит, как мрачный вход в Валгаллу. Те же самые горы возле Сомерсет-Уэста напоминали безобидные колокольчики, выросшие на солнечной полянке.

Протекавший по долине ручей оглашал окрестности мелодичным журчанием и перезвоном. На берегу его расположился Вергелеген — усадьба, которая сыграла не последнюю роль в бедах губернатора Адриана ван дер Стела. Сейчас же она выглядела обычной старой фермой, в окрестностях которой мирно паслись стада джерсейских коров.

Всего в нескольких милях отсюда находятся Странд и Гордон-Бей — два очаровательных прибрежных городка, которые вполне уместно смотрелись бы на Итальянской Ривьере. Среди людей, не имеющих отношения к литературному творчеству, бытует заблуждение, будто писателю лучше всего работается в мирной и спокойной обстановке. Будь это правдой, то, поверьте, более подходящего места, чем Гордон-Бей, не сыскать. Писатели и поэты со всего мира приезжали бы сюда, чтобы арендовать одно из маленьких уютных бунгало, и клепали бы шедевр за шедевром. Ибо что

может быть прекраснее сочетания белого песка, голубого моря и фиолетовых гор?

Странд ныне превратился в фешенебельный морской курорт. А некогда это было тихое местечко на берегу залива, куда летом съезжались фермеры со всей Дракенштейнской долины. Они приезжали на бычьих повозках в окружении многочисленных друзей и родственников, чтобы хоть немного отдохнуть от удушающего летнего зноя. Они и сегодня посещают Странд, правда, уже на американских автомобилях.

Пообедать я решил в гостиничном ресторане и как раз попал на свадебное празднество. Из дальнего конца зала доносились громкие возгласы и взрывы смеха — там собрались примерно три десятка гостей-африканеров. Во главе стола сидели раскрасневшиеся новобрачные: невеста — крупная, уверенная в себе девушка, и жених, которого можно было принять за чемпиона Союза в супертяжелом весе. Парень весил не меньше шестнадцати стоунов, а мать не сводила с него встревоженных глаз, в которых застыли невыплаканные слезы — так, словно ее дорогому мальчику все еще было десять лет! Женщины понимающе вздыхали — нелегко терять любимого сына. Тем не менее свадьба шла своим чередом: раздавались шутки, звучали задравные тосты. Мы, посторонние посетители, скромно жевали *боботи* и размышляли о том, как прекрасна любовь в двадцать лет.

Тем временем поднялся один из гостей, престарелый дядюшка-фермер, и произнес прочувствованную речь на африкаанс. Надо думать, это было очень остроумное выступление, поскольку зал немедленно огласился смехом и громкими аплодисментами. А я сидел и думал, что точно такие же вечеринки — с аналогичным составом гостей и по тому же поводу — неоднократно наблюдал в Восточной Англии. Честное слово, можно было бы потихоньку усадить за стол парочку

норфолкских фермеров, и никто бы ничего не заметил! Они оказались бы тут вполне к месту. В этой связи я припомнил, что самое распространенное обращение в Норфолке — это «бор» (усеченное «нейбор», сосед). Действительно, именно так обращаются к «своим» — родственникам, друзьям, соседям. И ведь неспроста, подумалось мне, слово это созвучно африканерскому «бур»! В конце концов кто такой сосед для норфолкского фермера, как не живущий за забором «бур»? Другое дело, что звание «бора» надо заслужить. Вы можете прожить там долгие годы, но так и остаться чужаком, не «бором». Зато коли уж вас обозвали этим коротеньким, звучным словом, считайте, что вы прижились в Норфолке! Кстати, я заглянул в свой карманный словарь африкаанс и обнаружил: слово «бурр» трактуется как «сосед». Вполне возможно, я не так уж не прав, пытаюсь увязать высоких и крепких капских фермеров с не менее высокими, но сухопарыми жителями Норфолка и Саффолка.

Солнце чувствовало себя полновластным хозяином на этой земле. Оно было не золотым, как у нас в Европе, а ослепительно-белым, словно вспышка магниевой лампы. Непокколебимо утвердившись на ясном, без единого облачка, небе, солнце изливало свой беспощадный свет на каменистую землю. Я ехал по Лаури-пасс, наверное, самой древней из всех южноафриканских дорог. Давным-давно, еще задолго до появления белого человека в Африке, здесь проходили пути миграции антилоп канна. И этой же горной тропой спускались к морю готтентотские племена. Они гнали с собой скот, чтобы выменять его на обручное железо и прочие нужные вещи. И лишь потом наступила эпоха ван Рибека, и по старой африканской дороге покатались тяжелые бурские *вагоны*. А в конце восемнадцатого века по ней двинулись первые пионеры — они уходили на север, навстречу неизвестности. Достигнув верхней

точки перевала, я остановился, чтобы бросить прощальный взгляд на Кейптаун. А заодно уж сказать последнее «прости» и темной громаде Столовой горы, которая четко вырисовывалась в тридцати милях отсюда, и плавному изгибу Фалс-Бей, служившему границей между бирюзовым морем и насквозь прожаренной бело-желтой землей.

Я продолжал свое путешествие, и вскоре передо мной обозначились далекие пики Зондер-Энд. По мере приближения они выростали, превращаясь в темную зазубренную ширму, скрывавшую уже полнеба. Солнце клонилось к закату, и вокруг воцарилось то особое многозначительное затишье, которое обычно предваряет наступление африканской ночи. Я разглядел вдалеке несколько белых ферм и вспомнил, что в былые времена здесь располагались основные пастбища Голландской Ост-Индской компании. Странно было думать, что здешние места не знали рыцарской эпохи Средневековья, что все предания этой земли связаны лишь с кочующими стадами диких антилоп и столь же дикими племенами безжалостных убийц и похитителей чужого скота. Я наблюдал, как над темными вершинами разгораются яркие звезды, и думал: «Какой таинственный, романтический пейзаж! Просто сказочная страна!» Если в каких горах и мог бродить легендарный король Артур или страдать погребенный под скалой Мерлин, так именно здесь — в горах Зондер-Энд. Но нет! Вы можете исходить их вдоль и поперек и нигде не наткнетесь на развалины старинного замка. Здешние ущелья не знали древней песни любви и меча. Если бы эти горы стояли где-нибудь в Европе — на живописных берегах Рейна, в туманных шотландских далях или среди зеленых просторов Западной Ирландии... О, сколько красивых легенд было бы связано с ними — сказаний о мужчинах и женщинах, о жизни и смерти,

любви и отчаянии, о блистательных победах и сокрушительных поражениях, о прекрасных дамах и храбрых рыцарях, о мрачных гномах и светлых фейри, о семейных проклятиях и неупокоенных душах... Да мало ли что могло произойти в таких горах. Однако здесь Африка, а не Европа, оборвал я сам себя. Африка — молодой и прекрасный континент, незнакомый с бременем страстей человеческих. И здешние горы — дикие и безмолвные, каким был наш мир миллион лет назад.

Тем временем окончательно стемнело, звезды зелеными искрами поблескивали на черном небе. Мимо меня прогрохотала тяжелая капская телега, и снова все стихло. Единственными признаками человеческой жизни были одинокое окошко, светившееся в темной долине, да тусклый костерок на склоне холма. Под нестройный хор сверчков я въехал на пустынную улицу Свеллендама. По обочинам стояли шеренги эвкалиптов, которые отбрасывали длинные тени. За ними мерцали в лунном свете белые стены домов. И на заднем фоне — все те же темные молчаливые горы.

Гостиница показалась мне маленькой, удобной и гостеприимной. Подобно многим провинциальным гостиницам в Южной Африке, она имела свои архитектурные особенности. Здесь, в частности, все спальни располагались в отдельных домиках, группировавшихся вокруг заднего двора с крохотным садиком посередине. После восхитительного ужина (еще одна отличительная черта здешних сельских гостиниц) я решил немного пройтись перед сном, благо ночь была теплой и безветренной. Сверчки пели в полный голос. Небо казалось сплошным звездным ковром.

Прогуливаясь по улицам, я мимоходом заглядывал в освещенные окна, за которыми шла чужая, незнакомая мне жизнь. Почти везде на стенах висели увеличенные фотографии, с которых на меня смотрели суровые

бородатые джентльмены и их не улыбочивые жены. Эти фотографии казались современными двойниками старых портретов Ван Дейка и Франса Хальса.

Я отметил удивительную вещь: в таких маленьких городках, как Свеллендам, всегда найдется пес, который добровольно берет на себя функции экскурсовода. У этих животных просто сверхъестественное чутье на иностранцев. Как правило, он поджидает вас у дверей гостиницы, а дождавшись, уверенно пристраивается впереди и резво трусит по улицам. Время от времени он оглядывается, как бы приглашая полюбоваться той или иной достопримечательностью. Надо отдать должное этим самозванным провожатым — они ненавязчивы. Проводив обратно до гостиницы, безропотно исчезают, помахав на прощание хвостом.

Здешний, свеллендамский пес привел меня к прелестному барочному зданию старой реформистской церкви. Я любовался ее изящными очертаниями, и мы тронулись дальше — он впереди, я за ним. Как и полагается хорошему гиду, пес периодически останавливался и заглядывал мне в лицо — все ли нравится, хорошо ли я развлекаюсь? У входа в гостиницу мы пожелали друг другу спокойной ночи и распрощались навсегда.

2

Свеллендам показался мне вполне подходящим местом, чтобы совершить небольшой экскурс в историю буров. Прежде всего, что означает это слово? В переводе с нидерландского это всего-навсего «крестьянин, фермер». Но лично для меня данное слово служит синонимом мятежного духа, извечного стремления к свободе. Эта неодолимая тяга к

странствиям — сняться с насиженного места и раствориться в голубой дали, — которая сыграла столь важную роль в истории Южной Африки, давала о себе знать уже в первые годы после высадки на Капе.

Конечно, большая часть белого населения группировалась в районе Западного Капа — в Дракенштейнской долине, в Стелленбоше, Паарле и Тулбахе. Здесь они вели более или менее упорядоченную жизнь, построенную по традиционной европейской схеме: возводили дома, выращивали овощи и зерно, а по субботам слушали проповеди и распевали псалмы. Но уже и тогда находилось немало непосед, которые налаженному оседлому быту предпочитали беспокойную жизнь скотоводов. Они разводили не капусту, а крупный рогатый скот, и кочевали со своими стадами с места на место. Эти люди не были привязаны к земле. Напротив, они находились в вечном поиске новых пастбищ для своих животных.

В их родной Голландии, откуда прибыли предки буров, все измерялось другими масштабами. Фермы там были небольшие — гораздо меньше, чем в других европейских странах. Луг в несколько акров считался вполне достаточным для того, чтобы прокормить среднее стадо. Но попав на Кап — где земля, кстати, далеко не всегда покрыта зеленой травой, — голландцы быстро пересмотрели свои взгляды. Теперь и пастбище в несколько тысяч акров казалось им не таким уж большим — ведь и стада заметно выросли! Поэтому буры уходили все дальше и дальше, осваивая под пастбища новые земли и лишь изредка возвращаясь к своей цитадели на берегу Столовой бухты.

Подобная жизнь коренным образом отличалась от традиционной западной модели, опиравшейся на средних размеров фермерское хозяйство. И привлекала она далеко не всех — лишь самых смелых и независимых (ну и еще, быть может, самых бестолковых и ленивых). В

новой жизни не было места садовым ножницам, ее символами стали ружье и походный вагон. Это было существование под открытым небом, вдали от больших городов. Привычным комфортом приходилось, конечно, жертвовать, зато *трекбуры* обретали свободу, в первую очередь свободу от опостылевшей Ост-Индской компании. Некоторые из таких фермеров-скотоводов возводили маленькие белые фермы — вроде тех, что остались на западе. Другие кочевали с одной арендованной фермы на другую. Впрочем, фермами они назывались лишь по привычке. По сути же это были просто участки пастбищ, которые *трекбуры* на время брали в аренду. Вполне естественно, что люди эти не обременяли себя строительством капитального жилья — обитали в наскоро возведенных шалашах или лачугах. А кое-кто, из наиболее неумных, и вовсе предпочитал ночевать в вагоне. Таким образом, мы видим, что тяга к походной, вольной жизни — когда ешь мясо с костра и засыпаешь под звездами — угнездилась в душе бура уже в самые первые годы освоения Африканского материка.

И, наверное, именно она заложила основу для формирования совершенно особого африканерского характера.

В некоторый момент с бурами, потомками голландских крестьян, что-то произошло. И, на мой взгляд, то преображение, которое буры претерпели в дикой глуши южноафриканского вельда, стало переломным моментом в истории Южной Африки. Итак, на первых порах *трекбуры* по своему менталитету оставались европейцами, волею случая заброшенными на далекий неисследованный континент. Всего одно поколение отделяло их от европейских корней. В 1736 году, когда первые бурские стада уже подбирались к нынешнему Свеллендаму, еще можно было отыскать какого-нибудь 85-летнего старика, воровавшего в

детстве яблоки из садов ван Рибек! И наверняка многие из старшего поколения буров — тех самых, что ныне трусили на своих пони по приграничной полосе — помнили, как, сидя на коленях у матери, с упоением слушали рассказы о голландских ветряках и каналах или же о французских виноградниках. Увы, если б в конце жизни вы спросили у одного из бурских стариков, что такое для него Европа, то скорее всего услышали бы: «Европа? Это всего-навсего полузабытые материнские рассказы о родных краях... ну и еще, может быть, воспоминания о шумных гулянках матросов в капских тавернах...» Вот и все.

Фигурально выражаясь, буры повернулись спиной к морю, которое связывало их с далекой, ставшей почти нереальной Европой, и обратили взгляд на горы, за которыми лежала неисследованная внутренняя часть Африканского материка. Именно в этом ключе и надо рассматривать историю буров — как неоднозначный, но вполне конструктивный процесс. Отрекаясь от Европы, буры отдавали свое сердце Африке; перебираясь жить на новые земли, они и сами изменялись. А уж когда восприняли новый, продиктованный суровой необходимостью образ жизни, то и вовсе стали африканерами. Здесь вновь просматривается аналогия с освоением Американского континента. Как американский Фронтир перемалывал, деформировал англичан, голландцев, немцев, шведов и в конце концов превращал их в американцев, точно так же горячая, неукротимая земля Южной Африки воздействовала на первых европейцев и переплавляла их в новую национальную общность. Здесь надо сделать немаловажное добавление: эти белые европейцы не только пришли на африканскую землю, но и осмелились ее полюбить. Полюбить искренне, горячо, что называется, всем сердцем. Так, как англичанин любит родную Англию, а шотландец — Шотландию.

Это тем более удивительно, что европейским переселенцам пришлось приспособливаться к совершенно непривычным природным условиям. Многие поколения их предков жили на заливных лугах Голландии, в нижнем течении Рейна или в отнюдь не тропической Франции. Новоявленные же африканеры очутились в жаркой стране высоких гор и глубоких ущелий. Это была страна необъятных равнин, которые в летнее время пламенели зарослями цветущего вереска и дикой акации; всю ее пересекали русла пересохших рек и ручьев, которые зимой превращались в ревущие потоки. Бросающая вызов, коварная земля, где каждая пещера, каждый клочок буша могли скрывать смерть в лице маленьких смуглолицых мужчин, сидевших в засаде со своими отравленными стрелами. В будущем буров ждали новые испытания (хоть они пока об этом и не догадывались): навстречу им с востока двигались орды храбрых, воинственных и великолепно организованных туземцев. Кровожадные банту станут главными врагами вуртреккеров, с ними придется сражаться за каждый квадратный ярд земли.

Уходя от моря, буры отказались и от всех его даров. Европа, торговля, большие города с их соблазнами — все это оказалось забыто и отвергнуто. Буры прекрасно могли без этого обойтись. Единственное, что они взяли с собой из старого мира, — Библию. С таким багажом — скот, нехитрые пожитки, умещавшиеся в вагон, и Священное Писание — буры выступили в поход на Африку. Они прошли тысячи миль по вельду и в тени могучих гор. Они давали имена рекам и холмам, воевали, рожали детей и незаметно прикипали сердцем к этой земле. Так выковывалось новое поколение африканеров.

Практически в то же самое время, когда буры покинули берега Столовой бухты и двинулись на восток, в мире произошло еще одно, на первый взгляд, очень

похожее событие. Тысячи людей того же европейского происхождения, прежде скученно жившие на атлантическом побережье Америки, вдруг снялись с места и начали продвижение на запад. Несмотря на внешнее сходство, эти два *трека*, два массовых исхода, в значительной степени разнились. Начать с того, что американских пионеров было гораздо больше, чем буров. Перевалив через горный хребет, они двинулись на запад, возводя по дороге населенные пункты и постоянно расширяя полосу Фронтيرا. Общая картина наводит на мысль о вторжении великой армии, которая продвигается вперед, но не забывает укреплять позиции на завоеванной территории. В отличие от них, буры — гораздо более малочисленные — почти не оставляли за собой следов. Их Великий Трек скорее уж можно сравнить со скрытным передвижением кавалерийского дозора. Если позволительно мерить эффективность переселения народов какими-то единицами, мы бы сказали, что минимальная единица американского трека — небольшой городок, в то время как для южноафриканского трека та же самая единица представлена одиноким ранчо, на многие мили удаленным от соседнего.

Что касается движущих мотивов, то они практически одинаковы в обоих случаях. И американских, и южноафриканских пионеров толкали в путь одни и те же чувства: потребность в просторе и свободе; стремление захватить побольше земли; недовольство цивилизацией в том виде, в каком она существовала в прибрежных областях; неспособность вписаться в сложившийся уклад жизни и, наконец, личное невезение. И требования, которые новое существование предъявляло к первопроходцам, были одинаковы — склонность к индивидуализму, отвага и уверенность в собственных силах.

Перевалив через Аппалачи, американцы оказались на обширной и плодородной равнине: здесь водились бизоны, лоси, олени вапити, медведи, волки, кугуары, белки, индейки и куропатки. Бурам повезло меньше — им в основном приходилось иметь дело со львами и леопардами, носорогами, гиппопотамами, бабуинами и кобрами. Тем не менее в качестве объекта охоты они имели несколько видов антилоп. По мере продвижения белого человека антилопы отступали в глубь Африки и вели за собой треккеров. И те, и другие первопроходцы вынуждены были вести борьбу с местным населением. Американцам с самого начала противостояли индейские племена. Что касается буров, то они, как мы уже говорили, до поры до времени не сталкивались с кровожадными пришельцами с востока. Зато им изрядно досаждали бушмены, причем не столько отравленными стрелами, сколько отвратительной привычкой красть и вырезать чужой скот. Американцы безжалостно истребляли краснокожих туземцев, предлагая награду за их скальпы. Буры тоже без зазрения совести уничтожали бушменов, рассматривая их как неких вредоносных животных.

Жизнь в приграничной полосе всегда предполагала известную уединенность. В Южной Африке основой бурского общества являлась семья. Старый патриарх жил на собственной ферме в окружении семьи, своих быков и ослов, а также большого количества слуг — как мужчин, так и женщин. В качестве слуг выступали чернокожие — формально свободные готтентоты, ибо все рабы (в числе прочих благ цивилизации) остались на западном побережье, откуда они ушли. Такой бур-патриарх мог заглянуть в Ветхий Завет и, прочитав историю Авраама, признать в нем себя самого.

По известным причинам приграничье всегда напоминает театр боевых действий, и бурам довелось испытать это в полной мере. Достаточно скоро они

настолько удалились от цивилизации, что им пришлось учреждать новые своды законов и самим же следить за их исполнением. И если американцы со временем научились сражаться, как краснокожие — перебегая от дерева к дереву, то бурам пришлось овладевать навыками конных снайперов. Оглядываясь назад, можно говорить о значительном вкладе бушменов в историю Южной Африки. Ведь именно постоянное противостояние с ними толкнуло буров на такое изобретение, как *коммандо*. Система коммандос безотказно служила африканерам во время многочисленных приграничных войн. Она же породила и национальных героев бурского народа — таких знаменитых военачальников, как Преториус, Потгитер, Де Вет, а также воинов-политиков Боту и Смэтса. Если говорить об Америке, то и там тактика партизанской войны оправдала себя. Помимо опыта создания отрядов «военизированных фермеров» (которые сыграли решающую роль во время войны за независимость), она подарила американцам такого всенародного героя, как Джордж Вашингтон.

Итак, резюмируем. На ранних этапах развития Южно-Африканского государства можно было наблюдать два типа хозяйствования. Первый существовал на западе и предполагал оседлый образ жизни, при котором собственность переходила по наследству от отца к сыну. Колонисты жили в плодородных долинах, выращивали зерновые культуры, разводили виноградники и фруктовые сады. Второй же — более тяжелый и опасный — предполагал непрерывное продвижение на восток. Длинные упряжки быков тащили походные *вагоны*, на которых размещалось все личное имущество треккеров. Основной их ценностью были стада крупного рогатого скота и овец, а жизнь сводилась к постоянному переезду с места на место в поисках новых пастбищ. В то время

как белые переселенцы медленно двигались в восточном направлении, навстречу им столь же неспешно катилась волна черных племен. И столкновение — неотвратимое по своей сути — было лишь вопросом времени. К тому моменту, как британцы высадились на Капе, соприкосновение двух миграционных потоков уже произошло. Прогремели первые выстрелы, обе стороны успели похоронить своих убитых. Буры наконец-то столкнулись с племенами банту.

Так выглядела Южная Африка в 1795 году, когда горстка британских чиновников высадилась на берегу Столовой бухты. В то время англичане были настроены вполне миролюбиво, их гораздо больше волновал конфликт с Францией, который вскоре вылился в полномасштабную войну с Наполеоном. Вслед за чиновниками пришли английские миссионеры.

Некоторые историки склонны рассматривать буров как такие обломки прошлого, затерявшиеся на бескрайних просторах африканского вельда. Якобы, удалившись от западной цивилизации, они сохранили в неприкосновенности менталитет семнадцатого столетия. Если это утверждение верно, то оно вполне объясняет проблемы, возникшие в девятнадцатом веке. Буры настолько были не похожи на людей промышленной эпохи, что найти с ними общий язык не представлялось возможным. А все дело в том, что в семнадцатом веке общественное сознание еще не успело пробудиться, и человек той эпохи в основном полагался на библейские суждения. В его понимании весь мир делился на христиан и язычников, и приоритет первых не подвергался сомнению. Что же касается примитивных народов (к коим относились чернокожие обитатели Африки), те занимали еще более низкое положение, нежели язычники. Буры мнили туземцев кем-то вроде животных и уж во всяком случае

отказывали им в наличии души. Когда после многолетней изоляции буры столкнулись с просвещенным мнением Европы девятнадцатого века, то пришли в ужас. И знаете, что они сказали? «Разве допустимо обращаться с христианами подобным образом?» Разум бура попросту отказывался воспринимать идею равенства рас. Как может чернокожий недочеловек приравняться — перед Богом и в глазах закона — к нему, белому христианину? А именно это ему и пытались внушить! Наивные англичане ожидали, что бур в десять минут проделает эволюцию, которая у Европы заняла целое столетие.

Повторюсь: если эта теория верна, то ни о каком взаимопонимании между англичанами и бурами не могло быть и речи. Ведь там, на просторах африканского вельда, столкнулись — не много не мало — два века, девятнадцатый и семнадцатый. Все помнят историю Рипа ван Винкля, который проспал двадцать лет. Буры в этом смысле оказались в куда более сложном положении: они-то выпали из жизни на целое столетие. Можете себе представить? Человек (я имею в виду собирательный образ бура) засыпает вскоре после Реформации, пребывая в полной уверенности, что, как учит Библия, на всех его черных слугах лежит проклятие Хама, а просыпается в мире, благополучно пережившем французскую революцию и уже вступившем в эру промышленного переворота!

Именно это и произошло с бурами: они в одночасье перенесли из Средневековья в новейшие времена. И какими же они предстали перед современным миром? Суровыми и свободолюбивыми людьми, чей характер закалился в серии пограничных войн. Они разговаривали на особом языке, а в руке по-прежнему крепко сжимали Библию.

Сидя на веранде в ярких лучах утреннего африканского солнца, я наблюдал, как Свеллендам просыпается и приступает к своим ежедневным делам. Цветные мальчишки — самых различных оттенков кожи и возрастов — подметали тротуары перед магазинами. Занимались они этим неспешно, то и дело прерываясь, чтобы о чем-то побеседовать и громко похихикать. И мне подумалось: как это здорово — когда у тебя есть столько тем для обсуждения, столько поводов для смеха и столько времени для бесконечного повторения одних и тех же шуток! Тем временем народа на улицах заметно прибавилось. Школьники торопились на занятия. Время от времени по мостовой с грохотом проезжал запряженная мулами тяжелый капский вагон. Увлекаемый упряжкой из шести-восьми мулов, он катил либо в сторону железнодорожной станции, либо за город. Гораздо больше было легких повозок — с упряжкой из маленьких серых осликов и обязательным мальчишкой-погонщиком, восседавшим на оглобле.

По улице брела странная старуха с маленьким темным лицом — сморщенным и обожженным, точно плод мушмулы. Поравнявшись с гостиничной верандой, она остановилась и без всякого смущения стала меня разглядывать. Кофейного цвета обезьянье личико казалось печальным, в карих глазах светился простодушный детский интерес. Старуха была обряжена в невообразимые лохмотья и с ног до головы покрыта толстым слоем пыли. Проволочные браслеты на ее тонких, ссохшихся руках приводили на память ювелирные украшения египетских мумий. Чертами лица старуха сильно отличалась от прочих цветных обитателей Свеллендама, и я подумал, что, должно быть, в ее жилах течет кровь готтентотов.

Насмотревшись вдоволь на мою скромную персону, старуха взмахнула маленькой коричневой рукой, отгоняя надоедливую муху, и засеменила прочь.

К этому моменту на веранде появился и хозяин гостиницы. Он подтвердил правильность моей догадки: старуха действительно принадлежала к потомкам готтентотского племени *хессеква*, которых еще можно встретить в окрестностях Свеллендама. Обитают здесь и выходцы из бушменов, я сам заметил двух желтолицых женщин с высокими монголоидными скулами и необычно маленькими ступнями и кистями рук.

Я решил осмотреть местное здание суда (или *Дростди*), которое некогда служило резиденцией свеллендамскому магистрату, а также местом приема всех высокопоставленных гостей. Это чудесное старое здание в капско-голландском стиле — беленые стены, окна восемнадцатого века и длинная, увитая плющом веранда.

Здесь хранилась замечательная коллекция всевозможных предметов старины. В темноватой комнате с высокими потолками — где некогда вершились судьбы приграничья — я увидел застекленные шкафы, в которых стояли молочные бидоны, старинные чайники, кофейники, ножи и ложки. И хотя умом я понимал, что вещам этим от силы два столетия, тем не менее они производили сильное впечатление. Ах, как растрогались бы пожилые фермеры, если б они пришли сюда и увидели древние бабушкины спицы и потертый нож *оома Яна*! Все эти незатейливые предметы бережно сохраняются для потомков.

Фермерам в то время приходилось несладко. Как мужчины, так и женщины вели суровую, полную лишений жизнь. Здешние экспонаты, вероятно, собраны по самым преуспевающим из окрестных хозяйств. Ибо те фермеры, что победнее, обходились без подобных

предметов роскоши. Нередко единственное, что оставалось после них, — это старое ружье да выдавший виды *вагон*. Требовалось обладать отважным и негибким характером, чтобы на протяжении десятилетий вести столь скудное и безрадостное существование. Не думаю, чтобы потомки старых буров по доброй воле согласились бы занять их место в наши дни.

Время от времени сюда наезжали служащие Компании, желавшие прикупить скот. Тогда в мозолистые руки фермера переходил десяток-другой драгоценных риксдалеров, которые незамедлительно упрятывались в семейный *кист*. И лишь раз или два в году, когда фермерская жена везла на продажу соль, масло и мыло — в этот самый исключительный и волнующий миг денежки снова выныривали на свет. Их доставали из сундука, но лишь для того, чтобы обменять на кейптаунском рынке на предметы первой необходимости — чай, кофе, сахар, табак, одежду и патроны для ружья. Между прочим, ассортимент покупок в точности совпадает с тем, что приобретали американские поселенцы в обмен на свой скот, зерно и шкуры.

Больше всего меня позабавил один экспонат. Он представлял собой палку в восемь футов длиной, к концу которой была прикреплена сума для сбора пожертвований. Да не просто сума, а в комплекте с колокольчиком — для того, чтобы будить прихожан, заснувших во время проповеди. Подобное приспособление могло появиться лишь в кальвинистских странах, где молитвенные собрания обычно проводились на свежем воздухе и длились не один час. В Америке пуритане тоже использовали нечто подобное, только они не догадались к «палке-будилке» прикрепить суму для подношений. В американском варианте один конец палки увенчивался заячьей лапкой, а к другому

привязывался все тот же медный колокольчик. В каждой общине существовал специальный *десятинник* (нечто вроде старосты: он собирал десятину и следил за соблюдением всех церковных правил). Так вот, во время затянувшейся проповеди этот десятинник зорко приглядывал за разомлевшей паствой. Если замечал, что кто-то из взрослых прихожан клюет носом, он начинал деликатно щекотать его заячьей лапкой (благо, длина палки позволяла дотянуться практически до каждого). Если же подобная беда приключалась с кем-нибудь из мальчишек, тут уж в ход шел звонкий колокольчик.

Я осмотрел портретную галерею *Дростди* и отметил мимоходом несколько непреклонных шотландских лиц. Внимание мое привлекла фотография со следующей сопроводительной надписью: «Капитан Бенджамин Муди, 10-й лэрд Мелсетера, что на Оркнейских островах. Родился в 1789 г., умер в 1856 г. в Свеллендаме. Потомок Роберта I Брюса, короля Шотландии (1274–1329), а также семи последующих королей». Ну что за народ эти шотландцы!

Семейство Муди заслуживает отдельного рассказа. Во время обоих якобитских восстаний они были на стороне Ганноверской династии, что явно не улучшило их отношений с оркнейскими якобитами. В результате прадед Муди был застрелен одним из местных патриотов прямо на улице Киркуолла, столицы Оркнейских островов. По шотландским законам того времени подобное злодеяние требовало отмщения, и сын погибшего отомстил — устроил облаву на тамошних якобитов, а, изловив, отправил их в лондонский Тауэр. Как ни удивительно — ведь в том политическом противостоянии Муди оказались на стороне победителя, — богатства они на этом не нажили. Напротив, со временем род Муди сильно обеднел, и в 1817 году Бенджамин Муди решил эмигрировать на Кап. С собой он взял две сотни шотландцев, в основном

рабочих и ремесленников. Это была одна из первых попыток создать британскую колонию в Южной Африке.

Люди, которых Муди привез на Кап, должны были либо вернуть деньги за свой проезд, либо бесплатно отработать на него полтора года. После этого они могли самостоятельно распоряжаться своей судьбой. К несчастью для Муди, людей он набирал не на Оркнейских островах (где его имя что-нибудь да значило), а в Эдинбурге. Большая часть из рекрутированных попросту сбежала от него по прибытии в Южную Африку. Одни рассеялись по окрестным маленьким городкам и фермам — благо, работы везде хватало, — другие же избрали для себя беспокойную жизнь торговцев и охотников за слоновьими бивнями.

Что касается Муди, то он купил за шестьсот фунтов старое капское поместье Хрут Фадерс-Боск, где и родились семеро его детей. Брат Муди по имени Дональд, который присоединился к нему в Южной Африке, впоследствии стал заметной фигурой на Капе и в Натале. Именно эти два брата дали начало многочисленному клану Муди в Союзе и Родезии.

Третий же брат, Дж. У. Д. Муди, провел в Южной Африке десять лет, после чего написал замечательную книгу, в которой интересно и правдиво описал свои южноафриканские странствия. Находясь на Капе, он познакомился с шотландским поэтом Томасом Принглом, который приехал туда в 1820 году в числе прочих британских переселенцев. Встреча эта оказалась судьбоносной для Муди.

Много позже, уже в Лондоне, он встретил в доме Принглов юную Сюзанну, одну из многочисленного выводка девиц Стрикленд (старшая сестра Сюзанны, Агнес, на тот момент уже была знаменитой писательницей, автором нашумевшей книги «Жизнь английских королей»). Молодые люди поженились и

уехали в Канаду. У них была большая семья, потомки которых распространили славную фамилию Муди по всей Канаде и Соединенным Штатам.

4

Настало время, когда южноафриканцы вспомнили о своем прошлом. Портреты прапрадедушек теперь висели на почетных местах в их домах. Романтический ореол окутывал все события столетней давности. Краеведческие музеи стали самым посещаемым местом в городе.

Упомянутые музеи, как и все подобные заведения, обретали свои бесценные коллекции благодаря стараниям местных любителей древности. Эти люди ни перед чем не останавливались, чтобы заполучить для экспозиции какой-нибудь старинный подсвечник или маслобойку. Не оставляли они своим вниманием и более крупные экспонаты, вроде плугов или треккерских вагонов.

С одним таким энтузиастом я познакомился в Свеллендаме. Слушая его восторженные рассказы, можно было подумать, что остальной Союз скрылся под водами океана и лишь Свеллендам уцелел в качестве крошечного островка цивилизации. Только здесь сохранились нетленные памятники прошлого, и любому путешественнику, приближавшемуся к границам Свеллендама, впору было возопить: «Вот она, Южная Африка! Благодарю тебя, Господи, что привел меня к этим благословенным берегам!»

Человек этот без устали рыскал по окрестным фермам, выискивая старые кофейники, трубки, ружья, газовые горелки и прочие ценные предметы. Я по достоинству оценил оригинальный метод убеждения,

который он использовал по отношению к несговорчивым фермерам. Вот как он сам об этом рассказывал:

— Встречаюсь я, значит, со старым фермером, у которого есть нечто, на мой взгляд ценное, и спрашиваю: «Сколько вам лет?» Он отвечает, а я задаю следующий вопрос: «И вы, наверное, уже решили, где вас похоронят?» Фермер немного удивляется, но рассказывает. А я все допытываюсь: «У вас, небось, уже и надгробный камень заготовлен?» Как правило, все отвечают утвердительно. И тогда я сражаю его наповал коварным вопросом: «Ну, и сколько человек, по-вашему, остановится, чтобы прочитать надпись на вашем надгробии?» Тут неизменно повисает пауза, а я дожимаю старого скрягу: «Послушай, дружище, ты просто обязан подарить музею этот кофейник! Он-то и станет твоим настоящим *памятником*! Ведь я собираюсь выгравировать на нем твое имя и имя твоей жены, а также дату и место твоего рождения. Люди будут приходить в Дростди и рассматривать твой кофейник. И все они помянут добрым словом и тебя, и твою уважаемую *миссус*... Ты только подумай, приятель! Нужен тебе такой надгробный камень?»

— И что же? — не выдержал я.

— Конечно, соглашаются! Сначала задумчиво чешут подбородок, а затем нерешительно мычат: «Ну да, может быть...» Короче, кофейник мой!

5

Я направлялся к Масселбаю, и путь мой проходил по живописной местности. Со всех сторон меня окружали горы и заросшие лесами ущелья. Меж темных деревьев струились ручьи с прозрачайшей водой, то и дело мелькали укромные лощинки, поражающие причудливой игрой света и тени. Затем дорога привела меня в край

вересковых пустошей, и должен признаться, что более прекрасного вереска я не видел даже в Шотландии.

В отличие от Британии, где странник может остановить практически любого местного жителя и получить от него все необходимые сведения, Южная Африка, увы, не торопится делиться с вами своими секретами. Белые люди здесь не путешествуют пешком. Если вы видите одинокого путника на дороге, то он почти наверняка окажется чернокожим или цветным. А эта публика не горит желанием вступить с беседы с незнакомым автомобилистом. Я почти уверен, что настоящий африканер — который родился и вырос рядом с этими людьми — смог бы найти способ их разговорить. Однако мне такой подвиг оказался не под силу.

Где-то возле Альбертини я остановился передохнуть и свериться со своей дорожной картой. Я стоял, наслаждаясь великолепным пейзажем, когда ко мне приблизился чернокожий парень и ловко подхватил отброшенный окурок. На вид ему было около сорока лет, хотя с этими чернокожими никогда нельзя быть ни в чем уверенными. У парня не было с собой никакой поклажи — ни тюка, ни мешка, ни того тяжелого кованого сундука, с которым местные жители так любят путешествовать на большие расстояния. Из этого я заключил, что он работает неподалеку. Парень выглядел достаточно сообразительным, поэтому я рискнул вступить с ним в беседу. Ниже я привожу наш диалог.

— Доброе утро! Работаешь поблизости?

— Так точно, *баас*, да.

— И чем ты занимаешься?

— Работаю, *баас*.

— Но что конкретно ты делаешь? Трудишься на ферме?

— Работаю, *баас*, да.

И он неопределенно махнул рукой вдаль — будто я мог невооруженным взглядом разглядеть ту нишу в сельскохозяйственной или промышленной жизни Союза, которую он занимает.

— Ты женат? Жена есть?

— Да, *баас*. Девять ребятишек.

Ого, это было уже что-то! Наконец-то я отыграл очко, как говорят американцы.

— И сколько денег ты зарабатываешь?

Парень бросил на меня быстрый, подозрительный взгляд, после чего железная занавеска снова с лязгом опустилась.

— Совсем немного денег, *баас*.

Так мы продолжали беседовать на протяжении пятнадцати минут. Это было все равно, что пытаться открыть устрицу при помощи зубочистки. Тем более досадно, что я нисколько не сомневался: любой южноафриканец, владеющий капским диалектом или африкаанс, уже вовсю бы болтал с парнем, наслаждаясь потоком шуток и анекдотов. Ведь мне рассказывали, что цветные жители Капа непревзойденные рассказчики и большие шутники. Осознав собственную беспомощность, я сдался: протянул парню шестипенсовик, который тот с благодарностью принял и поклонился, молитвенно сложив руки.

Вскоре мне повстречалась маленькая деревушка, и я заглянул в скромную гостиницу, которую содержала фермерская семья. Небольшой обеденный зал живо напомнил Цветочную выставку в Челси. Нигде (за исключением, пожалуй, похорон) мне еще не доводилось видеть такого количества прекрасных цветов, собранных в одном маленьком помещении. Каждый столик был нагружен — я не могу подобрать другого слова — букетами георгинов, вереска, гвоздик, львиного зева, желтофиоли, розовых гладиолусов и белых лилий. Часть георгинов со слишком короткими стеблями

плавала прямо в суповых тарелках, едва не закрывая их целиком.

Пока я наслаждался этим цветочным пиршеством, ко мне подошла цветная служанка и деликатно прошептала:

— *Баас* желает пообедать?

Не отрывая взгляда от букетов, я признался, что да, таково было мое намерение. Тогда девушка протянула меню, и вот что я в нем прочитал:

Перловый суп

Маринованная селедка
Жареный картофель и лимон
Рыба под карри

Баранье рагу с фасолью
Тушеное мясо ягненка
Свинные отбивные
Жареный цыпленок

Холодная йоркширская ветчина
Соленая грудинка
Холодный молочный поросенок

Тушеные овощи — картофель, кабачок, бобы,
зеленый горошек

Желе и консервированные персики

Сыр

Можете себе представить! И это при том, что зал вмещал не больше десяти человек. Я огляделся. Кроме меня, за столиками сидели еще четверо посетителей, и все они были заняты делом — жадно поглощали обед.

Да уж, следует признать: жаркий климат никак не влияет на аппетит южноафриканцев. Они научились в этом отношении не зависеть от погоды. Жалюзи опущены, вы поедаете жареного поросенка в прохладной полутемной комнате, а снаружи температура достигает ста градусов в тени. Кажется вполне естественным, что страна, начинавшаяся как животноводческая ферма, в конце концов стала сугубо плотоядной. Однако для того, чтобы понять, насколько рядовые африканеры обожают мясо, надо покинуть фешенебельные столичные отели и приехать в деревню.

«Дайте им хороший кусок говядины да добрый меч в руки, — и они будут жрать, как волки, и драться, как дьяволы». Так говорил Шекспир об англичанах. Однако, насколько позволяли судить мои личные наблюдения, англичане — даже в эпоху правления старого доброго сэра Ростбифа — по сравнению с южноафриканцами выглядели сущими вегетарианцами! Было нечто поистине гомерическое в тех обильных трапезах, которые я наблюдал в маленьких сельских гостиницах. Под бдительным взглядом соседей по столу — истинных африканеров — любой иностранец (пусть даже он только-только покончил с бараниной и приступил к свинине!) начинает чувствовать себя малосильным неженкой и бесполезным слабаком. Полагаю, такой зверский аппетит (как и многое другое в этой стране) достался Южной Африке в наследство от Голландии семнадцатого века.

После обеда ко мне подошла хозяйка гостиницы, и я вполне искренне похвалил ее букеты. Польщенная женщина повела меня в маленький садик и показала клумбы, где произрастало все это великолепие. Как выяснилось, растениям был обеспечен обильный полив из специально устроенного бассейна.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы снова тронуться в путь. Перед моим мысленным взором

вставали заманчивые картины затененной спальни и белоснежных простыней. Как было бы здорово поспать пару часиков в прохладной постели — вместо того, чтобы опять мчаться по залитому солнцем шоссе! Тем не менее я собрал волю в кулак и буквально заставил себя сесть за руль. Движение на дороге практически отсутствовало, лишь иногда я обгонял чернокожих путников, которые медленно плелись по обочине, да несколько раз проезжали легкие тележки, влекомые упряжками осликов. Добравшись до реки Гуриц, я остановился, чтобы полюбоваться горным ущельем, по которому она протекала. На мой взгляд, лучшей иллюстрации на тему «Обманчивое спокойствие Южной Африки» и не придумать.

Представьте себе пропасть глубиной в несколько сот футов, через которую перекинут длинный железный мост. Если перегнуться через перила, можно разглядеть узкий ржавый ручеек, который протекает по песчаному дну пропасти. Пролеты моста поддерживают три миниатюрные Эйфелевы башни, основания которых закреплены в массивных бетонных барабанах. Вся конструкция задумана и выполнена так, чтобы оказывать как можно меньшее сопротивление потоку текущей воды. Право, подобные предосторожности кажутся смешными, когда смотришь на тоненькую ниточку реки, которая кое-где разлилась и образует крохотные мутные заводи. Однако это сегодня она выглядит такой безобидной. Поглядели бы вы на ту же Гуриц в сезон дождей! Она превращается в ревущий поток, который все сметает на своем пути. Многие южноафриканские реки в течение года претерпевают подобную драматическую метаморфозу: в зимнее время — полноводная река, в засушливый летний сезон — едва заметный ручеек. Не знаю уж, почему, но большинству местных жителей последнее превращение кажется забавным. Мне неоднократно рассказывали «смешную»

историю о том, как некий человек упал в пересохшую реку и стоял там и отряхивался от пыли!

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы добраться до Масселбая. Вскоре я уже катил по душным улицам города, разглядывая многочисленные церкви, магазины, гостиницы, снующие туда-сюда велосипеды и автомобили. Несмотря на сильную жару, в Масселбае царило веселое оживление — верный признак экономического роста. А жара и в самом деле стояла удрушающая. Свежий морской бриз, который расхваливают во всех рекламных проспектах, очевидно, в тот день взял выходной. Однако белые насыпи морского песка, скопившиеся практически под каждой прибрежной скалой, доказывали: да, действительно, есть такой господин по имени «приятный легкий бриз», и есть у него старший братец (куда менее приятный) по имени «штормовой ветер».

Главной достопримечательностью Масселбая является *Поорт*, и я немедленно отправился туда — посидеть в тени скал и полюбоваться окружающим пейзажем. Здешний залив, возможно, самый очаровательный из всех естественных водоемов Союза. Длинный и узкий, он словно прорублен в теле скалы. *Поорт* сообщается с открытым морем, но его дальний конец перегорожен рифами, защищающими лагуну от сокрушительного прибоя Индийского океана. Я наблюдал, как волны набегали и с грохотом разбивались о каменистую гряду. Поневоле укрощенные, они в виде мелкой ряби просачивались через небольшой скальный проход в лагуну. Таким образом, вода в ней всегда оставалась свежей, прохладной и приятной для купания. Однако самым главным достоинством *Поорта* служит его пологое песчаное дно, которое постепенно понижается к дальнему концу. В результате получался универсальный бассейн: возле берега было достаточно мелко, чтобы там могли купаться шестилетние дети; и в то же время в

лагуне находилось место для опытных ныряльщиков и пловцов.

Я сидел на берегу и наслаждался видом плескавшейся на мелководье ребятни. Вот кто замечательно проводил время! Там были прелестные девочки, похожие на вареных креветок в своих розовых купальных костюмчиках. Они шлепали по воде, обдавая друг друга фонтанами брызг, и при этом оглушительно визжали. Мальчишки — гибкие и верткие, словно угри — развлекались более солидным образом: они ныряли с прибрежных скал в просвеченную солнцем зеленую воду. А я, наблюдая за детишками, думал, как замечательно они выглядят и как, наверное, гордятся взрослые южноафриканцы таким здоровым потомством. Дополнительным удовольствием для меня было сознание, что эта летняя сцена разыгрывается на моих глазах не когда-нибудь, а в ноябре.

Покинув Масселбай, я поехал по дороге, которая ввела в глубь материка. Впереди ждал Джордж.

6

Городок этот располагается высоко в горах, которые в наше время называются Аутенива. Португальцы пользовались другим, более романтичным именем — Сьерра де Эштрелья, что означает Звездные горы. Нынешнее название пришло из готтентотского языка. Переводится оно как «люди, нагруженные медом» и, несомненно, отражает специфику здешнего места (я имею в виду медоносные вересковые пустоши).

Что касается наименования самого городка, то с ним связана одна из самых интригующих тайн Южной Африки. Дело в том, что в 1802 году на Кап прибыл человек по имени Джордж Рекс, о котором ходили упорные слухи, будто он является сыном правящего

британского монарха Георга III и Ханны Лайтфут, вошедшей в историю под именем Прекрасной Квакерши. Вновь прибывший англичанин добрался до Книсны, приобрел там большое имение и зажил, как и подобает состоятельному сельскому помещику. Многие люди в Южной Африке убеждены, что мистера Рекса намеренно выслали на Кап, дабы избежать политического скандала в Англии. Однако если это так, то возникает вопрос: неужели бы ему позволили носить столь провокационное имя?

Лично меня горы Аутенива поразили своим чрезвычайным сходством с Шотландией. Похоже, мне не избавиться от этого наваждения — я так и буду сравнивать Южную Африку с моей любимой Шотландией. Выглянув поутру в окошко гостиницы, я почти готов поверить, что нахожусь где-нибудь в Форт-Уильяме. Чего только стоит утренний туман — *хаар*, как жители восточного побережья Шотландии называют ту молочно-белую дымку, что порой наползает с моря. Здешний туман окутывает горные склоны, запускает свои холодные белые пальцы в сосновые леса и создает ощущение какой-то нездешней жути, которое часто возникает пасмурным днем в долине Гленко. Но стоит лишь взглянуть солнцу, как туман отступает, миля за милей обнажая изрезанные трещинами склоны, зеленые лощины и темные ущелья. Издалека можно видеть серпантин горной дороги, которая, извиваясь — то исчезая среди лесов, то снова появляясь — уходит к самой вершине, переваливает через нее и окончательно скрывается из виду.

По-моему, имена людей, прокладывавших дороги в Капских горах, достойны прославления в веках. Взять хотя бы железнодорожную ветку, ведущую к Джорджу. Она столь извилиста, что кейптаунский поезд виден высоко в горах задолго до его появления на местном перроне.

Я не раз слышал, что Джордж напоминает английский городок. Возможно, это и так. Но, на мой взгляд, улицы здесь слишком широкие, растительность чересчур роскошная, и самое главное, прелестные, аккуратные домики (каждый из которых, вопреки английской традиции, окружен великолепным садом) выдержаны в одном архитектурном стиле. Это создает впечатление единообразия, совершенно не характерного для Англии (подобное там можно увидеть лишь в новых жилых микрорайонах).

Смею утверждать, что главная прелесть небольших английских городков как раз и заключается в их живописном разнообразии. Если табачник мистер Браун держит свою лавку в доме, построенном еще при Елизавете, то его ближайший сосед, доктор Армстронг, живет в доме, выдержанном в стиле Георга III. Старый полковник Блэк владеет жилищем в стиле королевы Анны, а мисс Джеймс и вовсе живет в особняке псевдоготического стиля, столь милого сердцу Вальтера Скотта. И так далее: в английском городке того же размера, что и Джордж, вы можете обнаружить весь диапазон архитектурных стилей — от древних до самых современных. Вам никогда не наскучит гулять по такому городу, глаз не утомляется однообразием построек.

Надо отдать должное южноафриканским архитекторам: они делают все, чтобы избежать ощущения скучной монотонности, и проявляют при этом немало изобретательности и вкуса. Особое внимание они уделяют зеленым насаждениям, благо, те растут здесь феноменально быстро. За пару-тройку лет в Южной Африке поднимаются такие деревья, какие в Европе не выросли бы и за столетие. Именно поэтому все южноафриканские дома — даже сравнительно молодые, выстроенные всего каких-нибудь двадцать лет назад — снабжены милым обрамлением в виде зеленых садов.

Очень многие обитатели Джорджа производят впечатление самых настоящих англичан. Это неудивительно, если вспомнить, что на протяжении многих лет сюда съезжались отставные чиновники из Индии и Капской провинции. Британские пенсионеры с удовольствием оставались жить в Джордже. Взять хотя бы парикмахера, который освежал мою стрижку: его английское происхождение не вызывало никаких сомнений. К тому же на стене его заведения я разглядел цветную фотографию Уинстона Черчилля!

Одна из широких, ухоженных дорог привела меня к англиканскому кафедральному собору. Крошечное здание (меньше большинства наших сельских церквей), тем не менее обслуживает епархию размером с Уэльс. Меня позабавил один из витражей, на котором красовался святой Георгий, облаченный в солдатское хаки. Для сравнения скажу, что местная голландская реформистская церковь поражает своими размерами и представительностью. Тоже своего рода курьез. Она настолько же *непомерно* велика, насколько мал англиканский храм.

Мне хотелось бы поведать еще о двух достопримечательностях Джорджа, которые произвели на меня незабываемое впечатление. Это, во-первых, так называемый агапантус, или попросту белая лилия, а во-вторых, хмель. Белая лилия свободно произрастает вокруг Джорджа, причем в поражающих воображение количествах. Подобно тому, как у нас в Англии полевой колокольчик образует целые голубые поляны, так и агапантус обильно усеивает все свободное пространство на подступах к городу. При всей своей царственной внешности африканская лилия — очень неприхотливый и выносливый цветок. Это вам не наша европейская неженка, которую с первыми же заморозками требуется перенести в теплицу. О нет, здешний агапантус растет на родной почве и круглый год чувствует себя

великолепно. На трехфутовых стеблях распускаются бело-голубые цветы такого размера, что взрослый мужчина едва может обхватить их обеими руками. В прежние времена в Англии я и сам баловался разведением лилий. Однако прогулявшись в окрестностях Джорджа и увидев местные экземпляры, я почувствовал себя посрамленным. Не думаю, чтобы я когда-либо вернулся к своему бывшему хобби!

Теперь о хмеле. Этой культурой засажены огромные площади под Джорджем. Помню, как я проезжал акр за акром и не верил своим глазам — мнилось, будто я нахожусь в Кенте, где-нибудь в Паддок-Вуде, или же в гемпширском Алтоне. Иллюзия была тем сильнее, что здесь, в Южной Африке, длинные стебли хмеля натягивают и подвязывают точно таким же способом, как у нас в Англии. Позже я узнал, что разница все-таки есть: оказывается, местные фермеры изготавливают свои шесты из непривычного нам эвкалипта. Хотя думаю, что издали, проезжая на автомобиле, даже специалист не обратил бы внимания на такие подробности.

Хмель, кстати, оказался одним из немногих европейских растений, которое не слишком охотно прижилось на южноафриканской почве. Первые попытки голландцев вырастить хмель неизменно терпели неудачу. В 1902 году провели широкомасштабный эксперимент: тысячи и тысячи кустов хмеля — из Англии, Германии и США — раскидали по всей территории Союза. И что же? Опять фиаско! Африканским агрономам так и не удалось установить удачное сочетание почвы и подходящего сорта хмеля. Специалисты из Джорджа шестнадцать лет безуспешно бились над этой проблемой. Наконец они случайно обратили внимание на одинокое растение, которое на протяжении нескольких лет благополучно росло и цвело в саду у мисс Ван Никерк. И хотя у него была дурная

привычка каждое лето плестись по стволу дерева и прятаться в листве, ученые сумели организовать наблюдение за своевольным хмелем. Выяснилось, что он принадлежит к старому английскому сорту, который давно уже не культивируется в Британии. Эксперты окружили растение такой заботой, какой, наверное, не знал ни единый куст хмеля во всем мире.

А тем временем правительство предприняло новую попытку импорта хмеля — на сей раз из Тасмании. Все растения погибли за исключением трех женских кустов, принадлежавших к сорту, присланному по ошибке! И именно от скрещивания этих трех кустов с мужским ростком из сада мисс Ван Никерк ведут свое начало безбрежные плантации, которые я видел под Джорджем. Вот вам и научный подход к сельскому хозяйству! Тут поневоле задумаешься о роли счастливого случая в развитии всей нашей цивилизации.

Я узнал, что сегодня свыше миллиона кустов хмеля (потомков тех четырех растений) занимают площадь в триста двадцать акров. Сорт, получивший название «Золотого», оказался настолько удачным, что дает ежегодный урожай в двести тонн хмеля, которые полностью покрывают потребности южноафриканских пивоваров.

Наверное, английским фермерам будет интересно узнать, что их коллеги из Джорджа используют те же старые, проверенные технологии, что и в Англии. Вот только сараи, где просушивается хмель, называются не «печами для сушки», как в Кенте, а на гемпширский манер «сушилками». Внешне эти строения, конечно, не столь живописны, как старые кентские «печи», ибо лишены конических, крытых красной черепицей башенок. Однако все это детали. А вот что на самом деле существенно, это скорость, с которой растет хмель в Южной Африке. Невероятно, но, посадив кусты на

Рождество, вы уже через несколько недель можете снимать урожай!

7

Горы в Капской провинции являются важнейшей деталью пейзажа. Наверное, во всем мире не найдется другого места, где бы они играли такую роль. На Капе ведь как? Куда бы ни пошли, куда бы ни бросили взгляд, вы повсюду натываетесь на горы. Здесь они ваши постоянные спутники. Путешествовать по Капу означает пересекать горы. Стоя на южном побережье Африки и обратив взор на север, вы легко можете представить, как горные хребты громоздятся параллельными цепями. Подобно гигантским ступеням, они ведут во внутренние районы страны. Первая ступень начинается возле самого побережья океана. Преодолев ее, вы попадаете на некую террасу. А за ней следующая ступенька, которая приведет вас на более высокий уровень. И так продолжается до тех пор, пока на высоте в несколько тысяч футов над уровнем моря перед вами не распахнется огромное плоскогорье — внутреннее плато Южной Африки, которое простирается на север до самой реки Лимпопо.

В иных странах мне доводилось видеть горы, которые зовут и манят путника. Тенистые долины сулят удобный и легкий подъем; полноводные реки дают возможность воспользоваться плотом или каноэ и таким образом проникнуть в самое сердце гор. Может, где-нибудь это и так, но только не в Южной Африке! Тут дела обстоят прямо противоположным образом. Достаточно сказать, что совсем недавно, всего столетие назад, «внутренняя область» Южной Африки — та самая, где сейчас располагаются Свободное государство и Трансвааль — считалась недосягаемой. Если здесь кто и

обитал, то лишь многочисленные стада дичи да охотившиеся на них хищники. Попасты туда и вправду было нелегко. С севера все подходы перекрывали пустыня и малярный буш, который тянулся на сотни миль. А с юга... С юга громоздились непроходимые горные хребты.

В тот день, когда я решился атаковать перевал Монтегю, неожиданно прошел ливень. Потоки желтоватой воды стекали по утесам и собирались в огромные темные лужи. Я ехал по долинам, заросшим дубравами и ярко-зеленым папоротником. Горный проход, который около столетия назад был пробит в скалах при помощи динамита, круто уходил вверх. Иногда подъем составлял тысячу футов на несколько миль пути. И мне снова припомнилось мое путешествие по горной Шотландии. Достигнув вершины перевала, я остановился и оглянулся назад. Где-то там внизу остался город Джордж, к нему вел длинный спиралевидный спуск.

Однако стоило мне перевалить через гору, как все воспоминания о Шотландии начисто изгладились из моей памяти. Я вновь очутился в Африке, и это не подлежало никакому сомнению. Зеленая трава исчезла, на смену ей пришли низкорослые кустики каких-то суккулентов, и каждый из них рос в своей маленькой персональной пустыне. Заросли алоэ вздымались в небо колючие штыки. Гигантские опунции казались гротескными чучелами, возведенными природой для защиты от неведомых вредителей. Эта внезапно материализовавшаяся пустыня носила название Малого Кару. Беспощадная голая земля, она все же не была лишена очарования. С трудом верилось, что какие-то живые твари умудряются отыскать себе здесь пропитание. И тем не менее (удивительный факт!) самую лучшую южноафриканскую баранину выращивают именно здесь, на сочных кактусах Малого и Большого

Кару. Если я ничего не путаю, то они называются *мезембриантемум*, что в переводе означает «хрустальная травка».

Некоторое время я ехал по иссушенной земле, покрытой худосочной и серой, словно припорошенной пылью, травой. И вдруг местность снова чудесным образом изменилась. Я даже не поверил своим глазам! Поднялся на пригорок, а передо мной открылась изобильная зеленая равнина. Она тянулась вдаль, до следующего горного хребта под названием Шварцберген (то есть Черные Горы). Я уже знал, что эти горы служили ступенькой к следующему возвышенному плато, которое, в свою очередь, заканчивалось горами. Пока же я ехал по сказочной долине, где вдоль ирригационных каналов выстроились длинные шеренги тополей. Во все стороны простирались поля сочной люцерны. Среди них мелькали маленькие фермы и загоны для домашнего скота. Чувствовалось, что земля эта обитаема и дела у ее обитателей идут куда как хорошо. На дороге появилась легкая повозка, которую тащила четверка упитанных осликов, на оглобле сидел, свесив ноги, чернокожий мальчишка-погонщик. За ней другая, затем третья... Там и сям виднелись стада коров. О, благословенный край молока, сливок и масла!

И самое удивительное, повсюду, куда ни кинь взгляд, разгуливали страусы. Они безмятежно паслись рядом с овцами и коровами. Обычно страусы держались большими стаями — или, быть может, стадами? Наверное, это слово больше подходит птицам, которые, как и мы, передвигаются на двух ногах. Так или иначе, но страусы были повсюду.

Я вплотную приблизился к Оудсхорну. Этот городок в прошлом являлся центром разведения страусов, но в последние годы все больше переключается на молочное животноводство. У меня с собой было рекомендательное письмо к одному из местных торговцев, и я разыскал его

в маленьком душном офисе. Человек этот — крайне энергичный и занятой — напомнил мне американского бизнесмена, какими их изображают в голливудских фильмах. Мистер желает осмотреть страусиную ферму? Конечно, нет проблем. Чем еще он может быть полезен? Мужчина метнулся в соседнюю комнату и вернулся с охапкой страусиных перьев. С неожиданной, поистине удивительной щедростью он вручил мне свою ношу и выпроводил за дверь. Не успел я и оглянуться, как уже стоял посреди залитой солнцем улицы с экзотическим «букетом» из длинных перьев. Мне казалось, что выгляжу я нелепо — словно опереточная примадонна посреди прерии. Однако никто из прохожих не обращал на меня ни малейшего внимания.

Страусиная ферма затерялась в зеленых лугах за пределами города.

Когда я подъехал, владелец фермы как раз успел собрать в загоне четыре сотни птиц. Страусы стояли, сбившись в плотную кучу, и нерешительно переминались с ноги на ногу. Первым делом меня подвели посмотреть на молодняк. Издалека они выглядели, как пушистые ежики на тоненьких ножках. При ближайшем рассмотрении они оказались очаровательными птицами: тельца покрыты тусклым пухом, бархатные шеи и огромные выразительные глаза с длинными ресницами.

— И как долго они живут? — поинтересовался я.

— Они *могут* прожить больше ста лет, — отвечал хозяин фермы, — но обычно этого не происходит. Глупые птицы сами себе укорачивают жизнь — то запутаются в колючей проволоке, то проглотят пару кусачек.

По словам фермера выходило, что страусы — самые бестолковые из всех птиц. По правде говоря, он вообще сомневался в наличии у них мозгов! Это даже не птица в общепринятом понимании. Просто некий фюзеляж, покрытый перьями и снабженный парой невероятно

крепких ног. Добавьте к этому перманентно озадаченное выражение глаз под мохнатыми голливудскими ресницами — и перед вами обобщенный портрет страуса. Самцы в некоторые периоды становятся агрессивными, и к ним лучше без нужды не приближаться. Ведь ноги у страусов — будь здоров! Лягнет не хуже лошади. Однако атакующего страуса легко сбить с толку — достаточно взять прутик с листьями на конце и помахать у него перед носом. Меня уверяли, будто это верный способ, никогда не дает осечки. Страус тут же закрывает глаза и открывает их, лишь оказавшись в сотне ярдов от вас. Звуки, которые издают самцы в брачный период — здесь они называются «брумлинг», — легко спутать с львиным рыком. Помимо крайней тупости и суетности, у этих птиц обнаруживается еще одно качество, которое роднит их с родом человеческим. Оказывается, страусы любят танцевать! Порой, когда их выпускают по утрам из краала, они выплывают всей кучей и начинают вальсировать. Некоторые до того закружатся, что падают и ломают себе ноги. Приходится отстреливать бедолаг, а что еще остается делать?

Мы подошли к полю, на котором были собраны четыре сотни страусов. По ту сторону загородки находились несколько мальчишек-подпасков и двое взрослых мужчин на лошадях. Птицы сгрудились в дальнем углу загона, настороженно поглядывая в сторону людей. Стояли тесно — крыло к крылу, все шеи вытянуты под одинаковым углом. Создавалось забавное впечатление, будто полк улан изготовился к атаке и только ждет условного сигнала.

На моих глазах один из всадников двинулся в сторону страусов. По мере того как он приближался, стаю все больше охватывала паника. Внезапно вся толпа, как по команде, сорвалась с места и ударилась в бег. Сначала они двигались рысью, затем перешли на

галоп и в конце концов уже мчались со скоростью сорок миль в час.

Наблюдая за их стремительным бегом, я припомнил фантастические рассказы Плиния об этих птицах. Он, в частности, утверждал, будто страусы на ходу мечут в своих преследователей камни! Теперь стало ясно, откуда взялось это заблуждение. Несомненно, что при столь энергичном беге по каменистой почве крепкие, мускулистые ноги страусов должны были расшвыривать десятки «метательных снарядов».

Всадники с необыкновенной ловкостью собрали всех птиц в плотную кучу и погнали вперед. Те так и бежали, напряженно вытянув шеи. Со стороны могло показаться, будто сотни разъяренных кобр движутся верхом на табуне. Тем временем мальчишки-подпаски окружили страусов, решительно пресекая все попытки прорыва, которые предпринимали отдельные не в меру разогнавшиеся птицы. Один из всадников спешил и, вооружившись длинным крюком, двинулся к стае. Он выбрал одного из самцов и споро подцепил его крюком за шею — в точности, как это проделывают саутдаунские пастухи со своими овцами (только там прихватывают животное за ногу).

Птица забила крыльями, затанцевала на месте. Пыль стояла столбом. Однако пастух крепко удерживал шею страуса. В это время подросли подпаски: двое из них прижали строптивцу крылья, а третий достал из кармана старый носок и ловко натянул птице на голову. Это немного успокоило страуса, он, хоть и артачась, позволил подвести себя к дереву с развилкой. Именно в нее и поместили длинную шею птицы. Вот тут и сказалась природная тупость страусов. Вместо того чтобы выпрямить согнутую шею и разом обрести свободу, он принялся дергать головой взад-вперед и в результате только крепче застрял. Во время этой кутерьмы мальчишки-подпаски подкрались к страусу

сбоку и быстро выдернули у него несколько роскошных перьев из крыльев.

Во время проводившейся экзекуции (кстати, меня уверяли, что процесс этот совершенно безболезненный) остальная стая стояла, сбившись в кучу, и испуганно тарасила глаза. Как только ощипанного страуса освободили, он тут же припустил во все лопатки. Отбежав на приличное расстояние, он остановился, распушил перья, растопырил взъерошенные крылья и начал возбужденно пританцовывать на месте — ни дать ни взять возмущенный воздушный шарик! Тем временем пастухи выбрали следующую жертву и приступили к ее обработке.

— Хорошего страуса можно ощипывать трижды за два года, — рассказывал мне хозяин фермы. — Хотя, как правило, мы делаем это только раз в год. Я слышал, что лет шестьдесят назад здесь разразился настоящий бум по поводу страусиных ферм. Почтище золотой лихорадки! Старики говорят, за пару здоровых птиц тогда давали двести фунтов, а то и выше. Все хотели разводить страусов, чтобы делать легкие деньги. И представьте себе, некоторым это удалось! Впрочем, что говорить... Те времена давно миновали.

— Сегодня выгоднее разводить страусов на мясо, — продолжал фермер. — Судите сами: *бильтонг* из него идет по шиллингу за фунт, а целая шкура страуса продается в Америке всего за пять шиллингов. Вот и получается, что удобнее иметь страуса мертвым, а не живым!

Вообразите себе, какая отдаленная связь: европейские дамские моды напрямую влияют на жизнь южноафриканских фермеров в Оудсхорне. Всякий раз, когда какая-нибудь королева или принцесса появляется на публике в шляпе со страусиными перьями, сердца здешних тружеников зажигаются безумной надеждой. Они грезят о возврате былой моды и новом страусином

буме. Если бы такое случилось, уверили меня, то у фермеров Оудсхорна хватит перьев, чтобы укутать ими с ног до головы едва ли не каждую женщину на земном шаре!

8

В двадцати милях на север от Оудсхорна располагаются пещеры Канго, которые прославились на весь мир благодаря своей красоте. Дорога к ним и сама по себе доставляет эстетическое удовольствие, ибо вы на протяжении получаса созерцаете громаду Шварцбергенских гор, которые темной стеной громоздятся на горизонте.

Спуститься в пещеры жарким летним днем — все равно, что очутиться в восхитительно прохладном холодильнике. У входа меня встречал экскурсовод — жизнерадостный молодой человек, облаченный в рубашку и шорты цвета хаки. Энтузиазм из него так и сочился, казалось, юноша искренне влюблен в каждый сталагмит. Едва я вошел, он тут же включил электрическую подсветку, которая сейчас проложена по всему туристическому маршруту. Я преодолел первый спуск в два десятка ступенек и попал в помещение, которое напомнило мне мрачную и заброшенную станцию лондонской подземки.

В настоящее время система пещер и подземных переходов тянется на две с лишним мили и завершается в пещере с названием «Мастерская дьявола». Однако есть основания полагать, что этим подземный лабиринт не исчерпывается и там остались еще неисследованные закоулки. Пещеры были открыты в 1780 году, и, как водится, произошло это случайно. В окрестностях здешних холмов жил фермер, которого звали Ван Зил. И вот как-то раз он послал своего слугу, мальчика-

готтентота по имени Клаас, на поиски пропавшей скотины. Нашел ли тогда мальчик заблудившуюся корову, уже никто не помнит. Зато доподлинно известно следующее: бродя по холмам, он обнаружил отверстие в скалах, скрытое зарослями кустарника. Мальчик рассказал об этом школьному учителю, который гостил на ферме Ван Зила, и на следующий день учитель отправился осмотреть находку Клааса. Зрелище это произвело на него такое впечатление, что он убедил Ван Зила тоже подняться в горы и увидеть все собственными глазами.

Вот так и получилось, что Ван Зил — в сопровождении восьми рабов и вооруженный мотком крепкой веревки — оказался у входа в пещеру. Он заинтересовался и велел рабам спустить себя вниз. Наверное, понадобилась немалая храбрость, чтобы решиться на столь рискованное мероприятие. В результате была обнаружена первая пещера, впоследствии названная именем Ван Зила. С того момента и началась история исследования пещер.

Мы спустились еще на несколько ступенек и очутились в фантастическом зале, где сталактиты соединялись со сталагмитами, где в воздухе висели застывшие и окаменевшие водопады. Я видел едва зарождавшиеся сталактиты, которые торчали из потолка наподобие маленьких рожек на голове теленка. Дух захватывало при мысли о неспешности геологических процессов. Падавшие сверху капли образовывали крошечные, почти незаметные наросты на полу пещеры. Вы только вообразите: через миллионы лет — когда, возможно, и сама жизнь исчезнет с лица Земли — эти «детки» только-только подрастут на несколько дюймов в высоту! Экскурсовод включил лампы, спрятанные позади сталактитов, затем занялся подсветкой сталагмитов. В результате пещера совершенно преобразилась, превратившись в

«Подземную Волшебную страну» (как назвали бы этот аттракцион в современном путеводителе).

Мы переходили из одной пещеры в другую. Воздух в этих высоких, словно церковные залы, помещениях был безжизненным, как на студиях звукозаписи. И всякий раз, как мы попадали в очередную подземную камеру, мой гид на время скрывался из вида, и я слышал, как он щелкает переключателями. Сразу после этого огромное темное пространство с неясной архитектурой внезапно освещалось багровым светом. Затем свет сменялся на мертвенно-зеленый, который придавал всей сцене жутковатый потусторонний оттенок. Теперь уж я не вспомню, как называлась пещера, понравившаяся мне больше всего. Возможно, Свадебный зал или Хрустальный дворец... а может, Кафедральный собор или Покои фейри. Помню только, что она была больше всех остальных и самая необычной, в ней царила какая-то нездешняя атмосфера. На потолке виднелось множество темных пятен, которые при включении освещения начинали колыхаться — словно бы дышать — и источать подземную влагу.

За минувшие годы здесь побывали тысячи посетителей. Они дали имена самым интересным и запоминающимся подземным диковинкам. Так появились «Кафедра священника» и «Органые трубы», «Крылья ангела» и «Трон с балдахином». Здесь можно увидеть даже «Мадонну с младенцем»! Наверное, в этом выражается наше естественное стремление к узнаванию, желание видеть знакомые элементы в чуждой, нечеловеческой архитектуре.

Полагаю, что ученые могли бы точно высчитать время, которое потребовалось воде на создание этих великолепных пещер. Вначале за дело взялась дождевая влага, насыщенная угольной кислотой. Она упорно трудилась, выедавая углекислую известь и образуя в скале небольшие каверны. Постепенно — по мере того как

внутри просачивались подземные воды — полости расширялись. Думаю, на это ушли сотни тысяч лет. Лично меня охватывает благоговейный трепет при одной только мысли о масштабах проделанного колоссального труда. И должен заметить, что все эти световые эффекты в духе «Друри-Лейн» нисколько не мешали восприятию. Напротив, на мой взгляд, они помогают зрителю лучше постигнуть то буйство формы и красок, которым отличаются природные шедевры. Природа — великий и равнодушный Мастер, стоящий вне времени и выше всякой критики. Спускаясь в пещеры, мы часто испытываем безотчетный страх — как при посещении гробниц. Наверное, этим и объясняется наше стремление дать названия, провести какие-то аналогии с привычным нам миром.

9

С утра снова припустил дождь. Окрестные холмы окутались туманом, и я опять неизбежно вернулся мыслями к Шотландии. Несчастные туземцы — ибо трудно себе представить более жалкое зрелище, чем мокнувший под дождем чернокожий — брели по дороге со своими сундуками и мешками. Деревья изнемогали под тяжестью влаги, по горным склонам сбегали потоки коричневой дождевой воды. А по небу ползли грозовые тучи, не оставлявшие никакой надежды на улучшение погоды.

Я стоял на вершине перевала и безутешно всматривался вдаль. И это место, где мне обещали потрясающую панораму Шварцбергенских гор! Я не видел ничего, кроме плотной туманной пелены, повисшей в сотне ярдов над вершиной холма.

Неудивительно, думал я, что британцы и, в особенности шотландцы, чувствуют себя здесь, как

дома. В Джордже и Книсне (куда я сейчас направлялся) подобная погода не редкость. А для людей, тоскующих по сырым просторам Хайленда, нет ничего отраднее, чем вот такой затяжной капский дождик. Я ехал и размышлял о том, что подобная погода никак не вписывалась в мои представления об Южной Африке. Если бы случился тропический ливень, который затопил бы несколько деревень, или, может, среди бела дня налетел бы жуткий ураган, сносящий крыши домов и с корнем вырывающий деревья, вот тогда все встало бы на свои места. А так, повторяюсь, я никак не мог отделаться от ощущения, что вновь путешествую по шотландским горам.

Дорога сделала резкий поворот, и я едва не налетел на зловещее пугало! Из всех обитателей Южной Африки это показалось мне самым неприятным. Представьте себе существо, облаченное в старомодную серую визитку, черные панталоны до колен и телесного цвета чулки. Существо медленно двигалось, с трудом переставляя длинные, тонкие (и наверняка ревматические) ноги. На голове у него красовался хохолок из жестких перьев. Насколько мне известно, именно этому хохолку существо и обязано своим забавным именем — птица-секретарь. Когда европейцы впервые увидели эту птицу (сто или двести лет назад), то перья у нее на макушке напомнили им писчие принадлежности секретаря. Отсюда и название!

Если бы мне пришлось давать имя этой птице, уверен, фантазия моя работала бы совсем в ином направлении. Лично мне птица показалась старомодным привидением, типичным воплощением зла, как его изображали в восемнадцатом столетии. В уме замелькали картинки, одна ярче другой: дряхлый скелет, злобный граф из мелодрамы, «медменхемский монах»... или, может быть, старый порочный лорд-камергер, который с дьявольской улыбкой крадет по

дворцовым коридорам. Мне говорили, что, несмотря на свою отталкивающую наружность, птица-секретарь — вполне милое и благодушное создание. Если ее приручить, она прекрасно уживается с человеком. Более того, становится любимцем всей семьи! Не знаю, не знаю... По мне, это все равно что держать дома Мефистофеля.

Кстати, любопытный факт: птица-секретарь любит лакомиться змеями. Сражаясь с ними, она безостановочно кружит вокруг змеи и растопыренными крыльями весьма ловко отражает смертоносные атаки. Схватив же змею в клюв, птица-секретарь поднимается к облакам и оттуда швыряет свою жертву на камни. Ну что ж, в сообразительности ей по крайней мере не откажешь.

Добравшись до отеля в Уайлдернесе — который во всех туристических проспектах рекламируется как идеальное место для проведения медового месяца, — я застал с десяток человек, захваченных в пути неожиданной непогодой. Они сидели за утренним чаем и уныло разглядывали кусты герани, мокнувшие в саду. Здесь тоже, как и во многих южноафриканских гостиницах, главное здание стояло в окружении *рондавелов*. О, мне следовало бы давно уже объяснить устройство этих традиционных капских жилищ. Рондавел представляет собой маленький круглый домик с соломенной крышей — этакую европейскую версию кафрской хижины, снабженную, однако, окошками. Рондавелы — нередко электрифицированные, оборудованные водопроводом и санузлом — строятся обычно в гостиничном саду и служат спальнями для постояльцев. Они достаточно просторны, комфортабельны и уж в жаркое время года наверняка более удобны, чем душные, заставленные мебелью гостиничные номера.

Ближе к обеду дождь прекратился, и Уайлдернесс чудесным образом преобразился. Теперь он вполне оправдывал свою репутацию рая на земле. Казалось, будто место это самой природой предназначено (а людьми устроено) для отдыха и любовных утех молодоженов. Вот только название городка вызывало у меня удивление. Почему, с какой стати столь чудесное место носит такое суровое название?

Его этимологию прояснил мне один из местных жителей. Оказывается, в 1835 году одна молодая кейптаунская красавица согласилась выйти замуж за своего ухажера — но только при условии, что он увезет ее подальше от столицы, в дикие места. Довольно странное желание, согласитесь... Но кто из влюбленных мужчин возьмется спорить со своим кумиром? Итак, жених пообещал выполнить все условия. После чего приобрел поместье в здешних восхитительных местах и дал ему название «Уайлдернесс». На мой взгляд, не самый благовидный поступок. И уж, конечно, не самая подходящая история для того, чтобы быть увековеченной в названии курорта для молодоженов. Зато здесь мы имеем блистательный пример того, что африканеры одобрительно именуют смекалкой.

В окрестностях Уайлдернесса лежит несколько *флесов*, то есть мелких заболоченных озер, на которых водится огромное количество водоплавающей дичи. Не знаю, то ли данная часть Капа как-то особенно изобильна в орнитологическом отношении, то ли все эти птицы собрались здесь по поводу «добротного дождика». Но только озера буквально кишели различными (в большинстве своем незнакомыми мне) представителями пернатых. Я, к сожалению, не слишком силен по этой части. В природе ведь как: вы можете подобрать понравившийся цветок или листочек, принести домой и, заглянув в справочник, выяснить его название. Что же касается таких неуловимых существ, как птицы, то они

гораздо сложнее поддаются идентификации. Это тем более нелегко, что иллюстрации в книжках по орнитологии, как правило, чересчур ярко раскрашены и плохо соответствуют действительности. Поди узнай в серых, неприметных обитателях леса тех блестящих птах, что горделиво красуются на страницах справочников.

На подъезде к Книсне я снова угодил в полосу дождя. А посему, поднявшись на холм и увидев вдалеке небольшой городок на берегу озера, я даже не стал сражаться с собственной памятью. Книсна — несмотря на пышные заросли пойнсеттии и бугенвиллеи — как две капли воды походила на провинциальные шотландские городки. И уж, конечно, я нисколько не удивился, узнав, что владелец местной гостиницы носит имя Фрэзер.

Я пожаловался ему на фокусы, которые выкидывает моя зрительная память: за последние дни я увидел семь Гленко и дважды наталкивался на Килликрэнки.

— Это мне знакомо, — улыбнулся Фрэзер. — У нас тут несколько лет назад появился шотландец по имени Дузи. Так он купил землю в окрестностях озера, потому что оно напоминало ему Лох-Ломонд.

10

Книсна знаменита своими узкими морскими заливами, которые создают прекрасные возможности для отдыха на свежем воздухе — хочешь рыбачь, хочешь катайся на лодке. Но больше всего этот городок знаменит своими лесами, где доживают век последние представители отряда диких слонов, по слухам, крупнейших в мире.

Я целый день провел, колеся по этому лесу на арендованном автомобиле с местным водителем. Он показывал мне дремучие джунгли, где было темно, как

ночью — огромные вековые деревья пропускали лишь несколько лучиков света. Подлесок там представлял собой непроходимые заросли, лианы и другие ползучие растения обвивались вокруг толстенных стволов, словно желая повалить их на землю. Птичий хор звучал не умолкая, но самих птиц видно не было. Лишь иногда в чаще встречались тропинки, оставленные лесорубами. Тогда можно было выйти из машины и немного прогуляться пешком. Однако впечатление было не из приятных: все казалось, что деревья смыкаются у меня за спиной, словно загоняя в ловушку. К тому же мне не давали покоя мысли о змеях. Я их везде высматривал — ни одна замшелая ветка, ни одна свисающая лиана не избегли моего подозрительного внимания. Раньше мне никогда не приходилось бывать в таких *джунглях*. Употребляю это слово вполне сознательно, ибо окрестности Книсны действительно являли собой картину первобытного леса, враждебного человеку. Здешние деревья росли уже на протяжении веков, отмирали, падали и перегнивали, превращаясь в каменный уголь. Теперь стало понятно, почему наши далекие предки предпочитали селиться на возвышенностях — там по крайней мере они могли видеть приближение врагов.

Мой проводник знал множество историй о слонах и непрерывно их рассказывал. В настоящее время Книснинский лес принадлежит государству, и оставшееся поголовье слонов (весьма немногочисленное) тщательно охраняется. Слоны свободно бродят по лесу и пугают редких дровосеков и туристов, которые время от времени в сумерках натываются на этих лесных гигантов. Хотя у меня создалось впечатление, что слоны не столь опасны, как страусы! В Оудсхорне мне неоднократно рассказывали о людях, погибших из-за страусов. Против здешних слонов подобных обвинений не выдвигается. Я так понял, что

слоны людей не убивают (или же хранят это в глубочайшем секрете!). Максимум, что им вменяется в вину, это скверная привычка внезапно появляться перед людьми и пугать до умопомрачения. Вот одна из таких историй. Некий фермер отправился в лес за дровами. Ехал он на повозке, запряженной быками. И вдруг раздался рев, от которого у бедного фермера кровь похолодела в жилах. Вслед за тем послышался страшный треск и грохот — это слон-великан проламывался сквозь чащу. Молоденькие деревья ломались у него под ногами, как прутики. Выбравшись на поляну, слон застыл и стал рассматривать повозку и сидевшего на ней человека. Огромные уши медленно ходили взад-вперед. Быки занервничали, фермер и сам перепугался до полусмерти. Слава богу, ему хватило ума сначала выпрячь быков, а затем уж пуститься наутек. В то время как большинство столкновений со страусами заканчиваются в больнице или на кладбище, истории о слонах, как правило, вообще не имеют никакого окончания. Что произошло в данном случае? Напал ли слон на повозку фермера? Растоптал ее или просто прошел мимо? Неизвестно. В народном эпосе Книсны слонам отводится место гигантских призраков, которые блуждают по джунглям. Полагаю, люди бывают слишком напуганы, чтобы остаться и проследить за дальнейшим ходом событий.

Если в 1885 году в лесах под Книсной водилось около шестисот слонов, то в наши дни поголовье резко сократилось. Считается, что сейчас здесь живут всего два самца, три самки и один-два детеныша. Говорят, будто один из самцов — тот, который покрупнее — обладает поистине удивительными габаритами. Высота в холке у него якобы достигает четырнадцати футов, а бивни выдаются на целых десять футов. Слоны разгуливают, главным образом, в сумерках или после наступления темноты и часто доводят до бешенства

местных жителей, вторгаясь на поля и вытаптывая посевы маиса. Питаются они травой, листьями и папоротниками. В лесу можно увидеть множество поваленных деревьев: слоны их ломают, пытаясь дотянуться до молодых побегов. Самка приносит потомство лишь раз в пять-семь лет. Когда в семействе слонов ожидается пополнение, родители устраивают из травы и кустарника своеобразное гнездо (так называемое «слоновье логовище»), и новорожденный слоненок проводит там первые десять дней своей жизни. Казалось бы, малышам обеспечивается самый трепетный уход, однако смертность среди детенышей слонов довольно велика, причем по непонятным причинам. За последние годы местные жители неоднократно находили в неглубоких водоемах тела мертвых детенышей.

Водитель привез меня на вершину холма, откуда я мог обозревать окрестности Книсны. Зеленые джунгли протянулись на восемьдесят миль, до гор Титикама, которые можно рассматривать как продолжение Аутенивы. Вслед за тем мы спустились в самое сердце леса, где стоял гигантский кладрастис: высота его сто сорок футов, а обхват ствола — двадцать шесть футов. Этот колосс является главной достопримечательностью Книсны, люди специально приезжают издалека, чтобы его увидеть. Говорят, этому дереву уже тысяча семьсот лет. Просто уму непостижимо! Выходит, что оно появилось на свет где-то в 246 году, когда в Риме правил Филипп Араб, а святой Фабиан (позже, при императоре Деции, принявший мученическую смерть) еще благополучно сидел на папском престоле. В то время Британия была всего-навсего удаленной провинцией Римской империи, а христиане считались одной из восточных сект. Им оставалось ждать целых шестьдесят лет, пока их религия будет официально признана в мире. Просто в голове не укладывается! Если

южноафриканцы ничего не напутали с возрастом дерева, получается, этот кладрастис — самое древнее из всех живых созданий на земле.

Еще одна диковинка Книснинских лесов — нектандра пузырьчатая, или, как ее здесь называют, «смердящее дерево». Любой иностранец, приехавший в Южную Африку, буквально с первых шагов сталкивается с этим неблагозвучным названием. Он видит его начертанным на витринах мебельных магазинов и в рекламных колонках газет. Друзья и знакомые с гордостью демонстрируют ему старинные мебельные гарнитуры, сделанные из «смердящего дерева». Постепенно начинаешь понимать: для африканцев нектандра то же самое, что и красное дерево для европейцев.

Непонятно, отчего люди не придумали более приятного наименования для материала, который с такой страстью коллекционируют в своих гостиных. Было бы еще объяснимо, если бы нектандра действительно источала зловоние. Я тщательно принюхивался, однако единственный запах, который смог уловить, был запахом мебельного лака. Мне, правда, объяснили, что я напрасно напрягаю обоняние. Чтобы ощутить вонь нектандры, нужно понюхать свежесрубленное дерево. Возможно, это соответствует истине. Но я все равно не понимаю, для чего нужно переносить проблемы лесорубов во все гостиные Союза.

Бродя по лесу, вы время от времени натываетесь на жалкие хибарки, выстроенные из каких-то обломков досок, кусочков жести и ветхих циновок. Эти невероятные лачуги — подобно бомбоубежищу под домом — показывают глубину, до которой могут пасть европейцы при неблагоприятных условиях. Любая хижина туземца покажется дворцом по сравнению с этими развалинами, которые служат жилищем так называемым «белым нищим».

Этот термин — хоть и не столь пренебрежительный, как «белая шваль» у американцев — тем не менее является его точным эквивалентом. Он служит для обозначения людей европейского происхождения, в силу тех или иных обстоятельств скатившихся на самое дно жизни. В Европе и Америке случается, что квалифицированный рабочий временно (например, в связи с экономическим кризисом) может понизить свой общественный статус и перейти, скажем, в категорию неквалифицированных работников. Однако человек не теряет при этом лица. Он трудится и при первой же возможности возвращается на привычное место. «Белым нищим» в этом отношении гораздо сложнее. Даже если бы они вымазали лицо черной сажей — а это самый крайний шаг, на который бы они решились! — даже тогда им не нашлось бы места среди работающих кафров. Заработки не те! Вот и получается, что в случае неудачи белого человека в Африке ожидает «благородная нищета», из которой уже не вылезти. Совсем, как у нас в Англии в восемнадцатом столетии с его понятиями о сословной гордости.

Я слышал, что среди «белых нищих» Книсны немало людей с британскими именами, которые тем не менее ни слова не понимают по-английски. Их родным языком давно уже стал африкаанс. Считается, что это потомки тех слуг, конюхов и горничных, которые столетие назад приехали в Африку со своими сквайрами и осели в данном районе. Среди них можно встретить Стилов, Монков, Робертсов, Маккарти и Макалпинов.

Мне очень хотелось побеседовать с кем-нибудь из этих людей, заглянуть в их жилища и понять, как они существуют. Однако мне объяснили, что это вряд ли возможно: подобно всем беднякам на свете, «белые нищие» крайне подозрительно относятся ко всяким расспросам и попыткам влезть в их жизнь. И вот, гуляя по лесу, мы случайно набрали на поляну, которая вполне

могла бы стать частью декораций к мультфильму Уолта Диснея. В центре стояла невообразимо жалкая халупа. Знаете, такое впечатление, будто на ледяную избушку обрушилась внезапная оттепель. В результате она стала подтаивать и вся оплыла. Натуральные трущобы — много слова я не могу подобрать.

И при этом совершенно восхитительные окрестности! Рядом с домиком был расчищен крохотный клочок земли, на котором росли овощи и цветы. Лесные заросли окружали его наподобие живой изгороди. Все вместе напоминало жилище сказочного гнома. Дверь отворилась, и на пороге показался обычный английский старичок с лицом, сморщенным, словно земляная груша. У этого человека было английское имя и английская внешность. Даже в его улыбке и рукопожатии ощущалось нечто английское. Но когда я заговорил с ним по-английски, старик не понял ни слова! Тогда в разговор вступил мой провожатый. Прибегнув к африкаанс, он стал интересоваться историей его семьи. Увы, хозяин дома мог сообщить совсем немного: примерно сто лет назад отец его покинул Лондон и приехал в Книсну. Сам он родился уже в Африке и всю жизнь провел в лесу. Сначала работал лесорубом, теперь просто дожидается смерти. Выяснилось, что старику уже перевалило за семьдесят. У него два сына — один работает лесником, а другой подвизается «на железной дороге». Кроме того, у него есть внучка, которая трудится на шоколадной фабрике в Ист-Лондоне. Это сообщение меня порадовало, ибо доказывало, что «белым нищим» иногда все же удается выкарабкаться наверх.

Пока мы беседовали, из дома вышла жена — такая же старенькая, как и сам хозяин дома. Я обратил внимание, что женщина по поводу прихода гостей успела принарядиться, и это тронуло мое сердце. Она рассказала, что отец ее был англичанином, а мать — из

африканеров. Старушка, как и ее муж, изъяснялась лишь на африкаанс. Она отвела меня на задворки дома и с гордостью продемонстрировала свое хозяйство — десяток цыплят и двух коров, которые паслись на поляне. На прощание она вручила мне букетик цветов из своего сада.

Полагаю, что эти люди, если и относились к «белым нищим», то, скорее уж, к верхней прослойке. Я не решился спросить разрешения осмотреть дом, но, проходя мимо, заглянул украдкой в открытую дверь. Внутри, как и следовало ожидать, царил страшная нищета: из мебели — лишь стол да пара сломанных стульев. Однако несколько выцветших фотографий на стене свидетельствовали о героических усилиях, которые предпринимали старики, дабы сохранять привычный образ жизни. В городе такое жилище выглядело бы ужасно, но здесь — в сельской глуши, где даже крайняя бедность лишена оттенка ущербности — оно казалось просто временным пристанищем вполне приличных людей.

Уже почти стемнело, когда мы двинулись обратно в Книсну. Мой проводник опять завел разговор о слонах и прочей дикой живности. Он рассказал мне, что в лесу водятся кабаны, бабуины и серые обезьяны. Рыси, которые забредают сюда из Малого Кару, практически уничтожили всех нильгау, но вот бушбоки — лесные антилопы — еще встречаются.

Внезапно откуда-то спереди донесся страшный треск, который перекрыл тархтение мотора. Водитель немедленно остановился.

— Слоны! — в шутку предположил я.

— Да, именно слоны, — шепотом подтвердил мой провожатый, на лице его отразилась тревога.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Машина стояла как раз на повороте, и передние фары освещали

белесые стволы, опутанные гроздьями лиан. Я с беспечностью новичка предложил выйти из автомобиля и осмотреться.

— Нет-нет, ни в коем случае! — воскликнул водитель. — Мы должны ехать, только... О господи!

Мы вновь услышали — теперь уже на расстоянии всего сотни ярдов — шум ломающихся веток и звук огромного тела (или тел), прокладывающего себе дорогу сквозь лесные заросли.

— Они переходят дорогу, — все так же шепотом пояснил водитель и стал потихоньку сдавать назад.

Мы немного отъехали и снова остановились, чутко прислушиваясь. Дурашливая моя храбрость улетучилась, и я начал всерьез тревожиться. Теперь мне повсюду мерещились слоны. Предположим, они двинутся в нашу сторону. И что тогда делать? Спасаться в лесу, где в это время полным-полно ядовитых змей? Или же сидеть в машине, ожидая, пока огромное животное сомнет ее, как спичечный коробок?

— Уходят! — с облегчением выдохнул проводник.

Его слова прозвучали для меня сигналом отбоя после боевой тревоги.

Медленно, на самой малой скорости мы двинулись вперед.

— Смотрите! — воскликнул водитель, когда мы отъехали на несколько сот ярдов. — Следы!

И действительно, посередине дороги виднелись огромные углубления — знак того, что все это нам не примерещилось.

Рано поутру я отправился к Хэдс — так называется узкий проход в скалах, сквозь который морские воды вливаются в лагуну Книсны.

Молодая парочка разбила свой лагерь на песчаной полоске пляжа. Палатка стояла всего в нескольких ярдах от воды. Девушка в шортах и свитере готовила завтрак — что-то разогревала на парафиновой горелке. Юноша в это время пытался бриться перед осколком зеркала, который пристроил на скале. Он болезненно морщился, видно было, что ему нелегко справляться в отсутствие горячей воды. И тем не менее, подумал я, пройдут годы, и все эти маленькие неудобства будут вспоминаться с ностальгией — как моменты тихого, незамутненного счастья.

Книсна — с ее серой лагуной на переднем фоне и темной громадой Аутенивы на заднем — выглядела так, будто... Впрочем, стоп! Довольно сравнений. Я в Южной Африке! И словно в подтверждение моих мыслей из ворот показалось стадо коров в сопровождении маленького пастушка, смахивавшего на черную летучую мышь. Мальчишка был практически обнажен. На нем болтался один лишь треугольный балахон, из которого торчали тонкие черные ручки да быстро семенящие ноги. Ткань на ходу развевалась и хлопала — ну чем не крылья летучей мыши? Я бы не удивился, если б увидел мальчишку на потолке «Свадебного зала» в пещерах Канго.

Посидев на пляже, я заглянул в маленькую церквушку Святого Георгия, стоявшую как раз напротив гостиницы. Прогулка по старому церковному кладбищу обогатила меня сведениями из истории Книсны. Оказывается, Джон Бенн, родившийся в 1812 году в Дептфорде (наверняка был кораблестроителем), умер в Книсне в 1877-м. И еще один англичанин, родившийся в том же году в Бристоле (и, видно, тоже имевший отношение к морю), скончался здесь в 1885 году.

А на опушке леса я обнаружил место захоронения самого загадочного южноафриканского иммигранта. За могилой никто не ухаживает, и она совсем заросла

африканскими тюльпанами. Меж двух сосен высится могильный камень, на котором высечено: «Поставлен в память о Джордже Рексе, эсквайре, владельце и основателе Книсны. Умер 3 апреля 1839 г.».

Я стал вспоминать, что же мне известно об этом таинственном человеке. Он появился в Кейптауне приблизительно в 1796 году и, по свидетельствам очевидцев, обнаруживал несомненное сходство с правившим тогда монархом Георгом III. Джордж Рекс приехал не как частное лицо — он занимал должность судебного чиновника в вице-адмиральском суде с ежегодным жалованием в тысячу фунтов стерлингов. Это автоматически делало его одним из самых важных правительственных чиновников. Обращает на себя внимание один факт (лично мне он кажется не менее интригующим, чем сама личность Рекса). Дело в том, что господин этот объявился в Кейптауне практически одновременно с леди Энн Барнард и, несомненно, должен был с ней неоднократно встречаться. Однако она ни разу не упоминает имени Рекса в своих письмах к друзьям!

В 1804 году Джордж Рекс затеял собственный *трек*: снарядил шестнадцать *вагонов*, взял с собой сотню рабов и отправился в Книсну. Здесь он приобрел крупное имение, в котором и проживал до самой смерти в 1839-м. По свидетельствам современников, Рекс вел жизнь обеспеченного английского сквайра; к тому же владел многими предметами, которые предполагали богатое и знатное происхождение. Однако никто не слышал о роде Рексов в Англии. Да и вообще о прошлом Рекса ничего не было известно — он словно вынырнул ниоткуда и сразу появился в Южной Африке. Сам он хранил упорное молчание на сей счет. Рассказывают, будто в старости у Рекса появилась привычка подолгу прогуливаться по саду в Книсне: идет в полном одиночестве, руки заложены за спину — в точности, как делал Георг III — и

время от времени останавливается, чтобы отдать распоряжения невидимым генералам и принцам.

Личность этого человека в свое время вызывала множество пересудов. И поныне многие в Южной Африке верят, что Джордж Рекс был старшим сыном Георга III, рожденным от союза с очаровательной квакершей по имени Ханна Лайтфут. Версия эта и сегодня вызывает ожесточенные споры в среде историков: одни ее опровергают, другие отстаивают, ссылаясь на придворных летописцев, любителей и собирателей всяческих скандальных слухов. Действительно, разговоров было много, но никто ничего не знал наверняка.

Первая серьезная попытка обсуждения этой давней истории (а роман с Ханной Лайтфут случился у Георга III в ранней юности, когда он еще именовался принцем Уэльским) была сделана всего за пять лет до смерти монарха. И принадлежит она сэру Натаниэлю Роксоллу — человеку, который по праву считается подлинным кладезем знаний по восемнадцатому веку. В своих «Исторических мемуарах» он превозносит безупречную репутацию Георга III и, среди всего прочего, касается слухов о его «привязанности к молодой женщине, квакерше по вероисповеданию», которые в свое время «имели широкое хождение по столице». Сэр Роксолл высказывается об этом в легкой манере — типа «мальчишки есть мальчишки, что с них взять!» Но тем не менее твердо настаивает на своей версии: что, несмотря на «несомненную обоснованность слухов», речь могла идти лишь о «невинном ухаживании».

Помимо этого пассажа в «Исторических мемуарах» имя Ханны Лайтфут лишь однажды упоминалось в официальной печати при жизни монарха. Небольшой путеводитель по Ноул-Хаусу (Кент), выпущенный в свет в 1817 году, содержит описание портрета дамы в белом, где говорится дословно следующее: «Это Прекрасная

Квакерша, которая пользовалась большим вниманием Его Величества в бытность его принцем Уэльским».

Итак, еще при жизни короля в печати появлялись неосторожные упоминания о его «увлечении молодости», причем говорилось об этом как о широко известном факте.

Что касается утверждения сэра Роксолла, будто речь идет всего лишь «о невинном ухаживании», то оно опровергается, и не кем иным, как миссис Пьюцци (миссис Трейл в первом браке). Дама эта являлась старинной приятельницей доктора Джонсона и современницей описываемых событий. С сэром Роксоллом она тоже была знакома и высоко отзывалась о его работе. Она не только внимательно прочитала книгу, но и составила к ней аннотацию. Сохранились заметки на полях, которые 74-летняя миссис Пьюцци делала собственноручно в процессе чтения книги. После смерти престарелой дамы эти заметки, в числе прочих бумаг, отошли к ее душеприказчикам. В 1861 году они были опубликованы Гайвардом в книге под названием «Автобиография миссис Пьюцци», а впоследствии вошли в лучшее издание Роксолла. Как вы понимаете, заметки эти содержат много любопытных сведений. В частности, по поводу Георга III и его романа с Квакершей миссис Пьюцци пишет: «Ее сын от него все еще жив».

К чести миссис Трейл, замечу, что она была заметной фигурой в Лондоне восемнадцатого столетия — знатная, образованная женщина, подлинная представительница своей эпохи. Она часто бывала при дворе, и можно с уверенностью утверждать, что уж ей-то наверняка были известны все секреты и скандальные слухи. Возникает вопрос: зачем бы пожилая дама стала делать подобную запись, если бы не считала ее истинной правдой?

История Ханна Лайтфут вновь всплыла через десять лет после смерти короля, причем в самом серьезном ключе. Представители подпольного Общества

исторических исследований, имевшего свои отделения как в Англии, так и в Америке, выпустили серию книг под общим названием «Великая страсть». По поводу Прекрасной Квakerши авторы позволили себе целый ряд смелых утверждений: что она якобы была в свое время похищена принцем; что молодые люди сочетались тайным браком за несколько лет до того, как Георг женился на королеве Шарлотте; что от этого брака у них были дети, в том числе старший сын, который отправился в Америку и участвовал в войне за независимость, сражаясь на стороне роялистов. И в заключение высказывалось предположение, что человек этот вполне мог оказаться Джорджем Рексом, который позже уехал из Америки на Кап.

Боюсь, нам так и не удастся распутать эту загадку. Слишком много темных мест и умолчаний. Все равно что складывать разрезную картинку, в которой отсутствуют ключевые фрагменты.

Лично меня глубоко заинтриговала история Джорджа Рекса (и в особенности замечание миссис Трейл на полях книги Роксолла!). Тот факт, что он вел счастливую и обеспеченную жизнь в Книсне, не оспаривался никем из современников. Его потомки и поныне занимают высокое положение в своем регионе. Кстати сказать, многие из рабов Рекса по обычаю того времени носили его имя.

В то время, как я находился в аптеке Книсны, туда зашла босоногая чернокожая девчушка. В руке она сжимала клочок бумаги, очевидно, рецепт.

— Как твоя фамилия? — строго спросил аптекарь.

— Рекс, — испуганно прошептала девочка, блеснув белками своих огромных черных глаз.

Вечером мы сидели с хозяином гостиницы, мистером Фрэзером, и беседовали об Южной Африке. По его словам выходило, что если только человек готов трудиться, закатав рукава, то для него нет здесь преград. «Что за страна, — приговаривал мистер Фрэзер. — Что за великая страна!» Он сам приехал сюда еще мальчишкой, без единого пенни в кармане. Пока другие дети играли, он упорно работал. И вот результат. Нет, отличная страна, что ни говори...

Затем разговор естественным образом перешел на Инвернесс и владения Фрэзеров в шотландском Хайленде.

— Мой прапрадедущка принимал участие в штурме Абрахамовских высот, — рассказывал хозяин гостиницы. — И я могу вам порассказать такое, чего вы не найдете ни в одной книжке.

Как вы помните, в 45-м Фрэзеры поддерживали принца Чарли. После провала восстания они оказались вне закона. Подобно многим шотландцам, мой прапрадед вынужден был эмигрировать во Францию. Остаться в стране тогда было опасно. Старого Саймона, лорда Ловата, казнили на Тауэрском холме. Его сын, молодой лорд Ловат, тоже попал в плен и был брошен в камеру Эдинбургского замка. Однако прошло немного времени, и англичане по своему обыкновению снова принялись водить дружбу с прежними врагами. Опальным вождям кланов объявили амнистию, и горцы начали потихоньку возвращаться на родину.

Ну, вот... Тогда как раз разразилась война с американцами. Молодого Ловата выпустили из тюрьмы и сделали полковником британской армии. Он испросил разрешения вернуться в родные края — именно испросил, поскольку на тот момент ему еще не вернули наследственные земли, — чтобы там набрать войско. И что вы думаете? Ему дали такое разрешение! Можете представить, сколько было радости! Молодой мастер

Ловат, вождь клана, снова вернулся домой! Он стоял на родной земле и принимал поздравления от друзей и родственников. Со всех окрестных холмов потянулся народ, все хотели видеть вождя и пожать ему руку. Мастер Ловат развернул свой штандарт и за две недели набрал полторы тысячи человек! Среди них был и мой прапрадед, который, как я уже говорил, вернулся из французской ссылки.

Их называли фрэзеровскими ополченцами, но им было безразлично, как называться. Главное, что они снова находились рядом со своим вождем, молодым Саймоном Ловатом. Они выступили из Инвернесса и протопали пешим маршем до самого Гринока. Там их погрузили на корабли и отправили в Канаду. По прибытии наших парней объединили с частями генерала Вулфа и отправили штурмовать Абрахамовские высоты. Дело происходило ночью, не было видно ни зги. И вот тысяча семьсот человек грузятся на лодки и в полной темноте плывут по реке Святого Лаврентия. Наконец они добираются до места, а там скалы стоят сплошной стеной. Им, значит, надо карабкаться на эти утесы. И тут мастер Ловат пускает по цепи приказ — прислать к нему горца, который в свое время стащил сыр из Башни Файрберн. Это была такая неприступная башня неподалеку от Мур-оф-Орд, где в старые времена хранили сыр. Так вот мой прапрадед как-то раз отличился — взобрался на башню и выкрал сыр!

Короче, Саймон Ловат послал его впереди всех. Ибо вождь верно рассудил, что человек, сумевший взобраться на Башню Файрберн, сможет покорить любые высоты. И прапрадед не подвел. Он взобрался на утесы первым и проложил путь остальным. И знаете, каким образом Фрэзерам удалось пробраться через французские дозоры? Опять же благодаря моему предку! Он говорил по-французски и сумел вызнать пароль. Я часто слышал, как мой дед рассказывает эту

историю, а он узнал ее непосредственно от своего деда...

Глава пятая

Словно в Англии

Я приезжаю в Порт-Элизабет, где вспоминаю переселенцев 1820 года; здесь же мне показывают южноафриканских змей. Я осматриваю Грейамстаун с его кафедральным собором, университетом, музеем и многочисленными школами. В окрестностях Грейамстауна я набредаю на Батерст — самую настоящую английскую деревушку в Южной Африке.

1

Ночью прошел дождь, и поутру весь город выглядел чистым и умытым. День обещал быть великолепным: на голубом небе ни облачка, деревья освободились от пыли и блистали свежей листвой, напившиеся влаги маисовые поля радовали взгляд дружными побегами. Даже сама африканская земля, казалось, смягчилась и заулыбалась счастливой улыбкой.

На рассвете я выехал из Книсны и отправился на восток. Дорога почти все время тянулась вдоль побережья Индийского океана. Некоторое время спустя я заметил, что окружавший меня пейзаж начал преобразаться: он стал определенно более африканским. Это были еще не тропики, но уже некий намек на них. В горах появились овраги и ущелья. Деревья стояли, опутанные длинными лианами. Местами леса были такими густыми, что солнечные лучи проникали в них всего на несколько ярдов, а затем останавливались, словно в нерешительности. Перед лицом этой чащобы я испытывал такое ощущение, будто стою у западных врат великого храма и заглядываю в

сумрачный зеленый неф. Меж деревьев я заметил банановые пальмы и дикий виноград. По дороге мне встретился холм, целиком покрытый розовой ватсонией, а за ним простирались целые акры цветущих гладиолусов.

Великолепное зрелище! И все же наиболее эффектной из всех африканских цветов я считаю протейю — национальный символ Южной Африки. Это растение с крупными и яркими цветами своеобразной формы (больше всего они напоминают гигантские сосновые шишки) растет повсюду на Капе. Полагаю, что свое название цветок получил благодаря удивительному разнообразию видов — ведь, как известно, морской бог Протей славился умением изменять внешний облик по собственному желанию. Европейцы незнакомы с этим растением, зато на юге Африки, в Австралии и Южной Америке протейя произрастает повсеместно. Это, кстати, служит лишним доказательством в пользу теории дрейфа материков, выдвинутой немецким ученым Альфредом Вегенером. Он доказывал, что миллионы лет назад Африка и Южная Америка составляли единый материк, а затем начали расползаться наподобие дрейфующих айсбергов. Любопытно, что доктор Хатчинсон из Кью поддержал данную теорию. В своем труде «Ботаника в Южной Африке» он приводит ряд карт, демонстрирующих, насколько точно западная береговая линия Африки соответствует восточной береговой линии Южной Америки.

Вода в Грут-Ривер была темной, как в горном хайлендском ручье. Она сбегала по зеленым склонам и устремлялась к океану. Вскоре я достиг перевала, который тянулся над лесом Блаукранс-Форест. Дорога проходила по самому краю пропасти. Далеко внизу виднелись зеленые макушки деревьев, там лежали жаркие, влажные джунгли. А здесь, рядом — ничего, пустота... Пусть бы хоть одинокий куст алоэ на обочине,

и то какое-то утешение для души! Но нет, справа дорога резко обрывалась в пропасть. Зато слева на фоне неба выделялись горы Титикама. Издали они казались гладкими голубыми конусами. Титикама... Какое волшебное имя! Один человек в Книсне объяснил мне, что слово это пришло к нам из готтентотского языка и является попыткой передать звук журчащей воды.

Дорога сделала очередной поворот, и взору моему открылся прекрасный и величественный пейзаж: горные склоны, сплошь заросшие хвойными лесами. Темно-зеленые сосны и почти черные ели дружно маршировали вверх — точь-в-точь могучее воинство Карла Великого, — и, перевалив через вершину горы, скрывались из виду. Когда же дорога выровнялась, я увидел перед собой необъятные просторы, покрытые зарослями ватсонии. Поляны ярко-розовых цветов простирались вдаль на целые мили. Миновав Хумансдорп, я направился к безбрежным песчаным пляжам Джефффриз-Бей.

Здесь я увидел троих цветных мальчишек с удочками. Они насаживали на крючки окровавленные кусочки осьминога.

— И что вы ловите? — любопытствовал я.

— *Кабелджу*, баас, — ответил один из юных рыбаков.

— И *мормору*, баас, — добавил другой.

Я заметил на песке прелестную ракушку, поднял ее и положил в карман. Но, пройдя всего несколько шагов, вынужден был снова наклониться — там валялась еще более красивая раковина. Тогда я окинул взглядом пляж и увидел, что он весь усеян сотнями и тысячами ракушек всевозможных форм и размеров. Это была дань, которую прилив оставляет на берегу. Так я и брел с полмили по песчаному пляжу, то и дело подбирая очередной маленький шедевр и отвергая его ради следующей драгоценности.

На мой взгляд, собирание ракушек — одно из самых порочных человеческих увлечений. По сути, оно является стяжательством в чистом виде. Ведь в глубине души я не мог не понимать, что рано или поздно выброшу их все. А вот поди же — не мог отказать себе в этом удовольствии! Такое наслаждение шагать по плотному белому песку и любоваться волнами Индийского океана, которые набегали и откатывались всего в нескольких ярдах от меня. Время от времени какая-нибудь особо энергичная волна докатывалась до моих ног и тут же отступала, оставляя на песке очередную ракушку. И все они казались мне прелестными. Кто знает, может, именно этому экземпляру суждено стать предметом зависти для всех конхиологов...

Ах, какая жалость, размышлял я, что всех этих молодых людей нет поблизости. Уж они-то охотно составили бы мне компанию в моем легкомысленном занятии. А, может, даже вдохновили бы меня на новые подвиги...

2

Я остановился в большом прибрежном отеле Порт-Элизабета (или «Пи-Э», как называют южноафриканцы этот город). Из окна открывался вид на приморский бульвар, по которому туда и сюда сновали нарядные трамваи, а за ним поблескивала голубая гладь Индийского океана. Но мое внимание привлекла подъездная дорожка к гостинице. Наверное, правильнее было бы назвать ее подъездной аллеей, поскольку по обочинам росли высокие деревья. Ветви их украшали многочисленные висячие гнезда ткачиков, издаലെка напоминавшие крупные кокосы.

Кто не знает этих маленьких трудолюбивых птичек? Здесь, на Капе повсюду можно увидеть их гнезда. Ткачики очень искусно плетут их из сухих веточек и травы, а затем подвешивают на ветках деревьев, чтобы уберечь от змей. Как правило, вход в гнездо располагается снизу; иногда он снабжен узкой горловиной — этакой «прихожей», которая выступает примерно на дюйм.

Прежде я воспринимал эти висячие дома как привычную деталь капского пейзажа и не особо задумывался об их пернатых творцах. Но затем в руки мне попала книга Юджина Мараиса под названием «Душа термита». Ее автор, пишущий на африкаанс, занимался изучением инстинктов животных и собрал множество интересных фактов. В частности, он рассказывал о паре ткачиков, содержащихся в неволе. В порядке эксперимента им умышленно не выдавали традиционный строительный материал. Когда настала пора вить гнезда, поставленные в непривычные условия птички проявляли явное беспокойство, но в конце концов вывели птенцов и без гнезда. Так продолжалось на протяжении нескольких поколений. А затем ткачикам дали строительный материал, и они сразу же кинулись строить свои висячие гнезда — при том что ни разу в жизни не видели подобной конструкции. Вот какова сила природного инстинкта!

Я провел немало времени, наблюдая за ткачиками. До чего же ловко они подныривали под свои висячие жилища и скрывались в узкой горловине гнезда!

Порт-Элизабет произвел на меня впечатление преуспевающего делового городка. Главная улица и центральная площадь с ратушей были выдержаны в эдвардианском стиле и в силу этого казались настолько привычными для моего английского глаза, что у меня невольно возникло ощущение «дежа вю». Казалось, будто я уже где-то видел и эту улицу, и венчающую ее

ратушу. Жители «Пи-Э» гордятся историей своего городка, которая насчитывает сто двадцать пять лет. «Посмотрите, чего мы достигли за эти годы!» — восклицают они. И действительно, их успехи внушают уважение. Первоклассный морской порт, где день и ночь кипит работа, постоянно расширяющееся промышленное производство — трудно поверить, что все это построено за столь короткий срок. Если обратиться к старинным гравюрам, то можно увидеть, что еще в восьмидесятые годы девятнадцатого века пассажиры с прибывающих кораблей сходили на берег на закорках у чернокожих рабов. А теперь здесь современные причалы, приспособленные для приема крупнейших торговых судов.

Широкая, энергичная натура Порт-Элизабета сказалась и на его географии. Город растянулся на пять с половиной миль вдоль побережья Алгоа-Бей. При таких масштабах для всего хватает места. В Порт-Элизабете много действующих фабрик и еще больше — строящихся. Здесь есть районы, заселенные в основном чернокожими, и отдельно от них — районы для цветного населения. В городе можно видеть и новенькие районы с современной застройкой, и старые пригороды. Парки, зеленые лужайки для гольфа и серебристые песчаные пляжи — все это «Пи-Э». В городе проживают свыше 135 тысяч человек. Половина из них белые, остальные — черные, цветные и потомки выходцев из Азии. А все началось в 1820 году со скромной высадки горстки переселенцев. Кто они были, эти люди?

В те морозные декабрьские дни 1819 года у берегов Темзы стояли трехмачтовые бриги, и со всего города на них стекались люди. Молодые и старые, укутанные в пальто, пледы, шали и просто одеяла, собирались они на пристани, чтобы навсегда покинуть Англию. Все эти люди оказались лишними у себя дома и не могли

рассчитывать на лучшее будущее. И тем не менее расставаться с родиной всегда нелегко. Наверняка сердца их в тот миг были переполнены тоской и печалью, и мало кто мог без слез глядеть на медленно удалявшиеся родные берега.

Англия, которую они покидали, была Англией Роберта Оуэна и Уильяма Коббета. Это была страна жестких политиков — Веллингтона, Пилля, Каннинга и других, но и сострадательных филантропов вроде Уилберфорса. В той Англии уже работали паровой двигатель Джеймса Уатта и прядильная машина Харгривза по имени «Дженни»; Джордж Стефенсон ломал голову над конструкцией своих локомотивов, но до «Ракеты» дело еще не дошло. Почту по-прежнему развозили в блестящих красных каретах, запряженных четверкой лоснящихся лошадей. Это была Англия нового Риджентс-парка и брайтонского Павильона, страна, где обсуждали Красавчика Браммеля, Гримальди и Марию Вестрис. Англия, в которой доживал свой век несчастный Георг III — слепой и глухой старец, по причине безумия утративший связь с реальным миром.

Прослойка общества под названием «высший свет» была в Англии весьма малочисленной — она насчитывала всего шестьсот человек, и это их великолепные особняки окружали парк. Обслуживали эти дворцы ливрейные лакеи в напудренных париках и плюшевых бриджах. По вечерам ко входу подъезжали роскошные кареты с форейторами на запятках. Всего в Британии проживало почти четырнадцать миллионов человек, но из них лишь полтора миллиона имели право голоса. Власть в стране принадлежала немногим, а все общество было выстроено в виде жесткой иерархической пирамиды.

Это был Лондон ночных кутил и «топтунов» с Боу-стрит. В этом городе Том, Джерри и Боб — все в цилиндрах и отлично сшитых сюртуках — выходили

вечером поразвлечься. Они опрокидывали будки ночных сторожей, посещали кровавые кулачные бои и шлялись по низкопробным питейным заведениям. Их не смущало соседство с уличными шлюхами и ворами-карманниками — и те, и другие принадлежали одной стране. Это была Англия блестящих салонов и жалких трущоб, привилегированных клубов и воровских притонов.

Старый Лондонский мост со своими средневековыми причалами все еще противостоял течению Темзы, и близ него устраивались ледяные ярмарки; знаменитая тюрьма «Флит» по-прежнему была забита несостоятельными должниками, однако публичным казням на Тайберне уже положили конец. Лондон того времени активно благоустраивался: на Стрэнде недавно появились газовые фонари, в центре — от Пиккадилли до Риджентс-парка — возводились новые оштукатуренные особняки, но всего в двух шагах от них стояли перенаселенные трущобы, в чьих подвалах, как и встарь, рассказывали легенды о знаменитых разбойниках прошлого столетия. В Лондоне той эпохи все еще оставалось что-то от деревни: в нем по-прежнему держали тысячи коров, и полногрудые молочницы в старомодных юбках по утрам обходили соседские дома с коромыслом на плече.

Лондон — с его контрастом роскоши и нищеты, с причудливым смешением города и деревни — был столицей Англии. А от него во все стороны протянулись дороги, по которым бродили негодующие коббеты. Дороги эти вели в английскую глубинку, к старинным сельским усадьбам и красно-кирпичным фабричным городкам. В те дни в ручьях еще водилась форель, а в лесах фазаны, но из фабричных труб уже всюду валил черный дым. Еще были живы старые джентльмены, носившие парики и читавшие в подлиннике Горация и Вергилия. Однако уже появилось поколение новых сквайров, которые исчисляли свой доход не пудами

зерна и поголовьем коров, а количеством установленных станков и объемом валовой продукции.

Бок о бок жили две Англии: одна из них — бывшая Англия старых церквей, особняков и крестьянских ферм, где по-прежнему за кружечкой эля с восторгом обсуждали статьи породистых рысаков; и новая Англия — страна угля, железа и хлопка, чьи обитатели успели не только оторваться от земли и перекочевать в большие города, но и почувствовать недовольство новым положением вещей. Отзвуки их выступлений и скрежет разломанных станков достигли столицы и напомнили английскому парламенту о былых призывах к свободе, равенству и братству, которые гремели по всей Англии двадцать лет назад.

Казалось бы, англичане все сделали правильно: совершили у себя промышленную революцию, разделались с Наполеоном и упрятали смутьяна на остров Святой Елены. Но почему-то вождельный золотой век так и не наступил! В чем причина? Где обещанные мир и благоденствие? В 1819 году англичане с удивлением обнаружили, что мир, которого они так долго ждали, оказался пострашнее войны. Фабрики и заводы простаивали. Безработица росла, и наперегонки с ней росли цены. К ветеранам Трафальгарской битвы присоединились ветераны Ватерлоо — они вместе сидели на бордюрных камнях с протянутой рукой. Гармония и равновесие прежней патриархальной жизни оказались безвозвратно утраченными. Да и сами люди кардинальным образом изменились. В нынешних фабричных рабочих, измученных и озлобленных, трудно было узнать сыновей прежних — сытых и благодушных — извозчиков и пастухов.

Стоит ли удивляться, что поколение людей, привыкшее все хвори лечить с помощью пиявок, и в данной ситуации решило прибегнуть к своеобразному кровопусканию? Спасение от всех бед оно усмотрело в

эмиграции. За последние шестьдесят лет население страны практически удвоилось. Страна стала слишком маленькой для такого количества англичан. Значит, долой лишних людей! Отправить их в Канаду или на Кап! В результате тысячи британских бедняков, не имевших возможности прокормить самих себя и свои семьи, начали подумывать о том, чтобы сняться с места и искать счастья на чужбине. К ним присоединились и другие — те, кто не смог (или не пожелал) приспособиться к новым веяниям в родной стране.

Переселенцы 1820 года составляли лишь часть широкомасштабной схемы эмиграции, субсидируемой государством. Охваченная послевоенной депрессией Англия страдала от стихийной, неконтролируемой эмиграции. В Соединенные Штаты сбежало такое количество народа (только в 1819 году туда выезжали по двести человек в неделю), что правительство встревожилось. Оно решило таким образом перенаправить поток беженцев, чтобы империя не лишалась своих подданных. Канада и Капская колония казались на тот момент единственно приемлемыми местами. Вопрос обсуждался в парламенте. Сторонники эмиграции на Кап цинично доказывали целесообразность создания нового поселения британских колонистов на восточной границе: оно-де создаст дополнительную защиту от наседавших племен банту. А не в меру щепетильным гуманистам, вроде депутата Уилберфорса, подкинули приманку в виде «душераздирающих свидетельств» той непомерной жестокости, которую бездушные голландцы проявляют по отношению к местному населению (именно таким образом они заручились поддержкой Уилберфорса, этого честнейшего из англичан, и всей его фракции).

Вслед за тем была проведена мощная агитационная кампания. По всей Британии распространялись памфлеты, в которых Кап изображался страной

блестящих возможностей, поистине Землей Обетованной для всех недовольных и обездоленных. Надо отдать должное английской интеллигенции, не все поддались «южноафриканской истерии». В частности, Крукшенк опубликовал пару карикатур, в которых изображал незавидную участь колонистов, заживо пожираемых чернокожими дикарями вкупе с кобрами и боа-констрикторами! Однако его предостережения уже не могли остудить пыл тысяч энтузиастов.

В министерство по делам колоний поступило такое количество заявок на выезд, что правительство приняло решение выпускать эмигрантов только группами не менее десяти человек в каждой. Каждая группа должна была иметь собственного лидера — так называемого «главу партии», который ведал вопросами финансов, дисциплины и пр. Все выезжавшие обязаны были внести сумму в размере десяти фунтов, которая возвращалась им по прибытии в Южную Африку. Взамен каждому колонисту гарантировалось получение земельного участка в сто акров.

По всей Британии формировались группы, зачастую они превышали заявленный минимум в десять человек. В качестве лидеров выступали крестьяне и фабричные рабочие, бывшие офицеры и недовольные своим положением представители джентри. Многие помещики набирали попутчиков из числа собственных слуг и вассалов, так что фактически выезжали всем домом, организованным по староанглийскому образцу.

Основную часть претендентов составляли, конечно же, лондонцы и жители прочих крупных городов. Однако к ним присоединилось немало сельских ремесленников и батраков. Тот факт, что большинство потенциальных колонистов не имели отношения к сельскому хозяйству, в 1820 году не имел решающего значения: ведь все эти люди были горожанами лишь в первом поколении и пока еще не успели растерять

деревенских навыков. Было подано свыше 80 тысяч заявок — именно столько англичан изъявили желание эмигрировать на Кап. Однако разрешение на выезд получили лишь 3487 человек.

Итак, партия переселенцев 1820 года погрузилась на корабли и сквозь декабрьскую непогоду двинулась навстречу новой жизни. Интересно, что отъезд их совпал по времени с фактическим окончанием восемнадцатого столетия. Эхо недавних мятежей и громкие призывы к «радикальным реформам» — те самые звуки, в которых ухо герцога Веллингтона улавливало лишь бой эшафотных барабанов, — на самом деле знаменовали собой незримое рождение новой прослойки, английского среднего класса.

И хотя в тот момент никто еще этого не знал (да и не мог знать), но будущее Англии было уже не просто предопределено, но и отлично спланировано! Ибо в то самое время, когда корабли с переселенцами медленно скользили по водам Темзы, в Кенсингтонском дворце подрастало «замечательно здоровое дитя» — семимесячная девочка по имени Виктория. И были два мальчика — один пятнадцатилетний школьник из Уолтемстоу и другой, десяти лет от роду, в Ливерпуле. Первый мальчик носил экзотическое имя Бенджамина Дизраэли, второго же звали Уильям Юарт Гладстон.

Путешествие протекало не так уж плохо. Правда, в самом начале плавания случилось два неприятных инцидента: сначала один корабль возле Гудвинса сел на мель, но был вовремя оттуда снят; а затем другой налетел на скалы как раз напротив Гринвичского Королевского госпиталя. Появление маленькой флотилии у берегов Кабо-Верде вызвало переполох: британских переселенцев по ошибке приняли за пиратов и обстреляли. Слава богу, береговая батарея не отличалась особой меткостью — лишь одно ядро угодило в плотницкую каюту и повредило инструменты.

Эмигранты более трех месяцев провели в море. За это время наблюдались вспышки таких распространенных в восемнадцатом веке заболеваний, как оспа, корь и коклюш. Несколько человек умерли, но на смену им народились новые колонисты. На одном корабле плыла небольшая группа ирландцев, которые развлекали своих попутчиков постоянными ссорами и скандалами. На другом судне тоже разгорелся конфликт, но уже на религиозной почве. И стоит ли удивляться, что при таком количестве переселенцев — да еще из страны, которую в последние годы раздирали идеологические разногласия и классовая вражда — время от времени на борту возникали споры и даже драки. Кто-то делил власть, иные были недовольны своими лидерами и переходили в новые партии.

Однако выдавались и спокойные дни, когда ничто не омрачало счастья будущих колонистов. И было их немало! Наверное, в будущем переселенцы не раз станут вспоминать эти дни как самые счастливые. И то сказать, когда жестокая засуха погубит посевы, или тропический ливень смывает твою хижину, или же когда поутру за околицей обнаружится очередной труп — как не вспомнить безмятежные дни плавания, согретые надеждой на скорое прибытие в Землю Обетованную. Особенно хорошо было во время штиля, когда паруса бессильно опадали и корабли по несколько дней дрейфовали среди изумрудного моря. Дети играли на палубе, мужчины рыбачили, женщины занимались хозяйственными делами. Можно представить, каким приключением стало это плавание для людей, ни разу в жизни не выезжавших за пределы Лондона. Они до сих пор с удовольствием обсуждали кратковременную стоянку на острове Сантьяго. Выяснилось, что у местных жителей весьма странная шкала ценностей: за старую поношенную куртку они давали двести апельсинов, дюжину кокосов да еще и козу с детенышем в придачу!

Короче, грядущие перспективы рисовались английским переселенцам в самом радужном свете. Однако уже первое столкновение с реальностью вселило в сердца людей оправданные опасения. Все корабли с интервалом в несколько дней или недель заходили в бухту Фалс-Бей, и вот тут-то колонисты впервые увидели свою новую родину. Взору их предстала дикая и варварская страна с устрашающими очертаниями горных вершин на горизонте. Пополнив запасы воды и провизии, колонисты продолжили плавание. Путь их лежал на север вдоль восточного побережья Африки. Здесь на берегу бухты Алгоа-Бей высился холм, которому в будущем предстояло превратиться в город Порт-Элизабет.

Прибыв сюда, корабли бросили якорь в полумиле от берега, и все путешественники сгрудились на палубе, разглядывая палаточный городок на холме. Там, среди палаток и тяжелых походных повозок расхаживали шотландские горцы из форта, полуобнаженные готтентоты и фермеры-буры. Чтобы высадиться на берег, путешественникам пришлось дожидаться прилива. Лишь тогда их перевезли на легких шаландах поближе к берегу. Последний участок пути они проделали на крепких спинах горцев или туземцев. Встречать вновь прибывших вышел сэр Руфан Донкин, не так давно овдовевший правитель колонии. Он собрал сколько смог палаток и вообще всячески помогал людям обустроиваться на новом месте. Сэр Руфан был 47-летним мужчиной, очень добрым и участливым. Он до сих пор оплакивал смерть молодой жены — за два года до того Элизабет Донкин скончалась в Индии от лихорадки.

Многие из переселенцев 1820 года в дальнейшем вписали свои имена в историю Южной Африки. Среди них следует назвать Эйлиффа, Боукера, Дэниэлла,

Чейза, Кока, Карри, Годлонтонна, Саути, Скэнлана, Шепстоуна и Шоу.

Итак, в первые месяцы 1820 года Южная Африка получила новое — уже третье по счету — вливание доброй европейской крови. Голландцы, ставшие первыми эмигрантами, принесли с собой нетерпимость семнадцатого века и собственные республиканские принципы. Вслед за ними приехали гугеноты, обогатившие Южную Африку религиозным пылом, а также чисто французской живостью и сообразительностью. И вот теперь появились британцы, и поначалу никто не мог разглядеть в этих замаскированных под фермеров людях будущих торговцев и предпринимателей. Однако дело обстояло именно таким образом: основным вкладом англичан стал запас коммерческой энергии и предприимчивости. Но не только. Английские переселенцы привнесли в южноафриканский менталитет особый британский патриотизм. Они, конечно, любили свою новую родину — так, как мужчина обычно любит жену. Но при этом в тайниках своей души сохраняли трепетное чувство к далекой Британии. Чувство это было похоже на привязанность взрослого мужчины к матери — женщине, которая когда-то дала ему жизнь.

3

Пожалуй, самой интересной личностью среди переселенцев 1820 года оказался Томас Прингл — сын фермера из Роксбергершира, ставший впоследствии поэтом, журналистом и писателем. Перенесенная в детстве травма оставила Томаса калекой — он до конца жизни передвигался на костылях. Прингл обладал горячим темпераментом и был в равной степени подвержен как религиозной меланхолии, так и

приступам безудержного веселья. Вальтер Скотт, которого Прингл почитал своим кумиром, отзывался о нем как о тщеславном и самоуверенном человеке. Хотя все шотландцы считались великими консерваторами, Прингл оказался поклонником радикальных идей новой эпохи.

На момент эмиграции в Южную Африку Томасу было тридцать лет. Он возглавил группу шотландских переселенцев, в которую вошли его жена, отец и братья — всего десять человек. Принглы поселились в долине реки Бабуинов на ферме, которую называли Глен-Линден; это имя она носит и поныне.

Томас Прингл стал первым южноафриканским поэтом. И хотя многие видят в его поэзии явное подражание Вальтеру Скотту, все же стихам Прингла нельзя отказать в красоте и силе, которые почти целиком вдохновлены реалиями Капской жизни. Кроме того, Прингла можно считать основателем национальной прессы, ибо — как это ни странно для колонии, существовавшей с 1652 года — лишь Томасу Принглу удалось добиться разрешения на издание независимого журнала. Однако самой выдающейся, на мой взгляд, работой Томаса Прингла стала книга «Рассказ о пребывании в Южной Африке», в которой он ярко и красочно описал жизнь переселенцев 1820-го.

Полагаю, лагерь на берегу Алгоа-Бей представлял собой удивительное зрелище. Бурские фермеры собрались здесь со своими бычьими повозками, чтобы развезти вновь прибывших поселенцев по их участкам. Прингл рассказывал, насколько странным и непривычным казался лондонцам такой способ путешествия — под скрип вагонов, щелканье бичей и дикие выкрики готтентотов. Ниже я привожу одну из его любопытных зарисовок.

Буры, — пишет Прингл, — сняли свои длинные ружья (или *рурс*, как они их называют) с парусиновых навесов вагонов и перенесли в великолепный вечнозеленый кустарник, в тени которого намеревались передохнуть во время привала. Они развели костер и, развязав кожаные мешки, достали провизию. Рацион их в основном состоял из сушеного мяса быка, которое они приправляли изрядным *соопье*, то бишь глотком, колониального бренди. У каждого из них в вагоне рядом с пороховницей хранился огромный рог со спиртным... Почти все африканские буры очень крупные и высокие мужчины. И вот эти великаны сидели, сохраняя аристократическое уединение, в своем зеленом *билде* и с самодовольным видом покуривали огромные трубки.

Меня чрезвычайно заинтересовало описание буров, которое Прингл дает в своем «Рассказе». И не только благодаря непредвзятой заинтересованности (которая выгодно отличается от заведомой неприязни того же, скажем, Барроу), но еще и потому, что позволяет увидеть, насколько это дружелюбный народ, с какой готовностью буры протягивали руку помощи новичкам-англичанам. Там же можно найти и еще несколько превосходных портретов преуспевающего патриархального бура — с его стадами и семейными молебнами, на которых присутствуют как чернокожие рабы, так и свободные готтентоты. После прочтения книги Прингла у меня сложилось впечатление о бурах как о нации приграничных воинов, которые — с ружьем в одной руке и Библией в другой — строили элитарное общество в африканской глуши.

Не менее захватывающим выглядит рассказ Прингла о том, как росла и развивалась его собственная

маленькая колония. Они пережили все трудности, которые обычно выпадали на долю первопроходцев, — и выматывающие крайности южноафриканского климата, и кровавые стычки с чернокожими туземцами. И мне приятно добавить, что Принглы, в отличие от многих своих соотечественников, сумели в конце концов достичь успеха и благоденствия.

Через два года после приезда Томас Прингл оставил ферму на попечение родственников и уехал в Кейптаун, где занял должность младшего библиотекаря в публичной библиотеке. Он написал письмо домой и пригласил приехать своего старого друга Джеймса Файрберна. Вдвоем они начали выпускать первую газету в Южной Африке. Четыре года спустя Прингл поддался чарам доктора Филипа (а человек этот имел очень большой вес в Колониальном офисе) и вернулся в Лондон. Остаток своей жизни он посвятил борьбе за отмену рабства.

И коли уж мы заговорили о переселенцах 1820-го, следует отметить, что они очень быстро освоились в Южной Африке и стали искать возможности для свободной торговли. Просто удивительно, насколько быстро вчерашние неудачники (а ведь все они принадлежали к категории «лишних людей»!) сообразили, что если у них и есть какое-то будущее в этой стране, то связано оно с торговлей. Сохранился весьма любопытный документ под названием «Дневник Гарри Гастингса», автор которого свидетельствует: и года не прошло с тех пор, как англичане появились на Капе, а некоторые из них уже вовсю торговали — причем не только с туземцами, но и с бурами. Сегодня это признание звучит как манифест британской предприимчивости — той самой, которая в конечном итоге привела к процветанию Порт-Элизабета.

Вот одна страничка из вышеупомянутого «Дневника»:

В тот вечер вся наша компания собралась, чтобы послушать рассказ Роберта Трампита о его поездке к голландцам.

— По правде сказать, — начал Боб, — я вообще не понимаю, как там можно что-то выращивать. Травы нет совсем, однако их овцы и коровы жиреют... Ну так вот. Добравшись до фермы, вы идете прямо к хозяйскому дому и спрашиваете разрешения остановиться на их землях. Как правило, хозяин разрешает. Я не помню случая, чтобы кто-то отказал. Тогда вы возвращаетесь к своей повозке и начинаете выпрягать быков. Голландцы всегда приходят помочь. Когда с этим покончено, хозяйка присылает вам огромную чашку чая — «чайной воды», как они говорят. Ну а затем уж начинается собственно коммерция. Вы расстилаете большую циновку или ковер и раскладываете на нем свои товары. Все семейство приходит посмотреть, что вы привезли. Тут прежде всего надо побеседовать с хозяином, обсудить цены на скот, овец, коз, мыло и прочее. Члены семьи выбирают понравившиеся товары, а вы называете цену. Затем они забирают покупки, а вы все записываете в специальную бухгалтерскую книгу. В конце вы обычно преподносите какой-нибудь подарок дочери хозяина или его жене. И только после этого к коврику с товарами допускаются рабы и слуги-готтентоты. Они тоже, между прочим, покупают чертову прорву вещей. Потому что, как выяснилось, эти чернокожие совсем не нищие — им от голландцев перепадает отличный скот, лошади и козы... Кстати сказать, голландцы очень религиозный народ. Они обязательно молятся на рассвете и

по окончании рабочего дня. И не жадины... Всегда бесплатно накормят и напоят. Более того, после того, как вы управитесь с порцией жирной баранины, вам выставляют глубокую тарелку молока, а к нему — хлеба сколько влезет. О хлебе надо сказать отдельно: он у них белый, как снег, и сладкий, что твои орехи. Уверяю вас, голландцы очень хорошие люди, и торговать с ними чистое удовольствие!

Как отраднo узнать, что, оказывается, чернокожие рабы и готтентоты были достаточно богаты, чтобы покупать «чертову прорву вещей». Это никак не согласуется с теми страшилками, которые распространяли в Англии более влиятельные наблюдатели, чем бедный Боб Трампит. Вы наверняка помните все эти истории «о жестокости буров по отношению к несчастным, угнетенным жертвам».

Итак, после того, как первоначальные трудности были преодолены, в Капской колонии разразился маленький торговый бум. Казалось, дела шли как нельзя лучше! И внезапно все рухнуло. Это случилось в канун Рождества 1834 года, когда кафры без предупреждения развязали кровавую войну в Олбани. Они хорошо спланировали и организовали нападение на колонистов по всему фронту от горы Винтерберг и до самого моря. Убивали и сжигали все, что попадалось им на пути. Вот тогда-то переселенцы впервые ощутили горький вкус пограничной войны. В первый, но далеко не в последний раз. И благодарить за это следует извращенные симпатии Колониального ведомства! Как бы там ни было, а переселенцы 1820 года с честью выдержали все испытания и пустили корни на южноафриканской земле. И пусть они не всегда занимались сельским хозяйством — многие осели в городах, — но Южная Африка многим им обязана. Это благодаря их энергии и отваге (их и их

потомков) в стране появились свободная пресса, более либеральное правительство и возможность развивать коммерцию.

4

Я решил подняться на холм, чтобы взглянуть на Мемориал Донкина. Это оказалась небольшая пирамида из бурого песчаника, установленная рядом с маяком. Медная табличка гласила, что сэр Руфан Донкин воздвиг ее в память о своей жене Элизабет — «самом лучшем человеке на всей земле». Именем этой женщины и назван город.

Элизабет Донкин была старшей дочерью доктора Маркэма, настоятеля Йоркского собора. В возрасте двадцати пяти лет она вышла замуж за 42-летнего Руфана Донкина, который как раз получил назначение в Мадрас. Они выехали вместе и провели в Индии три счастливейших года. Затем Элизабет внезапно заболела лихорадкой и умерла, оставив на руках у мужа семимесячного сына. Донкин был буквально раздавлен этой потерей. Он велел изъять сердце жены и захоронил его в специальной урне.

Донкин на время оставил службу и уехал на Кап. Он все еще находился в отпуске по болезни, когда в связи с отъездом в Англию лорда Чарльза Сомерсета его попросили временно принять на себя управление колонией. Все южноафриканцы британского происхождения будут вспоминать этого человека с неизменной любовью и благодарностью. Ведь тогда, в далеком 1820 году, именно сэр Руфан оказал неоценимую помощь их предкам. После выхода в отставку Донкин уехал в Лондон и там написал несколько книг, которые ныне хранятся в библиотеке Британского музея. Он стал одним из первых

действительных членов Королевского Географического общества. В возрасте пятидесяти девяти лет Донкин повторно женился. Однако вскоре здоровье его стало стремительно ухудшаться. Как ни горько это констатировать, но сэр Руфан решил свести счеты с жизнью и, находясь в Саутгемптоне, совершил самоубийство. На тот момент ему еще не исполнилось и семидесяти. Тело Руфана Донкина похоронили на старом лондонском кладбище Сент-Панкрас рядом с сердцем его первой жены. В настоящее время на месте кладбища разбит маленький общественный парк, и большая часть захоронений уничтожена. Сесил Родс установил тут гранитное надгробие — в память о своих далеких предках, которые когда-то обрабатывали землю в этих местах.

Таким образом, город Порт-Элизабет обязан своим именем женщине, чьи кости лежат в индийской земле, а сердце захоронено в Лондоне; женщине, о которой не известно ничего, кроме того, что ее смерть породила вечную боль в сердце мужа. Маленькая пирамидка, воздвигнутая в ее честь, выглядит не более чем скромным добавлением к той памяти, которая увековечена в названии города. Ибо благодаря этому городу теперь весь мир знает об Элизабет Донкин. Я стоял на вершине холма и смотрел на огромный морской порт, который вырос на месте, где еще вчера (ибо что такое сто двадцать лет в масштабе человеческой истории, как не вчерашний миг!) простирался дикий пустынный берег. Мыслями я постоянно возвращался к горстке англичан, которые прибыли сюда в 1820 году. Именно их появление дало мощный стимул развитию всей Южной Африки. Подумать только, все это — и чудесный город с предместьями, и многочисленные промышленные предприятия, и современный морской порт — создано руками потомков тех самых англичан, которые сошли на берег на спинах чернокожих рабов.

А известно ли вам, что в основе благосостояния Порт-Элизабета лежит шерсть? Да-да, та самая шерсть, от которой бурские фермеры пренебрежительно отмахнулись. Через десять лет после высадки английских колонистов кому-то из них пришла в голову мысль заняться шерстью. Так был реализован шанс, столь неосмотрительно упущенный Капом в предыдущем столетии. Довольно скоро порт-элизабетинцы начали экспортировать шерсть — к сожалению, не слишком много и не слишком высокого качества. Но лиха беда начало! В Порт-Элизабет вновь завезли тонкорунных мериносов, и дела пошли на лад. А затем возникла мода на мохер. Отлично, почему бы и нет? Здешние козы дают не слишком хорошую шерсть? Не страшно, раздобудем ангорских коз с длинной шелковистой шерстью.

И пошло-поехало... Туфли и сапоги, автомашины и цемент, шоколад, пшеница и мукомольное оборудование, химические лаборатории и производство электрических лампочек — Порт-Элизабет находил все новое применение рабочим рукам.

На окраинах города огромные площади зарезервированы под будущие фабрики и заводы. Я приехал туда с человеком, который, похоже, уже видел их построенными.

— Маринады! — говорил он, махнув рукой в сторону развороченного холма.

— Шины! — восклицал он, указывая на пустырь в несколько акров.

— А здесь — электроприборы! — объявил он, останавливая машину посередине обширной свалки. — Не смейтесь! Я вам говорю со всей определенностью: Порт-Элизабет станет крупнейшим городом Союза! Ничто не сможет нам помешать! У нас есть все для этого! Рабочие руки! Электричество! Вода! Транспорт!.. Все необходимое!

Он остановился на небольшом пригорке и продолжал вещать:

— Приезжайте через пять лет, и гарантирую: вы не узнаете это место! Мы совершим рывок вперед! И что еще важнее, мы разрешим все наши проблемы!

— Вот это приятная новость! — похвалил я. — Нет ничего лучше, чем разрешенные проблемы. И каким образом вы намереваетесь это сделать?

— Объясню! Возьмем, к примеру, проблему «белых нищих»...

Мой спутник пустился в длинные объяснения. И пока он говорил, я понял, как так получилось, что Порт-Элизабет вырос и продолжает расти дальше. После этого мы посетили несколько жилых районов для чернокожего и цветного населения. В Южной Африке буквально все — начиная от кактуса и кончая водопроводным краном — отбрасывает черную тень. У белого строителя порой даже три или четыре такие тени; у плотника обычно одна — та, что таскает за ним пилу; у слесаря тоже одна — она носит сундучок с инструментами, и так далее. Крупные и мелкие города, деревни — все имеют свою черную тень, известную под названием «локация». Локации — это места компактного расселения черных, своеобразные лагеря, куда чернокожие работники приходят поесть и отоспаться.

Большая часть таких локаций произвела на меня очень приятное впечатление. На мой взгляд, они делают честь муниципалитету, который проявляет немалую заботу о цветном населении. Власти города тратят значительные средства (причем делают это весьма разумно!) на то, чтобы постепенно избавиться от трущоб и заменить их чистыми и современными лагерями.

Следующим пунктом нашей экскурсионной программы стало посещение обувной фабрики. С первого взгляда она показалась мне малоинтересным местом — точно такие фабрики я видел в нашем

английском Нортгемптоне. Однако мастер в белом халате сумел пробудить во мне интерес, поведав поучительную историю. Оказывается, обувь в Порт-Элизабете производили давно, но это были обычные *вельдскуны* — башмаки для фермеров, достаточно удобные и прочные, но непрезентабельные на вид. Что касается модельной обуви, ее завозили из Европы. Однако в годы Первой мировой войны поступление импортной обуви прекратилось, и жительницы города забились тревогой. Что предприняли власти Порт-Элизабета? Они создали собственное производство модельной обуви, обеспечившее Южной Африке полную независимость от европейских поставок. Одним махом они перепрофилировали местные фабрики на производство изящных лайковых туфелек. Завезли из Англии современное оборудование, пригласили квалифицированных специалистов. И вот, пожалуйста, результаты налицо — достаточно окинуть взглядом витрины обувных магазинов.

Мы заглянули в пошивочный цех. Там за швейными машинами сидели исключительно девушки, они изготавливали верх для кожаной обуви. Одно ловкое, рассчитанное движение — и половина работы сделана. Можно переворачивать заготовку и прокладывать новую строчку. Я обратил внимание, что все работницы белые. Однако тут же, за дверью, располагался цех, в котором работали цветные девушки. Вполне очевидно, что стремление к сегрегации в Южной Африке обоюдное. На штамповочных прессах трудились в основном цветные мужчины. Белый мастер, в речи которого ощущался явственный нортгемптонский акцент, преподнес мне юбилейную (миллионную!) пару южноафриканской обуви.

Большинство жителей Южной Африки почему-то отрицают наличие змей в стране. Послушать их, так они никогда в жизни не встречали ни единой змеи. Если уж очень настаивать, то можно услышать нечто вроде: «Ну да, вроде бы давным-давно в саду объявилась африканская гадюка, но “бой” убил ее!» Или же: «Припоминаю, что-то такое было много лет назад... Как-то раз Джим чистил сарай и увидел змею. Он забил ее клюшкой». И в то же время достаточно прочесть книгу мистера Ф. У. Фицсимонса «Змеи Южной Африки», чтобы увериться: вся Южная Африка буквально кишит всевозможными ядовитыми рептилиями. Что касается Порт-Элизабета, здесь у меня не осталось никаких сомнений!

Дело в том, что Порт-Элизабет известен как официальная резиденция южноафриканских змей, а его «Змеиный парк» славится на весь мир. Нынешний парк открыт в 1936 году. Его построили на месте прежнего заповедника, учрежденного еще в 1906-м мистером Фицсимонсом в бытность его директором музея.

Я миновал очаровательную перголу и попал в старый запущенный сад. Вглядываясь в кусты, я увидел множество разнообразных змей. Так сказать, выбор на любой вкус: длинные, гибкие (и чрезвычайно активные) змеи, а рядом с ними — толстые и полусонные особи; черные, зеленые и коричневые гады. Некоторые из них безмятежно спали, другие бодрствовали. Несколько змей, подобно морским угрям, плавало в канаве, окружавшей заповедник. В любом случае, змей было такое количество, что лично я бы трижды подумал, прежде чем согласиться на вечернюю прогулку в этом саду!

В то время, как я с тревогой оглядывался по сторонам, мой провожатый — парень из племени басуто, одетый в униформу защитного цвета, а также плотные гетры и перчатки — преспокойно зашел за ограждение и

начал прохаживаться среди змей. Некоторые из них поспешно отползали и скрывались в кустах или зарослях невысокого тростника. Однако одна змея, смахивающая на маленькую кобру (позже я узнал, что она называется ошейниковой змеей), раздула свой капюшон и приподнялась примерно на фут от земли. С тонким угрожающим шипением она совершила два молниеносных броска в сторону человека, всякий раз выбрасывая вперед струйку ядовитой слюны.

Мистер Дж. Э. Прингл, нынешний директор заповедника, пояснил, что это типичная манера атаковать для данного вида змей. Ошейниковая змея способна плевать ядом на расстоянии 4-5 футов, часто при этом метит в глаза жертвы. Чернокожего парня, сопровождавшего меня в прогулке по парку, звали Фредди. А кроме него был еще и более опытный работник по имени Йоханнес.

— Как вы готовите людей для такой работы? — поинтересовался я у директора.

Фредди в это время преспокойно разгуливал по вольеру, время от времени подхватывая змей с земли — так что скоро в руке у него была полная охапка извивающихся гадов. Когда парень обнаружил, что очередной экземпляр уже не помещается в кулак, он перекинул змею себе через шею.

— Это нелегко, — начал рассказывать мистер Прингл. — Сразу после открытия парка мы выбрали одного чернокожего уборщика и провели курс обучения, чтобы он мог обращаться со змеями и демонстрировать их зрителям. Все шло прекрасно, пока однажды его не укусила гадюка. Бедняга так перепугался, что наотрез отказался приближаться к змеям. Тогда другой уборщик по имени Йоханнес вышел вперед и вызвался работать вместо него. С тех прошло уже двадцать шесть лет, и Йоханнес стал самым опытным из наших работников.

— И что, его ни разу не кусали?

— Конечно, кусали, и неоднократно! Свыше двадцати раз его кусали сильно ядовитые змеи. А что касается менее опасных — так и не перечить. К сожалению, Йоханнес так и не приобрел иммунитета, несмотря на все эти инциденты. Причина в том, что кусали его недостаточно регулярно.

— А Фредди? Как у него дела?

— Фредди появился у нас только в 1945 году, и с тех пор змеи его несколько раз кусали. Обычно на подготовку уходит около девяти месяцев. Дело осложняется тем, что местные жители панически боятся змей, и страх этот можно победить лишь длительной тренировкой. Если змея укусит парня в первые месяцы, то все — считайте, что больше вы его не увидите! Да, это нелегкая работа. И страх, и излишняя самонадеянность здесь в равной степени опасны.

К тому времени Фредди уже был весь увешан гирляндами змей. С живыми кольцами вокруг шеи и темными язычками, трепещущими у него перед лицом, парень напоминал этакую темнолицую Медузу Горгону. Вот он нацелился на какой-то ценный экземпляр, который попытался скрыться от него в кустах. Чтобы не упустить добычу, Фредди пришлось разжать кулак и выронить одну из уже пойманных змей, лишь тогда он сумел схватить за хвост понравившуюся беглянку.

Меж тем директор заповедника знакомил меня с различными видами змей. Он показал африканскую гадюку — отталкивающего вида змею, которая часто гибнет под колесами, ибо слишком ленива и малоподвижна, чтобы вовремя убраться с дороги. Я был поражен, узнав, что всего за два весенних месяца — март и апрель — самка африканской гадюки производит на свет от тридцати до семидесяти детенышей!

Капская кобра (ее иногда еще называют желтой) — самая распространенная из пяти разновидностей кобр, которые водятся в Южной Африке. Все эти виды

представляют немалую опасность, так что опасения местных жителей вполне обоснованны. По словам мистера Прингла, из всех змей чернокожие больше всего боятся кобры (если не считать, конечно, мамбы, которая вообще слывет королевой змей). В отличие от гадюки, чей яд относится к медленно действующим, яд кобры очень быстро всасывается в кровь и способен вызвать смерть в течение двадцати минут.

Еще в Южной Африке водится бумсланг — древесная змея с черными клыками, которая питается ящерицами, хамелеонами, птичьими яйцами и неоперившимися птенцами. Мне говорили, что бумсланг редко кусает людей, однако укус его крайне неприятен. Яд его относится к группе кровяных, то есть воздействует не на нервную систему, а непосредственно на клетки крови. В этом яде содержится какой-то дополнительный токсин, который вызывает несвертываемость крови у человека. Довольно долго бумсланга вообще не считали ядовитой змеей. Затем в 1914 году произошел несчастный случай: прямо здесь, на территории парка, бумсланг укусил чернокожего мальчика по имени Уильям. А поскольку никто не придавал этому особого значения, то ребенок едва не умер.

Достаточно распространены в Южной Африке и так называемые жабы (или ночные) гадюки. Змеи эти весь день проводят в укрытии и лишь по ночам выползают поохотиться на своих любимых жаб и лягушек. Вот уж не знал, что змеи могут быть столь привередливы в отношении пищи! Если жабы гадюки питаются только холоднокровными животными, то их сородичи, африканские гадюки, напротив, придерживаются исключительно теплокровной диеты. Есть змеи, которые признают только яйца. И ничего более! Похоже, из всех змей одни лишь кобры всеядные.

В конце экскурсии меня подвели к самым страшным из всех южноафриканских змей — мамбам. Их

содержали в большом застекленном ящике. Эти убийцы с гладким лоснящимся телом могут достигать в длину четырнадцати футов. Я узнал, что черная мамба обитает в холмах, а зеленая — она и в самом деле ярко-зеленая, как молодая весенняя трава — водится в лесу. Мамбы на Капе не встречаются, область их распространения — Наталь и Северный Трансвааль.

— Если случится так, что вы отрежете мамбу от ее убежища, — рассказывал мистер Прингл, — или же неожиданно появитесь у нее на пути, то она, скорее всего, вас атакует.

— А насколько силен ее яд?

— Он вызывает смерть человека в течение десяти минут.

— И что вы делаете, если кого-нибудь из ваших помощников укусит мамба? — спросил я, поежившись.

— Немедленно ввожу ему иммунную сыворотку. Чем скорее, тем лучше!

К тому времени мой инстинктивный страх перед змеями поутих и уступил место восхищению этими ходячими (вернее, ползучими) химическими лабораториями. Здесь уместно будет привести историю разработки той самой иммунной сыворотки, которую упомянул мой собеседник. Тем более, что это сама по себе захватывающая история. Оказывается, еще в 1894 году французский микробиолог Кальмет из Пастеровского института начал проводить исследования змеиного яда. Его метод заключался в том, что здоровой лошади впрыскивали микродозы яда индийской кобры. Постепенно повышая дозировку, Кальмет добился, чтобы через два года животное приобрело иммунитет к данному виду яда. Затем из крови этой лошади был изготовлен антидот, который успешно прошел все испытания. Правда, полученный препарат оказался узкой направленности — то есть помогал только против

яда индийской кобры, а против всех остальных оставался бессилён.

С тех пор лучшие научно-исследовательские институты мира — в том числе и Южно-Африканский институт медицинских исследований в Йоханнесбурге — заняты поисками универсального антидота. Выяснилось, что существуют два типа змеиного яда: кровяной, как у африканской гадюки, и нейролептический (примером может служить яд кобры и мамбы). Современный антидот, который помог спасти множество жизней во время войны, изготавливается из смеси обоих типов ядов, а потому он эффективен против укуса практически любой южноафриканской змеи.

В Порт-Элизабете змеи «выдаиваются», а затем полученный яд отсылают в исследовательский институт Йоханнесбурга. Как мне объяснили, яд у змеи можно брать только раз в две недели, и то лишь в сезон кормления, то есть с ноября по май.

Мне продемонстрировали, как происходит процесс извлечения яда у змеи. Фредди, или кто-нибудь другой, столь же отважный, левой рукой сжимает гадюку или кобру у основания головы, одновременно придавливая ее тело левой подмышкой. Затем он берет правой рукой широкий сосуд наподобие креманки и подносит ее к носу змеи. Змея кусает край сосуда, и яд по капле стекает внутрь. Чтобы получить нужное количество яда, приходится за один сеанс «доить» до пятидесяти особей. После того, как змею освобождают от яда, ее пасть во избежание случайного заражения промывают специальным дезинфицирующим средством.

— Как видите, сбор змеиного яда — медленный процесс, — рассказывал мистер Прингл. — От каждой змеи за месяц можно получить лишь 1/250 унции высушенного антидота. А яд измеряется в граммах. Во время войны, когда потребность в сырье была большая, мне приходилось выезжать в агитационные рейды. Я

брал с собой натренированного туземца и мешок с живыми змеями. Приезжая на какую-нибудь ферму, мы выпускали своих змей и показывали, как надо их ловить. Кроме того, мы втрое против обычного подняли цены на живых змей. Как результат, люди начали сотнями присылать нам гадюк и кобр!

— Интересно, как реагировали железнодорожники и почтовые работники?

— О, это хороший вопрос! — улыбнулся мистер Прингл. — Большая часть посылок поступала к нам по железной дороге, и тамошнее начальство потребовало, чтобы змей отправляли в надежно закрытых ящиках. Вполне естественное требование, на мой взгляд. Однако что взять с темных, неграмотных фермеров! Они продолжали использовать самую разнообразную упаковку — от коробок до старых жестяных бидонов. Ну и, конечно, время от времени случались неприятные инциденты. Как-то раз, помню, кобра за время пути принесла потомство. А я говорил вам, что выводок может содержать от тридцати до восьмидесяти детенышей! Короче, эти мелкие гады умудрились выползти из контейнера и забрались в вагон караульной службы. Задолго до того, как поезд прибыл в Порт-Элизабет, я получил отчаянное послание от начальника станции. Он слезно молил о помощи. Что делать, пришлось мне ехать встречать поезд и вылавливать весь молодняк из вагона. До тех пор, пока я не отрапортовал, что поезд чист, железнодорожные служащие отказывались приближаться к нему!

— Наверное, это было волнующее занятие — вскрывать ваши почтовые отправления?

— Мы занимались этим в специально отведенном помещении. Поскольку никогда заранее не знаешь, что обнаружишь внутри ящика — безобидную ящерицу или голодную мамбу. Прежде всего регистрировали фамилию и адрес отправителя, и только потом уж

брались за самую посылку. Мой помощник с первого взгляда понимал, как надо обращаться с ее содержимым.

Гадюки и кобры оценивались по живому весу, а питоны — по длине в футах. Честная цена за питона составляла от одного до трех шиллингов за фут. За взрослую здоровую мамбу мы обычно платили два фунта десять пенсов. Изъятых змей мы помещали в особую яму. Так продолжалось до тех пор, пока не обнаружилось, что один из чернокожих мальчишек завел себе привычку грабить наш питомник. Представляете, этот чертенок — маленький, босоногий! — забирался по ночам в яму, отлавливал какую-нибудь из змей, а утром преспокойно продавал ее управляющему. Полагаю, за такие подвиги надо бы не наказывать, а выдавать медаль за храбрость! И срочно оформлять на работу в заповедник.

Благодаря мистеру Принглу я узнал много нового о змеях. Так, до своего посещения Змеиного парка я и не подозревал, что у них нет внешних органов слуха. Как выяснилось, змеи не слышат звуков. А, следовательно, все рассказы о заклинателях змей с их дудочками и флейтами — не более чем вымысел. Видят змеи тоже совсем плохо. У них настолько слабое зрение, что они не способны различать неподвижные предметы. Зато змеи снабжены сверхчувствительными языками. Некоторые специалисты утверждают, будто они могут слышать, видеть и ощущать вкус при помощи своих языков. Затем, я был очень удивлен, узнав, что змеи кормятся всего семь месяцев в году — с ноября по май. Остальное время они голодают!

Однако самым поразительным для меня открытием стала чрезвычайная плодовитость змей. Посему мне очень трудно поверить тем южноафриканцам, которые утверждают, будто за всю свою жизнь не видели ни одной змеи! Может, они просто не туда смотрели?

Распростившись с Порт-Элизабетом, я направился в Грейамстаун.

Дорогу, по которой я ехал, никто бы не назвал самой прекрасной дорогой в Южной Африке, но и она представляла несомненный интерес. Очертания холмов, невысокий кустарник, группы туземцев на обочине — все это подсказывало, что впереди меня ждет нечто совершенно новое. Нечто такое, чего я еще не видел. Подобно всем местам, некогда служившим ареной кровопролитной борьбы, эта страна чахлого кустарника и неглубоких мутных рек, таких, как Бушмен-Ривер, до сих пор сохраняла атмосферу опасливой настороженности. Здесь в воздухе по-прежнему витал запах опасности, столь знакомый мне по шотландской Границе.

По пути из Кейптауна в Порт-Элизабет я видел сотни цветных жителей Капа, но нигде прежде мне не приходилось встречать зулусов, басуто и коса — представителей тех грозных племен, что вторглись в Южную Африку как захватчики. Однако эта дорога проходила по стране банту, и люди вокруг определенно изменились. Теперь меня окружали не худые желтоватые лица с заостренными чертами, а более широкие и мягкие темные физиономии с характерным выражением детского простодушия, сдобренного изрядной долей юмора. Туземцы были повсюду: ехали по дороге на легких повозках, запряженных осликами; шли пешком по обочине со своими баулами и гитарами на плече; стояли бесформенной, колышущейся массой на автобусных остановках. Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись эти темнолицые обитатели Южной Африки, будившие мое любопытство и освобождавшие от того смутного чувства неловкости, которое вызывали капские

цветные. Однако сколько я ни оглядывался по сторонам, мне не удавалось разглядеть тех картинок, что обычно печатают в рекламных журналах об Африке. Ну, вы наверняка их видели: точеные фигурки африканских девушек с огромными кувшинами на голове и темнокожие Аполлоны в леопардовых шкурах. Очевидно, они еще ждали впереди. Вся эта дорожная публика была одета в самые невообразимые обноски европейского образца. Я порадовался, увидев на голове у одного из мужчин старый добрый котелок. Надо же! Сколько лет он прослужил на родине: на него садились ненароком, его роняли и пинали ногами. А вот, поди ж ты, старичок добрался до Африки и здесь обрел бессмертие (кстати, еще раньше я обратил внимание, какой любовью эти головные уборы пользуются в сельских районах Ирландии).

Когда мне рассказывали о Грейамстауне, то обещали, что он покажется «чрезвычайно английским». И вот я подъезжал к нему в ослепительном сиянии африканского полудня и видел маленький строгий городок — впрочем, не такой уж и маленький — с опущенными шторами на окнах. Мрачноватого вида собор стоял посреди широкой центральной улицы, вдоль которой выстроились элегантные здания банков, офисов и двухэтажных магазинов. Судя по витринам, в этих магазинах можно было купить все, что угодно — от учебника химии до американского холодильника. Все выглядело очень мило, однако не могу сказать, чтобы город показался мне «английским». Скорее уж он напомнил Шотландию. Если бы на улице шел дождь, можно было бы подумать, что я попал в Сент-Эндрюс.

В гостинице юный чернокожий носильщик в белых парусиновых брюках проворно подхватил мой багаж, который помимо нескольких объемистых саквояжей включал в себя и легкую картонную коробку с чучелом африканской гадюки. Сувенир этот я приобрел в Порт-

Элизабете и вез его домой в подарок ребенку. Итак, парнишка весь обвешался сумками, пакетами и коробками — так, что едва мог сдвинуться с места. Мода эта пошла от парижских портье, и похоже, с тех пор для всех носильщиков стало делом чести нагружаться сверх всякой меры — до тех пор, пока их самих уже не станет видно за кучей багажа, — но обязательно перенести все в один заход! Мой чернокожий носильщик тоже не желал ударить в грязь лицом: он умудрился поднять и разместить на себе все мое имущество. Поверх примостилась коробка с чучелом гадюки — парнишка вынужден был при ходьбе придерживать крышку подбородком.

Поднявшись наверх, он стал осторожно освобождаться от поклажи. Первым делом он, естественно, сгрузил на столик коробку. Крышка при этом сдвинулась, и нашим взглядам предстала огромная свернувшаяся кольцами гадюка. На мгновение мальчишка остолбенел, затем попросту разжал руки и, уронив весь оставшийся багаж на пол, с жутким воплем бросился вниз по лестнице. Мне стало неловко, что я так напугал человека, и я вышел объяснить с ним. Огляделся, но нигде поблизости не обнаружил мальчишки. Затем я увидел его искаженное ужасом лицо — оно маячило на лестничной площадке этажом ниже. Глаза его казались двумя белыми блюдцами, посередине которых плавали черные шарики.

— Неживая! — попробовал я его успокоить. — Мертвая змея!

— Нет, *баас*, нет! — проревел он. — Очень плохая змея!

Парнишку била крупная дрожь, он мотал головой и одновременно пытался улыбаться. Я сходил в номер и вынес злосчастную змею — дабы доказать ему, что это всего-навсего чучело. Похоже, это оказалось неудачным решением. Ибо мальчишка одним отчаянным прыжком

преодолея лестничный пролет и скрылся из виду. Больше я его не видел.

Я засунул гадюку обратно в коробку и поставил ту от греха подальше на шкаф. Мне подумалось: если весь гостиничный персонал будет подобным образом реагировать на безобидное чучело, мое пребывание в Грейамстауне вряд ли окажется комфортным.

После этого я отправился на прогулку по городу. Грейамстаун совершенно очаровал меня тем ощущением покоя и достоинства, которое он излучал. Он имел наружность маленького, но солидного британского городка начала девятнадцатого века. И хотя в Союзе он известен как «город переселенцев», на самом деле Грейамстаун несколько старше. Он возник за восемь лет до того, как переселенцы 1820 года прибыли в Южную Африку. Своим основанием он обязан полковнику Джону Грэму, который возвел здесь казарму для взвода драгун и тем самым заложил базу для строительства оборонительного поста. Надо отдать должное английским переселенцам: они немало сделали для превращения крохотной пограничной деревушки в нормальный южноафриканский городок. Вся долина и окрестные холмы политы их потом и кровью. Ибо англичане сражались здесь плечом к плечу с британскими солдатами и со своими бурскими соседями, отражая многочисленные набеги племен банту. Если трудно было представить Порт-Элизабет в виде пустынной полоски дикого пляжа, то еще сложнее оказалось поверить, что всего каких-нибудь пятьдесят лет назад тихий и уютный Грейамстаун служил ареной пограничных боев.

Сегодня Грейамстаун является одним из крупнейших образовательных центров во всем Союзе. В Университете Родса учится около тысячи студентов. Колледж Святого Андрея — это южноафриканский Итон (или Харроу, если хотите). Пару ему составляет

кейптаунский «Бишопс», который можно считать Харроу (ну или соответственно Итоном). Помимо этого, есть еще и колледж Святого Эйдена, учрежденный святыми отцами из «Общества Иисуса».

Временами кажется, будто весь Грейамстаун состоит из образовательных учреждений. Начальные и средние школы, всяческие подготовительные курсы, колледжи, монастыри, епископальные школы, профессиональный колледж, основанный англиканской сестринской общиной Общества Возрождения, колледж Святого Павла (единственный в Южной Африке англиканский богословский колледж) — вот неполный перечень грейамстаунских учебных заведений. Да, чуть не забыл: имеется также художественное училище и технический институт!

В кабинете директора колледжа Святого Эйдена мне показали любопытный документ. Это была телеграмма, отправленная отцом одного из учеников. Дело происходило буквально накануне Второй англо-бурской войны, и писал человек, намеревавшийся воевать в бурской армии. Вот содержание депеши, отправленной 29 сентября 1899 года из Потчеструма:

«Завтра отбываю на фронт. Телеграфом перевел на Ваше имя двадцать фунтов в качестве квартальной платы за обучение сына. Не позволяйте ему бросить учебу без моего специального разрешения. Дальнейшую оплату гарантирую. С наилучшими пожеланиями».

— И что случилось с мальчиком?

— Да ничего. На протяжении всей военной кампании он благополучно проучился в школе. По окончании войны отец, как и обещал, погасил задолженность по школьным платежам! Между прочим, мальчик впоследствии занял высокий пост в Вооруженных силах Союза.

Наверное, Южная Африка единственная страна в мире, где вы можете спокойно отправить своего сына

учиться к врагам, причем в кредит!

7

В одном из грейамстаунских магазинчиков мне удалось приобрести подходящую упаковку для злополучного чучела и наконец-то вздохнуть спокойно. Облегчив таким образом свою совесть, я решил заняться осмотром местных достопримечательностей.

Начал я с собора Святых Михаила и Георгия. Если вы поклонник английской архитектуры, вам непременно следует посетить этот храм. Обещаю, что визит этот вас порадует, ибо собор построил сэра Гилберт Скотт. Да-да, тот самый Скотт, который является автором станции Сент-Панкрас и Мемориала принца Альберта. Кроме того, одному Богу известно, сколько он возвел церквей, пасторатов, особняков и монументов по всей Великобритании. Здешний собор представляет собой типичную готическую церковь, какую можно увидеть в любом крупном приходе Англии. В его звоннице висят восемь отлитых в Лондоне колоколов. Венчает здание изящный тонкий шпиль.

Внутри церкви сумрачно и прохладно. Колонны нефа сделаны из черного бельгийского мрамора. К сожалению, они все испещрены мелкими царапинами — это результат некачественной полировки маслом, предпринятой вскоре после установки колонн. Здешний аналог является уменьшенной копией того, что Гилберт Скотт реконструировал для Дарэмского собора (вы, наверное, помните изображение пеликана, который кормит своего детеныша). Кафедра проповедника изготовлена в Личфилде и украшена резьбой, изображающей явление Иисуса Христа ученикам. Интересно, что лицам четырех учеников придано

портретное сходство с четырьмя первыми епископами Грейамстауна.

На этом месте прежде стояла простая деревянная церковь, которую построили еще переселенцы 1820 года. Так вот, строители собора сохранили фрагмент старой деревянной галереи и включили его в южный придел храма. По словам церковного служителя, давно уже ведутся разговоры о том, чтобы убрать это чужеродное вкрапление. И хотя деревянные детали действительно смотрятся несколько странно в неоготическом соборе Гилберта Скотта, тем не менее было бы жаль утратить сей памятник георгианской эпохи. Ведь, как ни крути, а это кусочек самой первой английской церкви в Южной Африке.

Любопытно, что церковь эту построили феноменально быстро, и благодарить за это следует лорда Чарльза Сомерсета. В 1821 году, находясь в отпуске в Англии, он воспользовался случаем, чтобы сблизиться с местным Евангелическим обществом и убедить его руководителей пожертвовать деньги на строительство церкви в Грейамстауне. По словам самого сэра Чарльза, первоначально ему «удалось выжать из них пятьсот фунтов». С этой суммой (и в надежде на грядущие денежные поступления) переселенцы начали строительство храма. Произошло это в 1824 году, а в 1830-м церковь была готова. И, как выяснилось, очень вовремя, поскольку в 1834 году кафры опять нарушили границу. Разразилась новая кровопролитная война, во время которой здание церкви использовалось как убежище для женщин и детей, а также в качестве удобного хранилища для боеприпасов.

И сегодня сохранившийся фрагмент старой галереи служит бесценным напоминанием о тех суровых временах, когда английским переселенцам пришлось проходить крещение кровью. Мы можем представить себе женщин той поры в старомодных платьях с

завышенной талией, в шалях и шляпках с полями козырьком. Как они стоят в нефе церкви, прижимая к себе перепуганных детей, и прислушиваются к далекой канонаде. Возле главного престола сидит интендант крепости, он что-то пишет в своем дневнике. Тут же сложены боеприпасы, и церковнослужитель выдает мужчинам мушкеты и штыки. Именно такую картину застал преподобный Дж. Хэвисайд в 1834 году, когда заглянул на Рождество в Грейамстаун. Эта старая деревянная галерея когда-то была свидетельницей единения британцев с бурами. В ту суровую годину все европейцы стояли бок о бок и, позабыв о национальных различиях, оборонялись от общего врага.

Большое впечатление на меня произвел и католический собор Святого Патрика. Он был построен силами солдат-католиков из гарнизона, в 40-х годах размещенного в Грейамстауне. Насколько можно судить по названию храма, среди солдат оказалось немало ирландцев.

Если дойти до конца главной улицы, то можно увидеть старинные белые ворота, выполненные в виде арки. С обеих сторон от них стоят караульные будки, в центре под сводом висит фонарь. Ожидаешь увидеть за этими воротами нечто вроде солдатских казарм, а вместо этого оказываешься перед Университетом Родса. Мне рассказывали, будто ворота являлись частью комплекса зданий, возведенного здесь южноафриканским героем Питером Ретифом. К сожалению, до наших дней дожила лишь эта белая арка.

Остаток дня я потратил на неспешную прогулку по залитым солнцем улицам Грейамстауна. Я разглядывал торговые пассажи и думал, как хорошо было бы поселиться в таком месте после выхода на пенсию. Грейамстаун в равной степени предоставляет возможность либо впасть в безнадежную лень, либо, напротив, развить активную деятельность. Оказавшись

рядом с ратушей, я зашел внутрь и был вознагражден зрелищем мифического животного под названием капский тигр (естественно, не живьем, а всего лишь в виде изображения на спинке кресла мэра). Все, кому доводилось читать записки первых путешественников по Южной Африке, конечно же, обращали внимание на многочисленные упоминания об этом животном. На самом деле тигры никогда не водились в Южной Африке, и речь, скорее всего, идет о леопардах. Я знал, что капский тигр — не более чем шутка, и тем не менее вот он передо мной! Настоящий бенгальский тигр красуется на кресле мэра, поддерживая герб города.

К вечеру улицы заполнились толпами молодых людей и девушек. Юноши в большинстве своем были без шляп и во фланелевых костюмах. Они неспешно прогуливались с книжками под мышкой и вели ученые беседы. Своим внешним видом и раскованными манерами они напомнили мне оксфордских или кембриджских студентов. Девушки — очаровательные в своих легких платьях, с теннисными ракетками — смахивали на ярких бабочек, выпущенных на волю. Старый город, казалось, с интересом взирал на этих новых южноафриканцев — красивых, здоровых и умных мальчиков и девочек. До моих ушей долетали обрывки разговоров: речь шла в основном об экзаменах и контрольных. Оно и понятно — приближался конец семестра. Ребята говорили по-английски, но время от времени кто-нибудь сбивался на африкаанс.

С трудом верилось, что еще сто тринадцать лет назад — по нашим английским меркам не такой уж большой срок, даже в масштабах одного семейства, — так вот, сто тринадцать лет назад ничего этого не было. На месте прелестного городка — с его соборами и музеем, с его библиотеками и университетскими корпусами, с его плавательными бассейнами и теннисными кортами, с его поколением молодых,

уверенных в себе людей — стоял маленький пограничный форт, осаждаемый толпами кровожадных дикарей. Прошло немногим больше столетия, и потомки тех дикарей чистят наши ботинки, подносят вам багаж и опорожняют мусорные корзины.

Нет, что ни говори, а Южная Африка — удивительная страна!

8

После обеда хозяин дома пригласил меня посидеть в библиотеке. Мы беседовали о всяких пустяках, но я видел, что на губах у него вертится какой-то вопрос. Наконец он не выдержал и спросил:

— Что вы думаете по поводу наших национальных проблем?

— Боюсь, что смогу ответить на ваш вопрос, лишь когда проживу в Южной Африке с десятков лет.

— Угу, — хмыкнул он разочарованно. — Ну что ж, очень разумный подход.

Теперь настала моя очередь.

— А что *вы* думаете по этому поводу?

Казалось, мой собеседник только и ждал случая высказаться.

— Я полагаю, что чернокожим навязали не вполне честную сделку, — заговорил он с жаром. — Видите ли, я отношусь к тем людям, кто верит в черное население и считает, что ему надо дать шанс! А сейчас что мы видим? В теории любой чернокожий имеет право получить образование, но на практике у него очень мало возможностей. И даже если он получит приличную профессию, что он будет с ней делать? Где работать? Одного образования мало, мы должны поднять уровень жизни чернокожих в целом. Прежде всего обеспечить им

достойные заработки и, возможно, даже избирательное право. Когда-нибудь в будущем...

Он доказывал мне, что нынешняя позиция европейцев диктуется страхом перед черным населением. А здесь нечего бояться! Он по крайней мере страха не испытывает. Черному человеку надо помочь, как мы помогаем больным. Поддержать его, пока он твердо не встанет на ноги.

Мы долго беседовали, и под конец я спросил:

— А какой, по-вашему, станет Южная Африка через сотню лет?

— Думаю, через сто лет здесь будут жить люди с кожей кофейного цвета, примерно, как у португальцев, — ответил он. — Мне кажется, это неизбежно. И прежде всего по экономическим причинам. Собственно, данный процесс уже начался. Не далее как вчера я был в Кейптауне и повстречал одного молодого европейца. Он работает водителем автобуса в крупной компании. Парень рассказал мне, что недавно женился. Я поинтересовался: «Она англичанка?» «Нет, — ответил он, — цветная». «Но почему вы женились на цветной девушке?» — удивился я. И вот что он мне сказал: «Видите ли, с моей зарплатой я не могу содержать белую жену. Ведь ей первым делом понадобился бы слуга, который выполнял бы за нее всю грязную работу. А моя жена ничего подобного не ожидает. Скорее всего, она не захотела бы заводить слуг, даже если бы могла себе это позволить. Она привыкла самостоятельно содержать дом. И вы бы посмотрели на наш дом — картинка, да и только!»

— Вот так все и происходит, — заключил мой собеседник. — При таких делах в результатах сомневаться не приходится!

— Но вам это не нравится, ведь правда?

— Конечно, не нравится, — с горечью признался он. — Скажу честно: мне ненавистна эта идея! Но что

толку? Я привык смотреть правде в глаза.

Я почувствовал необходимость поговорить о чем-нибудь более приятном.

— А почему Грейамстаун называют городом святых? — спросил я.

— Некоторые считают: из-за большого количества церквей. Но я слышал и другое объяснение. Рассказывают, будто в 1846 году сюда прибыли Королевские инженеры, и им для работы понадобились кое-какие инструменты, в частности тиски. Ну, они, как полагается, отправили запрос в Кейптаун с просьбой срочно прислать с артиллерийского склада тиски. На что получили ответ: «Приобретайте тиски на месте». Инженеры телеграфировали: «В Грейамстауне тисков нет». Понимаете? Нет тисков! Ну чисто святая обитель!

Я возвращался в гостиницу в подавленном настроении. Мыслями я постоянно возвращался к началу нашего разговора. Впервые за все время пребывания в Южной Африке мне довелось столкнуться с подобной точкой зрения.

9

Если вас влечет романтика кафрского Фронтيرا, отправляйтесь к Сигнальному холму. Поднимитесь на его вершину и окиньте взором бескрайний буш, что раскинулся до самого горизонта. Стоя здесь, нетрудно себе представить, как один за другим зажигаются костры на окрестных холмах — это по цепочке передается сообщение о ночной тревоге. На дальних бродах через Фиш-Ривер появляются сигнальные огни. Они приближаются, становятся ярче, предупреждая об опасности одиноких фермеров и два маленьких гарнизона, расквартированных в форте и блокгаузе...

Вдалеке виднеется еще один холм под названием Гавнерс-Коп. На его вершине установлена каланча — массивная каменная башня в два этажа. В ней всего две комнаты, одна над другой. Вход в башню приподнят, к нему ведут каменные ступени, а окна — узкие и высокие — напоминают бойницы средневекового замка. Каланча эта играла важную роль в жизни Грейамстауна: именно отсюда сигнал тревоги поступал на Сигнальный холм, а затем уже доходил до горожан.

Боюсь, нам, европейцам, не понять, что означала (и означает поныне!) граница — тот самый пресловутый фронт — для белых южноафриканцев. Приехав в Южную Африку, европейские колонисты оказались в особо сложных условиях: им довелось столкнуться не только с самым опасным, но и с самым многочисленным в мире противником. Небольшая горстка бурских и английских фермеров плечом к плечу с немногочисленными британскими войсками умудрялась на протяжении ста лет сдерживать черную приливную волну, которая грозила докатиться до самого Кейптауна и поглотить город.

Стоя на Сигнальном холме, я наметил сам для себя: обязательно разыщу кого-нибудь из стариков, кому за восемьдесят (а в Южной Африке в избытке подобных людей), и расспрошу о тех далеких временах. В детстве они наверняка слышали какие-нибудь пограничные истории от своих родителей, непосредственных участников тех событий. Мое желание исполнилось тем же вечером. Правда, источником сведений стал не древний старец, а очаровательная дама — хозяйка дома, куда меня пригласили на обед. Она была дочерью миссионера и достаточно долго прожила по соседству с чернокожими племенами.

— В то время мне было совсем мало лет, — рассказывала дама, — но я хорошо запомнила боевые

барабаны кафров. Как они били по ночам... Передать вам ананасы?

— Лучше расскажите о барабанах, — попросил я.

— Может, еще сахару? Ну да, барабаны! Помню, как я дрожала от страха в своей постели, а они все били и били, ночь напролет. Знаете, такой глухой ритмичный звук... Его не описать словами, но каждый, кто хоть однажды его услышал, не забудет до конца жизни.

Тут в комнату вошел чернокожий слуга — этаким огромным черным воин — и поставил на стол серебряный поднос с кофейными чашечками. Женщина что-то произнесла на местном наречии, и слуга в знак благодарности склонил голову — наверное, ему было приятно, что хозяйка говорит с ним на его родном языке.

— Просто неопиcуемый звук! — продолжала дама. — Похожий вот на этот!

И она принялась отстукивать ритм по столу.

Тем временем чернокожий воин снова появился и с почтением поставил перед хозяйкой серебряную шкатулку с сигаретами.

10

Музей Олбани служил тем же целям, что Дростди в Свеллендаме. Он призван отражать историю данного района. А посему, слава богу, был избавлен от присутствия древних бивней и мумий, не имевших прямого отношения к заявленной теме. Вместо того экспозиция музея включала множество фотографий и предметов, иллюстрирующих жизнь Олбани в девятнадцатом столетии. Кроме того, посетитель выставки мог ознакомиться с разнообразными письмами, дневниками и прокламациями того времени.

В частности, я увидел послание, написанное рукой Пита Ретифа — того самого бура, чья печальная судьба

потрясла всю Южную Африку. Можно без преувеличения сказать, что смерть Ретифа стала самым драматическим событием южноафриканской истории. Письмо, о котором я говорю, датировано 10 сентября 1835 года и адресовано гражданскому комиссару: Пит Ретиф рассказывает о бедственном положении своего *лагеря* и просит прислать боеприпасы для ведения войны с кафрами.

Не менее интересным документом является письмо преподобного Ф. Оуэна — миссионера, ставшего невольным свидетелем гибели Пита Ретифа и его товарищей. Письмо это, адресованное Д. Коутсу, руководителю Лондонского отделения Миссионерского общества, позже было опубликовано Обществом Ван Рибекса вместе с дневником Оуэна. «Шестого февраля, — пишет миссионер, — прямо на глазах у нас разыгралась ужасная сцена, которая никогда не изгладится из моей памяти... Я имею в виду зверское убийство шестидесяти голландских фермеров и последующее нападение на голландский лагерь, случившееся на рассвете и обернувшееся гибелью еще двухсот пятидесяти человек».

«Дневник» Оуэна (фактически это собрание донесений, которые тот на протяжении нескольких лет отправлял в Лондон) в настоящее время хранится в Кейптаунском архиве и является одним из его величайших сокровищ. Как он вернулся в Южную Африку — это отдельная история, с сэром Джорджем Гори в главной роли. Человек этот всю жизнь посвятил изучению прошлого своей страны. В 1922 году, будучи проездом в Лондоне, Гори отправился в Миссионерское общество посмотреть, не сохранилось ли там случайно каких-либо интересных документов. После долгих и безуспешных поисков ему наконец-то повезло: в одном из пыльных шкафов Гори обнаружил собрание писем Оуэна, которые провалялись там — всеми забытые —

свыше восьмидесяти лет. «Пожирая глазами бесценный документ» (это собственное выражение Гори), он принялся уговаривать чиновников уступить ему письма. Сэр Джордж доказывал, что «Дневник» представляет величайший интерес для народа Южной Африки, гораздо больший, чем для англичан. Неутомимый историк приходил несколько дней подряд, и в конце концов ему удалось завладеть письмами!

В музее содержится еще один интересный документ, который доказывает, что первая белая женщина, умершая в Трансваале, была американкой. Звали ее миссис Джейн Уилсон, и она являлась женой американского миссионера Алекса Э. Уилсона. Бедняжка умерла от лихорадки в сентябре 1836 года в поселке Мосега, который ныне относится к области Марико. В 1834 году Уилсон выехал из Бостона в составе миссии, которой после ряда приключений пришлось разделиться. Уилсон вместе с тремя товарищами отправился в страну матабеле, где в то время правил небезызвестный Мзиликази. Вождь разрешил американским миссионерам поселиться на своих землях, однако позже передумал и стал их преследовать. Когда Джейн Уилсон умерла, муж похоронил ее под маленьким камнем, на котором вырезал следующие строки:

«Ты призвал ее душу к себе на Небеса в самом начале жизненного пути. Бренные останки Джейн будут покоиться под этим камнем до самого Твоего пришествия, а тогда она восстанет, дабы свидетельствовать перед Тобой о благих намерениях своего мужа и его сподвижников — тех, кто помогал ему распространять Твою Благую Весть среди туземцев Африки».

Надгробие было утеряно и обнаружилось лишь в 1912 году во время земляных работ, проводившихся на этом участке. Камень попал в руки английского фермера, страстного любителя старины, который и

передал его в музей Претории. В Грейамстаунском музее хранится лишь гипсовый слепок с надгробия.

Таким образом, мы видим, что еще в 1836 году область Марико (которая сегодня лежит на оживленной линии сообщения Йоханнесбург — Кимберли) считалась страшной глушью. Это было местечко ничуть не лучше, чем дебри Конго! Рядом с тем местом, где было найдено надгробие, Клуб Марты Вашингтон из Йоханнесбурга поставил скромный памятник — «Первой белой женщине, окончившей свои дни в Трансваале».

Приятным сюрпризом для меня оказались работы Томаса Бейнса, обнаруженные в экспозиции Музея Олбани. Мне кажется, что творчество этого замечательного мастера еще по достоинству не оценено в Южной Африке. Я заметил, что его живая и яркая манера исполнения у многих вызывает пренебрежительную улыбку. И совершенно напрасно! У меня нет сомнений, что когда-нибудь его картины — а, благодарение Богу, их сохранилось великое множество — займут место в лучших галереях мира. Бейнс был непревзойденным художником-анималистом, отдававшим много времени наблюдению за животными. И хотя ему зачастую приходилось работать в некомфортных условиях — прямо на местности, к тому же с третьесортными красками, он добился потрясающих успехов в изображении природы и животного мира Южной Африки. Одна из его картин посвящена высадке переселенцев 1820 года на капские берега: люди в утлых лодчонках мужественно преодолевают высокие волны на своем пути к новой жизни. На мой взгляд, эта работа очень точно передает дух того героического времени. На другой картине изображен вагон Дэвида Хьюма в тот миг, когда он прибыл на Грейамстаунский рынок с грузом шкур и слоновой кости. Между прочим, в картинной галерее Грейамстауна имеются еще две работы Томаса Бейнса.

Одна называется «Церковная площадь, Грейамстаун, 1850 г.»; а вторая, нуждающаяся в срочной реставрации, изображает малайскую лодку в Столовой бухте.

Бейнс был из тех людей, кого называют «не от мира сего». Маленький мужественный человечек — вечно нуждающийся в деньгах, но не теряющий веры в успех. Он брался за любую работу: рисовал всех и вся, лишь бы заработать несколько лишних шиллингов. Бейнс был сыном шкипера из Кингс-Линна в Норфолке. На Кап он прибыл в 1842 году совсем еще молодым человеком, в возрасте двадцати двух лет. Он был талантливым самоучкой с непреходящей страстью к рисованию. Во время «кафрских» войн он работал штатным художником в Британской армии. После этого Бейнс уплыл в Австралию, где его работы удостоились особой благодарности правительства. В 1858 году Бейнс возвратился в Южную Африку и в качестве рисовальщика отправился с экспедицией Ливингстона в долину Замбези.

К сожалению, отношения с шотландским путешественником (а в особенности с его братом Чарльзом Ливингстоном) у него не сложились. Бейнса изводили мелочными придирками, и в конце концов он покинул экспедицию, чтобы присоединиться к Чапмену, который тоже в тот момент направлялся к водопаду Виктория. В ходе этого путешествия Бейнс написал много великолепных видов водопада (некоторые из них хранятся в Кейптаунской публичной библиотеке), которые произвели настоящую сенсацию в Хрустальном дворце. Лучшие из его работ отвезли в Виндзор для представления королевской чете.

Увы, вся эта шумиха вокруг картин Бейнса никак не сказалась ни на карьере художника, ни на его банковском счете. Томас Бейнс снова вернулся в Южную Африку — немолодой уже человек, по-прежнему бедный и по-прежнему преисполненный оптимизма! Он не

оставлял занятий живописью. Но на сей раз Бейнс твердо решил разбогатеть! Он нанялся в экспедицию по изучению золотоносных районов «Тати» (современный Бечуаналенд). В ходе этого путешествия он собрал материалы для книги «Золотоносные районы Юго-Западной Африки» — на мой взгляд, лучшей книги того времени об Южной Африке. К сожалению, Бейнс был хроническим неудачником! Он вернулся из длительной (и дорогостоящей) экспедиции в самом радужном настроении и обнаружил: дела у пославшей его компании идут так скверно, что она даже не в состоянии оплатить его расходы. Чтобы хоть как-то спасти положение, Бейнс снова взялся за свои кисти и краски. Его работоспособность просто поражает. Находясь на землях кафров, он создал огромное количество полотен — никто даже не удосужился их сосчитать! Его картины висят в десятках различных музеев и картинных галерей. Однако мечта о золоте не покидала Бейнса — о, эта извечная южноафриканская мечта! — и он снова собрался в экспедицию на далекий север. На сей раз он решил не связываться ни с какими компаниями, ушел практически в одиночку и взял с собой чудо-машинку для дробления кварца. Ему не может не повезти! Уж теперь-то он поймает удачу за хвост! Бейнс закупил в Порт-Элизабете оборудование, нанял вагоны и прямо накануне своего великого путешествия... умер от дизентерии. Смерть настигла его в Дурбане, в возрасте пятидесяти пяти лет.

Дэвид Хьюм, запечатленный на полотне Бейнса, — еще один исследователь Африки, чья деятельность так и не получила должного признания. Он был одним из участников южноафриканской эпопеи Бенджамина Муди. В 1817 году он прибыл на Кап в числе прочих эмигрантов. На тот момент Хьюму было двадцать с небольшим лет, и в нем бурлила чисто шотландская отвага. Занятиям земледелием он предпочел

рискованные путешествия в неизведанные области Южной Африки. И направился он не в сторону Фиш-Ривер, а на север — в район, где сейчас располагаются Свободное Государство и Трансвааль.

Хьюм в числе первых охотников забрел на земли матабеле (возможно, он стал *самым* первым белым человеком, рискнувшим вести дела с Мзиликази). В 1829 году, когда Хьюм сопровождал преподобного Дж. Арчбелла к вождю матабеле, состоялась его встреча с доктором Моффатом. Тот тоже путешествовал в обществе двоих торговцев — африканера Скуна и некоего мистера Маклаки, очевидно, из свеллендамских шотландцев. Похоже, в то время северные провинции — дикие, неисследованные земли — манили к себе различных искателей приключений. Среди них попадались и торговцы, и золотоискатели, и охотники за слоновьими бивнями, и странствующие миссионеры.

В 1830 году в ходе своего знаменитого путешествия к истокам Лимпопо Хьюм забрался далеко на север. Он стал первым белым человеком, побывавшим на реке Маклутси. На обратном пути он сделал остановку на месте будущей столицы, Претории. Отсюда Хьюм направился сначала в Мосегу, а затем в Куруман, где основал факторию. Это путешествие стало одним из самых масштабных исследований центральной части Южной Африки. Никто до Хьюма не обследовал северные берега Лимпопо. Да и впоследствии белые люди долго туда не захаживали. Лишь четырнадцать или пятнадцать лет спустя там появились Гордон-Каммингс и другие торговцы.

В свое время Дэвид Хьюм был очень известной личностью. Его имя неоднократно поминается на страницах книги «Записки о матабеле Роберта Моффата». Читатели, наверное, помнят романтическую историю появления на свет этой книги — в 1941 году она неожиданно обнаружилась в старом сундуке на одной из

капских ферм! Хьюм был первым белым человеком, в 1833 году появившимся на территории Бамангвато (нынешнего протектората Бечуаналенд). Наверное, поэтому невозможно без восхищения смотреть на картину Бейнса, где Хьюм изображен рядом со своим видавшим виды вагоном, доверху нагруженным слоновой костью, шкурами птиц и зверей. Мы отдаем должное не только Дэвиду Хьюму, но и всем отважным охотникам и первопроходцам, которые проложили путь в центральные области континента.

Мне показали старый дом в Грейамстауне, где девяносто лет назад проживал епископ Рикарде. Дом и сам по себе является музейной редкостью. Особое впечатление на меня произвела библиотека — комната, от пола до потолка уставленная книжными полками с уникальными изданиями восемнадцатого и девятнадцатого веков. Здесь все осталось как при жизни епископа. Кажется, будто дух его по-прежнему витает в этих стенах. Во всяком случае я не рискнул усесться в старое кресло с подлокотниками — из опасения, что хозяин появится и выставит меня вон.

Мне также продемонстрировали оправленный в рамку фрагмент оконного стекла, на котором епископ нацарапал собственные инициалы и сопроводил их следующей надписью: «Инициалы преподобного Джеймса Дэвида Рикардса. Вырезаны при помощи первого алмаза, найденного на территории Южной Африки. 1867 г.».

Речь идет о том самом камне, который породил и Кимберли, и Большую Дыру, и многие драматические перипетии алмазной лихорадки. Он был найден на берегах Оранжевой реки в районе Хоуптауна. Местный фермер по имени ван Никерк находился в гостях у своих соседей, когда заметил, что хозяйский ребенок играет с каким-то любопытным камешком. Ван Никерк попросил мать ребенка продать ему камень, на что женщина

ответила: «Господь с вами! Это же просто галька, она ничего не стоит. Забирайте задаром, коли она вам так уж понравилась». От ван Никерка камень перешел к торговцу Джону О'Рэйли, который решил подвергнуть его экспертизе. В то время самым авторитетным специалистом в области геологии считался доктор Атерстоун из Грейамстауна, так что О'Рэйли к нему и отправился. Доктор исследовал камень и объявил, что это алмаз; в Грейамстауне епископ нацарапал свои инициалы на стекле; и, таким образом, была подготовлена почва для рождения новой Южной Африки. Оставим епископа развлекаться с оконным стеклом, а сами окинем взглядом мир, где на тот момент уже жили два человека — два болезненных инвалида, — которым в будущем предстояло сыграть важную роль в истории Капа. Один из них был 14 — летним сыном протестантского священника — мечтательного вида пареньком, учившемся в Бишопс-Стортфорд-колледже. Вы, наверное, уже догадались, что речь идет о Сесиле Родсе. Второй же — 42-летний мужчина по имени Пауль Крюгер — совсем недавно сломал левую ногу, когда его повозка перевернулась, угодив колесом в высохшую канаву.

В «Грейамстаун джорнэл» я прочитал любопытную историю, которая может служить, так сказать, приложением к рассказу о южноафриканских алмазах. Когда в Лондоне прослышали о находке ван Никерка, некий предприимчивый джентльмен по имени Гарри Эмануэль командировал в Южную Африку собственного геолога. Мистеру Грегори предписывалось разведать тамошние земли на предмет возможного содержания алмазов. Грегори провел исследование и пришел к замечательному выводу: «Алмазов на Капе нет и быть не может!» В отношении уже найденных камней он объявил, что, скорее всего, их случайно уронили

страусы. Либо же, как вариант, специально подбросили, чтобы повысить цену на землю!

Доктор Атерстоун не согласился с приезжим экспертом, на страницах «Грейамстаун джорнэл» завязалась оживленная дискуссия. Однако все научные споры стихли, когда на сцене появился уже знакомый нам мистер ван Никерк и предъявил собственный весомый довод. Кстати сказать, за этот самый довод он выложил пастушку-мулату не много не мало пять сотен овец, двух быков и лошадь. Это была знаменитая «Звезда Южной Африки»!

Ну а дальше события начали развиваться с пугающей быстротой. Любопытно, что сказал мистер Эмануэль своему геологу, когда тот вернулся на Бонд-стрит. Это, к сожалению, нигде не зафиксировано. Зато известно, что имя «Грегори» с тех пор стало в Южной Африке синонимом слова «небылицы».

11

Исследуя южные окрестности Грейамстауна, я натолкнулся на деревушку под названием Батерст. Вот уж куда надо приехать всякому, кто желал бы найти английскую деревню в Южной Африке! Здесь проживают много потомков переселенцев 1820 года, и на церковном кладбище полным-полно старых добрых английских имен. Там я увидел могилу восьмидесятилетнего Криса Делла, который охранял ворота Батерста и выращивал ананасы. Этот человек никогда не был в Англии и навряд ли считал ее своим «домом». Скорее всего, у них в семье даже не вспоминали об Англии. От Батерста дорога сворачивает на восток и уходит к Порт-Альфреду. Могу засвидетельствовать, что в тихую, безветренную погоду

это один из самых очаровательных городков на всем побережье.

Ездил я и на север от Грейамстауна. Во время войны с кафрами здесь проходила линия фронта, и тянулась она на многие мили. Следуя вдоль этой невидимой линии, я приехал в город с названием Форт-Бофорт. Здесь я увидел пункт для вербовки местных мужчин на золотые прииски. Однако не это показалось мне самым интересным в Форт-Бофорте. Городок запомнился благодаря фантастической любовной истории, которую я здесь услышал.

История эта приключилась в сороковых годах девятнадцатого века. В одной английской рыбацкой деревушке жила девушка по имени Энн (фамилии ее никто, к сожалению, не запомнил). Так вот, у девушки был возлюбленный Джон Марвел, который куда-то пропал. Бедняжка Энн вбила себе в голову, что он уплыл в дальние края, и решила его разыскать. С этой целью она переделалась в мужскую одежду и нанялась стюардом на корабль «Аберкромби Робинсон». В 1842 году судно перевозило солдат 91-го полка на Кап и потерпело кораблекрушение в Столовой бухте. К счастью, обошлось без человеческих жертв, однако Энн получила травму и была доставлена в местный госпиталь. Здесь-то ее тайна и вскрылась.

Одна из офицерских жен (возможно, это была жена подполковника Линдси) прониклась сочувствием к несчастной девушке и взяла ее няней к своим детям. Вскоре полк перевели в Форт-Бофорт, и Энн отправилась туда вместе с хозяевами. К тому времени она успела поведать миссис Линдси о своих долгих и безуспешных поисках возлюбленного. И вот однажды Энн вернулась очень расстроенной после прогулки с детьми. Она рассказала, будто видела своего милого на посту возле казарм батальона!

Чтобы успокоить девушку, мисси Линдси раздобыла список солдат, стоявших в тот день на посту. Но Джона Марвела среди них не значилось. Однако Энн продолжала настаивать: она видела Джона среди караульных, и точка. В конце концов один из солдат сознался, что он завербовался в армию под вымышленным именем, а на самом деле его зовут Джон Марвел. Каково же было удивление парня, когда ему предъявили бывшую возлюбленную! Любовь их вспыхнула с новой силой. Казалось бы, можно только радоваться счастливому завершению истории... Однако молодым людям так и не суждено было воссоединиться. Незадолго до назначенной свадьбы Джон Марвел возвращался из Грейамстауна и, переправляясь через Конап-Ривер, утонул. Энн около года носила по нему траур, а затем вышла замуж за старшину 7-го драгунского полка по фамилии Моффат. У них было двое детей. Энн умерла примерно в 1851 году и была похоронена в местечке Педди, стоявшем на полпути из Грейамстауна в Ист-Лондон.

Эта удивительная история изложена в старой рукописи, обнаруженной в 1936 году в Канаде. Рукопись приобрел мистер Э. Гордон-Браун, который затем предоставил ее Обществу ван Рибека для опубликования. История вошла в книгу «Рассказ рядового Бака Адамса». Наверное, правильнее было бы говорить о «кавалеристе Адамсе», ибо, насколько мне известно, Адамс служил в драгунской гвардии. Но, так или иначе, книга представляет собой волнующий документ, позволяющий увидеть приграничную жизнь глазами рядового воина. Выйдя в отставку, Адамс уехал в Тоттенхэм и открыл там кондитерскую лавку. Он умер в 1910 году в возрасте восьмидесяти лет. Историю любви Энн и Джона Марвела он излагает с традиционной британской сдержанностью, называя ее «в чем-то романтической».

Книга интересна еще и тем, что достаточно точно отражает реалии того времени. В частности, подтверждает то, что было очевидно каждому английскому колонисту или бурскому фермеру, а именно: Южная Африка управлялась не из Кейптауна, а из Лондона. Недаром автор, простой рядовой британской армии, язвительно отзывается о «старых леди из Эксетер-Холла».

Это знаменитое здание в центре Лондона служило резиденцией для различного рода религиозных и филантропических обществ, которые имели значительное влияние на английское правительство и, соответственно, на положение дел в Капской колонии. Интересно, многие ли южноафриканцы из тех, кто ныне останавливается в отеле «Палас», знают, что живут на месте, где некогда располагался могущественный Эксетер-Холл?

Глава шестая

Чернокожие и европейцы

Я путешествую по Сискею и Транскею, наблюдая за жизнью племен банту с их бесчисленными стадами. Я ненадолго заглядываю в Кинг-Уильямс-Таун и еду дальше в Ист-Лондон. Я без памяти влюбляюсь в Порт-Сент-Джонс, позже проезжаю через коренные земли в Умтату и Кокстад. Очутившись на границе Наталя, я восстанавливаю в памяти историю вуртреккеров.

1

Большинство путешественников, впервые попавших в Южную Африку, горят желанием увидеть черные племена банту в их естественном окружении. Я бы посоветовал им проехаться по землям, расположенным к северу от Грейамстауна. Это огромная территория, которая простирается до самых границ Наталя и делится рекой Кей на две части — Сискей и Транскей. По площади она равна современной Голландии и включает в себя племенные земли коса (тех самых, что в девятнадцатом веке называли кафрами), тембу и пондо.

Союз выделил примерно одну двенадцатую часть своей территории для проживания племен банту, однако этого явно недостаточно для поддержания численности их населения на должном уровне. Данные области именуются национальными резерватами, и европейцам запрещено здесь селиться. Тем не менее управление осуществляется европейскими чиновниками из министерства по делам коренного населения. В непосредственном подчинении у них находятся потомственные племенные вожди, а дальше цепочка

власти спускается вниз, к так называемым старейшинам деревень. Старейшина — чаще всего действительно чернокожий старец с клюкой, который является непререкаемым авторитетом среди своих соплеменников. «Черная» область Южной Африки практически не затронута европейской цивилизацией. Здесь по-прежнему царит примитивный способ ведения хозяйства с его доисторическим отношением к скоту, с его племенными обычаями и традиционными знаниями, основанными на магии и колдовстве. На территории резерватов функционируют различные христианские миссии, но их слишком мало, чтобы они могли оказывать значительное влияние на жизнь коренного населения. Кроме того, имеются торговые точки, расположенные в среднем на расстоянии пяти миль друг от друга. Собственно, это и все. Отойдете на пару миль от шоссе, и вы попадете в царство чернокожих туземцев, закутанных в разноцветные одеяла.

В Союзе проживают приблизительно восемь миллионов банту. Примерно два миллиона из них работают на белых фермах и еще около миллиона трудятся в крупных и мелких городах. Таким образом, больше половины черного населения проживают в резерватах. Тысячи молодых мужчин постоянно курсируют между своими деревнями и золотыми приисками Ранда. Обычно они вербуются на срок до девяти месяцев, а по истечении этого времени возвращаются в родные края. Большинство современных исследователей с тревогой отмечает тенденцию к разрушению племенной общности и перемещению чернокожего населения в большие города.

Стороннему наблюдателю нелегко разобраться в проблемах коренного населения Южной Африки. Для того чтобы более или менее компетентно судить об этих проблемах, человеку необходимо длительное время прожить в стране и постигнуть множество нюансов. Мы,

европейцы, привыкли разглагольствовать о защите угнетенных национальных меньшинств, и этого, как правило, хватает, чтобы поддерживать реноме прогрессивного либерала. Схема срабатывает в любых регионах мира, но только не в Южной Африке. Здешняя ситуация не поддается однозначным оценкам, для этого она слишком сложная и запутанная. Начать с того, что речь идет не о меньшинстве, а, напротив, о подавляющем большинстве. Ибо большая часть Южной Африки — фактически все ее черное население — находится на низшей ступени развития. И если дать им особые привилегии, эта черная масса попросту задавит своих белых хозяев и поставит под угрозу будущее цивилизации, с таким трудом построенной на юге Африканского континента. Подобная проблема и прежде существовала в колониальных странах. Однако в наш век революционных преобразований — когда количество довлеет над качеством и понятие свободы нередко подменяется анархической вольницей — она встала с небывалой остротой. А посему нетрудно понять страхи белых жителей Южной Африки. С другой стороны, многие либерально настроенные граждане говорят о настоятельной необходимости пересмотреть условия существования коренного населения — надо-де обеспечить их нормальным жильем, создать условия для получения образования и трудоустройства (причем требуется не просто повысить заработную плату, но и расширить поле деятельности). Казалось бы, хорошие, справедливые предложения. Однако более консервативные политики предупреждают, что слишком быстрое введение «черных привилегий» может иметь катастрофические последствия для будущего страны. Со стороны может показаться, что есть прекрасный способ решения всех южноафриканских проблем: надо повысить численность белого населения хотя бы до десяти миллионов и уничтожить негласный запрет на

неквалифицированный труд для белого человека. К сожалению, способность творить чудеса не входит в арсенал средств современной политики.

Мне нередко приходилось слышать обвинения в адрес белых южноафриканцев: якобы они живут собственной жизнью, а до черных сограждан им и дела нет. Должен заявить, что это утверждение в корне неверно. В Южной Африке белый человек при всем желании не смог бы абстрагироваться от проблем коренного населения. Они подстерегают его на каждом шагу, вторгаются даже в сугубо частную, «домашнюю» жизнь. И нигде я не встречал столь разумного и бережного отношения к народам банту, как в Южной Африке. Исследовательские группы при университетах, многочисленные общества расового содружества и тому подобные организации — все они проявляют самую искреннюю заинтересованность в судьбе чернокожего населения. Южноафриканская молодежь задумывается о будущем страны. Я беседовал со многими студентами и могу засвидетельствовать: хоть они и не подвергают сомнению тезис о превосходстве белого человека, но в будущем отводят черному населению куда более важную роль, нежели сейчас.

В настоящий момент политические права коренного населения исчерпываются тем, что они выбирают трех представителей (европейцев по происхождению) в Национальную ассамблею и четырех (тоже европейцев) — в Союзный парламент. Кроме того, чернокожие члены общества участвуют в работе Местного совета представителей, где председательствует секретарь по делам коренного населения.

Поездка в глубь национального резервата обернулась для меня знакомством с удивительной страной примитивных хижин и традиционных ярких покрывал. Но вначале я должен рассказать о посещении

знаменитой школы Лавдейл, расположенной неподалеку от маленького городка Элисдейл. Свыше тысячи чернокожих мальчиков и девочек учатся здесь под руководством шотландских миссионеров. Примечательно, что обучение ведется на английском языке и по европейской программе. Неподалеку находится и Форт-Хеа, где чернокожая молодежь получает образование в соответствии с университетскими стандартами.

Я смотрел на этих юных представителей коренного населения и невольно сравнивал их с европейскими сверстниками. Должен сказать: если не брать во внимание цвет кожи, то внешне эти ребята почти ничем между собой не отличались. Тем разительнее был контраст с впечатлениями от посещения Сискея. Я смотрел по сторонам и видел склоны холмов с маленькими хижинами и загонами для скота. По пути мне встречались женщины довольно странной наружности: глаза обведены широкими белыми кругами, что придавало им сходство с цирковыми клоунами. Некоторые из женщин выбеливали все лицо. Почти все были одеты в широкие юбки и шафранового цвета покрывала. На голове — объемистые тюрбаны из хлопчатобумажной ткани. Некоторые из юных девочек ходили обнаженными до пояса. В их движениях — когда они ходили, жестикулировали или же просто скидывали голову при виде моего автомобиля — сквозила природная грация диких животных. Время от времени мимо проходила женщина с тяжелым кувшином на голове, она двигалась неспешной скользящей походкой танцовщицы. Много было матерей с грудными детьми, маленькие черные личики выглядывали из складок ярких шалей. И непременно персонаж — невероятно сморщенная старуха с властными повадками, которая обычно стояла на пороге хижины, опираясь на суковатую палку — ни дать, ни взять

Аэндорская колдунья. Но самым удивительным казалось полное отсутствие мужчин! Деревни выглядели этакими поселениями африканских амазонок. Потом я сообразил, что удивляться нечему: все мужчины трудились на золотых приисках Йоханнесбурга. Деньги нужны им, чтобы оплачивать подушный налог и приобретать новый скот (а вместе с ним и новых жен).

С живописной стороны Сискей выглядел великолепно, но в сельскохозяйственном отношении являл собой трагическую картину. Куда ни кинь взгляд — сухая, потрескавшаяся земля, давно утратившая верхний животворящий слой почвы. Повсюду бродили тощие стада коров и коз. Своими копытами они вытаптывали тропы, которые при первом же хорошем ливне превратятся в овраги и расселины. Эрозия почвы представляет собой одну из худших проблем национальных резерватов. И хотя земля здесь плодородная (одна из лучших в Союзе), она не в состоянии вынести груза людей и в особенности скота. А банту не соглашаются сокращать свои стада. Ведь традиционно скот для них — богатство. Владеть стадом означает иметь жен и обладать властью. Чудовищная перенаселенность и примитивные представления о земледелии привели к тому, что огромные площади — сотни квадратных миль южноафриканской земли — становятся непригодными для сельского хозяйства.

2

Чем ближе я подъезжал к Кинг-Уильямс-Тауну, тем заметнее менялась окружающая меня природа. В конце концов пейзаж превратился в некую смесь Дартмурских холмов и утесов Саут-Даунс. Меж ними пролегали дикие долины, по которым текли шоколадного цвета реки. Они

смывали и уносили в небытие плодородную почву Южной Африки.

Путешествуя по необъятным африканским просторам, я убедился, что очень часто длинные, многосложные имена на карте оборачиваются маленькой горсткой жестяных сараюшек. Всякий раз, приближаясь к очередному «городу», я заключал сам с собой пари: перевалит ли число домов через десяток? В этом отношении Кинг-Уильямс-Таун оказался приятным исключением. Городок показался мне благословенным оазисом среди моря красной пыли. Тихие зеленые улицы, общественные здания, церкви, публичные библиотеки и банки — все настраивало на оптимистичный лад.

Здесь мне хочется поделиться одним наблюдением. Практически в каждом южноафриканском городе вы натолкнетесь на здание, которое пришелец из Древней Греции непременно бы принял за храм Аполлона. На поверку оказывается, что это один из многочисленных филиалов банка «Стандард» либо «Барклайз». Даже странно, что в стране, где латынь и древнегреческий исключены из программы школ и университетов, отделения банков выглядят как блестящая брошюра, рекламирующая плюсы классического образования. В самом центре Кинг-Уильямс-Тауна раскинулась просторная площадь, на которой в былые времена разгружались бычьи повозки. Теперь ту же функцию перевозки груза шерсти выполняют современные грузовики.

Меня отвели в местный музей полюбоваться на южноафриканскую знаменитость, к сожалению, ныне представленную лишь в виде чучела. Я говорю о самке бегемота, прославившейся по всему миру под именем Странницы Хуберты.

Без преувеличения можно сказать, что в 1928–1931 годах это очаровательное, трогательное создание

занимало умы южноафриканцев более, нежели любое другое (не политическое) событие. Уж не знаю, что заставило Хуберту сняться с места, но она покинула родные края в далеком Зулуленде и двинулась на юг. Она шла не спеша, по ночам заглядывала в маленькие городки и деревушки — там полежит на газоне, здесь пощиплет травку на муниципальном выгоне. Городские чиновники и просто зеваки собирались вокруг незваной гостьи, светили факелами ей в глаза и удивлялись. Она же с невозмутимым видом смотрела на людей и лишь иногда широко зевала, прежде чем отправиться восвояси. Как-то раз Хуберта остановила целый поезд. Ни стук колес, ни отчаянные свистки машиниста не могли разбудить бегемотиху, которая заснула на рельсах. Лишь когда локомотив своим железным носом пару раз мягко ее подтолкнул, Хуберта проснулась, окинула шумный и беспокойный мир укоризненным взглядом и скрылась в зарослях буша.

«Хуберта стала чем-то вроде многосерийной радиопостановки, — писал мистер Уэллс в «Южной Африке». — В Йоханнесбурге пассажиры трамваев обменивались вечерними газетами и рассказывали друг другу: «Глядите-ка, что отмочила старушка Хуберта...»; в Кейптауне девушки-курьеры со смехом обсуждали ее похождения за пятичасовым кофе; по всему Союзу дети отказывались засыпать без очередной истории о Хуберте. Слухи о неутомимой путешественнице просочились в Британию и Америку, и там люди с интересом следили за ее странствиями. Сообщения о Хуберте печатались в таких разных изданиях, как «Панч» и «Чикаго Трибьюн».

Увы, конец этой трогательной истории оказался трагическим и неожиданным. Некий малограмотный фермер — не читавший газет, а потому не относившийся к числу поклонников Хуберты — увидел бегемота, плескавшегося в водах реки. Фермер вскинул свое

ружье и произвел выстрел, который не только громом прозвучал по всему Южно-Африканскому Союзу, но и разнесся эхом по другим странам. Смерть Хуберты оплакивали по всему миру. Событие это обсуждалось в южно-африканском парламенте. Почившую бегемотиху называли не иначе как «символом Южной Африки», едва ли не национальной героиней. Злополучный фермер предстал перед судом по обвинению в несанкционированном отстреле королевской дичи и вынужден был заплатить значительный штраф.

А чучело Хуберты стоит в музее Кинг-Уильямс-Тауна и взирает на мир все с тем же выражением удивления и мягкой укоризны — как у человека, столкнувшегося с трагическим непониманием. Сколько раз нам доводилось видеть эту обиду на лице у человека, чьи мотивы были неверно истолкованы: «За что? Я же не собирался никому вредить... Мне просто было интересно».

Далее на своем пути в Ист-Лондон мне пришлось проезжать по территории, которая в середине девятнадцатого века стала ареной жутких событий. Здесь разыгралась одна из самых невероятных и трагических мистификаций в истории Южной Африки — история, известная под названием «убийство скота». Дело происходило на исконных землях коса вскорости после того, как они понесли очередное сокрушительное поражение в «кафрских» войнах. Жители приграничной полосы наслаждались непривычным миром и покоем, однако было ясно, что затишье долго не продлится.

Эпопея, о которой я веду речь, началась ранним утром 1856 года, когда четырнадцатилетняя девочка из племени коса отправилась на ручей за водой. Вернулась она в крайнем возбуждении и рассказала, что повстречалась с духами умерших предков. Она отвела на ручей своего дядю, главу местной общины, и тот

тоже побеседовал с духами, которые объявили о своей ненависти к белым захватчикам и высказали пожелание, чтобы европейцев изгнали и «сбросили обратно в море». Духи пообещали вскоре вернуться во главе огромной армии воскресших предков. Объединив свои усилия, они избавят народ коса от ига белого человека и помогут ему вновь обрести было величие. Однако все это произойдет при соблюдении нескольких условий: прежде всего коса должны вырезать весь свой скот (он якобы нечистый, ибо выращен при помощи колдовства), кроме того, уничтожить все ямы для урожая и оставить незасеянными поля. Вот такие жесткие условия! Правда, духи обещали, что все жертвы окупятся сторицей: вместо забитого скота появятся новые небесные стада, пустые ямы чудесным образом наполнятся зерном, а поля снова зазеленеют и принесут небывалый урожай.

Вести о чудесном откровении распространились по округе с быстротой степного пожара. Вскоре объявились и другие пророки, которые говорили примерно то же самое. Безумие перекинулось на соседние племена, и разразилась тотальная катастрофа: на протяжении нескольких месяцев коса резали скот, безжалостно вытаптывали поля и уничтожали все съестные припасы. Одновременно одураченные люди строили просторные *краали* (дабы поселить туда обещанные небесные стада) и новые ямы для обильного урожая. Правительство предпринимало попытки остановить эту самоубийственную кампанию, но оказалось бессильным.

Был назван точный день, когда ожидалось исполнение пророчества — 27 февраля 1857 года. В этот день обещали самые необычные предзнаменования: солнце должно взойти красного цвета (некоторые провидцы поговаривали даже о двух солнцах), над землю промчится ужасающей силы ураган и проч. и проч. В несчастной разоренной стране — где повсюду валялись горы трупов животных, а над ними кружили

разжиревшие стервятники — люди с надеждой и нетерпением ждали назначенный день. День гибели белого человека и торжества народа коса!

Накануне ажиотаж достиг своего пика: одни затворились в хижинах (дабы не быть сметенными вихрем), иные, напротив, провели всю ночь на улице, чтобы собственными глазами увидеть восход двух солнц.

И что же? Когда ничто из обещанного не реализовалось, племена впали в ужас от содеянного. Тысячи голодных, отчаявшихся людей снялись с мест и двинулись через границу Колонии — увы, не как завоеватели, а в надежде обрести хотя бы кусок хлеба. Кстати сказать, белые колонисты никому не отказывали в помощи. Но это было каплей в море и не могло спасти положения. По слухам, шестьдесят семь тысяч чернокожих погибли из-за разразившегося голода. Могущество коса было разрушено навсегда! По сути, целый народ, уверовавший в безумные пророчества, совершил акт самоубийства.

Поговаривали, будто это было подстроено самими вождями коса, которые таким образом — отрезав все пути к отступлению — надеялись подтолкнуть свой народ к решительному (и победоносному!) выступлению против белых захватчиков. Однако в таком случае непонятно, почему те же самые вожди не предприняли никаких военных приготовлений и не организовали выступление чернокожих.

3

Ист-Лондон — еще один городок, который с замечательной быстротой вырос в устье реки. Всего сто лет назад здесь простирался бескрайний буш, по которому протекала Буффало-Ривер. Сегодня тут

построен современный речной порт и промышленные предприятия, и все это может считаться памятником упорству и целеустремленности колонистов.

По мере того как я удалялся от Грейамстауна, мое восхищение переселенцами 1820 года росло с каждой милей. Я легко мог себе представить, в каких условиях пришлось жить этим людям. Южноафриканский Фронтир в эпоху возобновлявшихся «кафрских» войн был полон опасностей, а противостояли им не профессиональные воины, а рядовые англичане — вчерашние фермеры или горожане, обремененные семьями и никогда прежде не державшие оружия в руках.

Итак, повторяюсь: на месте Ист-Лондона простиралась голая африканская степь, когда в 1836 году в устье реки появился одинокий бриг. Приплыли на нем Джон Рекс, сын Джорджа Рекса из Книсны, а с ним один из переселенцев 1820-го, некий Джон Бэйли. Человек этот сразу осознал прекрасные возможности, которые обеспечивались необычайно удобным географическим положением, и поспешил водрузить на холме шест с британским флагом. Вначале Порт-Реке (а именно так его называли в первые годы) представлял собой обычную факторию. Джон Рекс время от времени наезжал сюда и вел торговлю с местными жителями. Судя по всему, он прекрасно ладил с кафрами. Рассказывают даже, будто те воздвигли для него каменное кресло на вершине холма, и Рекс, подобно венценосной особе, восседал в нем во время встреч с туземцами.

Прошло десять лет, прежде чем одинокий форпост Джона Рекса превратился в постоянное поселение, которое в полной мере поделило судьбу прочих приграничных городков. Тем не менее, несмотря на трудности и опасности военного времени, жизнь доказала правоту Джона Бэйли: Ист-Лондон успешно рос

и преуспевал. Особенно быстрый скачок произошел в конце девятнадцатого века, когда в колонии начали развиваться горнодобывающая и обрабатывающая промышленность.

Вдоль всего городка тянулась бесконечная Оксфорд-стрит. Я заметил, что здесь есть также Флит-стрит и Друри-лейн — все как в Лондоне. В конце Оксфорд-стрит стоял музей, в котором хранилось главное сокровище Ист-Лондона — слепок с огромной (в пять футов длиной) голубой рыбины с рылом пожилого сварливого лосося. Это не что иное, как целакант — ископаемая рыба, не имеющая никакого права на существование в наши дни. Ведь до 1938 года, когда здешний экземпляр был случайно обнаружен на прилавке местного рынка, считалось, что данный вид вымер еще пятьдесят миллионов лет назад!

Пролистывая телефонный справочник Ист-Лондона, я увидел множество немецких фамилий, а также имена вроде Мендельски, Кащула, Солцвелл и Ваберски. Все эти люди являются потомками немецких, фламандских, польских и богемских наемников, воевавших за Британию в Крыму. После самоубийственного эксперимента коса в здешних краях образовались огромные пустовавшие участки, и капское правительство с радостью расселило на них бывших немецких легионеров. Эти стойкие и предприимчивые люди должны были создать мощный заслон между Колонией и дикими кафрами.

К великому разочарованию местных колонистов, первая волна германских эмигрантов почти целиком состояла из холостяков (а чего, собственно, еще ожидать от солдат Иностранного легиона?). Между тем Южная Африка давно уже усвоила простую истину — успех любого поселения обеспечивается женским присутствием. Ведь всем известно, насколько ненадежным и неудобным соседом является холостяк.

Чаще всего это бесприютный и беспокойный человек, нередко склонный к беспутству. То ли дело женатый мужчина! Уж он-то является образцом добродетели — ответственный и трудолюбивый хозяин, которому и в голову не придет мечтать о бесцельных странствиях (а если даже и придет, то кто ему, спрашивается, позволит?). Власти Кинг-Уильямс-Тауна быстро нашли выход: они собрали деньги и выписали из Британии целый корабль незамужних красоток. В 1857 году заказанные дамы прибыли (больше всего среди них оказалось рыжеволосых ирландок). И, о чудо, буквально в мгновение ока счастливое содружество непоседливых холостяков превратилось в оседлое общество уважаемых бюргеров.

Вслед за первой волной появились и другие эмигранты. Наученные горьким опытом власти проследили на сей раз, чтобы среди них преобладали положительные семейные люди. Старый лавочник, который тридцать лет прожил среди здешних фермеров, поведал мне, какими замечательными людьми оказались немецкие переселенцы.

— Добрая половина первых колонистов приплыла прямо из Англии, — рассказывал лавочник. — И им разрешили привезти с собой английских невест. Так вот, помню, старики болтали: многие парочки приехали сюда уже обвенчанными — позаботились сделать это еще на юге Англии ради спокойствия невест. Но это не помешало им здесь снова провести свадебную церемонию — в родной церкви, со всеми подобающими обрядами.

На первых порах немецкие переселенцы были такими же нищими, как гугеноты и английские колонисты 1820 года. Но они сразу приступили к работе и выжали из своих скромных земельных наделов все, что смогли. Не хватало денег на кофе — они сажали цикорий. Чтобы не тратиться на сахар, разводили пчел.

Жили не тужили. А уж если могли себе позволить завести поросенка, то и вовсе чувствовали себя зажиточными людьми. Ведь тогда семье не приходилось голодать — она была обеспечена собственной свининой, овощами и маисом. Пока мужчины в поте лица обрабатывали землю, женщины вели домашнее хозяйство и торговали овощами на рынке. Они были очень бережливыми, эти немцы. Откладывали каждый лишний фартинг, и глядишь — в их хозяйстве уже появилась какая-никакая корова или лошадка. Теперь можно возить овощи и на дальний рынок, благо, самодельную тележку умел смастерить каждый фермер.

Аккуратные каменные фермы, со всех сторон окружающие Ист-Лондон, служат лучшим памятником тем людям — мужественным, трудолюбивым и бережливым — которые обеспечили четвертое по счету вливание европейской крови в генофонд Южной Африки.

— Когда Гитлер пришел к власти, — продолжал рассказывать лавочник, — он тратил много денег на южноафриканцев, хотел, чтобы здешние немцы воспитывали своих детей в германском духе. У наших берегов нередко появлялись немецкие крейсера, и моряки угощали нас бесплатным пивом. Фермеры со всей округи собирались, чтобы послушать проповеди — по сути дела пропагандистские лекции, даром что докладчик маскировался под пастора. Однако тут они не сильно преуспели. Когда в наших краях начали собирать полк для войны с Гитлером, так чуть не половина добровольцев оказалась из немецких колонистов!

— Рассказывают, был такой случай. Приходит один из местных парней вербоваться на фронт. Его спрашивают фамилию. «Дойчманн», — отвечает. «Местожительства?» «Берлин». У комиссара едва глаза на лоб не полезли. А все потому что нездешний! У нас-то в округе все знают семью Дойчманнов из Берлина, что под Кинг-Уильямс-Тауном!

Конечно, у нас не одни немцы. Немало осталось и переселенцев 1820 года. Знаете, на Вест-Бэнке живут Монфоры, так их предки издавна жили в Англии. Еще сражались в битве при Гастингсе! Они рассказывают, что на каком-то английском кладбище стоит надгробие, где про это написано. А еще есть миссис Венейблз — она до сих пор проживает в усадьбе, которую построил ее дед... Да что там говорить, про наш Ист-Лондон можно целую книгу написать.

На приморском променаде (да-да, не удивляйтесь, ибо все южноафриканские порты одновременно являются и морскими курортами) я увидел замечательный аттракцион — огромный аквариум с флорой и фауной из Индийского океана. Там были удивительные рыбы, похожие на яркие цветы. Они всплывали, разевали свои рты и снова скрывались из виду. А в углу я разглядел огромный черный глаз, за которым прятался злобный разум с хищными щупальцами. А чего стоят маленькие прозрачные рыбки! Они плавают целыми стайками и все вместе разворачиваются, маневрируют — поневоле поверишь в коллективный разум!

Там же я увидел рыбу-рыцаря (ее еще называют шишечником или попросту сосновой шишкой). Она живет в темных глубинах океана, а потому снабжена фосфоресцирующими железами под нижней челюстью. Ну, электрических скатов, наверное, все видели. Но не все знают, что скат — после того как парализует свою жертву при помощи электрического разряда — вынужден на некоторое время удалиться, так сказать, на «подзарядку батареек». Но больше всего мне понравился рак-отшельник, который всю жизнь таскает у себя на спине жгучий анемон. Оказывается, тот защищает его от нападений сверху, буквально прикрывает спину. А взамен получает свободу передвижения и, соответственно, лучшие условия для

кормежки. Вот это я понимаю — сотрудничество! Когда рак вырастает из скорлупы, он вынужден искать новую. Найдя же, первым делом пересаживает туда своего товарища и лишь потом пускается в путешествие.

4

В Ист-Лондоне я встретился с чиновником Транскейского Генерального совета (это своеобразный «черный» парламент Транскея), который устроил мне однодневную экскурсию по своим владениям. Без преувеличения могу сказать, что поездка эта меня потрясла! На многие мили вокруг лежала мертвая земля. Трудно представить себе более печальное зрелище, нежели эрозия почвы, которая приводит к полному истощению некогда богатой и плодородной земли.

По ней бродят бесчисленные стада — этакие тощие фараоновы коровы!

Несчастливые животные переходят с места на место, пытаясь найти хоть один зеленый стебелек, оставшийся со вчерашнего дня. Мне ни разу не доводилось видеть, чтобы эти коровы стояли на месте и, как полагается, пережевывали жвачку. Нет, они находятся в вечном поиске хоть какого-то пропитания. При таком количестве едоков трава просто не успевает обновляться — ее всю съедают на корню. Земля настолько твердая, что не впитывает дождевую влагу. Та собирается ручьями и стекает в малейшие углубления — понимай, в тропы, проложенные животными. Вода размывает эти тропы, превращая их в трещины, затем в расселины. Со временем на месте бывшей тропы уже зияет настоящий овраг, по которому уплывает верхний плодородный слой почвы. И такая картина повсеместно. Вы можете ехать целый день и везде увидите изуродованную, обескровленную землю.

А стада тем временем переходят на новое место. Острые копыта коз — кстати, совершенно незаменимое животное в качестве взятки чиновнику или подношения местному колдуну — впечатываются в землю и намечают новые пути для эрозии. Их беспощадные челюсти перемалывают любой клочок зеленой растительности, лишая землю последней защиты.

Всякий раз, когда мне хотелось заглянуть в какую-то хижину или побеседовать с кем-нибудь из местных жителей, мы останавливались и шли в том направлении. Так что я вдоволь насмотрелся на окружающий безжизненный пейзаж. Во всех деревнях живут более или менее одинаково. Основная часть работы на женских плечах. Мальчики только пасут скот и погоняют быков на пашне. Старики вообще ничего не делают, просто сидят возле своих хижин. Молодые мужчины, как правило, отсутствуют. Большим событием в Транскее (как и повсюду на коренных землях коса) является так называемое «пивопитие». Это когда все местные собираются в одной деревне и с утра до вечера пьют «кафрское пиво» — мутный, не особо крепкий напиток, изготавливаемый из маиса или дурры. Иногда церемония растягивается на несколько дней.

Конечно, подобная экскурсия обеспечивает лишь поверхностный взгляд на жизнь черного населения. Если у вас есть желание заглянуть за безмятежные декорации национальных резерватов, советую прочитать книгу Моника Хантер «Реакция на завоевание». И еще два произведения, которые помогут чужеземцу лучше понять национальные проблемы Южной Африки и — что еще важнее — удержаться от скоропалительных выводов: «Расовые отношения в Южной Африке» Л. Д. Маккрона и «Банту в большом городе» Рэя Э. Филлипса.

Я наблюдал за работающими в поле женщинами: одни из них разбивали твердую, неподатливую землю

неким подобием клюшек, в то время как другие осторожно рыхлили почву мотыгами. Откуда-то с дальних склонов холмов (а от этого в Африке никуда не деться — вода всегда находится вдалеке) спускались чернокожие девы с кувшинами на голове. В их медленных, грациозных движениях угадывалось то же достоинство, что и у египетских жриц, изображенных на стенах фараоновых гробниц. Вот она, подлинная Южная Африка, которую так любят изображать в туристических буклетах и на художественных фотографиях. Впрочем, нет, в реальности Африка выглядит куда лучше! Никакая фотография не в состоянии передать грацию чернокожей девушки, когда та, подобно маленькому коричневому фавну, движется по залитой солнцем дороге. И ни одно печатное издание — с его «традиционным» тем-то и тем-то, с его «оригинальными и живописными обычаями» — не может в полной мере отразить чувства, которые охватывают вас при взгляде на простодушных, исполненных естественной красоты людей (как выразился мой приятель об американских индейцах — «у них всякий старик прирожденный джентльмен»). Восхищение этими людьми смешивается в вашей душе с острым чувством жалости и сожаления по поводу их бедственного положения.

По пути мы посетили несколько земледельческих школ, в которых белые и черные учителя знакомят местное население с прогрессивными методами ведения хозяйства. Видели также и «усовершенствованные области», где эти методы пытаются применять на практике. Здесь жителей целой деревни убедили, во-первых, применять огораживание полей, а во-вторых, резко уменьшить количество скота. Рад сообщить, что результаты эксперимента выглядят обнадеживающе. А в другой раз, спустившись с горы, мы наткнулись на маленький вагончик, по ощущениям, собранный из расплющенных консервных банок. Навстречу нам вышла

молодая чернокожая девушка в одежде медсестры. Полагаю, это очень отважная девушка, ибо она живет там совершенно одна и занимается лечением окрестного населения. Вот такая африканская клиника! Девушка со смехом сообщила, что чаще всего ей приходится иметь дело с колото-резаными ранами. Ибо местные мужчины, по ее выражению, «великие воины».

Когда день уже клонился к вечеру, мы повернули на север и двинулись в сторону Умтаты. Это была долгая и невыразимо прекрасная дорога. Теперь я понимаю, почему многие считают Транскей самой прекрасной местностью в Союзе. Представьте себе бескрайние пространства, где цепи холмов вырастают одна за другой. По их склонам — точно шляпки грибов — разбросаны хижины. Вдоль дороги высятся шипастые кусты алоэ и опунции, они четко выделяются на фоне безоблачного голубого неба. Вот вдалеке показалась деревня. Со всех сторон к ней сползаются женские фигурки, каждая тащит с собой охапку хвороста на растопку или же кувшин с водой. Детишки сгоняют скот в краали и запирают на ночь.

Мне подумалось: как возможно, чтобы при несметном количестве скота население страдало от хронического недоедания? Тем не менее это правда. Местные жители постоянно живут в окружении баранины и говядины, но редко позволяют себе лакомиться мясом. Разве что по большим праздникам. Повседневный же рацион африканца состоит из маисовой каши и небольшого количества овощей.

5

Умтата — маленький раскаленный городок, затерявшийся посреди равнины в величественной горной стране. Он произвел на меня очень приятное

впечатление — хорошая планировка, добротная постройка и крошечный готический собор с епархией размером в Уэльс. По его чистеньким улицам и затененным торговым пассажам прогуливались чернокожие пондо и тембу в своих одеялах, и это придавало городу оттенок какой-то дикой, племенной жизни. Собственно, чему тут удивляться, если среди горожан еще можно отыскать людей, которые помнят Умтату совсем другой. В пору их юности здесь стояло всего несколько хижин, в которых с разрешения местного вождя ютилась горстка отчаянных торговцев.

Да и в наши дни Умтата — прежде всего торговый форпост. Наряду с коренным населением в ней проживают около двух тысяч белых, и большая часть из них занимается торговлей. Тот же, кто не задействован в данной области, наверняка является чиновником Транскейского Генерального совета — экспериментального органа национального самоуправления. Парламент банту заседает в красивом белом здании, которое выглядит уменьшенной копией здания австралийского парламента в Канберре. Мне очень хотелось понаблюдать за его работой, но, к сожалению, мой визит в Умтату не совпал по времени с сессией парламента.

Гостиница, в которой я остановился, вполне могла бы находиться в аристократическом Вест-Энде Лондона. С той только разницей, что еда и обслуживание были здесь на порядок выше, заставляя вспомнить благословенные довоенные времена. После обеда я вышел прогуляться по городу и полюбоваться праздничным убранством витрин (здесь, как и во всем мире, люди готовились к приходу Рождества). Рядом со мной стояли два чернокожих представителя пондо. Но смотрели они не на искусственные снежинки, а на маленький игрушечный поезд, выставленный в окне магазина. Два огромных негра были буквально

очарованы яркой игрушкой. Они тыкали пальцами в витрину и заливались счастливым смехом. Несколько раз они делали попытку уйти, но снова возвращались, не в силах оторваться от волшебного зрелища. Мужчины безостановочно болтали, указывая друг другу на отдельные детали поезда. И хотя я не понимал ни слова, было очевидно, что в этой игрушке они видят младшего брата того огромного рычащего чудовища, которое через пару дней увезет их на золотые рудники «Голди».

Тем вечером я засыпал под монотонное пение сверчков в зарослях бугенвиллеи. Однако за этими звуками, такими мирными и домашними, ощущалось грозное безмолвие бескрайнего буша. Сразу же за границами городка начиналась огромная черная страна с маленькими круглыми хижинами, разбросанными по склонам холмов, с бесчисленными тощими стадами и пересохшими руслами рек. Страна, в которой с трудом верилось в существование цивилизации белых людей. Мне казалось, что тысячи миль отделяют Умтату от Грейамстауна и старой приграничной полосы...

На следующее утро приятель из Генерального совета уговорил меня совершить поездку на побережье океана. Нам пришлось проделать путь в пятьдесят миль по чрезвычайно живописной местности: со всех сторон нас окружали холмы, они наползали друг на друга, вырастая чуть ли не до самых небес. Уж не знаю, в чем тут дело — возможно, освещение в тот день было какое-то особенное или же я поддался одному из своих романтических настроений, но только мне показалось, что это самый прекрасный кусочек Южной Африки, какой я только видел (если не считать, конечно, непосредственного окружения Кейптауна). Передо мной была Африка с ранних гравюр Латроба, Берчелла, Барроу и Гардинера. Круглые хижины с соломенными крышами вырастали из земли так же

естественно, как и грибы, с которыми они обнаруживали явное сходство. Время от времени по пути нам встречались коренные жители: крупные темнокожие женщины, побрякивая медными браслетами, несли на головах огромные вязанки хвороста; девочки погоняли быков, запряженных в самодельные салазки, на которых также громоздились невероятные кучи дров; мальчишки, одетые в просторные мешки с прорезями, пасли скот (и как все мальчишки на свете, с восторгом оставляли своих коров, чтобы с криками пробежаться за нашим автомобилем).

По мере приближения к океанскому побережью местность постепенно понижалась, а температура воздуха, напротив, заметно повышалась. Теперь мы ехали вдоль реки Умзимвубу, берега которой были сплошь покрыты буйной растительностью. Дорога в конце концов привела нас в местечко, которое показалось мне земным воплощением рая. Оно называлось Порт-Сент-Джонс, и имя это до сих пор звучит в моих ушах небесной музыкой. Индийский океан вдавался здесь в сушу, образуя неглубокую лагуну, в которой с веселым смехом плескались ребятишки. На берегу расположились несколько коттеджей и восхитительный маленький отель. Со всех сторон бухточку окружали поросшие лесом горы, они создавали ощущение уютной замкнутости и защищенности. Наверное, поэтому казалось, будто Порт-Сент-Джонс счастливо дремлет на солнышке.

Именно здесь я впервые почувствовал дыхание субтропической Африки. Все аналогии со Средиземноморьем разом вылетели у меня из головы. Вдоль дороги выстроились дынные деревья (или папайи, как они здесь называются). Попадались манго и авокадо, что касается ананасов, то они вообще росли на каждом углу. И здесь же, среди буйной тропической зелени, я впервые увидел зулусских коров — они отличались

непривычно широко расставленными рогами и пятнистой, черно-белой шкурой. Коровы эти живо напомнили мне изображение скота в древнеегипетских гробницах.

Вечером я долго не мог уснуть — мешал мерный шум прибоя. Это могучий Индийский океан накатывал волны на песчаный берег. А утром в мой номер заглянула босоногая черная девушка и подала чашку чая с той потрясающей грацией, с которой эти люди выполняют любую, самую заурядную работу по дому. Солнце уже встало, и я решил прогуляться. За мной увязался один из тех псов, что обычно подстерегают незнакомцев возле гостиницы. Удивительные создания! Они провожают вас на пляж и там с задумчивым видом застывают у воды, словно приглашая покидать камешки. Однако я не поддался на эту уловку — улизнул от своего провожатого и умудрился не опоздать на завтрак, мне подали папайю, выращенную в гостиничном саду. Данный фрукт напоминает некий гибрид дыни и авокадо. Южноафриканцы едят его с сахаром и ломтиком лимона.

После завтрака мы с приятелем прогулялись в совершенно восхитительное место под названием Второй пляж. Представьте себе полосу песчаного берега, со всех сторон окруженную скалами. Даже бухта была здесь каменистой, и там по мелководью бродили чернокожие девочки, которые с помощью заостренных палочек собирали моллюсков. Вскоре из лесу показалась парочка — мужчина и женщина. Они скинули одежду и побежали по горячему песку в объятья волн.

Именно таким мне и запомнился Порт-Сент-Джонс — самое восхитительное место, которое я видел за долгое последнее время. Мне кажется, я мог бы остаться здесь на месяцы... а может быть, и навсегда.

Следующие несколько дней у меня заняло неспешное путешествие из Умтаты к границе Наталя. По пути мне доводилось заглядывать во многие хижины местных жителей, и везде я находил ту же чистоту и порядок, что и на голландской кухоньке. Я познакомился с уважаемым знахарем, который ежегодно при помощи заклинаний подготавливал землю к посевному сезону. Я наблюдал за туземцами и их женами — совершенно простыми и необразованными людьми, и могу засвидетельствовать: чем они были примитивнее, тем больше мне нравились.

Проездом я оказался в Либодде — маленьком городке, полном чернокожих заключенных в полосатых робах. Они что-то долбили кирками в тени эвкалиптовых деревьев. Посетил я и суд для коренного населения, где белый судья восседал под олеографией королевы Виктории. В Лусикистики я увидел пушку с «Гросвенора» (она стояла во дворе отеля) и услышал рассказ о самом знаменитом кораблекрушении в здешних местах. Случилось это в 1782 году, когда один из кораблей Ост-Индской компании налетел на мель и все его пассажиры (а среди них были и белые женщины) пропали без вести. По слухам, на борту корабля находилось ценностей на три миллиона фунтов, в том числе и королевские регалии из Дели. С тех пор неоднократно предпринимались попытки отыскать затонувший корабль, но пока никому не удалось добраться до его сокровищ.

По мере моего продвижения на север погода становилась все жарче. Порой мне казалось, что я въезжаю в распахнутые дверцы топочной камеры. Временами температура в тени достигала ста градусов!

В один из дней я заметил на горизонте голубую гряду могучих гор — это был Басутоленд. Каково же было мое удивление, когда посреди этой великолепной африканской земли я набрел на очаг европейской цивилизации. Городок Кокстад примостился у подножия длинного пологого холма, позади которого вздымала свою главу Маунт-Карри.

Здесь проживали около двух тысяч белых южноафриканцев, и надо сказать, устроились они со всем уютом. Городок чем-то напомнил мне Умтату — такой же чистенький, хорошо спланированный, с прямыми улицами, вдоль которых выстроились ряды аккуратных домиков и магазины с заманчивыми витринами. Местная гостиница предоставила номер, который сделал бы честь любому отелю Европы или Америки. В гостиничном ресторане я застал компанию из двадцати человек, по виду ничем не отличающуюся от курортного общества Истборна или Борнмута. Они сидели за столами под вращавшимися лопастями вентиляторов, а чернокожие мальчики в белой униформе разносили тарелки с гороховым супом, рыбой, жареной бараниной и креманки с ванильным мороженым.

В этой гостинице я познакомился с англичанином — тщедушным человечком, в котором жил, однако, мятежный дух. Будучи недовольным «веком социальной справедливости» у себя дома, он путешествовал по Африке и подыскивал себе более подходящее место для жительства. Судя по всему, удовлетворить его было непросто.

— Эта страна производит приятное впечатление, — объявил он. — Но вот ее будущее вселяет тревогу. Если они и дальше станут потворствовать чернокожим (а, полагаю, так и будет) и со временем предоставят им избирательные права, то белым ничего не останется, как паковать чемоданы! Скажете, вы были в Свободном государстве? Нет? Ну, так отправляйтесь и посмотрите

на тамошние порядки. Эти голландцы отличные парни. Может, они и недолюбливают нас, англичан, но во всем остальном у них нормальные представления. Никаких тебе разговоров о расовом равенстве и прочей новомодной чепухе! Вот бы взять здешних южноафриканцев, которые разглагольствуют о социальной справедливости, да и отправить ненадолго в Британию. Пусть бы посмотрели, что это такое!

— Так вы не собираетесь здесь оставаться? — спросил я.

— Честно говоря, еще не решил. Вам не кажется, что эта страна напоминает старушку Англию — такую, какой она была в девятнадцатом веке? С одной стороны маленькая прослойка аристократии, а с другой — огромная армия рабочей силы, которая начинает поднимать голову.

— Да, но... — начал я возражать, но он меня резко оборвал:

— Никаких «но» тут быть не может! Мы отдали свою страну на откуп толпе, а теперь пожинаем плоды. И это происходит по всему миру. Мы разучились править! Уж вы мне поверьте, сэр: если люди теряют веру в себя, такого безобразия не избежать.

Он собирался еще что-то сказать, но в этот момент в комнату вошла средних лет англичанка, которую я заметил еще за обедом. Она направилась в нашу сторону, и мой собеседник поспешно поднялся с места.

— О, снова эта отвратительная особа! — проворчал он. — Я лучше пойду!

Он ретировался, а женщина подошла и уселась за моим столиком.

Выяснилось, что она приехала в Союз навестить родственников.

— Такая чудесная страна! — воскликнула женщина. — Казалось бы, лучшего места для жизни и не придумаешь, если только... Если только закрыть глаза

на тот кошмар, что творится вокруг. Да-да, я имею в виду несчастных чернокожих. Им несладко живется, вы не находите?

На следующее утро я выехал в Наталь. Возле Иксопо, где температура воздуха достигала ста десяти градусов в тени, вода в радиаторе закипела, и мне пришлось остановиться посреди раскаленной дороги. Я пешком добрался до ближайшего краала и кое-как объяснил чернокожей девушке, что мне нужно ведро воды. Она донесла ведро на голове до самой машины, не пролив при этом ни капли. Лишь после того, как я остудил разогревшийся радиатор, мне удалось сдвинуться с места и продолжить свое путешествие. В прошлом неоднократно так бывало, что снег и лед задерживали меня в пути. Но я никогда не думал, что подобная беда может приключиться по причине непомерной жары!

7

Питермарицбург, столицу Наталя, я нашел изнемогающим от полуденного зноя. За столиками кафе сидели люди, одетые в пляжные костюмы, а индусы-официанты разносили им напитки со льдом. Весь город вибрировал от треска цикад в садах.

Теперь, когда я достаточно удалился от границы первоначальной колонии, мысли мои обратились к центральному событию в истории Южной Африки: к Великому Треку и последующему возникновению трех новых провинций. Имена двоих участников того исторического похода — Герта Марица и Пита Ретифа — увековечены в названии натальской столицы.

Раньше я уже касался темы формирования нового типа бура — жителя приграничной полосы, который практически сразу же после основания Капской колонии покинул Кейптаун и пустился в кочевье вместе со

своими стадами. До 30-х годов девятнадцатого столетия трекбуры совершали длительные переходы в восточном направлении, но двигались параллельно морскому побережью, не делая попыток пересечь горные хребты, которые отделяли их от нынешней территории Свободного государства и Трансвааля. Сюда забирались лишь немногие европейцы из числа охотников и миссионеров.

Появление английских переселенцев 1820-го по времени совпало со знаменательным моментом в южноафриканской истории: бурский трек натолкнулся на встречное движение племен банту, мигрировавших с востока на запад. Результатом стали кровавые «кафрские» войны. Отныне все попытки буров проникнуть дальше на восток наталкивались на сопротивление воинственных племен банту, и преодолеть этот барьер оказалось не под силу. Если буры хотели продолжить свой трек, им следовало перевалить через горные цепи и устремиться на центральные равнины континента. Именно так они и намеревались поступить. Существовал и еще один фактор, который подтолкнул буров к этому решению. Дело в том, что голландские переселенцы терпели всяческие притеснения со стороны британской администрации Капской колонии. Поэтому в среде буров все чаще возникала мысль о том, чтобы выйти из-под юрисдикции британского правительства. И они видели лишь один путь для реализации своей мечты: покинуть территорию Колонии и искать новые земли, где они смогут осесть и спокойно жить в соответствии с собственными законами. И не сказать ведь, чтобы между бурами и английскими переселенцами существовала какая-то особая рознь. Напротив, совместное участие в «кафрских» войнах, когда британцы и буры плечом к плечу сражались с чернокожими дикарями, сильно сплотило два народа. Они стали чуть ли не лучшими

друзьями! Известно, что несколько английских переселенцев 1820-го женились на бурских девушках и приняли участие в Великом Треке. Двое из них — Джон и Томас Монтгомери хорошо нам известны благодаря своим дневникам и воспоминаниям, которые впоследствии были опубликованы профессором К. Дж. Уисом из Блумфонтейна. Если что и раздражало буров, так это бесцеремонный контроль, который пытался навязать Уайтхолл. Не последнюю роль также сыграло поведение некоторых английских миссионеров, которые весьма нелицеприятно отзывались о бурах в своих донесениях в Лондон. Вряд ли голландцам было приятно узнать, что их характеризуют как тупых и жестоких варваров. Последней же каплей, переполнившей чашу терпения, стало неожиданное высказывание лорда Гленелга о том, что «...первоначальная правота находится на стороне завоеванных, а не завоевателей...» Одним росчерком пера сей лондонский политик уничтожил все территориальные приобретения Колонии за последние пятнадцать месяцев (а можно представить, каких жертв это стоило бурам!) и приказал губернатору Капа восстановить границы в том виде, в каком они существовали до «кафрской» войны 1835–1836 годов. Это событие стало переломным моментом в отношениях буров с английской администрацией! Они решили покинуть пределы Колонии, в которой отчаялись отыскать понимание и справедливость.

Как мы уже говорили, французская революция и промышленный переворот в Англии мало затронули буров. В сердцах этих людей до сих пор пылал огонь Реформации. Практически единственной книгой, которую они читали на протяжении столетия, оставался Ветхий Завет. И вот суровое старозаветное племя переселенцев снялось с места и двинулось прочь из Колонии. Движение это было сродни библейскому исходу: буры уходили в полном составе — со своими

семьями, слугами мужского и женского пола, а также со своими «стадами и всякого рода животными». Я почти уверен, что в душе они себя ощущали богоизбранным народом.

Скорость исхода определялась скоростью движения быков, ибо буры путешествовали на тяжелых повозках, которые тащили упряжки из шестнадцати быков. В *вагоны* было загружено все имущество, которое буры нажили за предыдущие годы. Наверное, американцам эта картина показалась бы очень знакомой: точно так же выглядел их собственный поход на Дикий Запад.

Бурский *вагон* в той же степени являлся порождением фронта, что и сам бур. Он представлял собой европейскую фермерскую повозку, адаптированную к условиям Африки. Этот корабль степей был на удивление маленьким (всего двенадцать футов в длину) и перемещался на четырех тяжелых колесах с обитыми железом ободами. Над горизонтальной поверхностью повозки крепились полукруглые обручи, на который натягивали парусиновый тент или навес. Верхнюю часть этого навеса покрывали краской, чтобы защищать от дождя; нижняя же часть для лучшей вентиляции оставалась некрашеной. Несмотря на кажущуюся массивность конструкции, *вагон* довольно легко разбирался (например, при форсировании горного перевала), а затем столь же легко собирался.

Управлял повозкой мужчина, который, вооружившись длинным кнутом, сидел на переднем ящике (или *кисте*). Впрочем, он гораздо чаще пользовался собственным голосом, чем кнутом. Буру-погонщику не было нужды стегать быков, ибо он знал норы каждого из животных и прекрасно умел с ними управляться. Обычно двух наиболее сильных быков ставили по обе стороны от оглобли у самой повозки. Перед ними попарно выстраивались остальные, и возглавляли упряжку

лидеры — два самых умных (или же самых опытных) быка. Чтобы быть уверенным, что упряжка никуда не свернет, вперед пускали специального человека — *вурлопера* (то есть впереди идущего), который контролировал движение при помощи кожаного поводка, накинутого на рога лидеров. Обычно эту роль исполнял маленький готтентотский мальчик. Вот так выглядела стандартная бычья упряжка. И надо сказать, ничто так не радовало сердце бура, как хорошо укомплектованная упряжка!

Внутри вагонов ехали старики и маленькие дети. Все остальные двигались пешком или верхом на лошадях. При средней скорости обоза две-три мили в час это не представляло особой сложности. Более того, на ходу буры еще успевали делать сотню необходимых дел. Не следует забывать, что они гнали с собой огромные стада, и весь этот скот нужно было пасти, охранять и в случае надобности лечить. Животные подчистую съедали траву, оставляя за собой широкие темные участки голой земли. Отдельные конные отряды иногда вырывались вперед — разведывали дорогу или охотились, но основная масса двигалась вместе с караваном. Мужчины ехали рядом с *вагонами*, держа наготове кремниевые ружья.

Когда по бушу движется несколько сотен повозок вместе со «стадами и всякого рода животными», со стороны это может казаться хаотической и неуправляемой миграцией. Однако такое впечатление обманчиво. Бурский трек отличался весьма слаженной организацией. В ее основе лежала многолетняя практика ведения пограничных войн, а также опыт построения оборонительных лагерей, когда по первому сигналу тревоги все повозки выстраивались кругом (или прямоугольником) и таким образом образовывали неприступную крепость. Навыки были отработаны до автоматизма. Пожив в условиях Фронттира, буры быстро

научились на любую опасность реагировать на манер ежей.

Внутрисемейная дисциплина тоже поддерживалась на высоком уровне. Ошибочно было бы считать, что путешествие обернулось сплошными каникулами для детей. Отнюдь! На стоянках — которые случались не так уж редко — те были обязаны посещать уроки. В Треке действовала настоящая школа под открытым небом. И в дальнейшем повзрослевшие буры доказали, что не напрасно розги плясали по их спинам.

Перейдя вброд Оранжевую реку, трекеры очутились на южном крае Верхнего Вельда — огромного Африканского плато, лежавшего выше уровня Столовой горы. К западу плато незначительно понижалось, так что все реки текли в сторону Атлантического океана. Взору первопроходцев предстала безграничная земля, усеянная крутыми холмами. По мере продвижения на север холмы эти сглаживались и переходили в бескрайние травянистые равнины, над которыми летали тысячи непуганых птиц. А поскольку именно пастбища и были целью буров, то, наверное, здешние края им очень понравились. У них был лишь один недостаток — малая удаленность от Капской колонии.

Могло показаться странным, что столь плодородные земли никем не заселены. Увы, данный факт имел простое (и трагическое) объяснение: совсем недавно здесь прошла карающая десница смерти. Незадолго до прихода трекеров территория, на которой ныне расположены Родезия, Свободное государство и Трансвааль, стала ареной опустошительных межплеменных войн. На протяжении почти сорока лет представители различных племен банту истребляли друг друга. По подсчетам некоторых специалистов, в ходе этих конфликтов было уничтожено не менее полутора миллионов человек. Зачинщиками войны стали зулусы, на тот момент представлявшие куда более

могущественную силу, нежели немногочисленные европейские колонисты. Опустошение и смерть, которые они принесли на бескрайние просторы Верхнего Вельда, не поддаются осмыслению. И уж во всяком случае это никак не согласуется с идиллической картиной мирной жизни, которую якобы вело коренное население Африки до прихода белого человека.

8

Возникает вопрос: а знали ли трекеры, где располагается их Земля Обетованная? Или же шли наугад?

На самом деле еще за несколько лет до Великого Трека в разные концы вельда разослали смельчаков с заданием разведать дальние земли. Примерно в то же самое время две партии трекбуров покинули Колонию и двинулись в северном направлении. Одна из них была подчистую истреблена чернокожими дикарями. Вторая же — изрядно прореженная лихорадкой и мухами цеце — сумела преодолеть горы с их головокружительными пропастями и спуститься к португальскому поселению на берегу Делагоа-Бей. Однако радость путешественников оказалась преждевременной, ибо они попали из огня в полымя — в тех краях свирепствовала малярия, она собрала обильную жатву среди вновь прибывших буров. Несколько оставшихся в живых человек на первом же корабле покинули негостеприимные берега Делагоа-Бей.

Но все это были, так сказать, предварительные приготовления. Настоящий же Трек начался в 1835 году с подачи человека по имени Хендрик Потгитер. Он собрал около двух сотен человек и привел их на территорию нынешнего Свободного государства. Там к нему присоединились новые партии фермеров, среди

которых находилось и семейство Крюгеров. Одного из них, десятилетнего Пауля Крюгера, ждало великое будущее — ему суждено было стать президентом Трансвааля. Треккеры путешествовали не спеша. Месяц за месяцем шли они по вельду, высматривая подходящие места, отправляя вперед разведывательные экспедиции. Хотя местность и казалась безлюдной, но ее периодически патрулировали отряды матабеле. Однажды такой патруль наткнулся на одинокую группу треккеров и вырезал всех до единого. В тот раз погибли пятьдесят три человека, среди которых было немало женщин и детей.

Буры понимали, что коли уж они обнаружены, столкновения с местными жителями не избежать. Вслед за разведчиками неминуемо подтянутся более значительные силы матабеле. Поэтому они разбили укрепленный лагерь на вершине невысокого холма, впоследствии получившего название Вегкоп (что переводится как «Холм битвы»). Здесь следует пояснить, что из себя представлял вагонный лагерь буров. Тяжелые повозки обычно составлялись в круг или грубый квадрат с «дышлом одного вагона, заходящим в соседний». Пространства под днищами забивались ветками колючего кустарника, оставляя лишь небольшие отверстия, которые использовались в качестве бойниц. У Потгитера было пятьдесят вагонов и еще четыре находились внутри периметра — здесь предполагалось ухаживать за ранеными, а также прятать женщин и детей. Крыши этих вагонов покрыли досками и толстыми шкурами, чтобы защитить от падающих сверху ассегаев.

Несомненно, лагерь на Вегкопе представлял собой сильную крепость, но ей катастрофически не хватало защитников. Треккеров было всего пятьдесят человек, а сражаться им пришлось против пятитысячной армии матабеле. Обогнув отрог Вегкопа, вся эта толпа

окружила маленький лагерь буров. Туземцы зарезали свыше восьмидесяти бурских быков и весело пировали в предвкушении победы. А осажденные буры напряженно ждали атаки, к которой давно уже приготовились — все ружья были прочищены и установлены на позициях, пороховые рожки тщательно наполнены. Трекеры заранее расплавили оловянную посуду и отлили сотни пуль, для увеличения убойной силы на них делали глубокие насечки. Каждый из защитников импровизированной крепости знал свои обязанности: мужчины с ружьями заняли места возле бойниц, женщины и дети находились рядом — им предстояло перезаряжать оружие и подносить боеприпасы.

Всю ночь буры провели в томительном ожидании, наблюдая за полыхавшими вдали кострами. Наконец поутру послышался бой боевых барабанов и дикие крики — матабеле пошли в атаку. Они катились сплошной черной волной, кидались на вагоны, пытались расцепить их и выдрать колючие ветки. Пули буров десятками косили нападавших, но на место каждого погибшего вставали новые чернокожие воины. *Импи* снова и снова с безрассудной яростью кидались в атаку. Даже под огнем тяжелых («слоновьих») ружей они рвались вперед, стремясь любой ценой пробиться во вражеский лагерь. Бой продолжался около трех часов, после чего матабеле отступили. Они ушли, оставив под стенами вагонного лагеря свыше четырех сотен погибших воинов. Когда трекеры пересчитали ассегаи, упавшие внутрь лагеря, то были изумлены — их оказалось 1137 штук!

Христиане потеряли в бою всего двух человек (один из них был братом Потгитера). Так что они с жаром вознесли благодарственную молитву Господу.

Плохо было то, что, отступая, чернокожие дикари угнали с собой все стада буров. Сохранились воспоминания некоего Уильяма Корнуоллиса Харриса, английского путешественника, в то время охотившегося

на крупную дичь на землях матабеле. По его словам, две недели спустя далеко на севере он повстречал огромную толпу чернокожих воинов, которые гнали с собой несметные стада коров и овец. Заметив вагон Харриса, они с криками его окружили — словно намереваясь атаковать, — но затем передумали и удалились. Дикари были одеты в меховые килты, сшитые из тройного ряда обезьяньих хвостов и спускавшиеся ниже колен; плечи и верхнюю часть тела покрывали накидки из белых коровьих хвостов. Колени, щиколотки, локти и запястья были украшены кисточкам бычьих хвостов, закрепленных над суставами. На щитах у воинов Харрис заметил отверстия от мушкетных пуль. В течение того дня он еще не раз встречал аналогичные отряды. Это отступала армия матабеле, потерпевшая поражение у Вегкопа.

Победа буров стала первым шагом на том пути, который в конце концов привел к появлению на карте Свободного государства и Трансвааля. С этого момента можно уже вести речь не о Капской колонии, а о Южно-Африканском государстве в целом. И тем не менее вернемся к тому бедственному положению, в котором оказались триумфаторы Вегкопа. Прежде всего они остались без тяглогового скота, а значит, и без транспорта. Их маленький лагерь со всех сторон был завален разлагающимися трупами. Чтобы избавиться от вони и туч назойливых мух, надо было срочно перебираться на новое место. Но как это сделать без быков? Пришлось запрягать в тяжелые повозки непригодных для того верховых лошадей. Однако буры не бросили товарищей в беде. Еще один отряд треккеров под командованием умного и энергичного Герта Марица перешел Оранжевую реку и двинулся на помощь людям Потгитера. Они привели сотню вагонов с необходимыми припасами.

Итак, обе партии первопроходцев объединились и стали лагерем возле горы Таба-Нчу, на две тысячи футов возвышавшейся над равниной. Оставшиеся месяцы зимы прошли относительно спокойно: люди занимались повседневными делами, охотились и обсуждали дальнейшие планы.

Как вернуть угнанный скот? И можно ли продолжать дальше путешествие, не очистив территорию от матабеле? Решено было выслать вперед команду из ста пеших человек и семи всадников — жалкая горстка треккеров, если разобратся! — чтобы те обследовали местность в радиусе двухсот пятидесяти миль и по возможности вернули утраченные стада. Дальнейший ход событий подтверждает мудрость такого решения. Дополнительным аргументом служат свидетельства все того же Корнуоллиса Харриса, которому довелось в ту пору посетить крааль вождя матабеле. Он клянется, будто своими ушами слышал, что Мзиликази вознамерился истребить «всех белых захватчиков».

Итак, маленький отряд выехал в длительный рейд по северным территориям. В селении Мосега им удалось захватить матабеле врасплох и уничтожить четыре сотни человек, не потеряв при этом ни единого бойца. Казалось бы, разведчики выполнили задачу: они завладели стадами матабеле (с избытком компенсировав предыдущую потерю скота) и вернулись в лагерь в сопровождении трех американских миссионеров. Кстати, среди них был и Уилсон — тот самый, чья жена стала первой белой женщиной, умершей в Трансваале. Однако главной проблемы, связанной с безопасностью передвижения, они не решили. Поскольку сам Мзиликази уцелел — его в тот момент не оказалось в Мосега, — то буры не сомневались, что вождь попытается им отомстить. В ближайшее время следовало ожидать нового столкновения.

Тут надо сказать, что самоуверенность буров и их чутье в военных делах поистине достойны восхищения. Любой бур безгранично верил в три фактора: в свое ружье, своего доброго коня и свой зоркий глаз. И эта вера в трех китов партизанской войны уступала только презрению и ненависти ко всем чернокожим. Что ж, буров можно понять, если вспомнить, в каких условиях они вынуждены были существовать. Но, с другой стороны, достаточно почитать воспоминания Харриса и заглянуть в дневники великого миссионера доктора Моффата, чтобы почувствовать, насколько сильно бурская кровожадность действовала на нервы Кейптауну (ведь номинально коренное население считалось дружественным Британии).

Весна 1837 года застала буров на прежнем месте — они стояли лагерем у подножия Таба-Нчу. Но как же этот лагерь отличался от того счастливого сообщества друзей, каким казался всего полгода назад! За прошедшие месяцы между двумя руководителями Трека, Потгитером и Марицем, разгорелась нешуточная вражда. Оба эти человека принадлежали к разряду сильных и волевых лидеров, но во всем остальном разительно отличались. Если худой и высокий Потгитер являл собой тип негибачего отца-основателя, то Мариц выглядел более мягким и утонченным человеком, представителем зажиточных буров. Остается лишь гадать, как сказалось бы их противостояние на дальнейшей судьбе Трека, ибо в критический момент стало известно о скором прибытии нового персонажа — безусловного вожака вуртреккеров по имени Пит Ретиф. В апреле пошли слухи, что его обоз движется вдоль реки Оранжевой и со дня на день достигнет лагеря.

Ретифа знали и уважали все. Он считался деловым и надежным человеком, к тому же, по меркам буров, очень хорошо образованным. Ретиф родился в Западной провинции в гугенотской семье. За свою жизнь (а ему на

тот момент исполнилось пятьдесят шесть лет) Ретиф успел побывать и фермером, и торговцем, и подрядчиком. Он славился как отличный оратор и поборник строгой дисциплины. Ретиф возглавлял партию из ста двадцати человек, которые передвигались на сотне тяжело груженных повозок. В одном из вагонов ехала семья Ретифа, которая, кроме него самого и жены, включала двоих сыновей и двух дочерей. Девушки были настолько хорошенькие, что в честь них назвали ферму Ретифов — Мумесисфонтейн (что в переводе означает «Ручей прелестных дев»).

Стоило появиться Питу Ретифу во главе каравана, как его сразу окружила толпа треккеров. Они радостно приветствовали его и просили занять пост коменданта и губернатора лагеря. Ретиф попытался отказаться, но из этого ничего не вышло.

Это, наверное, была поистине грандиозная сцена. Вообразите себе необъятную равнину, на которой пасутся бесчисленные стада. Там и сям разбросаны палатки и вагоны, пылают лагерные костры. И отовсюду, из самых отдаленных уголков поселения, съезжаются люди, желающие повидать своего вождя. Я хорошо представляю себе эту картину — причудливую смесь прифронтowego лагеря и домашнего быта. На колючем кустарнике развешаны постирушки — детские рубашки и женские нижние юбки, дымят котлы (ибо время близится к обеду), и тут же рядом застыли грозные воины с притороченными к седлам ружьями; суровые патриархи, матери с грудными младенцами и сотни слуг-готтентотов, которые сочли своим долгом последовать за хозяевами в дальнее путешествие.

Ретифа окружили сотни треккеров, а каждый из вагонов превратился в трибуну для зрителей. На их ступенях стоят прелестные девушки в старомодных платьицах с завышенной талией, они укрываются от солнца под зонтиками или изящными масками из козьей

кожи; девушки встают на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть высокопоставленного гостя, и щебечут без умолку. Возле костров без устали снуют спартанского вида матроны в чепцах и грубых саржевых юбках. Бородатые мужчины с бритой верхней губой — все как один в широкополых соломенных шляпах на зеленой подкладке — недовольно шикают на расшалившуюся ребятню. А за этой толпой еще и следующий круг: сюда входят угрюмые фермеры с отдаленных капских ранчо, они задумчиво потягивают свои трубки, в руках у них ружья, на поясе обязательный тесак в ножнах. Рядом стоят пожилые буры — дедушки и бабушки, они между делом урезонируют шумную молодежь. Весь лагерь собрался, чтобы поприветствовать Пита Ретифа.

Вполне вероятно, что по такому случаю буры извлекли из вагонных *кистов* свои лучшие воскресные одежды: бриджи из рубчатого вельвета, шуршащие шелковые платья, нарядные юбки из цветного сукна, в которых обычно ходят в церковь, может быть, даже муфты. Ибо самые обеспеченные из вуртреккеров (и это подтверждают музейные экспозиции) бережно сохраняли принадлежности прежней, оседлой жизни. Я не исключаю даже, что Герт Мариц вышел из своего голубого вагона в блестящем цилиндре, поскольку в те дни ни одна воскресная служба не обходилась без этого символа респектабельности.

Постепенно волнение улеглось. Воцарилась торжественная тишина, которая разразилась звуками религиозных псалмов. А затем наступил вечер с его неотложными делами. Женщины пошли доить коров, мужчины отправились сгонять скот в краали. В воздухе стоит дым от костров, разносятся аппетитные запахи жареной баранины и свежесваренного кофе. Солнце нехотя уползло за вершину Таба-Нчу, и над землей воцарилась звездная африканская ночь.

Даже самые горячие поклонники вуртреккеров не станут утверждать, что этими людьми было легко управлять. Не забудем, что буры — попросту фермеры, то есть крестьяне. Как и любой сельский люд, они были преисполнены всевозможных предрассудков и склонны к междоусобицам. Трекеры не доверяли ничему и никому, а меньше всего соседям. Тем не менее надо отметить: оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах — а как иначе назвать такой поворот в жизни, когда фермеры покинули свою исконную землю и отправились невесть куда и невесть с какими перспективами? — буры проявляли редкостную сплоченность. Уж во всяком случае они могли бы дать сто очков вперед древним израильтянам, которые в сходной ситуации только и делали, что ссорились и роптали на своего предводителя Моисея.

Мне кажется, все эти люди с их Великим Треком выглядели явным анахронизмом на фоне девятнадцатого века. Во всей истории ощущается нечто гомеровское. Вуртрекеры — те же древние греки, только обряженные в вельветовые штаны. И неспроста они сбежали из современного мира — с его станками и паровозами, с его жесткой организацией и погоней за прибылью — назад в эпоху, где первостепенное значение имели такие качества, как личная доблесть и верность боевому товариществу. Не эти ли качества сыграли решающую роль в битве при Фермопилах? В моем понимании именно этот оттенок эпичности делает эпопею вуртреккеров столь интересной и привлекательной. Отчеты о битвах при Вегкопе или Блад-Ривер читаются как рассказы из древнегреческой истории. Весь мир толкует о Марафоне и Фермопилах, но, если разобраться, разве не являются они просто

мелкими героическими эпизодами из той же самой серии? Я заявляю со всей уверенностью: Потгитер с его тяжелым ружьем и заколотым асседаем братом — герой древнегреческой поэмы. Точно так же, как Пит Ретиф, который скачет горными перевалами Дракенсберг навстречу смерти.

Прошло десять дней после прибытия Ретифа, и Трек возобновился. К тому времени население лагеря настолько возросло, что выдвигаться пришлось несколькими группами — иначе было не прокормить многочисленные стада и отары. Две проблемы волновали треккеров: куда они направляются и когда произойдет новое столкновение с матабеле? Вопрос о конечной точке назначения не раз обсуждался на общих собраниях, и здесь мнения разделились. Ретиф хотел вести людей через горы в Наталь, где они получили бы выход к Индийскому океану. Потгитер же, со своей стороны, мечтал о трансваальских землях. Мариц занял сторону Ретифа.

В июне они добрались до берегов Вет-Ривер. Здесь в местечке, позже получившем название Де Хартплаас, треккеры остановились, чтобы выработать собственную конституцию. Собрание одобрило базовый кодекс, изложенный в Девяти статьях, были принесены соответствующие клятвы. Вуртреккеры решили называться Объединенным лагерем, а неведомую землю, куда они шли, окрестили «Свободной Провинцией Новой Голландии в Юго-Восточной Африке». Это громоздкое название было выбрано под влиянием преподобного Эразмуса Смита, маленького пухлого миссионера из Голландии. Формально он не имел права так называться, ибо не прошел посвящения в сан. Тем не менее на Треке Смит исполнял функции священника, поскольку был единственным человеком, хоть как-то причастным к церкви.

Не успели трекеры принять эти важные решения, как в лагере объявился новый персонаж — шумный бородач Пит Уйс, который подтянулся со своими многочисленными стадами и вагонами. В результате численность трекеров еще больше возросла и теперь колебалась между тремя и четырьмя тысячами. В одном из вагонов ехал отец Пита — старый Якоб Уйс, который не выпускал из рук Библию. Книгу эту вручили ему британские колонисты из Грейамстауна, когда бурский караван проходил через их город. Англичане выразили бурам соболезнования по поводу гибели их друзей и пожелали удачи в поиске Земли Обетованной.

Пит Уйс сразу же с головой окунулся в местные политические дразги и начал отчаянно интриговать против Герта Марица. Огромный караван медленно двигался по Верхнему Вельду, а тем временем наступили самые холодные месяцы — июнь и июль. Зима в том году выдалась настолько суровая, что большое количества скота насмерть замерзло. Ретиф по-прежнему лелеял мечту о Натале и снарядил конный отряд, чтобы тот разведал удобные проходы через Дракенсберг. Разведчики выступили в путь с фермы, которая стоит к западу от Уинбурга и ныне называется Брандхук. Они вернулись через две недели и принесли радостные вести: им удалось найти по крайней мере пять перевалов, ведущих к побережью Индийского океана.

Буры по-прежнему спорили и не могли прийти к согласию по поводу конечной цели Трека. Уже кончилась зима, и пришла весна. Надо было что-то решать. Пит Ретиф стремился поскорее уйти в Наталь. Что касается Потгитера, тот горел желанием отомстить матабеле. В результате Объединенный лагерь утратил единство и разделился: Ретиф с небольшой группой единомышленников отправился на восток штурмовать склоны Дракенсберга; основная же часть трекеров

потянулась за Потгитером на север — воевать с Мзиликази.

Рассказывают, что коммандо Потгитера исполнила свой план: нанесла решительное поражение матабеле, положив на поле боя от четырех до пяти тысяч черных воинов. Сам Мзиликази бежал с остатками войска на север — на территорию современной Южной Родезии — и там основал город Булавайо. Матабеле оставили притязания на южные земли. Впредь, если они и пересекали Лимпопо, то лишь набегами. Теперь никто не мешал Потгитеру основать Трансваальскую республику.

10

А в это время Пит Ретиф с маленьким отрядом ближайших сподвижников бродил по горам, пытаясь отыскать удобный путь в Наталь. За его спиной на многие мили растянулась цепочка вагонов: основная часть Трека остановилась у горного перевала и ждала вестей от своего предводителя. Люди не теряли надежды найти дорогу в Землю Обетованную. Они ждали уже пять недель, наслаждаясь отдыхом в прекрасной стране. Наступил октябрь, весь вельд покрылся весенними цветами, по горным склонам журчали ручьи. А Ретиф все шел к Наталю.

Учитывая настроения, с какими вуртрекеры покинули Колонию, может показаться странной сердечность посланий, которыми Ретиф обменивался с капской администрацией. Совсем недавно он отправил письмо губернатору, уверяя его светлость в своих дружеских чувствах к правительству «Его» Величества (ибо Ретиф еще не знал, что на трон взошла королева Виктория). В следующем послании извещал губернатора о намерении исследовать Наталь. А надо сказать, что в те дни Наталь представлялся далекой таинственной

землей, где с разрешения зулусского тирана Дингаана проживала лишь горстка английских торговцев (общее число их едва ли достигало тридцати человек). Ретиф сообщал, что собирается наладить контакт с этими людьми — «дабы никакие обиды не омрачали их будущие отношения». Также он намеревался посетить крааль Дингаана и испросить разрешения поселиться на его территории.

Отряд Ретифа все дальше углублялся в горы, и буры не уставали дивиться тому, что видели вокруг. Эта земля была совсем не похожа на привычные им плоские равнины. Повсюду громоздились могучие горные пики. Растительность здесь была более буйной, птицы — более яркими, под ногами росли невиданные цветы. Они все шли и шли — через темно-зеленые леса и безжизненные участки, усеянные белыми скалами, пока не добрались до самой вершины Берга. А добравшись, бросили взгляд вниз и наконец-то узрели Землю Обетованную. Это был самый прекрасный пейзаж из всех, что они видели когда-либо! Изобильные пастбища террасами сбегали к далекому морю. Местами они перемежались пологими холмами и лесистыми долинами.

В то время на побережье Дурбанской бухты стояли жалкие развалюхи, в которых жили те самые англичане, о которых писал Ретиф. История их странствий способна затмить злоключения Робинзона Крузо. В свое время они приплыли сюда, чтобы торговать слоновой костью и всем остальным, что найдется в этой стране. Постепенно к ним прибились разрозненные группы местных жителей, которые воспринимали белых как своих вождей (чуть ли не божественного происхождения). Помимо англичан в этом же районе обреталось несколько американских миссионеров, приплывших сюда в 1834 году из Бостона. Это была та самая группа,

от которой откололся мистер Уилсон со своей женой и двумя товарищами.

Маленькая община английских торговцев встретила Пита Ретифа с распростертыми объятьями. Их несказанно обрадовала перспектива установления бурской республики. Они уже несколько лет умоляли правительство предпринять хоть какие-то шаги в отношении Наталя, но все безрезультатно. И вот наконец-то хоть какие-то христиане взялись колонизировать здешние земли! Как и в старину на Зуурвельде, англичане и голландцы отлично поладили в отсутствие правительственных чиновников с их обременительными и бессмысленными постановлениями. Причина, полагаю, в том, что этих людей волновала не Политика с большой буквы, не Экономика или Филантропия, а единственно Южная Африка.

На общем собрании решили, что прежде всего Ретифу следует заручиться поддержкой Дингаана, вождя местного зулусского населения. Если верить воспоминаниям современников, то человек этот был сущим монстром, к тому же обладавшим неограниченной властью. По одному его слову людей обрекали на жуткую, мучительную смерть, а Дингаан наслаждался видом их агонии. Как-то раз один белый торговец подарил ему увеличительное стекло, и с тех пор в солнечную погоду Дингаан развлекался тем, что прижигал руки своим слугам. И поверьте, это было одно из его самых безобидных развлечений.

Вот на встречу с этим-то чудовищем и отправились Пит Ретиф и его спутники. Резиденция Дингаана располагалась на холме в шестидесяти милях от Дурбана и носила звучное название Умгунгундхлову, что переводилось как «Место слонов». Оставив свои вагоны на берегу Тугелы, буры переправились через реку и двинулись к королю зулусов. В качестве переводчика с

ними ехал один из местных англичан, человек по имени Томас Холстед. Когда путешественники приблизились к столице Дингаана, взору их предстал целый город. Сотни круглых, крытых соломой хижин, выстроенных ровными рядами с почти военной точностью, образовывали приблизительный овал, занимавший всю вершину холма. Часть хижин (они выглядели выше других) использовали для хранения военного обмундирования — ассегаев, щитов и меховых накидок, — чтобы оградить их от непрошеного вторжения полчищ муравьев и прочих вредоносных паразитов. В центре поселения располагалась площадь, где обычно проводились ритуальные танцы и воинские упражнения. Поблизости стоял Большой дворец — высокая круглая хижина диаметром около двадцати футов, свод которой поддерживали двадцать два шеста, покрытых бисером. Здесь-то и расположился тиран Дингаан в окружении своего гарема из сотни жен и многочисленной зулусской гвардии. Каждое из воинских подразделений обитало в отдельной «казарме» и имело собственные цвета боевого облачения.

Соседний холм был известен под названием Хломо Амабуто, то есть «холм воинов», но главным его предназначением было служить местом казни. Эта местная Голгофа представляла собой жуткое зрелище: поскольку казни случались чуть ли не ежедневно, а трупы не убирались, здесь всегда было полным-полно стервятников. Разжиревшие сверх всякой меры птицы сидели по скалам в ожидании очередной жертвы. Да уж, малоприятное местечко! И я не завидую английскому миссионеру, преподобному Фрэнсису Оуэну, которого Дингаан поселил как раз напротив Хломо Амабуто. Остается лишь восхищаться мужеством этого человека — в прошлом выпускника кембриджского Сент-Джонс-колледжа и викария Нормантонского прихода в Йоркшире, — который, следуя христианскому долгу,

приехал в Африку и попал в самое логово кровавого тирана. Еще большего уважения заслуживает отвага сопровождавших его женщин — жены миссионера, его сестры и белой служанки.

Бурам пришлось два дня дожидаться аудиенции у Дингаана. Лишь на исходе третьего дня они были допущены пред светлые очи зулусского короля. Дингаан поразил их прежде всего своими габаритами. Огромный, тучный зулус сидел на стуле, вырезанном из цельного куска дерева, в странном головном уборе с вуалью и тонкими кисточками, скрывававшими лицо. Со всех сторон его окружали черные жены и советники. Последовала долгая пауза, в течение которой король разглядывал Пита Ретифа. Потом он заговорил. Первыми его словами были: «Ты слишком мал для настоящего бура» (Ретиф и впрямь не отличался высоким ростом); затем он обвинил белых пришельцев в том, что они якобы угнали его скот. Подобный инцидент действительно имел место в недавнем прошлом — неизвестные люди в европейской одежде увели у Дингаана стадо коров, но буры к этому не имели ни малейшего отношения. Ретиф попытался оправдаться, доказывая, что, скорее всего, угон совершили подданные одного из мелких местных вождей. И тут Дингаан отреагировал с присущей ему сообразительностью. Он предложил Ретифу сначала найти похитителей и вернуть скот, а затем уже вернуться к разговору о земле. Похоже, Пит Ретиф — движимый нетерпением и заботой о людях — был склонен принимать желаемое за действительное. Во всяком случае Оуэн и Холстед куда более пессимистично оценили этот визит к королю. Обещания Дингаана выглядели довольно туманными. Он даже не определил, о какой земле идет речь — не о той ли, которая уже отдана англичанам? Тем не менее воодушевленный Ретиф пообещал выполнить все требования Дингаана.

Он отправил соотечественникам несколько бодрых писем, в которых писал о надеждах на успешное завершение переговоров. Заразившись энтузиазмом своего предводителя, треккеры начали готовить вагоны к переходу через Дракенсберг. В принципе, мероприятие это не представляло особой опасности. Путь был разведан, и пусть спуск в Наталь выглядел достаточно крутым, но буры уже научились справляться с такими проблемами. За время перехода у них пострадал лишь один вагон, у которого порвались цепи. Помимо этого шум привлек к каравану льва, и тот утащил корову из стада. Так или иначе, а треккеры преодолели перевал, и вскоре около тысячи вагонов расположились на западном берегу Тугелы в том месте, где Бушмен-Ривер встречается с рекой Блаукранц.

Ретиф вернулся к своим людям и вскоре во главе команды вышел на поиски похищенного стада Дингаана. Буры с честью справились с этой задачей. И в конце января 1838 года — примерно через два месяца после первой встречи с зулусским королем — Ретиф возвращался в Умгунгундхлову, чтобы окончательно скрепить сделку с Дингааном. Его сопровождали шестьдесят шесть европейцев (среди них уже испытанный переводчик Холстед) и около тридцати слуг-готтентотов. Перед собой они гнали обещанное стадо. Несколько бурских ребятишек, в том числе и четырнадцатилетний сын Ретифа, упростили взрослых взять их с собой, чтобы они могли взглянуть на легендарного короля Зулуленда.

Подъезжая к Умгунгундхлову, буры дали ружейный залп — это был обычный способ известить о своем прибытии. Их встретили и разместили в специально устроенном лагере за пределами города. За несколько дней до того сюда начали прибывать толпы зулусских воинов в полном боевом облачении, и сейчас все они собрались вокруг гостей. Дингаан пожелал, чтобы белые

продемонстрировали «танец на спинах лошадей», и бурам пришлось организовать представление в духе Буффало Билла. После чего чернокожие воины исполнили национальные танцы.

На следующий день состоялись собственно переговоры, на которых присутствовал Пит Ретиф и несколько его доверенных командиров. Буры выполнили свою часть договора, теперь дело было за Дингааном. С возвратом скота формальных оснований для отказа не оставалось, и король торжественно скрепил своей подписью договор, согласно которому земли между Тугелой и Умзимвубу переходили в собственность буров. Ретиф спрятал драгоценный документ в охотничью сумку, и на том деловая часть встречи завершилась. Следующий день стал днем веселого празднества и подготовки к отъезду. Сидя в краале, буры наблюдали за красочным представлением — молодые зулусские воины исполняли традиционные «танцы со скотом». Каждое из воинских подразделений танцевало со своим стадом в четыреста голов: первое с безрогими коровами, второе с черными, третье с белыми быками и т. д.

По ходу выступления Дингаан развлекал гостей оживленной беседой: расспрашивал их, хвастал собственными богатствами. Под конец Ретифу пришла в голову идея — крайне неудачная, надо признать — продемонстрировать королю, как европейцы умеют вести конный бой. Вот уж трудно придумать более неприятное зрелище для зулусского короля! Хотя Дингаану самому не доводилось видеть, как буры на ходу разряжают ружья, но он был об этом наслышан. Именно при помощи таких фокусов они победили вождя Мзиликази и заставили его бежать за пределы Лимпопо. Завершив представление, буры поскакали в лагерь — пообедать и дать отдых лошадям перед тем, как пускаться в обратный путь. Когда они уже были готовы выезжать, явился гонец с известием, что Дингаан просит

гостей задержаться до завтра. Утром, мол, будут еще танцы и «кафрское пивопитие», после чего они смогут уехать с миром. Не желая обижать короля отказом, буры согласились остаться.

К тому времени в воздухе уже ощущалось некое напряжение. Находясь на своем «миссионерском» холме, преподобный Фрэнсис Оуэн наблюдал за королевским краалем — а надо сказать, его жилище стояло прямо напротив Большого дворца, и они с Дингааном всегда могли видеть друг друга в подзорную трубу — и заметил какое-то подозрительное оживление. Он предупредил одного из буров, чтобы те уезжали, не дожидаясь рассвета, — ибо в поселке что-то «затевадается» (как он выразился) и зулусы ведут себя «необычно». Говорят, Ретифу поступали и другие предупреждения, но он не желал верить в предательство Дингаана. Утром следующего дня двое буров завтракали у четы Оуэнов, и миссионер поинтересовался, как им понравился король. Буры ответили, что он «вполне хорош».

Вскоро после завтрака пришел один из Дингаановых военачальников сообщить, что все готово к празднику. Оставив в лагере лошадей и ружья (как того требовал этикет), буры пешком отправились в Большой Крааль, где их уже поджидал король. Он сидел в своем резном кресле под «канделябровым» деревом и радушно приветствовал гостей. Пита Ретифа он усадил подле себя, остальные разместились прямо на земле немного поодаль. Мужчинам подали «кафрское пиво», детям — молоко, и Дингаан подал знак к началу представления.

На сей раз выступали два лучших королевских подразделения — «Белые щиты» и «Черные щиты». Безоружные воины начали хором что-то напевать и кружиться в ритуальном танце. В это время за спинами ничего не подозревавших зрителей собиралось еще два подразделения зулусских воинов, вооруженных короткими копьями и боевыми дубинками. Движения

танцующих все ускорялись, голоса становились громче. В тот миг, когда представление, казалось, достигло своей кульминации, Дингаан вскочил со своего трона и громко прокричал:

— Вперед, мои воины! Убить колдунов!

И прежде чем буры успели понять, что происходит, на них со всех сторон напали зулусские воины. «Нам конец!» — кричал Томас Холстед. Со всех сторон доносились отчаянные вопли: «Измена! Нас предали!» и «Смилуйся над нами, Господь!» Некоторые из буров успели выхватить охотничьи ножи и убить около десятка зулусов. Остальные нападавшие, обезумев от полученных ран, позабыли о запрете проливать кровь в пределах королевского крааля, и принялись избивать дубинками плененных буров. Несколько человек были убиты на месте, остальных потащили на Хломо Амабуто. И в течение всей этой ужасной сцены над площадью разносился голос Дингаана, командовавшего кровавой расправой.

Незадолго до того в дом Оуэна явился зулус с посланием от короля. Дингаан сообщал, что собирается убить буров, и предупреждал миссионера, чтобы тот не пугался — ему самому и его семье ничто не угрожает. Пока объятый ужасом англичанин прикидывал, что он может сделать для спасения несчастных треккеров, раздался крик: «О Боже! Они убивают буров прямо сейчас!»

Я бросился к подозрительной трубе и увидел жуткий переполох на холме, — записывал тем вечером Оуэн в своем дневнике. — Огромная толпа зулусов (по девять-десять человек на каждого бура) тащила беспомощных и безоружных жертв на место казни. Там им предстояло навсегда распрощаться с белым светом, на который еще сегодня поутру они

взирали с такой радостью. Я в отчаянии упал на колени. Миссис и мисс Оуэн были поражены не меньше моего. Мы, как могли, утешали друг друга... Завершив свое кровавое деяние, толпа палачей вернулась обратно к королю. При их появлении над площадью разнеслись громкие торжествующие крики, которые хорошо были слышны на нашей станции.

...В этот ужасный миг я обнял свою семью и начал читать 91-й псалом: «Не утратишься ужаса ночного, стрелы, летящей днем... Ибо ангелам Своим Он заповедает о тебе, хранить тебя на всех путях твоих». Слова эти настолько точно подходили к нашей ситуации, что голос мой прерывался от слез, и я едва сумел закончить молитву!

Буры отчаянно сражались до последнего. Перед тем как казнить Ретифа, зулусы заставили его стать свидетелем смерти товарищей и малолетнего сына. Трупы буров, как обычно, оставили разлагаться на вершине Хломо Амабуто, поверх навалили тела их чернокожих помощников и кучеров. Палачи вырезали сердце и печень Ретифа и, завернув в тряпку, отнесли королю Дингаану. Надо думать, этот монстр сполна насладился своей победой! Тем солнечным февральским утром на Холме Казней лежали тела шестидесяти буров, одного англичанина и огромного числа готтентотских слуг. Богатая пожива для стервятников, которые уже кружились в небе.

Несколько дней спустя Оуэн со своей семьей покинул Умгунгундхлову, опасаясь, что их тоже может постигнуть судьба несчастных треккеров. Он провел в Южной Африке около трех лет, а затем вернулся в Англию, где занял пост викария в одном из шеффилдских приходов.

Знакомство с «Дневником» Фрэнсиса Оуэна позволило положить конец несправедливым слухам, которые долгое время циркулировали по всей Колонии. Слухи эти (хоть и понятные в той обстановке, но от того не менее обидные) касались неблагоприятной роли британцев в случившейся трагедии. Поговаривали, будто буров предали их английские друзья. Должен напомнить, что англичане сами серьезно пострадали в этой истории. В первые же дни после убийства Пита Ретифа их поселение в Порт-Натале было стерто с лица земли зулусскими воинами Дингаана.

11

Не удовольствовавшись убийством шестидесяти буров, Дингаан решил уничтожить все их лагеря на своей земле. Он отправил десять тысяч воинов, вооруженных ассегаями и боевыми дубинками, на берега Тугелы с наказом напасть на спящих буров и вырезать всех до единого.

К тому времени передовые стоянки буров раскинулись почти 80-километровым фронтом вдоль берегов Бушмен-Ривер и Блаукранц в районе их впадения в Тугелу. Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись распряженные вагоны. Люди стояли в основном семейными группами и имели слабую связь с соседними стоянками. Лишь очень немногие буры соблюдали походную дисциплину и составляли на ночь повозки в лагерь. А враг был уже рядом. К вечеру 16 февраля, то есть через десять дней после кровавой бойни в Умгунгундхлову, тысячи вооруженных зулусов подобралась на расстояние броска к ближайшим стоянкам буров и залегли в ожидании ночи.

В назначенный момент зулусские отряды бесшумно покинули свои укрытия и одновременно атаковали

стоянки спящих треккеров. На следующее утро оставшиеся в живых подсчитали потери и ужаснулись масштабу постигшей их катастрофы. За одну лишь ночь погибли сорок один мужчина, пятьдесят шесть женщин, сто восемьдесят пять детей и свыше двухсот пятидесяти цветных слуг. Таковы печальные итоги события, позже получившего название «Блаукранцской резни».

Буры прекрасно понимали: до тех пор, пока Дингаан не разбит, им не будет жизни в этой стране. Однако еще долгих десять месяцев — до самого декабря 1838 года — они залечивали раны и собирались с силами, чтобы выступить против ненавистного Дингаана. За это время Герт Мариц умер, и движение треккеров возглавил новый лидер — Андриес Преториус, чьим именем впоследствии была названа столица Трансвааля. Буры сформировали команду из четырехсот шестидесяти четырех всадников и выступили в поход против врага, численность которого составляла десятки тысяч человек. С собой буры взяли шестьдесят четыре вагона с продуктами и боеприпасами. Где-то по пути, на одной из стоянок, они сообща вознесли молитву Господу с просьбой о помощи в борьбе с врагом и поклялись в случае дарования победы над зулусами возвести церковь и в память об этом учредить особый День благодарения. Профессор Уис рассказывал мне, что в то время, когда буры приносили свой обет, их лагерь охраняли англичане.

Коммандо вошли в контакт с противником неподалеку от зулусской столицы. Буры встали лагерем возле реки, заняв очень выигрышную позицию, и стали ожидать подхода вражеской армии. Ранним утром зулусы атаковали вагонную крепость вуртреккеров. Очевидцы пишут, что буры не открывали огня до тех пор, пока *импи* не приблизились на расстояние десяти ярдов. Лишь тогда из-за стен вагонов на них обрушился шквал «слоновьих» пуль и «бурской дробы». Сражение

длилось три часа, и ружья треккеров, опять же, по свидетельствам очевидцев, раскалились докрасна.

Затем в ходе битвы наступил момент, который вызывает наибольшее восхищение. Небольшая группа буров во главе с Бартом Преториусом, братом коменданта-генерала, покинула пределы лагеря и выехала навстречу врагу. Они на ходу наводили двуствольные ружья на *импи* и палили прямо с седла, а затем разворачивались и отъезжали обратно, чтобы перезарядить оружие для новой атаки. Это была испытанная практика буров, и она вновь дала блестящие результаты. Во время последнего броска треккерам удалось в одном месте расколоть зулусскую армию. Видя это, Андриес Преториус возглавил отряд из трехсот буров и тоже бросился в атаку. Всей массой треккеры вломились в образовавшуюся брешь. Затем одна половина стала забирать вправо, а вторая влево, все более разрывая ряды *импи*. Неожиданность нападения вкупе с мощностью огнестрельного оружия совершенно деморализовала зулусов, и вскоре те обратились в паническое бегство.

Когда буры вернулись в лагерь — лошади их были в мыле, а ружья в буквальном смысле слова дымились, — то обнаружили, что воды реки покраснели от крови убитых врагов. С тех пор река эта именуется Блад-Ривер, что в переводе означает «Кровавая река». Читая отчеты о подобных сражениях в духе Гомера, кто-то, пожалуй, может решить, что и потери в них подсчитывались дедовскими способами, то есть на глазок и весьма приблизительно. Так вот, спешу уверить вас, дорогой читатель: по крайней мере в битве на Блад-Ривер потери зулусской армии были подсчитаны весьма тщательно, и оказалось, что они превышают три тысячи человек!

После столь убедительной победы Преториус повел войско на столицу Дингаана. К сожалению, король зулусов загодя узнал о приближении врага. Он велел

поджечь селение и бежал в Свазиленд, где вскоре и умер. Дингаан пал от рук враждебно настроенных родственников и был похоронен в могиле, месторасположение которой раскрылось лишь несколько месяцев назад. Что касается буров, то, захватив зулусскую столицу, они первым делом отправились на Холм Казней. По остаткам одежды, ножнам и прочим личным вещам они разыскали тела Пита Ретифа и его товарищей, которые десять месяцев пролежали на вершине холма. В соответствии с королевской волей никто из жителей Умгунгундхлову не смел прикасаться к вещам казненных жертв. Поэтому вершина Хломо Амабуто была усеяна медными браслетами и прочими ценными предметами. Они прекрасно сохранились за ненадобностью главным властителям холма — стервятникам.

То же самое можно сказать и о личном имуществе буров, бывшем при них на момент гибели. Все их вещи по-прежнему лежали в карманах или валялись на земле рядом с полуистлевшими телами. Из кожаной сумки Ретифа извлекли документ, подписанный Дингааном и подтверждающий права треккеров на Натальскую землю.

В этой печальной эпопее особенное впечатление на меня произвели две детали. Прежде всего в глаза бросается необыкновенное сходство бурских лидеров и «железнобоких» Кромвеля. И второе: не могу не восхищаться военным мастерством и личным мужеством зулусских воинов. С современной точки зрения Дингаан, конечно же, выглядит чудовищем. Но, полагаю, он был не более жесток, чем большинство чернокожих той поры (да и белых тоже, если на то пошло). Не следует также забывать, что Дингаан являлся патриотом Зулу. Стремясь во что бы то ни стало защитить свою страну от вторжения белых чужаков, он не останавливался ни перед предательством, ни перед вероломством. И в этом

заключается личный вклад Дингаана в совершенную военную машину, созданную его великим предшественником Чакой.

В заключение остается сказать, что буры исполнили свой обет. Они построили церковь в Питермарицбурге, нынешней столице Наталя; а также учредили День Дингаана — 16 декабря весь Союз отдает печальную дань тем бурным событиям девятнадцатого века.

12

В Питермарицбурге я первым делом отправился взглянуть на церковь Обета, где ныне располагается Музей вуртреккеров. Это маленькое скромное здание, возведенное бурами в исполнение данной клятвы.

В нем можно увидеть старый орган, который сопровождал буров во время Трека. Полагаю, он принадлежал мистеру Эразмусу Смиту и вместе с ним совершил рискованное путешествие через Берг. Здесь же хранится складной метр, которым пользовались в 1839 году при закладке Питермарицбурга. Среди экспонатов музея и несколько женских нарядов начала девятнадцатого века. Они дают представление о том, как выглядели бурские дамы во время воскресных служб. Рядом выставлены мужские камзолы из тонкого сукна, свадебная фата и некоторые другие предметы одежды. Во внутреннем холле стоит настоящий треккерский вагон.

Больше всего меня заинтересовала темно-зеленая стеклянная фляга, найденная на теле Пита Ретифа. На одной ее стороне — обрамленное венком изображение американского орла и инициалы «J. K. V.», очевидно, обозначающие имя мастера-изготовителя. На другой видны масонские эмблемы, которые были в ходу в Англии и Америке в начале девятнадцатого века. Фляги

эти представляют загадку для экспертов по истории масонской организации. Хотя в экспозиции музея этот экспонат именуется «бутылкой для воды», я абсолютно уверен (и, думаю, большинство специалистов со мной согласятся), что изначально фляга предназначалась для джина или виски. Я видел точную копию фляги Ретифа (с теми же самыми инициалами!) в лондонском музее франкмасонов, расположенном в здании действующей Великой Ложи Англии. И, насколько мне известно, в Соединенных Штатах существуют и другие экземпляры этой реликвии.

Я беседовал с директором Художественной галереи Йельского университета, и он сообщил мне, что подобные фляги, помеченные инициалами «J. K.V.», производились в Нью-Хэмпшире в самом начале девятнадцатого века — как раз тогда, когда дискуссия по поводу масонов достигла в Америке пика. Считается, что загадочные инициалы «J. K. V.» — комбинированный знак хэмпширских мастеров.

Однако возникает вопрос, откуда у Ретифа эта фляга? Ведь он вроде бы не принадлежал к масонам? Проблема еще более запутывается благодаря иллюстрации, приведенной в книге доктора Годи-Молесбергена «История Южной Африки в изображениях». Там представлен совершенно иной сосуд в серебряной оправе! По словам автора, Ретиф получил его в подарок от грейамстаунских масонов. И будто бы фляга эта хранится в музее Претории. Годи-Молесберген написал об этом в 1913 году, но я побывал в музее и убедился, что там нет такого экспоната. И, насколько мне удалось выяснить, никогда не было! Тогда где же он? Тот экземпляр, что выставлен в музее Питермарицбурга, был предоставлен Богословской семинарией из Стелленбоша. Это весьма солидная организация, и нет оснований сомневаться в подлинности ее дара. Было бы очень интересно узнать,

каким образом этот таинственный предмет попал к Питу Ретифу. Возможно, флягу дал ему один из американских миссионеров, которые в то время жили в окрестностях Дурбана. Однако если у Ретифа уже имелась одна фляга — подарок грейамстаунских масонов, то зачем бы ему обзаводиться еще одной? Сплошные загадки.

Как бы то ни было, но, думаю, вуртрекеры порадовались бы, узнав, что их национальный герой отправился на смерть с американской флягой в кармане.

Питермарицбург производит впечатление очень приятного и респектабельного поселения, которое с подобающим достоинством несет бремя столичного города. Во время моего визита в Питермарицбурге стояла страшная жара, от которой не было спасения даже в ночные часы. пышная субтропическая растительность неподвижно замерла в сгустившемся воздухе и, казалось, мечтала хоть о малейшем ветерке. Местные жители в шутку называют свой город «Сонной лощиной» и постоянно прохаживаются по поводу его врожденной лени. Послушать их, так жизнь в Питермарицбурге — одна нескончаемая сиеста. Подобное представление, однако, никак не согласуется с витринами местных магазинов, где во множестве выставлены теннисные ракетки, клюшки для гольфа и поло, а также биты для крикета и футбольные мячи.

В городе имеется великолепная ратуша, которую почему-то называют ренессансной, хотя, на мой взгляд, это массивное здание служит типичнейшим образцом эпохи Эдуарда VII — короткого, но яркого периода в архитектуре и повседневной моде. Мне показывали также здание Провинциального совета, в котором прежде (еще до образования Союза) заседал парламент Наталя. Странно было наблюдать, как вездесущая тень Вестминстера дотягивается даже до этого городка в южноафриканской глубинке. Я заглянул в просторный

античный зал, где мне продемонстрировали барьер — точь-в-точь как в палате общин, парламентский звонок и хранившиеся в застекленной витрине принадлежности «Черного жезла» — гофрированные манжеты, шейный платок, жезл и меч. Военная история Вестминстера представлена здесь камнем из лондонского здания парламента.

Не приходится удивляться, что в столь молодом государстве (каковым по сути является Южная Африка) искусство общественной скульптуры рассматривается как некая дорогостоящая прихоть. Да и особыми шедеврами данный жанр пока не блещет. Тем более приятно было увидеть памятник натальским добровольцам в англо-бурской войне, стоявший в маленьком городском садике. Я подумал: очень символично, что центральной фигурой мемориала является Ника, крылатая богиня победы, которая вкладывает меч в ножны.

Каждый вечер на закате небо над Питермарицбургом оглашается звуком хлопающих крыльев, и вы можете наблюдать сотни птиц, слетающихся в город. Некоторые, подобно уткам, летят стройными рядами, другие же, как скворцы, прибывают огромными хаотическими стаями. И все они устраиваются на ночлег в Птичьем заповеднике.

Он представляет собой хорошо спланированный парк площадью пять акров, отданный в безраздельное пользование пернатым. Здесь много водоплавающей дичи, изредка встречаются неторопливые, величавые журавли и более распространенные цапли — эти ежедневно покидают заповедник, улетаая кормиться на дальние поля. Глядя на это скопление птиц, я сразу же вспомнил Трафальгарскую площадь. Там тоже каждый вечер собираются тысячи скворцов, которые устраиваются на ночлег в окрестностях Национальной галереи и церкви Святого Мартина-в-Полях. Надо отдать

должное здешним скворцам: хотя их и больше, чем в Лондоне (наверное, сотни тысяч), но вели они себя не в пример тише и воспитаннее.

Белая цапля является неизменной спутницей коров, и ее неподвижная фигурка, застывшая посреди поля, давно уже превратилась в характернейшую деталь любого сельского пейзажа Южной Африки. Местные жители называют ее «птицей-побирушкой», и прозвище это покажется не столь обидным, если знать привычки белой цапли. Дело в том, что она приспособилась склевывать насекомых, которые расползаются из-под копыт коров. За этим занятием цапля и проводит весь день: стоит возле своей «благодетельницы» и ждет, когда ей что-нибудь перепадет на обед. Говорят, не брезгует она и теми насекомыми, которые падают с самой коровы. Порой можно видеть особо нетерпеливую цаплю, которая стоит, взгромоздившись корове на спину.

Проезжая по бескрайним просторам Южной Африки, вы постоянно видите этих птиц — на любом поле обязательно торчит одна, а то и две одинокие унылые фигурки. Зрелище это трогает душу, и в голову начинает лезть всякая сентиментальная чушь, типа — вот она, преданная птица-однолюб. Наверняка, она в прошлом потеряла любимого супруга и теперь коротает свои дни в горестном одиночестве. Спешу разочаровать вас, уважаемый читатель. Ничего подобного! На самом деле белые цапли не менее общительные птицы, чем, скажем, ласточки или скворцы. Они точно так же живут стаями, и каждая из этих трогательных «одиночек» принадлежит к определенной стае. Достаточно понаблюдать за цаплями в сумерках, чтобы убедиться: с приближением вечера каждая из них говорит «спокойной ночи» корове и присоединяется к остальным сородичам, которые летят на ночевку. Для здешних цапель это означает — домой, в заповедник

Питермарицбурга, где для каждой найдется уютное местечко в ветвях деревьев.

По пути в Дурбан я остановился, чтобы полюбоваться долиной Тысячи Холмов. По своей популярности здешний пейзаж, наверное, занимает второе место после знакомого всем абриса Столовой горы. Ни один путешественник, направляющийся в Дурбан, не пожалеет часа-другого, чтобы обозреть захватывающую панораму. Вашему взору предстает подлинный Наталь — бесконечная череда зеленых холмов, простирающаяся до самого горизонта. Уверяю вас, это пейзаж, который вы не скоро забудете.

Глава седьмая

Зулусы вчера и сегодня

Я приезжаю в Дурбан и узнаю подробности знаменитой скачки Дика Кинга. Я оказываюсь на территории Зулуленда, наблюдаю за национальными танцами, а затем еду к месту исандлванской бойни, где погиб наследник империи. Я провожу несколько незабываемых дней в охотничьем заповеднике Хлухлуве, где свожу знакомство с весьма злобным носорогом.

1

С первого взгляда Дурбан напомнил мне курортный Майами во Флориде. Прямо вдоль побережья тянется череда великолепных зданий, ослепительно сверкающих в солнечных лучах. Могучие волны Индийского океана мерно накатываются на белый песок и снова отступают в глубь лагуны, наверное, самой прекрасной во всей Африке. Если же вы решите полюбоваться ночным городом и подниметесь на холм, то дух захватит от обилия огней, которые разбегаются во все стороны на многие мили.

Дурбан неправдоподобно красив — он похож на роскошные кинодекорации к голливудской комедии. В этом городе все кажется слегка чрезмерным. Солнце слишком белое и слепящее, чтобы быть всамделишным; листва чересчур сочная и зеленая для настоящей, а экзотические цветы поражают размерами и расцветкой. В реальной жизни такого не бывает! И тем не менее на

фоне этих потрясающе ярких декораций бегают самые обычные трамваи, автобусы приходят точно по расписанию, люди торопятся на работу в офисы, машинистки стучат по клавишам машинок, каблогаммы исправно отправляются во все уголки мира, а в огромном муниципальном дворце восседает самый настоящий мэр. Он сидит в комфортабельном кабинете с кондиционером и цветными эстампами на стене, изображающими новозеландские пейзажи, и решает обычные проблемы большого города. Потому что Дурбан — несмотря на кажущуюся иллюзорность — самый настоящий, реальный город.

Подобно всем южноафриканским портам, он представляет собой причудливую смесь бизнеса и развлечений. По улицам всегда разгуливают толпы местных жителей и приезжих. А посему если при вас скажут, что в Дурбане поразительно красивые девушки, можете смело считать это комплиментом всему женскому населению Союза. Ибо, восхищаясь прелестями очередной юной красавицы, разве можете вы с уверенностью сказать откуда она — из Дурбана, Претории или Блумфонтейна? И где еще во всей Южной Африке сыщется такая провокационная смесь белого, коричневого, черного и желтого цветов? Вы сворачиваете с центрального проспекта и сразу же натываетесь на мечеть или индуистский храм. Перед вашими глазами проходят мусульмане в фесках и прелестные индуски, такие хрупкие и эфемерные в облаках розовато-лилового шифона (а они все в юности выглядят хрупкими призраками). Вам кажется, будто вы попали в волшебную сказку. «Тысяча и одна ночь»! Но тут очередной поворот выводит в куда более приземленные места. Вы оказываетесь на рынке банту, где огромные чернокожие мужчины добродушно потягивают «кафрское пиво», сваренное на муниципальных пивоварнях. Воистину, Дурбан — город

контрастов. Здесь на одной улице вы можете увидеть и современную аптеку, где человек в стерильно-белом халате отпустит патентованное средство от простуды, и местного колдуна, торгующего обезьяньими лапками и «чудодейственной мазью» из жира бегемота.

Посреди толпы автобусов, трамваев и американских лимузинов вдруг обнаружится варварская фигура зулусского рикши. Все, как полагается, как и сто лет назад: на голове затейливый убор из бычьих рогов и перьев, на голых руках побрякивают разноцветные бусы; шаркая босыми ногами по асфальту, чернокожий «бой» семенит меж деревянными оглоблями — самое древнее такси на земле!

Европейские обитатели Дурбана в избытке обеспечены всеми атрибутами роскошной жизни. Они могут похвастать собственным яхт-клубом и плавательными бассейнами; у них есть гольф, поло и крикет; а некоторые достаточно богаты, чтобы жить в имперских виллах, разбросанных по склонам холмов. Здесь стоят увитые бугенвиллеями перголы, а сквозь беломраморные колонны открывается головокружительный вид на Индийский океан. Тихие, пронизанные солнцем сады насыщены потаенной жизнью — здесь распевают сверчки, трещат полуденные цикады, а меж нагретых камней снуют юркие ящерицы. Земля тут красно-охряного цвета, и растут на ней диковинные пламенеющие цветы. Палисандровые деревья стоят в сплошном цветении, напоминая сады Кью в пору цветения сирени. Усыпанный ярко-алыми звездами делоник царский порой вырастает выше вязов. Ошеломленный, я гулял по этим экзотическим садам и вдруг набрел на клумбу штокроз, окаймленных бордюром из дельфиниума. Ощущение такое, будто среди знойного дня мне подали стакан хрустально-чистой прохладной воды.

В первый же день моего пребывания в Дурбане я приглашен на обед в ресторане. Здесь работают электровентиляторы (все верно, ведь на улице жаркий декабрь), на десерт подают манго. Мой приятель обращается официанту, пожилому индусу, со словами:

— Давненько вас не видел! Как поживаете?

Тот немедленно принимает самый несчастный вид и сообщает, что судьба жестоко обошлась с ним — он потерял сына. Мой друг, естественно, выражает соболезнования и спрашивает, остались ли у него еще дети.

— Теперь, — отвечает официант со скорбной миной, — у меня всего шестнадцать детей.

2

Если, живя в Лондоне или Париже, вы прирастали к ранним прогулкам по улицам полупустого сонного города, то, боюсь, вам совсем не понравится в Дурбане. Ибо здешний люд встает невероятно рано. В семь утра на улицах уже кипит повседневная жизнь. В восемь вы можете не только купить все, что надо, но и позвонить практически в любой офис. К девяти вы уже задыхаетесь от жары и начинаете понимать, почему рабочий день в Дурбане начинается в такую рань.

Я получил колоссальное удовольствие от посещения Дурбанского музея. Это солидное учреждение, идеально организованное для представления животного мира Южной Африки. Небольшая ремарка для европейцев: вся наша долгая история — с ее каменным и бронзовым веками, с ее эпохами кельтов, римлян и англосаксов — для южноафриканцев не более чем отвлеченная абстракция. Все это им с успехом заменяет огромная и разнообразная фауна Южной Африки. В экспозиции

Дурбанского музея животная жизнь представлена во всех ее проявлениях — и та, что летает на крыльях, и та, что бегают на четырех лапах или даже ползает на пузе!

Проведя в Южной Африке всего неделю, вы начинаете бойко ориентироваться в основных представителях мира пернатых. В первую очередь, это, конечно же, цапля (или «птица-побирушка») и птица-секретарь. Кроме того, существуют большой орел и малый орел, или бородач (которого иногда можно увидеть сидящим на скалах, но чаще парящим в небе на распростертых крыльях), а также журавль и дикая утка. С этими все понятно. Но остается еще огромное множество мелких птичек, которых вы не научитесь распознавать, пока не попадете в специализированный музей данного вида. Для меня огромным открытием стала пичуга по имени медсос, или медовый проводник, как ее здесь называют. Размером она не больше воробья, да и окраской своей не сильно от него отличается — тоже серо-коричневая, только на спинке у нее два желтых пятнышка. Зато поведение ее не поддается никакому объяснению! Эндрю Спаррман еще в 1772 году описал удивительные повадки медсоса, но тогда никто ему не поверил.

«Эта птичка, распространенная во многих областях Африки, — писал он, — приводит людей и животных к лесным гнездам пчел. А взамен она ожидает, чтобы ей оставили небольшую порцию пчелиных сот, причем желательнее с личинками».

— Несколько лет назад, — рассказывал мне директор музея, — я путешествовал по Южной Родезии с целью пополнения коллекции. И в какой-то миг заметил небольшую птичку, которая неотступно следовала за мной и всеми способами пыталась привлечь мое внимание. Один из местных проводников объяснил, что это птица, которая приводит людей к меду. Я решил проверить его слова и последовал за птахой. Она вела

себя необычным образом: сидя на ветке, поджидала, пока я не подойду ближе, а затем перелетала на следующее дерево. И постоянно чирикала, словно подзывая к себе! Так мы шли около часа. Я устал и хотел было уже повернуть назад.

Но в этот миг поведение птички изменилось. Она больше никуда не улетала, а безостановочно кружила на месте, описывая в воздухе круги. При этом характер ее чириканья кардинально изменился — теперь она громко и взволнованно пищала. Я присмотрелся и увидел дыру в земле, откуда постоянно вылетали пчелы. Можете себе представить! Она-гаки привела меня к меду! Я раскопал гнездо и достал для нее кусочек сот с личинками. Птичка моментально накинулась на них — словно только того и ждала! Чернокожий парень предупредил меня, что медового проводника нельзя обманывать. Если вы не оставите ему награды, то в следующий раз он приведет вас к кобре, гадюке или, того хуже, к мамбе!

И еще директор рассказал мне историю, которая приключилась с его знакомым. Тот тоже отправился вслед за медососом и шел довольно долго. Каково же было его раздражение, когда они финишировали почти в том же самом месте, только по другую сторону от оврага. Набрав меда, он решил на обратном пути сэкономить время и пойти напрямик. Оказалось, что это невозможно! После нескольких неудачных попыток он понял, что птичка вела его единственным доступным для человека путем.

Еще один интереснейший экспонат музея — скелет легендарной, ныне вымершей птицы дронта. Я узнал, что скелет этот куплен около тридцати лет назад у одного французского натуралиста из Порт-Луи на Маврикии. Надо отметить, что дурбанский дронт находится в гораздо лучшем состоянии, чем экземпляры, принадлежащие Британскому музею, Кембриджскому университету или Естественному музею в

Париже. Проведя реконструкцию и одев скелет в перья, здешние ученые сумели продемонстрировать всему миру, как выглядела эта птица — жирная, глупая и совершенно очаровательная.

Дронт представлял собой древний вид голубя, обитавшего на Маврикии еще в доисторические времена. Со временем он разучился летать, и потребность в крыльях у него отпала. Дронт был достаточно крупным — размером с индейку. Ведя спокойную сытую жизнь, он прибавил в весе и внешне стал больше смахивать на утку, чем на голубя. Крылья у него атрофировались до маленьких, абсолютно бесполезных отростков, вместо хвоста торчал нелепый пучок перьев. Зато клюв вырос до невероятных размеров. При том, что глаза у дронта оставались по-прежнему крошечными, общий внешний вид получался восхитительно уродливым. Португальцы называли эту птицу додо — от слова «dou-do», что в переводе означает болван или простака. Голландцы специально приезжали на Маврикий, чтобы поохотиться на дронта. Для этого не требовалось ни большой прыти, ни особого снаряжения — они просто забивали несчастных «простаков» прикладами ружей. Полагаю, занимались они этим исключительно забавы ради, поскольку мясо дронта не отличалось приятным вкусом. Голландцы даже называли его *валгфогель*, то есть «отвратная птица».

Те дронты, которым удалось пережить нашествие голландцев в семнадцатом веке, были истреблены кошками, собаками и прочими животными, завезенными на остров. Несчастное создание оказалось неприспособленным для современной жизни, и теперь его можно видеть лишь в застекленной витрине Дурбанского музея. Дронт сидит с безмятежным видом — будто абсолютно доволен фактом собственного истребления.

Старый Форт в Дурбане был построен британскими войсками не так уж давно — лишь в 1842 году. Однако сегодня на его месте буйно разросся тропический сад, который почти полностью скрыл земляные укрепления девятнадцатого века. Заслуга в создании сада принадлежит Обществу ветеранов легкой пехоты, которое поставило здесь бараки и поселило в них вышедших в отставку солдат, а также солдатских вдов с детьми. Вот эти-то люди и насадили первые деревья и цветы.

В наши дни сад бережно хранит воспоминания из ранней истории Дурбана. В начале девятнадцатого века на берегах бухты высадились первые белые люди. Это была горстка английских авантюристов и торговцев слоновой костью под началом двух морских офицеров — Фэйрвелла и Кинга. Они умудрились наладить отношения с местным владыкой, зулусским тираном Чакой, и получить от него права на довольно обширный земельный участок. Это произошло в 1824 году, за тринадцать лет до того, как в Натале появились вуртреккеры. Англичане основали свое поселение в самом сердце вражеской страны, ибо территория, которую мы ныне называем Транскеем, в те времена была дикой и неизведанной землей, испокон веку принадлежавшей племенам банту. Многие мили отделяли здешнее поселение от белой цивилизации в Грейамстауне. Несмотря на это, отважные англичане подняли над хижинами «Юнион Джек» и вторично обратились к правительству Колонии с просьбой объявить Наталь британской собственностью. Обращение их, как и прежде, осталось без ответа.

Молодой и наблюдательный еврей Натаниэль Айзекс, который оказался в числе натальских поселенцев,

оставил чрезвычайно интересные и познавательные воспоминания о нелегкой жизни маленькой колонии на берегу Дурбанской бухты. К тому времени, как Пит Ретиф приехал в Наталь, состав действующих лиц успел сильно перемениться. Оба руководителя англичан — и Фэйрвелл, и Кинг — уже умерли, да и сам Чака принял смерть от руки сводного брата Дингаана. Зулусы неоднократно совершали набеги на британское поселение, в ходе которых многие из первоначальных колонистов распростились с жизнью. Затем, как известно, случилось историческое сражение на Блад-Ривер, и трекеры сформировали собственную Натальскую республику со столицей в городе Питермарицбург.

Вот тогда-то капское правительство наконец проснулось и забило тревогу. Ему не нравилось, что у самых его границ расположилось молодое бурское государство, к тому же имевшее выход к морю. В 1842 году британские войска отправили захватить Дурбан. Неизбежное столкновение с бурами привело к одному из самых героических событий в истории Дурбана. Речь о знаменитой скачке Дика Кинга, когда молодой англичанин в одиночку отправился в расположенный за шестьсот миль Грейамстаун, чтобы вызвать подкрепление для осажденной британской крепости. Дик Кинг происходил из переселенцев 1820-го, и на момент тех событий ему только-только исполнился двадцать один год. Юноша хорошо знал окружающую местность, поскольку нею свою жизнь провел в кочевьях, объезжая зулусские селения и скупая у туземцев слоновую кость. Однако, думаю, даже в таких условиях ему было нелегко преодолеть шестьсот миль за десять дней.

Эта история служит ярким примером того, сколько разногласий могут вызывать сравнительно недавние события. Ведь со времени беспримерной скачки прошло

всего лишь сто лет, а едва ли вы сыщете хоть два описания, которые не расходились бы в деталях. Одни полагают, что Кинг выехал непосредственно из Старого Форта, другие утверждают, будто его путешествие началось в конце Гардинер-стрит — именно там, где ныне стоит замечательная конная статуя, памятник Дику Кингу. Кто-то говорит, будто он отправился в путь на белом коне, иные же настаивают на гнедой кобыле. Некоторые считают, что Кинг проделал весь путь на одном коне, другие считают, будто он неоднократно менял лошадей на станциях миссионеров.

Как бы то ни было, все сходятся на том, что первую сотню миль юноша проделал вдоль морского побережья, затем поскакал в глубь континента и последние сто пятьдесят миль ехал через населенные пункты — Морли, Ибеку, Баттер-корт и Кинг-Уильямс-Таун. На пути ему встречались бесчисленные реки. Некоторые из них Кинг пересекал вброд, иные же вынужден был форсировать вплавь. Нередко бывало так, что днем ему приходилось скрываться в укрытии, а ехать по ночам.

На мой взгляд, то, что совершил Дик Кинг, можно назвать настоящим подвигом в искусстве верховой езды.

Ничего подобного не зафиксировано в истории человечества (по крайней мере мне не встречалось письменных свидетельств о сходных деяниях). Если же допустить, что все шестьсот миль юноша проскакал на одной лошади (что, честно говоря, едва ли возможно), это превращается и вовсе в беспрецедентное деяние. Насколько мне известно, в английской истории существовал лишь один похожий случай — когда сэр Роберт Кэри проскакал четыре сотни миль из Лондона в Эдинбург, чтобы известить Иакова I о смерти королевы Елизаветы. Кэри выехал из Лондона около десяти утра в четверг, а субботней ночью уже преклонил колени возле королевской постели во дворце Холируд. Он стал первым человеком, сообщившим Якову, что тот

унаследовал английскую корону. Путь в четыреста миль он проделал за три дня, формально это лучший результат, чем у Дика Кинга. Но следует учесть, что, во-первых, он скакал через цивилизованную, дружественную страну, во-вторых, постоянно менял лошадей и, наконец, ему не приходилось форсировать водные препятствия.

К чести Дика Кинга следует сказать, что подвиг его был не напрасен. Ему удалось спасти дурбанский гарнизон. Англичане немедленно выслали корабли с подкреплением, и маленькой Натальской республике пришлось смириться с поражением. В 1843 году Наталь был провозглашен британской колонией. И если разобраться, то событие это — как и все остальное в южноафриканской истории — случилось совсем недавно. В тот самый год, когда статую Нельсона водрузили на Трафальгарскую колонну!

Многие историки полагают, что Наталь в любом случае не продержалась бы долго. Что неизбежные финансовые трудности и противоречия в руководстве привели бы треккерскую республику к неизбежному краху. Но даже они вынуждены отдавать должное мужеству и целеустремленности буров. Ведь за короткий срок четырех лет этим людям удалось очистить огромную территорию между Оранжевой рекой и Лимпопо и подготовить ее к заселению белыми людьми. Подвиг вуртреккеров навечно вписан в историю колонизации Африки как одна из самых героических и романтических страниц.

4

Ранним утром я покинул Дурбан и отправился на север по дороге, которая вела в самое сердце Королевства Зулу.

Надо сказать, что все то время, пока ехал по территории Зулуленда, я не уставал удивляться. Меня не покидало ощущение, будто я нахожусь где-нибудь в Индии или на Тринидаде. На пути моем встречалось множество маленьких городков и деревень, заселенных в основном индусами и их многочисленными семьями. В местах, которые прежде традиционно считались белыми городами, я на каждом шагу видел индуистские храмы и мечети. Я и раньше слышал, что индийские торговцы и спекулянты широко распространились по всему восточному побережью Африки, но мне кажется, что в Натале этот процесс близок к кульминации. Во всяком случае индусское население уже достигло здесь рекордной цифры в двести тысяч человек. Эти люди, некогда стоявшие на низшей ступени иерархической лестницы у себя на родине, здесь превратились в преуспевающих торговцев, и многие, по слухам, сколотили весьма приличные состояния. Вы спросите, каким образом индусам удалось захватить главенствующие позиции в торговле. И я отвечу: тому есть как минимум три причины. Во-первых, они торгуют по более низким ценам, чем их южноафриканские конкуренты. Во-вторых, индусы довольствуются гораздо более низким уровнем жизни. И, наконец, даже разбогатев, они не желают уезжать, а продолжают жить рядом с коренными натальцами. Эти три фактора и составляют суть так называемой «индийской проблемы», которая в настоящий момент волнует государственные умы Союза.

Предки этих людей появились в Южной Африке в середине девятнадцатого столетия. В 1860 году была ввезена первая партия индусов — для работы на сахарных, чайных и прочих плантациях Наталя. И процесс этот продолжался до 1911 года. По окончании трудового контракта многие из индусов не пожелали возвращаться домой, и им позволили остаться в стране в

качестве огородников, развозчиков товаров и домашней прислуги. Вся эта армия — вкуче с прибывавшими из Индии торговцами — непрерывно росла и множилась, пока не достигла нынешних внушительных размеров. И насколько мне известно, тенденция сохраняется и в наши дни.

Я продолжал путешествовать по сахарной стране и в конце концов приехал в городок с названием Стрейнджер, что в переводе означает «странник». Имя это становится понятным, если вспомнить, что в прошлом городок служил перевалочным пунктом для многочисленных торговцев и добытчиков слоновой кости на пути из Зулуленда обратно в Колонию. Здесь в маленьком садике, разбитом прямо у обочины дороги, я увидел памятник великому Чаке — Черному Наполеону, как его называют зулусы.

Создание зулусского военного государства, несомненно, является величайшим событием в истории Южной Африке, и будет нелишним вспомнить, как это происходило. Если верить легенде, в конце восемнадцатого столетия жил зулусский вождь по имени Дингисвайо. В силу различных обстоятельств ему пришлось отправиться в изгнание. Несколько лет Дингисвайо скитался по Южной Африке, пока не попал наконец в Капскую колонию. И якобы на него огромное впечатление произвели европейские солдаты, марширующие в мундирах на плацу.

Далее в зулусской традиции говорится, что в один прекрасный день Дингисвайо вернулся к своему народу — верхом на коне и с ружьем в руках! Событие само по себе достаточно значимое, ведь до того момента местные жители не видели ни лошадей, ни огнестрельного оружия. Но еще более интересным является тот факт, что — опять-таки согласно легенде — вождь появился не один, а в сопровождении некоего белого человека. Личность этого человека и поныне

остаётся одной из самых интригующей тайн Африки. Кто таков был этот белый пришелец, сыгравший немаловажную роль в становлении зулусской державы? И что с ним случилось впоследствии? Боюсь, этого мы так никогда и не узнаем.

Тем временем Дингисвайо, восстановившийся в правах вождя, взялся преобразовывать свое племя на военизированный манер. Он ввел обязательную воинскую повинность и усилил дисциплину в армии. Теперь, в соответствии с европейскими стандартами, все воины подразделялись на батальоны и подвергались многочасовой муштре. Результаты военной реформы не замедлили сказаться — в стычках с соседними племенами Дингисвайо одерживал одну победу за другой. Казалось, все складывалось как нельзя лучше, но в какой-то момент Дингисвайо сильно не повезло: в ходе одной из своих военных экспедиций он попал в руки врагов и был казнен. Случилось это примерно в 1818 году. На смену Дингисвайо пришел Великий и Ужасный Чака.

Человек этот был прирожденным воином и тираном. Порядки в его племени напоминали те, что царили в Древней Спарте. Каждый мальчик становился воином, и ни одному мужчине не разрешалось жениться, пока он не омоет свое копье в крови врага. Полки, насчитывавшие до двух тысяч человек, подразделялись на роты, каждая из которых имела особое имя и собственные знаки отличия. Одни были одеты в шкуры выдры или леопарда, другие носили плюмажи из перьев райского журавля или бархатного ткачика. Их обтянутые коровьими шкурами щиты окрашивались в определенные цвета — красные, синие или же с каким-нибудь рисунком. Наиболее отличившимся подразделениям присваивалось звание королевских полков. Из них формировалась «преторианская гвардия».

Весь Зулуленд покрылся сетью военных краалей, каждый из которых служил опорной базой для одного из полков. В лагерях царила жесточайшая дисциплина, с помощью которой боевой дух армии поддерживался на должном уровне. После каждого сражения Чака проводил, так сказать, «разбор полетов», и обвиненных в трусости предавал немедленной казни. Известно, что как-то раз смерти был предан целый батальон, не сумевший показать себя в бою. Каждый из воинов приставил себе копье под мышку и самостоятельно пронзил свое сердце.

Одно из первых нововведений Чаки касалось военного снаряжения армии. Он ограничил использование традиционных асседаев и сделал ставку на короткоствольные копья. Чака ввел новый тактический прием, который сам называл «буйволом», а в современной европейской науке он именуется двойным охватом или захватом в клещи. Передовая линия зулусской армии обычно выдвигалась в форме полумесяца (что соответствовало «рогам буйвола») и стремилась обойти противника с флангов. Когда «рога» практически смыкались, в бой бросался центр, «тело буйвола». Но существовал еще и резервный отряд («чрево буйвола»), который обязательно укрывался подальше от места сражения, чтобы неприятель не мог ни видеть его, ни знать о его местонахождении.

Упомянутый стрейнджерский мемориал стоит на том месте, где некогда располагался главный военный крааль Чаки под названием Дукуза (то есть Лабиринт). В разное время здесь побывали с визитами Фэйрвелл с Кингом, а также Финн и Айзекс. Их воспоминания позволяют составить картину этого грандиозного военного лагеря, где зулусский король проживал в окружении многочисленных наложниц и под охраной проверенных янычар.

Тысячи хижин, выстроенных в строгом военном порядке, служили казармами для королевских полков. Все вместе они образовывали круг, охватывающий крааль Чаки. Зулусский тиран, подобно пчелиной матке, располагался в самом центре, откуда управлял лагерем. Он установил абсолютный контроль над жизнями подданных, и власть его была непререкаемой. Совершенной организации Великого Города мог бы позавидовать любой военный лагерь. По первому требованию вождя — участвовать ли в ритуальных танцах или смотрах скота, отправляться ли на войну — командиры подразделений практически мгновенно собирали своих воинов в полной боевой раскраске. Любое слово короля тут же подхватывалось тысячами придворных подхалимов. В окружении Чаки царило редкостное единодушие, и хотел бы я взглянуть на смельчака, который отважился бы возражать Великому и Ужасному! Конечно, Чака понимал цену такому послушанию, но он сознательно культивировал репутацию бесчеловечного правителя. Власть его строилась на терроре, и в этом Чака схож со многими другими тиранами древности и современности.

По свидетельству Финна, когда он впервые увидел Чаку, тот сидел в высоком тюрбане из леопардовой шкуры, из которого поднимались двухфутовые перья журавля; в ушах болтались кубики сушеного сахарного тростника; плечи и бедра покрывали накидки из скрученных обезьяньих шкур, а запястья, локти и щиколотки опоясывали браслеты из белых бычьих хвостов. Король был шести футов роста, хорошо сложен и мускулист.

Айзекс рассказывает, что Чака каждое утро принимал ванну, а затем натирался шариками из сырого мяса. Иногда короля одолевала хандра, тогда он целые дни напролет проводил в хижине с наложницами. Спал Чака, скрючившись на соломенной подстилке и

примостив голову на деревянное изголовье. Человек, претендовавший на аудиенцию короля, должен был следовать этикету не менее строгому, чем при дворе европейского монарха.

Его жестокость часто принимала экстравагантные формы. Как в том случае, когда Чака повелел убить тысячи человек, провинившихся лишь тем, что не явились лично засвидетельствовать свое горе по поводу кончины матери короля. Причем кара эта самым смехотворным образом распространилась и на скот казненных — будто коровы тоже должны были присоединиться к Чаке в его вселенской скорби! В другой раз, заподозрив кого-то из наложниц в неверности, король полностью истребил свой гарем и завел себе новый. Правосудие Чаки выглядело обычно следующим образом: когда несчастный подсудимый уже спешил прочь, ему одним точным движением — резким рывком сбоку — ломали шею, а затем добивали дубинками.

К белым людям Чака отнесся с радостным, детским любопытством. Он еще не настолько хорошо их знал (в отличие, скажем, от Дингаана), чтобы всерьез опасаться. Белые пришельцы появились перед Чакой в тот момент, когда он отчаянно скучал. Миллион банту уже сложил свои головы в племенных войнах, все земли вокруг завоеваны, и, собственно, у зулусского короля не осталось никаких дел — разве что любоваться на свой великолепный скот или забавляться с глупыми наложницами. И тут, откуда ни возьмись, появились белые гости и принесли с собой столько нового и волнующего. Чего стоили одни рассказы о заморском «брате-короле» по имени Георг! Судя по всему, Чака проявлял живейший интерес ко всему, что было связано с жизнью английского монарха.

Последние годы жизни зулусского деспота были озарены радостью от даров белых людей. Это были

простые, незатейливые вещи — макасаровое масло и слабительная микстура, безопасная бритва (смелый подарок, учитывая буйный характер короля!) и зеркало на подставке, — но Чака относился к ним с простодушным восхищением. С непрошибаемой логикой дикаря он рассудил, что, если одна пилюля — хорошо, то двадцать пилюль будут в двадцать раз лучше. А посему весь двор короля периодически страдал от передозировки очередного патентованного средства. Жаль, Чаке так и не удалось пересечь океан, чтобы встретиться со своим «дорогим братом» Георгом. А он так об этом мечтал! Полагаю, Клио, древнегреческая муза истории, веселилась бы от души на этой встрече. Представляете себе Чаку в роли первого джентльмена европейского двора? Интересно, о чем бы говорили эти два человека? Впрочем, Георг IV, как известно, был ревностным католиком. Поэтому не исключено, что они прекрасно бы поладили. Любопытно бы также посмотреть, как сказался бы этот визит на замашках Чаки. Могу себе вообразить некие варварские копии брайтонского Павильона, разбросанные по зеленым холмам Зулуленда!

Увы, ничему из этого не суждено было сбыться. Как мы помним, Чака пал от руки своего сводного брата Дингаана и был похоронен на том самом месте, где сейчас стоит его мемориал. Кстати, памятник поражает почти протестантской сдержанностью: на каменном пьедестале с памятной табличкой стоит скромная задрапированная урна с прахом. Воистину, подобный мемориал скорее пристал бы Джону Уэсли.

5

Мое удивление возрастало по мере приближения к столице Зулуленда, городу Эшове. Я ожидал увидеть

местность, заросшую буйной тропической растительностью, — другими словами, некое подобие Конго. А вместо того видел вокруг себя благодатные равнины и мягкие, округлые холмы. Просторные зеленые долины напоминали пейзажи родного Дорсета и Девоншира. Иногда за окном автомобиля проносились поля, смахивающее на йоркширские пустоши, а еще больше на торфяники Шотландии.

Зулуленд оказался на удивление зеленой страной и к тому же гораздо менее перенаселенной, чем Транскей. Здесь тоже склоны холмов были усеяны хижинами туземцев, но они разительно отличались от тех, что я видел в других резерватах. Если прежде преобладали беленые мазанки, то теперь взору моему представляли плетеные жилища с крохотными оконцами. Массивные крыши, спускавшиеся почти до самой земли, придавали им сходство со старинными соломенными ульями.

Да и внешность местных жителей заметно изменилась. Здешние туземцы были выше ростом, темнее и выглядели более изящными, нежели их собратья из Транскея. Я отметил также присутствие многочисленных мужчин. Они куда-то шагали небольшими группами или же сидели, отдыхая, на обочине дороги. Там, где европейская одежда не скрывала тела, привлекала гладкая кожа, блестящая на солнце, будто начищенная графитом. Что касается женщин, то они, как и везде, были заняты повседневными делами — таскали вязанки дров или тяжелые кувшины с водой. Движения их были отмечены все той же естественной грацией, хотя мне показалось, что здешние жительницы отличались большей живостью, чем женщины коса и пондо.

Само слово «Эшове» — звукоподражание, оно служит еще одной очаровательной попыткой местного населения передать шум ветра в лесных дубравах. Название станет понятным, если взглянуть на зулусскую

столицу — город стоит на высоком холме в окружении великолепных лесов. Располагается он в двадцати милях от морского побережья, но благодаря возвышенному месторасположению в Эшове относительно прохладно. С первого взгляда мне показалось, что вся столица — великолепный отель, огромный универмаг и несколько магазинчиков, выстроившихся вдоль главной улицы. Однако позже я обнаружил, что вокруг центра разбросано множество каменных зданий — во всяком случае вполне достаточно для того, чтобы, собрав их вместе, составить небольшой респектабельный городок. В Эшове имеются как минимум четыре церкви, здание суда, больница, полицейский участок, современный плавательный бассейн, сельскохозяйственный колледж и здание, в котором печатается местное периодическое издание под названием «Зулуленд тайме».

Подсознательно я ожидал, что, забравшись в такую глушь, увижу вокруг себя одни черные лица. Каково же было мое удивление, когда в гостиничном холле я застал всю ту же публику, что и в каком-нибудь Илфракуме или Боскуме. Даже престарелая леди со своим бесконечным вязанием привычно сидела в угловом кресле. Персонаж, запомнившийся мне еще с раннего детства! Обед включал шотландскую похлебку и самый лучший пирог с почками, какой мне довелось попробовать за долгое время. В разговоре с хозяйкой отеля я похвалил их кухню и высказал предположение, что повар у нее, должно быть, англичанин или шотландец.

— О нет, — отвечала дама, — он зулус. Не желаете с ним познакомиться?

И она отвела меня в отдельно стоящее здание кухни, где представила маленького и пухлого зулуса в белоснежном поварском колпаке (уж не знаю, почему, но он напомнил мне «дурацкий колпак» — тот самый, что в былые дни надевался ленивым ученикам в виде

наказания). У повара было труднопроизносимое имя Мзвайи. В ответ на мои комплименты он сообщил, что много лет назад работал у «замечательной английской миссус», которая и научила его готовить все эти блюда.

Я преклоняюсь в восхищении перед этой незнакомой мне дамой. Именно они — эти неведомые скромные женщины — являются подлинными знаменосцами нашей цивилизации. И я подумал: что толку увенчивать лаврами наших политических лидеров? Ведь они не сделали ничего такого, что могло бы сравниться по своей пользе с подвигом англичанки, научившей зулусского слугу готовить превосходный пирог с почками! Я бы с удовольствием встретился с этой «замечательной миссус» Мзвайи и поблагодарил ее за весомый вклад в южноафриканскую цивилизацию.

К вечеру я почувствовал себя настолько уставшим, что уже в девять часов отправился в постель. Мне показалось, едва я успел сомкнуть глаза, как уже наступило утро. Я был разбужен деликатным появлением зулусской девушки, которая поставила на мой прикроватный столик поднос с утренним чаем. Яркое солнце заливало всю комнату. Откуда-то из ветвей соседнего дерева доносилось знакомое «хо-хо» — ибо никто не удосужился научить южноафриканских птиц настоящим утренним трелям.

6

Если выехать из Эшове и проехать примерно шестьдесят пять миль на северо-восток, вы окажетесь возле брода Роркес-Дрифт. Здесь располагается печально знаменитая Исандлвана, а неподалеку находится место, где окончил свои дни наследник империи. Вот интересно, многие ли из наших современников вообще вспомнят название

«Исандлвана»? А ведь восемьдесят шесть лет назад наши прадедушки живо обсуждали приключившуюся здесь трагедию. История эта наделала много шума в прессе и стала предметом обсуждения на заседании парламента.

А случилась она через тридцать лет после Блад-Ривер, когда зулусы уже успели оправиться от сокрушительного поражения и потихоньку объединялись вокруг нового военного лидера Кетчвайо, чтобы начать новый раунд борьбы против белых захватчиков. Осознавая неизбежность войны, британское правительство послало сюда свои войска. О, это была великолепная армия, призванная продемонстрировать всему миру очевидные превосходства европейского военного искусства! Здесь были уланы, привыкшие бросаться в лобовую атаку. Ах, как живописно они выглядели, с их медными трубами и трепещущими на ветру вымпелами! Были здесь и артиллерийские части с передвижными орудиями, а также отряды натальских добровольцев. Опытные бурские военачальники — такие как Крюгер и Жубер — прекрасно понимали, что европейские методы ведения войны не срабатывают в условиях африканского фронта. Они предупреждали командующего британской армией, лорда Челмсфорда, что единственно действенная тактика — разослать по округе конные дозоры, а самим встать укрепленным лагерем и ждать, когда появятся зулусы. Однако в Олдершоте к такому не привыкли, а потому все советы буров были отвергнуты с истинно британским высокомерием.

Итак, под звуки духового оркестра войска вступили на зулусскую землю, готовясь к победоносному маршу. И здесь одна из колонн подверглась внезапному нападению 20-тысячной армии Кетчвайо. Англичане оказались захвачены врасплох и не сумели дать достойный отпор. Восемьсот британских солдат и

пятьсот местных добровольцев пали жертвами молниеносной атаки зулусов. Полевой лагерь остался стоять в неприкосновенности — будто ничего и не случилось, боеприпасы тоже не тронули. Но вся территория была усеяна изрубленными телами людей и животных. Такой предстала Исандлвана взору просвещенной Европы.

Кетчвайо в конечном счете потерпел тяжелое поражение в битве при Улунди. Здесь британская армия прибегла к испытанному построению каре, вполне оправдавшему себя под Ватерлоо. По сути, это был все тот же укрепленный лагерь, стены которого составляли живые люди, а в центре укрывалась кавалерия. Как и в битве на Блад-Ривер, в критический миг стенки каре разомкнулись и выпустили наружу стремительную конницу. В результате неприятель был разбит наголову, сам Кетчвайо попал в плен. Это сражение навсегда уничтожило военную мощь зулусов.

Кроме того, я хотел увидеть место, где погиб наследник империи. Мне рассказывали, что по приказу королевы Виктории там установили каменный крест, на котором высечена надпись: «Возведен в память о Наполеоне Эжене Луи Жане Жозефе, принце империи, который погиб, помогая британским войскам проводить разведку боем. На этом самом месте 1 июня 1879 г. принц подвергся нападению зулусского отряда и встретил смерть, сражаясь лицом к лицу с врагами».

Надо сказать, что прибытие наследника империи, сына Наполеона III и прекрасной императрицы Евгении, сильно осложнило жизнь лорда Челмсфорда. Этот молодой человек был настроен весьма решительно. В свое время, в возрасте четырнадцати лет, он стал свидетелем триумфа французской армии (1870). А вот краха империи под Седаном он не видел, поскольку был заблаговременно отослан к матери. Теперь, когда Наполеон III лежал в могиле, юноша формально стал

наследником императорского престола. Более того, его честолюбие было уже отравлено криками «Да здравствует император!» — именно так его приветствовали в Англии толпы французских роялистов. Ибо для них он был императором Наполеоном IV. В этом юноше роялисты видели надежду Третьей империи! Сами понимаете, какой обузой являлся столь высокопоставленный офицер для любого главнокомандующего. А уж тем более в стране, где из-за любого куста может вылететь остро заточенный ассегай.

Понятно, что лорд Челмсфорд не горел желанием обзавестись таким подчиненным, но тут ничего от него не зависело. Принцу недавно исполнилось двадцать три года, он был романтичен, как и его отец, а также безрассудно смел и своеволен. В англо-зулусской войне он увидел прекрасную возможность отличиться и показать себя достойным потомком Наполеона Бонапарта. Блестящая карьера, начавшаяся среди бескрайних просторов южноафриканского буша, обещала закончиться вдохновляющей сценой на Елисейских Полях. Наверняка юноша уже представлял себе ликующие толпы; покачивающиеся на ходу плюмажи кирасиров; блеск медных труб и малых флейт... Нет, определенно кратчайший путь к трону лежит через военные победы! А Зулуленд в то время был единственным доступным для него бранным полем.

Британское правительство, заваленное отчаянными депешами из Южной Африки (ибо эпопея принца приключилась уже после исандлванской трагедии), категорически возражало против приезда французского принца. Однако его мать обратилась за помощью к королеве Виктории, и этот союз оказался неодолим.

— Я делал все, чтобы остановить принца, — говорил впоследствии Дизраэли. — Но разве можно переубедить двух одержимых женщин!

Принц прекрасно выдержал выпускные экзамены в Вулидже — по крайней мере, прекрасно для принца — и никто не знал, что с ним делать. Совсем отстранить его от дел не представлялось возможным, и для принца выискивались всяческие малозначительные занятия вроде картографирования местности. Главная же задача командования заключалась в том, чтобы держать молодого человека подальше от опасных ущелий и заросших маисом полей.

В то июньское утро он выехал из ставки вместе с лейтенантом Кэри, шестью рядовыми кавалеристами и чернокожим проводником. Они отправлялись подыскивать место для очередного лагеря. По дороге англичане остановились перекусить. Они как раз разводили огонь, чтобы сварить кофе, когда сидевшие в засаде зулусы открыли по ним огонь. При звуке выстрелов лошади рванулись с места, и лишь пятеро всадников сумели сразу вскочить в седло. Две лошади сорвались с привязи, и их хозяева безуспешно пытались поймать перепуганных животных. У принца был здоровый серый жеребец шестнадцати хендов в высоту, и ему никак не удавалось попасть ногой в стремя. Тем более что шум взволновал и без того горячего жеребца и тот постоянно гарцевал и вертелся на месте. Принц предпринял отчаянную попытку вскочить в седло, и это ему почти удалось. Но на беду кобура зацепилась за стремя, и юноша, потеряв равновесие, вновь свалился на землю. Обезумевший от страха жеребец наступил на своего хозяина и галопом умчался прочь.

Принц огляделся. Он был совершенно один против четырнадцати кафров. Двое других всадников (те самые, которые пытались поймать лошадей) были уже мертвы. Тогда юноша вскочил на ноги и, сжимая в руке револьвер, обернулся к наступающим врагам. Днем позже кавалерийский дозор наткнулся на место схватки и опознал в изуродованном обнаженном теле того, кто

для многих французов являлся императором Наполеоном IV.

В апреле следующего года в Зулуленде объявилась странная процессия. Она медленно передвигалась, прокладывая себе путь к Ителени-Хилл. Двадцать членов Натальской конной полиции сопровождали гражданскую двуколку, которой правил генерал сэр Ивлин Вуд. Рядом ехал грум и вел в поводу лошадь под дамским седлом. Позади, сильно отстав, двигались повозки с багажом и карета, из которой выглядывали взволнованные лица молодых служанок. Достигнув того места, где ныне стоит каменный крест, процессия остановилась. Сэр Ивлин Вуд вышел и подал руку даме под густой траурной вуалью. Когда она откинула вуаль, стало видно прекрасное лицо, совсем недавно сиявшее улыбкой на радость Второй империи. О чем думала Евгения Монтихо, когда стояла коленопреклоненной перед могилой своего сына? Этого мы никогда не узнаем... В прошлом эта женщина была императрицей Франции. Возможно, она вспоминала свою жизнь, которая много лет назад началась как увлекательное приключение на Корсике и вот теперь подошла к концу на одинокой могиле в Зулуленде, прерванная асsegаями Черного Наполеона.

7

Чиновник из местного управления (кажется, его должность называлась «главный комиссар») был так любезен, что организовал для меня национальные танцы в одном из дальних краалей. Мы выехали после обеда и ехали довольно долго, прежде чем вдалеке показалась гора (как мне сообщили, высотой в четыре тысячи футов над уровнем моря).

На ее склоне я рассмотрел большой крааль, однако стоило нам свернуть с дороги и начать подъем по крутой тропе, как я потерял его из виду. Когда же крааль снова появился в поле зрения, стало ясно, что все это время за нами наблюдали. У входа уже собралась целая делегация из числа деревенских жителей. Даже издали было видно, что мужчины встречают нас в полном боевом облачении. Я разглядел высокие головные уборы из перьев и немедленно вспомнил описание Чаки, оставленное Натаниэлем Айзексом.

Здесьнее поселение, конечно же, не шло ни в какое сравнение с Великим Городом Чаки. Но тем не менее это был один из крупнейших краалей, какие мне доводилось видеть в Зулуленде. Живая изгородь из колючего кустарника и кактусов окружала участок в несколько акров, на котором стояло тридцать или сорок хижин. Все они были старинного образца — с низкими, почти до земли, крышами и настолько маленьким входным отверстием, что внутрь попасть можно было лишь на четвереньках. Я заметил на территории деревни еще один крааль — поменьше размером, с плетеными стенками. Очевидно, он предназначался для скота.

Как только мы приблизились ко входу в деревню, нас тут же окружила толпа из нескольких сот зулусов. Все они — и мужчины, и женщины — были одеты в национальную одежду. Мне не удалось разглядеть ни одной старой шляпы, рубашки или потрепанных брюк европейского образца. Общий вид деревни живо напомнил декорации с африканской выставки, куда меня водили в далеком детстве. Пока я разглядывал живописную толпу, вперед выдвинулся пожилой зулус в совершенно неопишемом наряде. На нем был белый халат, бриджи для верховой езды и коричневые кожаные краги. На голове красовался тропический пробковый шлем. Впрочем, последнюю деталь он тут же снял, приветствуя комиссара.

— *Байет э'зулу*! — произнес он, и толпа тут же хором подхватила его слова.

Несмотря на нелепое одеяние, старик держался с завидным достоинством. Я сразу понял, что это вождь племени.

Он проводил нас в для загон скота, где, собственно, и должны были состояться танцы. Здесь уже стояли стулья для нас и вождя. Как только мы расселись по своим местам, в крааль привели трех коров. Вождь произнес короткую речь, обращаясь к комиссару, который тем временем критически разглядывал доставленных животных. Наконец он остановил свой выбор на одной из коров, и вождь тут же объявил, что дарит ее комиссару. Тот поблагодарил и торжественно вернул дар вождю. Как я понял, этот обмен любезностями носил чисто ритуальный характер, ибо корову немедленно забили и освежевали. Все происходило в точном соответствии с древними обычаями, и я уже начал гадать, кого из зрителей отправят на Холм Смерти!

Собравшиеся танцоры представляли собой весьма живописное зрелище. На них были головные уборы и браслеты из меха леопарда. На головах колыхались высокие черные плюмажи, приводя на память страусиные перья на боннетах шотландских стрелков. Грудь и плечи мужчин покрывали латы из пятнистых леопардовых шкур, которые свободно свисали спереди. Поясами служили связки хвостов различных животных, а локти и колени были украшены белыми пушистыми кисточками. Каждый из танцоров держал обтянутый кожей щит, а у некоторых в руках были копья с тупыми наконечниками. Я начинал понимать, что ощущали несчастные участники исандлванской трагедии при виде окружившей их толпы импи.

В краале царила та же вялая, расслабленная атмосфера, которой обычно отличаются арабские

церемонии. Танцоры расселись группками по двое-трое и, казалось, погрузились в безмятежную дрему. Я уж начал было сомневаться в том, что обещанные танцы состоятся. Оставив главного комиссара беседовать с вождем, я пошел прогуляться по деревне. Вот тут и выяснилось, что задержка объяснялась нерасторопностью женщин-танцорок. Дамы сидели возле хижин, обряженные в одни только разноцветные бусы, и сосредоточенно обмазывали друг друга каким-то жиром. Женщины трудились, не покладая рук, и в результате тела их начали блестеть, как начищенная бронза.

Я слышал, что у вождя двадцать одна жена. И теперь, глядя на грациозных танцорок, гадал, кем они ему приходится — младшими женами или старшими дочерьми? Вначале мне показалось, что в деревне проживает много различных семей (при таком-то количестве народа!). Однако позже я понял, что ошибался: большую часть селения составляли сыновья и дочери важного старика в пробковом шлеме.

Полагаю, ни одна европейская красавица так тщательно не готовилась к придворному приему, как эти привередливые зулуски. Сидя на корточках, они внимательно инспектировали себя и своих подруг, следя за тем, чтобы каждый браслет и каждая бусина оказались точно на соответствующем месте. Предметом же особой их заботы являлись прически. В отличие от большинства замужних зулусок, здешние дамы не носили на голове высоких жестких конструкций, какие можно видеть на портретах Нефертити. Вместо того они заплетали десятки тоненьких косичек, каждая из которых заканчивалась бусинкой или брелочком. Вся эта масса косичек свободной лавиной ниспадала вниз — так что полностью закрывала лицо и затылок. Наконец-то все приготовления были закончены. Женщины

поднялись с земли и, позвякивая монистами и браслетами, не спеша направились к краалю.

Их появление вызвало общее оживление в толпе. Мужчины-танцоры расположились широким полукругом, женщины заняли места в переднем ряду, и все вместе начали притоптывать и пришаркивать на месте, напевая низкими, монотонными голосами. Мужчины при этом потрясали щитами, размахивали копьями и дубинками. Понемногу ритм движений ускорялся, пение становилось все громче. Время от времени вперед выскакивала старая сгорбленная зулуска, которая колотила в жестяную консервную банку. Она оглядывалась на танцоров и визгливым голосом выкрикивала пару непонятных слов — очевидно, подбадривала молодежь и призывала топать и шаркать еще энергичнее.

Как мне объяснили, танец назывался *инкондло*, то есть «главный танец», и обычно исполнялся на свадебных и прочих деревенских празднествах. Разнообразием он, надо сказать, не отличался: танцоры повторяли одни и те же движения, и казалось, этому не будет ни конца, ни края.

Старый вождь по имени Нкантини важно восседал рядом с комиссаром. Он придирчиво следил за действиями исполнителей и периодически тыкал палкой в сторону танцора, который, по его мнению, недостаточно старался. Я услышал забавную историю по поводу происхождения имени старика, которое, несомненно, является искажением слова «кантин», то есть войсковая лавка. Дело в том, что его отец, воин по имени Ситеку, принимал участие в исандлванской бойне. В качестве добычи ему досталась повозка маркитанта, в которой помимо прочих припасов находилась большая канистра керосина. По ошибке приняв жидкость за виски, Ситеку с друзьями так накачались керосином, что некоторые даже умерли. Эти события настолько

впечатлили простодушного Ситеку, что он дал своему малолетнему сыну имя Нкантини!

Тем временем запас энергии у танцоров начал потихоньку иссякать. Судя по всему, представление подходило к концу, и я решил вторично прогуляться по краалю. Мне доставляло огромное удовольствие наблюдать за жителями деревни, которые отличались редкостным достоинством и добронравием. Сегодня все они пребывали в приподнятом настроении. Еще бы, ведь освежеванная и готовая к жарке туша коровы обещала близкий пир. Я так понял, что праздник должен был начаться сразу после нашего отъезда. Возле одной из хижин я увидел двух молодых замужних женщин, занятых сооружением тех самых причесок Нефертити, которые я упоминал выше. Эти высокие рыже-коричневые конусы на голове называются *исикола* и являются такой же отличительной чертой зулусок, как и белые круги вокруг глаз у женщин Транскея. Соорудить подобную штуку очень непросто. Сначала волосы женщины вытягиваются вверх на полную длину и переплетаются сушеным травинками — так что приобретают вид длинных шипов, торчащих из макушки. Затем их укладывают при помощи древесных волокон в некое подобие башни, и под конец фиксируют прическу, смазывая ее смесью жира и красной охры. Как я уже и говорил, конечный результат чрезвычайно напоминает высокую корону Нефертити, супруги Эхнатона.

Жители деревни устроили нам шумные проводы за околицей, после чего поспешили обратно — готовиться к праздничному пиру.

Если задаться вопросом, что производило наиболее сильное впечатление на путешественников в Южной

Африке, то ответ напрашивается сам собой — конечно же, неисчислимые стада дичи, которые невозбранно бродили по всей стране (во всяком случае так было с древних времен и до середины девятнадцатого века). Подобного не увидишь больше нигде в мире! Огромные стада бизонов, разгуливавшие по американским прериям, — несомненно, эффектное зрелище, но оно не идет ни в какое сравнение с тем богатым разнообразием животного мира, которое характерно для Южной Африки.

Когда белые впервые высадились на Капе, им пришлось жить в непосредственном соседстве со львами и гиппопотамами. Затем, по мере того как человек, вооруженный ружьем, продвигался в глубь континента, дикая природа вынуждена была отступать. Но еще и в первые десятилетия девятнадцатого века в Африке можно было встретить огромные стада антилоп, смешанных с зебрами, стаи страусов и прочих животных. Все они свободно кочевали по землям, которые впоследствии были освоены и заселены человеком.

Чтобы представить себе, как выглядела Африка в начале девятнадцатого столетия, достаточно ознакомиться с иллюстрациями к двум популярным книгам: одна из них «Дикая охота в Южной Африке» Корнуоллиса Харриса, а вторая «Охотник на львов в Южной Африке» Гордона Камминга. На обложке книги Харриса мы видим всадника, галопирующего на фоне огромного стада, в котором перемешались антилопы гну, зебры, страусы и, кажется, еще какие-то животные. А на горизонте маячат другие столь же многочисленные стада. Не менее живописно выглядит и обложка «Охотника на львов»: на ней изображается человек, который на полном скаку стреляет по стаду, насчитывающему буквально тысячи блесбоков.

И что же случилось с неисчислимым богатством южноафриканской фауны? Оно исчезло в результате

массового истребления, предпринятого в девятнадцатом веке. Доказательством тому — многочисленные рога и головы несчастных животных, украшающие стены загородных особняков и замков, а также стеклянные витрины музеев естествознания. Человеческая цивилизация наступала на дикую Африку — люди строили новые города, прокладывали железные дороги, и дикая природа не могла сопротивляться этому натиску. Боюсь, большая часть южноафриканских животных вообще не дожила бы до наших дней, если бы не национальные заповедники.

Государством выделены большие участки охраняемой территории, на которых животным предоставлено право жить в естественных условиях. Людям запрещено здесь охотиться, и биологические виды развиваются в соответствии с законами природы. Львы и леопарды охотятся на зебр, антилоп и жирафов, восстанавливая тот баланс, который существовал до прихода белого человека. Хищники играют роль своеобразных санитаров, уничтожая слабых и больных животных. Самыми известными из южноафриканских заповедников являются Национальный парк Крюгера в Трансваале (прославившийся своими львами) и охотничий заповедник Хлухлуве на территории Наталя, главной достопримечательностью которого являются черные носороги, а также практически вымершие белые носороги.

Южноафриканцы обожают проводить свободное время в национальных заповедниках. С этой целью устроены специальные стоянки. Люди ночуют в хижинах, а днем бродят по окрестностям, наблюдая за дикими животными в их естественных условиях и снимая увиденное на фотокамеру. Почти у каждого в этой стране припасена история о том, как он в Парке Крюгера нос к носу столкнулся с диким львом или же

был вынужден удирать от разъяренного носорога в Хлухлуве.

Когда мне позвонил управляющий Наталя, мистер Д. Э. Митчелл, и предложил провести несколько дней в заповеднике Хлухлуве, я с радостью согласился, ибо лучшего экскурсовода трудно было и желать.

Мы выехали из Эшове вскорости после обеда. Нам предстояло проделать путь почти в сотню миль, чтобы попасть в наиболее дикие и удаленные прибрежные районы Зулуленда. Мы двигались в северном направлении, проезжая меж округлых зеленых холмов. Разбросанные по их склонам хижины хранили тот же мрачный и неприступный вид, который характерен для одиноких лачуг Коннемары. Вскоре местность стала и вовсе безлюдной. Вдоль дороги тянулись нескончаемые плантации сахарного тростника. После того, как мы миновали крохотный Эмпанджени, нам по пути не встретилось ни единого городка или деревушки.

Название Хлухлуве — еще одно прелестное словечко! — переводится как «Пресные воды» и, на мой взгляд, является очень метким. В самом звучании этих чередующихся «х» и «л» слышится плеск набегающих волн. А если кому-то это название покажется непроизносимым, то пусть они поучатся у валлийцев, которые без запинки произносят полное имя своего национального героя Ллевелина. Мистер Митчелл сообщил мне, что заповедник занимает площадь в шестьсот квадратных миль и является единственным в мире местом, где можно увидеть южноафриканских белых носорогов (что касается белых носорогов Уганды, они — не более чем подвид здешних животных).

Мы подъехали к реке Черная Умфолози, через которую был перекинут длинный расшатанный мост. Поднявшись на него, мы увидели далеко внизу тонкий коричневый ручеек, который бежал на восток, к лиману Сент-Лусия. В теплых водах лимана водились

крокодилы, люди съезжались туда, чтобы развлечься охотой на акул. Здесь же на многие мили вокруг не было видно ни души. Единственный поселок, выглядевший таким значительным на карте, на поверку оказался обычной заправочной станцией и небольшой жилой пристройкой за живой изгородью из кактусов.

Наше путешествие продолжалось, и я стал свидетелем того, как природа пытается вернуть Южную Африку в изначальное дикое состояние. Это была еще одна проблема, о которой мне прежде не приходилось задумываться. Речь о так называемом «одичании» земель, и я убедился, что бороться с ним так же трудно, как и с эрозией почвы. Мы проезжали по земле, которая раньше была покрыта зеленой сочной травой, но постепенно перешла в категорию неплодородного буша. Теперь здесь ничего не растет. И эти «одичавшие» земли занимают десятки тысяч квадратных акров — до самой границы Свазиленда. Сейчас мы стояли на границе «одичания», и зеленая полоса за нашей спиной напоминала океан, отступающий в пору отлива.

Как-то незаметно мы въехали на территорию заповедника, и я был очарован красотой местности. Вокруг меня простиралась чудесная страна мягких зеленых холмов и тенистых долин с цепочкой голубых гор на заднем фоне. Существует большая разница между землями, уже освоенными человеком (пусть даже это малонаселенные земли), и первозданной природой, никогда не знавшей человека с его плугами, кострищами и хижинами. Заповедник Хлуклуве представлял собой как раз такой кусочек нетронутой дикой Африки, какой она была до прихода племен банту. Невольно на память приходили рассказы о легендарных пигмеях, которые, согласно зулусской традиции, жили в этих местах прежде бушменов. Мысли мои унеслись в далекое прошлое, но были прерваны внезапным появлением нынешних обитателей заповедника. Стук

копыт, стремительно промелькнувшие черно-белые полосы — это прямо перед нами дорогу пересекла дюжина зебр. Мне они напомнили жирных, экстравагантно раскрашенных пони. Верный признак того, что мы действительно в Хлухлуве! Теперь я стал внимательнее присматриваться к высокой траве на обочине и довольно скоро заметил какое-то движение. Мы поспешно остановили машину и стали наблюдать. Сначала из травы выглянули печальные носатые физиономии, а затем показалось целое семейство бабуинов. Смешно припадая на передние лапы и оттопырив зады, они проковыляли перед нами и скрылись в кустарнике на противоположной стороне дороги.

А еще через несколько минут мы подъехали к лесистой долине, живо напомнившей мне суррейские рощи. Ветви деревьев переплетались между собой, образуя зеленые арки, а под ними...

— Смотрите! — воскликнул я. — Вот животные, которых я мечтал увидеть! Спрингбоки!

— Нет, — поправил меня мистер Митчелл, — это импала.

Все произошло в какие-то доли секунды, я даже не успел их как следует рассмотреть! Шесть изящных рыжекоричневых тел промелькнули в воздухе над дорогой. Они двигались длинными, плавными прыжками, почти не касаясь земли. Шесть пар витых рожек, шесть трогательных оленьих мордочек, и у каждой возле глаз маленькое белое пятнышко. И все! Бесшумно, точно призраки, антилопы скрылись в высокой траве.

Мы выехали из леса и приблизились к высокому холму. Рядом стоял щит с предупреждением, столь же лаконичным и зловещим, как и сакраментальное «Осторожно. Мины!» Здешняя надпись гласила: «Внимание. Носороги!»

Я жадно обшаривал взглядом окрестности, но, увы, ничего интересного не видел.

9

Туристическая стоянка (или *лодж*) располагалась на вершине холма. Она представляла собой ряд круглых белых хижин — рондавелов, прятавшихся в высокой зеленой траве. Оттуда доносился приятный дымок, это чернокожие слуги кипятили горячую воду для постояльцев. Хижины электрифицированы и являются вполне комфортабельным жилищем. В моей, например, имелась маленькая кухонька и ванная комната.

Лодж способен вместить свыше восьмидесяти посетителей, но еду нужно привозить с собой. Лагерь предоставляет кровати вместе со спальными принадлежностями, дрова, кухонную утварь, посуду, ножи и большого молчаливого слугу-зулуса, который выполняет всю домашнюю работу, включая приготовление пищи. Плата за все удобства показалась мне смехотворно низкой — четыре шиллинга за ночь (впрочем, за время пребывания в Южной Африке я уже привык и перестал удивляться дешевизне здешней жизни).

Вечером мы были приглашены на обед к хранителю заповедника, капитану Поттеру, и его милой супруге. Жилище Поттеров, стоявшее в небольшой рощице на краю лагеря, стало для меня небольшим потрясением. Представьте себе: пологий зеленый холм, столь типичный для Зулуленда, заросли экзотических деревьев и африканского кустарника, а посреди всего этого — дом, словно перенесенный из глубинки Сассекса! Именно такие усадьбы еженедельно рекламируются в «Кантри лайф» — солидные каменные строения со свинцовыми переплетами на окнах и всеми

современными удобствами. Ожидаешь увидеть в качестве хозяина дома какого-нибудь биржевого маклера из Лондона, а наталкиваешься на капитана Поттера!

Он собственной персоной встречал нас в гостиной с паркетными полами, поверх которых были разбросаны шкуры леопардов и зебр. Капитан Поттер — высокий, тощий, загорелый, облаченный в поношенный, но аккуратно выстиранный костюм «сафари», был тем самым персонажем, который постоянно встречается на страницах приключенческих романов о жизни в африканской глуши. То, что волновало большинство наших современников — деньги и курс биржевых акций, равно как и международные отношения — абсолютно ничего для него не значило. Что для него назревающий конфликт между Америкой и Россией, когда болеет детеныш носорога!

Капитан Поттер родился шестьдесят лет назад в Стаффордшире, но, подобно многим южноафриканцам, выглядел намного моложе своих лет. Я бы ни за что не дал ему больше пятидесяти. В детстве он посещал Беркампстед-Скул и помнит, как однажды из ворот поместья Тринг-Парк появился лорд Ротшильд, который гнал перед собой небольшое стадо зебр. Тогда мальчик впервые увидел этих диковинных лошадок и, конечно же, не подозревал, что когда-нибудь они (вместе с другими южноафриканскими животными) станут смыслом его жизни. Повзрослев, капитан Поттер приехал в Южную Африку, да так здесь и осел. Любовь к дикой природе и уединенному образу жизни привели его в заповедник Хлухлуве.

Обед наш был выдержан в лучших кейптаунских традициях. Вымуштрованные слуги в белых жилетах бесшумно скользили по паркетному полу. Разговор крутился вокруг различных диких животных — носорогов, африканских буйволов, зебр, — но неизбежно

возвращался к носорогам. Еще бы, ведь это животное — гордость и краса заповедника Хлухлуве! Я выяснил, что обычно люди приезжают сюда на машинах и большую часть времени проводят, путешествуя с фотоаппаратом по Хлухлуве. На территории заповедника гости могут пользоваться собственными автомобилями. Для этих целей проложено несколько дорог, где посетителям гарантирована встреча с животными, ради которых они приехали. Либо, как вариант, они могут отправиться в пешую прогулку, но в этом случае обязаны взять с собой местного егеря.

Нередко случается, что грозные обитатели заповедника загоняют гостей (порой весьма почтенных и уважаемых особ) на деревья. Укрываться на деревьях — в этом нет ничего смешного или зазорного. Более того, как объяснил капитан Поттер, это единственный разумный способ поведения. Ведь носорогу плевать на все табели о рангах! Если он увидел человека, то — уж будьте уверены! — либо с шумом и треском ломанет от вас через кусты, либо стремительно атакует. Не так давно двое полицейских вынуждены были провести целую ночь на ветвях дерева, в то время как разъяренный носорог прогуливался внизу и никак не желал уходить.

В Хлухлуве проживает сто пятьдесят обычных черных носорогов и от двух до трех сотен белых. Большая часть сосредоточена в соседнем заповеднике Умфолози, но они нередко забредают в Хлухлуве. Следует помнить, что это последние белые носороги на Земле! Разница между двумя видами заключается не в цвете, как можно было бы подумать, а в размерах и повадках. Окрас их почти одинаковый, может, у белого чуть-чуть посветлее. Зато он является самым крупным после слона наземным млекопитающим! Нормальный взрослый самец достигает в высоту шести футов и шести дюймов и может весить до пяти тонн. Оба вида

носорогов — белый и черный — снабжены двумя рогами, больший из которых имеет в длину четыре-пять футов.

— Но как вы их различаете по внешнему виду? — спросил я у капитана Поттера.

— У белого носорога верхняя губа более широкая, почти квадратная, — пояснил он. — А у черного более заостренная и лучше приспособлена к захвату корма.

Я поинтересовался, нет ли каких-нибудь примет, которые позволили бы распознавать животных на расстоянии, так сказать, не входя с ними в непосредственный контакт.

— Есть, — отвечал капитан Поттер. — Дело в том, что белый носорог питается травой, а посему ходит с низко опущенной головой, почти касаясь ею земли. В отличие от него, черный носорог объедает листья с деревьев, потому и голову держит выше.

Я выяснил, что белый носорог, хоть и крупнее черного, менее агрессивный. Оба вида животных обладают совсем слабым зрением — дальше тридцати шагов ничего не видят. Зато обоняние и слух у них великолепные, да и скорость они развивают приличную. Так что наблюдателю следует всегда быть настороже! Еще одна интересная подробность. Оказывается, черный носорог исключительно молчаливое животное. Сильно разозлившись, он издает похрюкивание, но звуки эти слышны лишь на ближнем расстоянии, до десяти ярдов. Зато рев белого носорога можно слышать и за полмили. Самки обоих видов приносят потомство лишь раз в три года.

В дневное время носороги обычно спят, а выходят на кормежку в сумерках или на рассвете. По этой причине посетителей просят приезжать в заповедник при свете дня.

Было около пяти утра, когда я поднялся. Погода стояла холодная и промозглая, утренний туман пеленой стелился по земле. Меня пробирала дрожь, пока я натягивал на себя походную рубашку. Но я знал, что через два часа, когда взойдет солнце, станет невыносимо жарко. Не успел я загрузить в сумку фотоаппарат, как услышал шум подъезжавшей машины. Мистер Митчелл и капитан Поттер выглядели веселыми и бодрыми. Судя по всему, настроены они были по-боевому.

Спускаться нам пришлось по довольно крутой дороге, которая серпантинном вилась по склону холма. Справа вздымалась почти отвесная стена, слева дорожное полотно резко обрывалось, и внизу виднелась степь, усеянная редким кустарником. На очередном повороте мистер Митчелл резко ударил по тормозам, и мы остановились.

— Смотрите! — прошептал он. — Вот это удача!

В сорока ярдах от нас прямо на дороге лежали два носорога — спящая самка с детенышем. Солнце светило нам в спину, так что животные были видны, как на ладони.

— Ты только погляди, Поттер! — возбужденно шептал мистер Митчелл. — Вот это размеры, правда?

— Да, довольно крупная самка, — согласился капитан.

Крупная? Мне она показалась просто гигантской! Самка занимала чуть ли не всю дорогу. Просто танк какой-то! Тело ее было грязновато-серым с легким оттенком розового. И эта огромная масса легко колыхалась в такт дыханию. Детеныш был размером с крупного пони. Мне еще не доводилось видеть носорога в движении, а посему я чувствовал себя вполне уверенно. Страх не было и в помине! Я предложил выйти из машины и сделать несколько снимков.

— Только быстро, — предупредил мистер Митчелл, — чтобы мы успели развернуться... если придется удирать.

Держа наготове камеру, я отважно покинул автомобиль в сопровождении капитана Поттера. Однако стоило мне сделать несколько шагов по дороге, как весь мой героизм куда-то улетучился. Рог самки был длиной как минимум четыре фута, а маленькие остроконечные уши напоминали узелки, которые люди обычно завязывают на память на носовом платке. И уши эти непрерывно подергивались, пока мы на цыпочках пробирались вперед. Внезапно — в одно невероятно короткое мгновение — она оказалась на ногах, и теперь стояла, глядя в нашу сторону. Вот уж я никак не ожидал подобной прыти! Просто фантастика какая-то! Детеныш тоже вскочил и встал рядом с матерью. Я решил, что бог с ними, с этими фотографиями, и поспешил вернуться в машину.

— Попробуем подобраться поближе, — предложил мистер Митчелл, орудуя рычагами.

Машина с черепашьей скоростью ползла по дороге.

Если раньше самка носорога слышала нас, чуяла наш запах, то теперь вдобавок еще и увидела! Она развернулась и, приподняв свои жуткие рога, смотрела на нас. Солнце светило ей прямо в глаза, и глаза эти казались исполненными самой черной злобы. Мы потихоньку, шаг за шагом, приближались, а она все стояла и смотрела. Теперь расстояние между нами не превышало тридцати ярдов. Я нервно оглянулся, чтобы посмотреть, захватил ли капитан Поттер ружье. Ружья не было. Я вновь бросил взгляд на самку носорога и подумал, что нам вряд ли удастся развить достаточную скорость на подъеме. Перед глазами у меня встала зловещая картина — наш мотор, насаженный на четырехфутовый рог. Черт, ну и нервы у этого Митчелла!

— Осторожно, — прошептал капитан.

— Все в порядке, я слежу за ней, — прошептал мистер Митчелл.

Тем временем злобная вегетарианка слегка приподняла и вновь опустила голову — казалось, будто она принюхивается к нам! — и слегка покачнулась на своих массивных ногах.

— Она нападает! — воскликнул мистер Митчелл, резко сдавая назад. Тяжеловесная туша начала было двигаться в нашу сторону, но затем, словно передумав, отпрянула. Несколько мгновений спустя самка вместе с детенышем припустили по склону.

Отбежав на сотню ярдов, она остановилась и вновь посмотрела в нашу сторону. Но мы уже были далеко и продолжали движение. Я чувствовал себя воскресшим из мертвых! На следующем повороте нам повстречался маленький автомобиль, битком набитый какими-то весельчаками. Они радостно помахали и что-то прокричали на прощание. Счастливики! Им и невдомек, какую дичь мы только что спугнули с их дороги!

После завтрака мы снова покинули лагерь в надежде увидеть носорога, а затем повторили свою попытку после обеда. В общей сложности за этот день мы повстречали двадцать семь носорогов, что явно тянуло на рекорд! Кроме того, мы видели антилоп — импала, иньяла и куду, буйвола, бушбока, зебру, а также обезьян и бородавочников.

Я заметил, что у каждого из двадцати семи носорогов на теле имелось красное пятно размером с чайное блюдце. Капитан Поттер объяснил, что эти похожие на язвы пятна появляются у носорогов лишь в период спаривания. Он считал, что так открываются мускусные железы.

— Приезжайте сюда через пару месяцев, — сказал он, — и голову даю на отсечение, что вы не увидите никаких язв. Да что там голову! Я готов заплатить вам пятерку за каждую обнаруженную язву. Эти пятна

всегда проходят сами собой. Если внимательно посмотреть на молодых носорогов, то можно заметить у них на теле метки — там, где в зрелом возрасте начинают функционировать мускусные железы. Подобного вы не прочтете ни в одной книге по зоологии. Это моя собственная теория, выработанная на основе многолетних наблюдений за носорогами. Скажу вам больше, в это время года я ощущаю в воздухе слабый запах носорожьего мускуса!

Мы провели поистине волшебный день среди холмов и долин Хлухлуве. Не раз нам доводилось выезжать на пастбища, где паслись вперемешку зебры и антилопы гну. Взбираясь по крутой тропе в холмы, мы вынуждены были остановиться, чтобы пропустить обезьянье семейство: горбясь и припадая к земле, они неспешно прошествовали перед нами. Мы въехали в тенистую рощу и нос к носу столкнулись с высоким самцом куду: застыв в арке из зеленых веток, он смотрел прямо нам в лицо. Несколько мгновений куду стоял абсолютно неподвижно. Его можно было бы принять за раскрашенное изваяние, если бы не рефлекторное трепетание бархатных ноздрей. Затем наш мотор неожиданно чихнул, и вся смелость самца мгновенно испарилась. Он просто исчез, растворился в зеленых зарослях. Единственным доказательством его пребывания здесь было легкое покачивание ветки.

А самым большим событием того дня стала неожиданная встреча с самцом носорога (говорю «неожиданная», потому что к такому невозможно подготовиться, оно всегда застают врасплох). Случилось это уже в конце дня, на обратном пути в лагерь. Мы с трудом вползли на довольно высокий холм и только-только успели переключить передачу, как заметили, что сбоку на нас несется разъяренный носорог. Он мчался, низко склонив голову и нацелив рог прямо в дверцу нашего автомобиля. Не замешкавшись, мистер Митчелл

до отказа вдавил педаль газа. Нас спасли кусты на обочине: носорог влетел в них со всего размаха и принялся яростно крушить ветви своим рогом. В этот миг мы промчались мимо!

Все случилось так быстро, что я даже не успел испугаться.

— Нет, вы видели когда-нибудь такое! — негодовал мистер Митчелл. — Этот старый *паньяна* издали услышал шум мотора и специально поджидал нас на вершине холма, чтобы напасть. Благодарите Бога, ребята! Если бы не кусты, он бы проткнул нас, как старую калошу.

Паньяна — один из подвидов местного носорога. Он невелик размерами, однако отличается буйным темпераментом и скверным характером, в чем мы имели возможность убедиться. Повторяю: все произошло слишком быстро и, анализируя задним числом эту встречу, я уверен лишь в двух фактах. Во-первых, носорог несся со скоростью галопирующей лошади, а во-вторых, он напал на нас исключительно из врожденной зловредности.

На следующее утро мы покинули заповедник Хлухлуве и к вечеру уже были в Питермарицбурге.

Глава восьмая

За Оранжевой рекой

Я покидаю Наталь и держу путь на равнины Оранжевого Свободного государства; посещаю Блумфонтейн — город, расположенный в самом центре страны, — и спускаюсь в Кару, где целую неделю живу в цивилизованной пустыне.

1

Я ехал по живописной горной дороге, которая должна была привести из Наталя в Свободное государство. В местечке с названием Чивели, расположенном на пересечении единственной железнодорожной ветки с зеленой долиной, я увидел место, где во время англо-бурской войны молодой корреспондент по имени Уинстон Черчилль попал в плен к генералу Бота. Затем на моем пути встретился Ледисмит — город, названный так в честь испанской жены сэра Гарри Смита. Будучи честным и храбрым воином, этот человек в середине девятнадцатого века играл важную роль в истории своей страны. Здесь я посетил музей и полюбовался на реликвии тех военных времен — старую винтовку «Ли-Мэтфорд», барабан, кавалерийские ружья и тому подобные экспонаты. Сказать по правде, для меня — человека, пережившего бомбежки и воздушные налеты последней войны — все эти предметы выглядели памятниками времен Ватерлоо.

Я свернул в сторону Дракенсберга, решив провести несколько дней в Натальском Национальном парке. Здешний заповедник порадовал меня великолепной

гостиницей, которая по уровню комфорта могла бы поспорить с любым из дурбанских отелей. К несчастью, погода подкачала: все время не переставая лил дождь — необычное явление для здешних мест — и я не смог, как планировал, подняться на вершину Берга. Зато во время очередной грозы (помню, гремел гром и сверкала молния) я выловил в притоке Тугелы настоящую лохлебенскую форель!

Оказавшись на территории Свободного государства, я остановился в городке с названием Гаррисмит. Он был заполнен толпами веселых людей, которые только и говорили, что о поло, шерстяных одеялах и ежегодных скачках на вершине горы Платберг.

В тот день, когда я поехал к обзорной площадке, опять шел дождь. Не лучшее время для прогулки, но мне хотелось увидеть место, где партия Пита Ретифа дожидалась своего предводителя, отправившегося на поиски Земли Обетованной. Мне говорили, что в хорошую погоду отсюда открывается незабываемый вид на зеленые долины Наталя. Увы, все, что мне удалось рассмотреть, — хмурые скалы, объятые дождевыми тучами. На одной из этих скал прелестная Дебора Ретиф начертала зеленой краской имя своего отца. Надпись сохранилась и поныне — под смонтированной стеклянной витриной различимы зеленые буквы. Насколько мне известно, это единственная надпись, оставшаяся после вуртреккеров.

Далее мой путь пролегал по огромной плоской равнине с зелеными холмами, видневшимися на горизонте. То и дело попадались маленькие живописные фермы, стоявшие в окружении деревьев. Легкий ветерок медленно вращал алюминиевые водяные колеса, на перекрестках стояли молочные бидоны, приготовленные для отправки на маслобойные фабрики. Я приехал к Бетлехему — очаровательному городку, получившему свое имя от вуртреккеров. Здесь располагался птичий

заповедник, похожий на те, что можно видеть у нас на Камберлендских озерах. Полюбовавшись на местных пернатых, я отправился дальше и вскоре въехал в горное ущелье с названием Золотые Ворота. И все это время слева от меня маячили земли Басутоленда, напоминавшие диковинную помесь Уэльса со Швейцарией. Наконец ближе к вечеру я на время покинул Союз и устремился в Масеру, столицу британского Басутоленда.

Так уж сложилось, что эта обширная область в политическом смысле не принадлежит Южно-Африканскому Союзу. Официально она считается территорией представительства высокого комиссара и, подобно двум другим британским протекторатам — Свазиленду и Бечуаналенду, — подчиняется министерству по делам колоний. В Южной Африке давно ведутся разговоры о том, что пора привести политику в соответствие с географией и включить данную территорию в состав Союза.

Весь следующий день я ехал по самой замечательной фермерской стране, какие мне только доводилось видеть, и к вечеру прибыл в Блумфонтейн, столицу Свободного государства. Передо мной тянулись длинные, хорошо освещенные проспекты. Перед зданием почтамта был установлен фонтан с подсветкой. Он радостно посылал в воздух разноцветные струи — красные, оранжевые, голубые — очаровательное напоминание о том, что имя Блумфонтейн переводится как «Фонтан цветов».

После обеда я созвонился со своим другом, жителем столицы, и он предложил совершить прогулку на Военный холм — возвышенность, у основания которой раскинулся Блумфонтейн. Вскоре мы уже катили по извилистой пятимильной дороге, ведущей к вершине холма. Поскольку ярко освещенные улицы остались позади, здесь было довольно темно, вдоль обочины

тянулся невысокий кустарник. На очередном повороте мы едва не наткнулись на какое-то крупное животное. Кажется, это был буйвол. Он промелькнул темной массой в свете наших передних фар и скрылся в придорожных кустах. А еще через несколько ярдов пришлось сбросить скорость, чтобы пропустить пару зебр, которым вздумалось пересечь дорогу. Животные эти выглядели более ручными, нежели пони в Нью-Форесте.

Поднявшись на вершину, мы вышли из машины и направились к обрыву, чтобы полюбоваться панорамой вечернего города. Весь Блумфонтейн лежал перед нами, как на ладони. Центральные магистрали протянулись строго параллельными яркими линиями. Южные пригороды тоже были обозначены скоплением мерцающих огней, а за ними начиналась непроглядная темень — там раскинулся безлюдный вельд. Некоторое время мы следили за жуком-светляком, который медленно полз в темноте, — это ночной поезд приближался к столице Свободного государства. На наших глазах с блумфонтейнского вокзала вышел еще один, встречный поезд и направился на север, к Йоханнесбургу.

2

Утром я вышел из гостиницы, чтобы прогуляться по городу и составить впечатление о Блумфонтейне. Это оказалось несложным, поскольку город невелик и отлично спланирован. Я сразу же окунулся в атмосферу преуспевания и уверенности, которая характерна для столицы Свободного государства. В этом городе ощущается какая-то особая свежесть и энергия. И, как мне кажется, тому есть два объяснения. Во-первых, Блумфонтейн — высокогорный город. Он располагается

на высоте четыре тысячи футов над уровнем моря, то есть почти на сто футов выше, чем наш Бен-Невис. А во-вторых, городу очень повезло с архитекторами. Здесь нет ни одного общественного здания, которое бы не сочетало социальную значимость с привлекательным внешним видом.

В значительной степени красота и гармония столицы объясняются тем, что создатели города не увлекались внешней помпезностью, а строго придерживались архитектурного стиля, который наилучшим образом подходит для Южной Африки. Меня чрезвычайно порадовало маленькое здание парламента «Раадзаал», построенное в середине девятнадцатого столетия и сохранившееся в первозданном виде. Оно представляет собой не огромный семитский зиккурат, а маленький образец классической архитектуры, во всей своей красе перенесенный на просторы Верхнего Вельда. Две другие достопримечательности Блумфонтейна — это здания Верховного и Апелляционного судов.

Прежде я уже писал о значении бычьей повозки в истории Южной Африки. Полагаю, что без этого изобретения развитие Африки было бы попросту невозможно. Что интересно, вагоны наложили свой отпечаток и на архитектуру южноафриканских городов. В давние времена, когда только возникали первые поселения, улицы в них прокладывались достаточно широкими — чтобы могла развернуться полная бычья упряжка (кстати сказать, достаточно громоздкое сооружение). Это было необходимым условием, и следовали ему неукоснительно. Данное правило сильно облегчило жизнь грядущим поколениям архитекторов. Когда первоначальные деревни начали разрастаться — сначала в скромные поселки, а затем и в крупные города, — строителям не пришлось сносить целые акры тесных «муравейников» с узенькими кривыми улочками

(что, как мы знаем, представляло серьезную проблему в Европе).

Блумфонтейн является юридической столицей Союза, здесь расположена высшая судебная инстанция государства — Апелляционный суд. Многие южноафриканцы верят, что когда-нибудь нынешней системе «двух столиц» придет конец и в стране установится единовластие. В этом случае Блумфонтейн имеет хорошие шансы стать единственной законной столицей Союза. Располагаясь в самом центре государства и обладая выигрышной планировкой (ибо что может быть лучше, чем Военный холм в качестве акрополя?), Блумфонтейн стал бы во всех отношениях безупречной столицей.

И коли уж разговор зашел о столицах, надо сказать, что Блумфонтейн является бесспорной астрономической столицей Союза. Мичиганский университет давно уже оборудовал свою обсерваторию на Военном холме. Воздух в Свободном государстве настолько чист и прозрачен, что и Гарвардский университет перевел свою обсерваторию из перуанских Анд в Мазелспоорт, расположенный всего в нескольких милях от Блумфонтейна. Мне рассказывали, будто тамошний телескоп один из крупнейших в мире, что делает Мазелспоорт важнейшим астрономическим центром всего южного полушария Земли.

Южная Африка — как важнейший экспортер фруктов на мировом рынке — отдает дань уважения своим первым садоводам, которые насаживали фруктовые деревья в эпоху ван Рибека и ван дер Стела. Но интересно, задумывался ли кто-нибудь о неизвестных создателях холодильных установок и строителях бассейнов, столь необходимых в условиях Южной Африки? В самом деле, трудно представить, как государство великих «мясоедов» (каковым является Союз) сохраняло бы без холодильников то гигантское

количество мяса, которое оно ежедневно потребляет. Можно было бы, конечно, отказаться от свежего мяса и ограничиться бильтонгом, но, подозреваю, южноафриканские гурманы вряд ли пошли бы на такой шаг. Не менее важной деталью городского ландшафта являются бассейны. Ни один город в Южной Африке не считается слишком маленьким или провинциальным и, что еще важнее, не настолько испытывает дефицит в воде, дабы отказать себе в удовольствии иметь плавательный бассейн самой современной конструкции.

Блумфонтейн в этом отношении не исключение. В городе имеется прекрасный бассейн с подсветкой. Если смотреть на него в ночное время с вершины Военного холма, он напоминает огромный изумруд овальной формы. Однако предметом гордости всех блумфонтейнцев является другой бассейн, расположенный в нескольких милях от города, все в том же Мазелспоорте. Здесь протекает река с прелестным названием Моддер (то есть Грязевая). Ее воды тщательно фильтруются и затем — белые, искрящиеся — подаются в сооружение, которое представляет собой наверняка самый длинный бассейн в мире. Я в жизни не видал бассейна такой длины, даже в кино! Декабрьскими днями, когда все Свободное государство изнывает от жары и даже ветерок не приносит облегчения (ибо кажется, будто дует он из открытого горнила раскаленной печи), счастливые блумфонтейнцы отправляются с семьями в Мазелспоорт. Здесь они могут поплавать, покататься на лодочках по реке или просто посидеть в тени деревьев. После такого отдыха на природе чувствуешь себя обновленным. Немудрено, что жители столицы гордятся мазелспоортским бассейном не меньше, чем гранадские мавры гордились своей Альгамброй.

Я провел незабываемый день и вечер в Мазелспоорте, отдыхая в компании двух очаровательных

семейств из Блумфонтейна. После того как дети вволю набегались, накупались и наконец-то успокоились, мы расположились под деревьями, чтобы предаться двум самым приятным занятиям на свете — наблюдать за появлением первых звезд на небе и вкушать изысканные холодные закуски, в приготовлении которых южноафриканские женщины непревзойденные мастерицы.

Королевский парк в Блумфонтейне вполне оправдывает свое название. На мой взгляд, это один из прекраснейших парков в мире (а я повидал их немало на своем веку). Полагаю, не один садовник после посещения Королевского парка загорелся желанием выращивать цветы и кустарники на южноафриканской почве. Это само по себе увлекательное занятие — проектировать собственный сад, с линейкой в руках составлять планы на миллиметровой бумаге, часами изучать каталоги декоративных растений. Но главная прелесть заключается в том, что здесь, в Южной Африке, гарантирован прекрасный результат! Если вы когда-либо пытались вырастить в английском саду шелковичное дерево, вам наверняка знакомо горькое чувство разочарования при виде краха всех ваших героических усилий. И тогда завидная участь южноафриканских садоводов — с неправдоподобно коротким сроком вызревания любой культуры, с роскошнейшими живыми изгородями, которые вырастают всего-то за пару лет — наполнит сердца жгучей завистью. Воистину быть садовником в Южной Африке — чистое блаженство (конечно, при условии достаточного обеспечения водой).

Краса и гордость блумфонтейнского зоопарка — животное под названием лигр. Оно представляет собой помесь льва и тигра. Подобными гибридами может похвастать лишь один другой зоопарк в мире — нью-йоркский. Только там они называются тиглонами или

тигрольвами. Внешне лигр выглядит как лев с тигриной окраской. Я рассматривал этих животных, как порой мы наблюдаем за детьми ближайших друзей — в тщетной надежде обнаружить те или иные дорогие черточки, которые восхищают нас в их родителях.

В городе множество прекрасных школ и колледжей, а также один из лучших музеев во всем Союзе. И все они заслуживают внимания. Однако есть одно учреждение, которое я бы посоветовал посетить всем англичанам в обязательном порядке. Я имею в виду музей англо-бурской войны, который бережно (возможно, даже слишком бережно) сохраняет реликвии прискорбного противостояния. И который требует от нас, англичан, особого внимания и понимания. Как известно, англо-бурская война протекала в два этапа. Первый, более короткий, имел место еще до открытия трансваальского золота. А вслед за тем последовала другая трехлетняя война.

Первая англо-бурская война началась в 1880-м — через три года после того, как Британия аннексировала Трансвааль, на тот момент погрязший в финансовых и национальных проблемах. Пожалуй, самым знаменитым событием этой войны является битва при Маджуба-Хилл, где бурам удалось захватить врасплох и наголову разбить английские войска. После заключения мира Трансвааль снова был восстановлен в правах самостоятельного государства, на сей раз под названием Южно-Африканской республики. Несколько лет спустя на реке Витватерсранд (или просто Ранд) обнаружили золото, и событие это имело по меньшей мере два важных последствия. Во-первых, оно привело к быстрому обогащению прежде нищего Трансвааля. А во-вторых, в республику хлынул поток искателей легкой наживы, и большая часть этих людей была британцами.

Конечно же, золотоискатели в первую очередь стремились к личной выгоде. Но, как ни крути, они

исправно платили налоги и в немалой степени способствовали обогащению Южно-Африканской республики. В качестве награды за свои труды они желали получить — не много не мало — гражданские права в этом государстве. Однако президент Крюгер, будучи консервативным политиком и противником всяческих перемен, решительно отверг требования *уитлендеров*. Тогда Сесил Родс (на тот момент премьер Капской колонии) и некоторые другие влиятельные лица решили организовать вооруженный рейд на территорию Трансвааля. Руководство операцией поручили доктору Джеймсону, который блистательно провалил дело. Он сам и его пятьсот бойцов попали в плен к бурам и были брошены в тюрьму. Событие это получило широкую огласку и способствовало дальнейшему нарастанию напряженности в англо-бурских отношениях. По сути, в ту пору разворачивалась борьба между новым, современным миром, который представляли Родс, Милнер и Джозеф Чемберлен, и миром старым, за который стоял президент Крюгер. Когда противостояние достигло критической точки, разразилась война. Трагическая история этой борьбы описана во многих авторитетных источниках, а посему не вижу смысла пересказывать ее в подробностях. Коснусь лишь нескольких принципиально важных моментов.

Прежде всего необходимо сказать о британских методах ведения войны — тех самых, которые и поныне служат главными козырями для антибританских политиков Союза. Печальными нововведениями англичан стали тактика «выжженной земли» (когда на большой территории действительно сжигались фермы буров, поля и краали), а также последующее насильственное перемещение бурских женщин и детей в концентрационные лагеря. Лагеря были плохо организованы, люди содержались там в ужасных условиях. Двадцать шесть тысяч погибших от кори,

дизентерии и прочих болезней — таковы ужасающие результаты этой акции.

Какова была реакция англичан в условиях постоянно разжигаемой военной истерии — тема отдельного разговора. Но по крайней мере один голос раздался в осуждение бесчеловечных методов британской армии. И голос этот принадлежал мужественной английской женщине по имени Эмили Хобхаус. Она приехала в Южную Африку, работала в концентрационных лагерях и воочию видела творившиеся в них зверства. Вернувшись домой, она предала огласке свои критические замечания в палате общин и в прогрессивной прессе. Эмили Хобхаус, малоизвестная в родной стране, снискала себе звание подлинной героини в Южной Африке. Она умерла в 1926 году, и прах ее после смерти был захоронен в одном из самых священных мест Союза — под огромнымobeliskом возле Блумфонтейна, рядом с прахом президента Стейна и генерала Де Вета. Фельдмаршал Смэтс посвятил этой женщине речь, наверное, самую прочувствованную за всю свою карьеру.

«Будучи малой нацией, жестоко пострадавшей от рук истории, — сказал он, — мы склонны превозносить патриотизм превыше всех добродетелей. Так давайте же помянем имя Эмили Хобхаус! Эта женщина была англичанкой до мозга костей и гордилась своим народом и его великой исторической миссией. Однако этим ее патриотизм не исчерпывался. Увидев, что родная страна увязла в политике и замарала свои руки деяниями, шедшими вразрез с ее моральными принципами, Эмили Хобхаус не сказала: “Что поделать, это моя страна”. Нет, повинувшись движению души, она встала на нашу сторону и выступила против собственного народа. Тем самым она оказала неоценимую услугу не только нам, но и родной Англии, а по большому счету, и всему человечеству...

Пример Эмили Хобхаус больше, нежели любой другой в нашей истории, призван напомнить нам, что мы не только граждане Южной Африки — кроме того (а может, и в первую очередь), мы являемся гражданами Божьего Града».

3

Поднимаясь ранним утром на Военный холм, я повстречал молодого человека, который бодро шагал мне навстречу. Он беспечно крутил в руках тросточку и что-то напевал.

— Доброе утро! — радостно приветствовал он меня.

— Ого, да вы англичанин, — оживился я.

— Как вы узнали?

— Я бы сказал, что вы из Брэдфорда, — рискнул я продолжить догадки.

— Неплохо, — усмехнулся он. — Всего на сотню миль ошиблись, На самом деле я из Бернли, но много лет прожил в Лондоне.

— Ну, от йоркширского акцента не избавиться.

— Видит бог, приятель, истинную правду говоришь, — произнес он, шутливо утрируя упомянутый акцент.

Он был без шляпы, в синем фланелевом пиджаке с позолоченными пуговицами — словно приехал на каникулы в Скарборо.

Окинув окрестности взглядом, он произнес неожиданно серьезным и проникновенным тоном:

— Какая восхитительная страна!

Это показалось мне странным, и я спросил:

— Чем вызвано ваше восхищение?

— Я расскажу, если угодно. Видите ли, шесть месяцев назад я умирал от астмы. Буквально был одной ногой в могиле. Ночи напролет я просиживал в кресле,

руками сжимая грудь и стараясь не хрипеть. И все равно приступы повторялись, мне становилось хуже. Доктор сказал, что я не излечусь, пока не поменяю климат. Он посоветовал мне переехать в какое-нибудь высокогорное и сухое место. Хорошенькие советы, подумал я про себя. О какой перемене климата может идти речь, если каждое утро ровно в девять я обязан быть на Леденхолл-Стрит! С таким же успехом он мог мне посоветовать: «Отправляйтесь на Луну».

А затем стало совсем худо. Я думал, сойду с ума. Чертов кашель совсем не давал спать. Работу пришлось бросить... Мы с женой задумались: «И что же дальше?» Положение было хуже некуда. И тогда мы собрали все деньги, какие смогли, и решили ехать в Южную Африку. Врач сказал, что мне лучше всего ехать в Блумфонтейн. Тогда я впервые услышал это название.

И в тот самый миг, как мы приехали сюда, я почувствовал облегчение. Астма отступила. Я снова мог спать и вообще помолодел на десять лет.

Молодой человек выпятил грудь вперед и сделал пару глубоких вдохов.

— Вы только послушайте! — радостно воскликнул он. — Никаких хрипов! Старые трубы звучат, как церковные колокола! Вот что Блумфонтейн сделал для меня!

— Какое счастье, что вы изыскали возможность сюда приехать, — сказал я.

— А что оставалось делать? Честно говоря, эта поездка съела все наши сбережения, — признался он. — Но я чувствую себя настолько хорошо, что намереваюсь снова начать работать. Ничего, мы еще поборемся!

— Я бы сказал, здесь не с чем бороться! — улыбнулся я.

— Вы совершенно правы! По крайней мере мне не приходится воевать за каждый глоток воздуха. Я себя чувствую двухлетним ребенком!

Он распрощался со мной и, все так же беззаботно помахивая тросточкой, зашагал вниз по склону.

4

Я поднялся на Военный холм незадолго до полуночи и взглянул на сверкающее звездное полотно у себя над головой. Дух захватывало от подобного зрелища! Здесь не только звезды кажутся ярче, чем где бы то ни было, но и воздух такой прозрачный, что ощущается безграничное расстояние до этих звезд.

Люди, как правило, заняты земными делами и редко обращают внимание на далекое небо. И уж наверняка мало кто задумывается над таким вопросом, как история астрономии в родной стране. А напрасно! Они могли бы узнать много интересного и полезного. Во всяком случае здесь, в Южной Африке, изучение звездного неба ведется очень давно и продуктивно. История эта привлекательна еще и тем, что не омрачена никакими политическими или расовыми конфликтами. Все проблемы, возникающие в астрономии, легко и цивилизованно улаживаются милой компанией пожилых джентльменов с помощью телескопа и математики.

Как только европейские мореплаватели пришли на Кап, вместе с ними появились и ученые, желавшие изучать звездное небо над Южной Африкой. Первыми в этом преуспели французские монахи-иезуиты, которые делали наблюдения по пути в Сиам. Им разрешили установить соответствующие инструменты в летнем домике кейптаунского губернатора. Затем в середине восемнадцатого века в Кейптаун приехал аббат Лакайль, он занялся составлением каталога звезд Южного полушария и во время работы жил на Странд-стрит.

А после того, как в 1820 году в Кейптауне была основана Королевская обсерватория, в Южную Африку стали съезжаться выдающиеся ученые-астрономы со всего света. Даже странно, что южноафриканцы никого из них не упомянули при составлении списка национальных знаменитостей (ведь туда вошли десятки куда менее достойных личностей).

А между тем я убежден, что честолюбивым мальчикам, а также родителям необычных детей было бы чрезвычайно полезно ознакомиться с биографиями знаменитых астрономов. Ведь многие из них стартовали, так сказать, с самых низов. Они родились в обычных небогатых семьях и не могли даже мечтать о том, чтобы заняться такой отвлеченной наукой, как астрономия. Но затем случайный взгляд в телескоп (а в жизни почти каждого из них есть такая история!) изменил всю их жизнь и в конечном счете привел этих людей к славе. Взять хотя бы Ферона Фоллоуза, первого южноафриканского Королевского астронома — он родился в семье простого камберлендского ткача. Его преемник Томас Хендерсон был сыном мелкого торговца из Данди. Не менее показательна и судьба великого сэра Дэвида Гилла. Его отец был абердинским часовщиком и с детства приучал сына к ремеслу. На занятия наукой у юноши оставалось не так уж много времени, а лабораторией ему служила собственная спальня. Но, наверное, самым ярким и вдохновляющим примером мог бы стать сэр Джон Гершель. Он на протяжении четырех лет (1834–1838) изучал звезды в Южной Африке, а затем написал книгу, ставшую основополагающим трудом по астрономии.

К слову сказать, стиль жизни южноафриканских ученых успешно опровергает расхожее мнение о звездочетах как о людях не от мира сего. Все они живо интересовались окружающим миром и принимали посильное участие в жизни общества. Например,

строительство маяков на Капе в значительной степени развивалось благодаря сэру Томасу Маклиру, в 1833 году получившему пост Королевского астронома. В знак признательности южноафриканцы назвали его именем мыс. Помимо того, сэр Томас интересовался ходом исследований Южной Африки. Известно, что именно он научил Дэвида Ливингстона пользоваться секстантом. Сэр Джон Гершель занимался реформой образовательной системы на Капе, а сэр Дэвид Гилл серьезно интересовался политическими и социальными проблемами.

На Военный холм я поднялся с определенной целью — дело в том, что я получил приглашение осмотреть обсерваторию Мичиганского университета. Явиться мне было назначено ровно в полночь. И вот я направлялся к главному куполу обсерватории, который, подобно огромной ребристой дыне, возвышался над макушкой Военного холма. У входа я нажал кнопку звонка и подождал несколько минут. Никаких признаков жизни, здание казалось абсолютно пустым. Наконец послышался звук приближавшихся шагов, и дверь распахнулась. На пороге стоял профессор, по случаю жаркой погоды одетый в легкую рубашку и светлые фланелевые брюки.

— Скорее входите, — рассеянно пробормотал он. — Полагаю, сегодня ночью можно будет увидеть кое-что интересное...

Мы поспешно начали спускаться по казавшейся бесконечной лестнице. По дороге профессор объяснил мне, что нынче на небосклоне восходит какая-то звезда (какая именно, я запамятовал). Наконец мы оказались внутри круглого, практически не освещенного зала. Когда глаза мои адаптировались к темноте, я разглядел, что в одном месте потолок отсутствует, и за ним зияет кусок ночного неба с миллионами ярких звезд. Выяснилось, что различные сектора купола могут

сдвигаться в сторону, обеспечивая доступ к предмету наблюдения. Внимание мое привлек предмет, нацеленный в небо и напоминавший с виду противозендушное орудие. Это и был телескоп! К нему вела металлическая лестница с сидением наверху. По совету профессора я занял это место и прильнул к объективу. Вращая правой рукой окуляр, я принялся настраивать изображение. Это мне не слишком хорошо удавалось. Аппаратура была настолько чувствительной, что любое движение моей ладони сбивало фокусировку и превращало небо в скопление вращающихся комет.

Тогда профессор сам взобрался на лестницу и развернул объектив телескопа, направив его на другой участок неба.

— Теперь смотрите, — сказал он. — Вот это туманность.

Я взглянул и увидел массу ярких светящихся точек.

Простым нажатием кнопки профессор заставил купол обсерватории медленно повернуться. Движение это сопровождалось ритмичным тархтением и постукиванием — будто на кухне среди ночи внезапно ожил холодильник.

Профессор заново сфокусировал объектив, после чего предложил мне полюбоваться очередной порцией звездного неба. На сей раз я увидел яркий огонек на конце спички, который горел ровным, немигающим пламенем.

— Это верхняя звезда из Пояса Ориона, — пояснил мой учитель и стал сыпать цифрами (дальность, возраст, светимость и проч.).

Я слушал его вполуха, а сам вспоминал отрывок из книги сэра Джеймса Джинса «Загадочная Вселенная».

«Число звезд во Вселенной, — писал он, — подобно числу песчинок на всех песчаных пляжах мира. На фоне этой безбрежности вселенной наш дом выглядит устрашающе крошечным».

Хотя сэр Джеймс Джинс полжизни провел за осмыслением астрономических истин, он никогда не забудет того ужаса, который охватил его при первом взгляде на звездное небо через объектив телескопа. Эту реакцию он считает типичной для человеческого ума. «Мы ужасаемся необъятности нашей Вселенной, — писал он, — не только в смысле расстояний, но и той невообразимой протяженности времени, на фоне которой вся наша человеческая история выглядит не более чем кратким мигом. Нас убивает наше исключительное одиночество во Вселенной, а также понимание ничтожности нашего материального обиталища в космосе — невыносимо осознавать, что твой дом представляет собой миллионную часть песчинки на безбрежном песчаном берегу Вселенной».

— А теперь, — пробился голос профессора, — взгляните на ту звезду сначала невооруженным взглядом, а потом через объектив телескопа.

Я послушно посмотрел на крошечную искорку света на фоне черного неба, которая вдруг — благодаря волшебству астрономической техники — выросла до размеров целой галактики. Не поверив своим глазам, я снова повторил эксперимент. Невероятно!

Профессор снова развернул трубу телескопа. На сей раз я увидел маленький мячик для гольфа, который уютно примостился внутри портьерного колечка. Я подумал, что это самое прелестное зрелище из всех, которыми побаловала меня сегодняшняя ночь.

— Это Сатурн со своими кольцами, — объяснил профессор.

С меня было довольно. Я спустился со своего наблюдательного поста, и мы завели разговор на обыденные темы. Теперь мне открылось, почему многие астрономы слывут вполне нормальными светскими людьми. Человек, который постоянно вынужден иметь дело с такими непостижимыми материями, неосознанно

ищет прибежища (и отдохновения для души) в маленьком, вполне тривиальном хобби. Иначе можно просто сойти с ума! И я проникся сочувствием ко всем тем людям, которые в данный момент сидели у объективов телескопов и вглядывались в необозримую даль Вселенной.

5

Находясь в Блумфонтейне, я неожиданно получил приглашение провести недельку в Кару. Мне предлагалось приехать и — цитирую автора письма — «посмотреть, как они живут в цивилизованной пустыне». Последовать этому приглашению означало вновь вернуться на Кап, чего мне, естественно, не хотелось. Но, с другой стороны, когда еще представится возможность увидеть Кару собственными глазами? Глупо отказываться от такого шанса! Короче, я решил ехать.

Кару — готтентотское название, означающее «сухое место» — представляет собой обширное засушливое плато на территории Капской провинции, лежащее ниже уровня, на котором расположены равнины Свободного государства. Первые голландские поселенцы обзревали Кару с тем же отвращением, с каким английские современники доктора Джонсона смотрели на шотландский Хайленд. Однако вы наверняка помните, что случилось дальше. Вальтер Скотт сумел придать Хайленду ореол романтики, а королевский Балморал перевел эти дикие места в разряд популярного курорта. И вот уже англичане устремились в горные долины Шотландии. Нечто похожее произошло и здесь, в Южной Африке. Сейчас стало модным восхищаться Кару, его закатами и безмолвием. Меня не раз предупреждали:

если я уеду, не повидав этой пустыни, то лишусь одного из самых незабываемых зрелищ в Южной Африке.

Итак, ранним утром я выехал из Блумфонтейна и направился на юг. День выдался необычайно жарким и, памятуя о перегревшемся радиаторе в Транскее, я предусмотрительно запасся дополнительной бутылкой воды и ветошью. Уж не знаю, сколько времени здесь держалась подобная сушь, но только земля выглядела сухой, растрескавшейся и, казалось, слегка вибрировала от жары. По пути мне время от времени встречались стада коров, имевшие самый жалкий вид. Голодные отощавшие животные уныло брели по пустыне, жадно обнюхивая землю в поисках хоть клочка травы.

Сопровождали их, как правило, чернокожие пастухи, с ног до головы покрытые толстым слоем пыли. Но как-то раз я увидел белого мужчину, ехавшего на повозке, и остановился с ним поговорить. Этот человек разительным образом отличался от тех сытых и довольных фермеров, которых я видел прежде. Он казался измученным и несчастным, одежда болталась на нем, как на огородном пугале. По-английски он изъяснялся с некоторым трудом, но здесь особого красноречия и не требовалось. Все и так было ясно. Когда я заметил, что засуха в этом году стоит ужасная, он посмотрел на меня пустым безнадежным взглядом. Большая часть его скота подохла, сказал мужчина, и сейчас он пытается спасти хотя бы остатки стада. Ему говорили, будто здесь (он ткнул кнутом куда-то вдаль) сохранились живые пастбища. Он ведь все деньги вложил в стадо, и вот...

Я слушал его, и перед глазами у меня одна за другой вставали душераздирающие картины. Я видел неумолимые лица ростовщиков и кредиторов по закладным; видел нехитрый скарб, сваленный на солнцепеке во дворе, и кучку собравшихся покупателей — они рассматривают мебель, торгуются и кто-то

смеется над выставленным старьем; видел его самого — несчастного, жалкого, в поношенной одежде, с женой и кучей ребятишек; уже завтра им придется покинуть родные места и отправиться в пустыню, где ютятся такие же бездомные люди. Конечно, это шаг вниз, но что поделаешь — не повезло...

Вода. Это все, что ему требовалось. Всего несколько хороших дождичков — на пару ночей... возможно даже, на пару часов — и его жизнь спасена. Однако дождей нет уже несколько месяцев. Здесь вообще ничего нет, кроме раскаленной земли, песчаной пыли и трупов павшей скотины. Я не нашелся, что ответить. Бывают ситуации, когда любые, даже самое искренние слова сочувствия выглядят фальшивыми. Так мы и расстались: я оставил несчастного фермера с болью в глазах и поехал дальше.

Вокруг меня — от горизонта до горизонта — простиралась потрескавшаяся земля, ослепительно желтая в солнечных лучах. По ней бродили тощие овцы, и одному Богу известно, что они надеялись отыскать в этой негостеприимной пустыне. Вдалеке я увидел группу деревьев, к которым вела прямая, как стрела, дорога. Там, должно быть, стоял очередной городок — с красными черепичными крышами, с голландской реформистской церковью, маленькой гостиницей и автозаправочной станцией — крошечный оазис среди огромного колышущегося океана раскаленной пыли. В воздухе висели облака въедливой песчаной крошки. Она скрипела на зубах, забивалась в нос, не давала дышать. Я с тоской мечтал о запотевшем стакане какой-нибудь жидкости — любой, лишь бы там позванивали кусочки льда. Короче, я принял решение остановиться в первом же попавшемся обитаемом месте и выпить чего-нибудь холодненького.

Мне повезло: я не только добрался до очередного городка, но и отыскал местечко для машины в тени

раскидистого эвкалипта, как раз напротив входа в гостиницу. Внутри никого не было, за исключением молодого бармена, скучавшего на фоне потрясающего ассортимента бутылок. Кстати сказать, это отличительная черта всех южноафриканских баров, даже самых маленьких — выбор спиртного здесь поражает воображение неподготовленного европейца. Я сделал заказ и, усевшись на табурет, стал наблюдать за барменом. С виду он был типичным ирландцем. Пока он доставал из холодильника напитки, в бар заглянул какой-то мужчина и спросил бутылку пива. Между ними завязалась долгая и оживленная беседа на африкаанс. Судя по всему, здешний бармен одинаково хорошо владел обоими языками — и английским, и африкаанс. Оставшись с ним наедине, я спросил, как идут дела. Это была не просто дань вежливости, меня действительно интересовало, на что похожа жизнь в таком маленьком, тихом городке. Парень заговорил неожиданно горячо, похоже, я задел его больную струнку.

— На ад! — злобно ответил он. — Вот на что похожа жизнь в таком месте, как это. Суший ад! О, вы многому можете здесь научиться! Если вам интересно понаблюдать, как рождаются и расходятся самые вздорные сплетни, если желаете узнать, что такое коллективное скудоумие и назойливое, мелочное любопытство — тогда милости просим, приезжайте в такую дыру, как этот городишко, и все увидите своими глазами! А заодно познакомитесь с грязными играми, в которые играют наши политики. Я сам прибыл из (тут он упомянул название какого-то города в Свободном государстве), и меня тошнит от этого места!

Он взял один из пивных стаканов, машинально ополоснул его и стал яростно тереть.

— Впрочем, плевать на них всех! — горько сказал парень. — Я все равно собираюсь уехать через две недели. Поступаю в Торговый флот.

— А вы, конечно же, ирландец? — спросил я.

— Я нет! А вот мой отец был ирландцем. Он даже ездил в Ирландию посмотреть на те места, откуда его семья родом. Сам-то он приплыл сюда во время войны... я имею в виду не последнюю войну, а ту, что была перед этим.

— Но почему вам так не понравилась здешняя жизнь?

— Здесь слишком много политики, — рявкнул он и со стуком поставил стакан на барную стойку. — Политика — проклятие этой страны.

Мне с трудом удалось сдержать улыбку. Если бы мой собеседник знал, сколько раз мне доводилось слышать те же самые слова — от людей с точно таким же лицом и голосом! — в его родной Ирландии! А он тем временем склонился над стойкой и, понизив голос, заговорил в типично ирландской доверительной манере.

— Хотите знать, какие здесь порядки? — начал он. — Я вам расскажу! Не далее как вчера вечером появился сюда мистер С. — он у нас местная шишка и главный болтун. Так вот, входит он и требует сигареты и спички. Спичек мы не держим, и я ему объяснил это на африкаанс (на нем мне легче изъясняться, чем на английском). И знаете, что он сделал? Швырнул сигареты обратно на прилавок и заявил: Тогда я куплю свои сигареты там же, где и спички!» Ну, я тоже завелся и перешел на английский — потому как знаю, что его это взбесит. Еще раз говорю: «У нас нет спичек!» А он мне: «Я не понимаю, что ты говоришь». И тогда я ему отрезал: «Все ты прекрасно понимаешь, только не хочешь говорить по-английски». «Ну да, — ухмыляется он. — Я не хочу говорить по-английски!» «В таком случае, — отвечаю, — я не стану говорить с тобой на африкаанс». «Ах так!» — вскипел он. «Да так!» — говорю. «Ну, тогда давай выйдем поговорим!» — это он мне предлагает.

Ну, за мной не заржавеет. Вышли, стоим на веранде, смотрим друг на друга. Вдруг он замахивается и бьет меня по лицу наотмашь. Тут уж моя ирландская кровь разыгралась, и я ему врезал — знаете, от души так, крученым сбоку. Он как стоял, так и брыкнулся на дорожку... Говорю вам: политика — проклятье этой страны. Да и ладно, плевать на них всех! Я уезжаю!

6

По пути мне неоднократно встречались мосты, перекинутые через одетые в камень берега рек.

Рядом с одним таким мостом притаился городок — маленький, аккуратный, своими четкими очертаниями напоминавший модель в витрине игрушечного магазина. Полуденный зной накрывал его, как медная крышка кастрюлю. В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка. Алюминиевое колесо водяной мельницы застыло в неподвижности. Листья эвкалиптовых деревьев бессильно поникли. В их кружевной тени безмятежно спали несколько чернокожих туземцев.

Мне это живо напомнило Испанию в середине лета, и звуковой фон был тот же самый. Он складывался из голосов разнообразных насекомых, шелеста и стрекота их крыльев, легкого постукивания и пощелкивания — невидимая жизнь давала о себе знать едва слышными звуками, напоминавшими потрескивание колючего кустарника в огне.

Длинный балочный мост отбрасывал четкую ромбовидную тень на маслянистую поверхность воды. Река Оранжевая лениво несла свои коричневые, перемешанные с песком воды. Со стороны казалось, будто сама земля расплавилась под действием невероятного жара и потекла в неведомом направлении. Мост парил так высоко в воздухе, а река была так

далеко внизу, что мне почудилось, будто я вновь пересекаю ущелье Эйвона по висячему мосту Клифтона.

Колсберг — маленький городок, расположенный меж двух холмов, которые славятся своими залежами железной руды. Это типичный капский городок, осознающий свой возраст, обладающий собственным характером и очарованием. В нем две церкви — как всегда, большая голландская и поменьше английская. Заглянув в бесплатную городскую библиотеку, я полюбовался небольшой картиной Томаса Бейнса под названием «Колсберг, 1850». Посетил я и местный музей, который вначале не произвел на меня особого впечатления. Но поднявшись на второй этаж (обычно он заперт, но мне удалось разжиться ключами), я обнаружил замечательную коллекцию разрозненных предметов. Среди них были: старые патронташи, чучела птиц, каски улан, камни, различные окаменелости и, между прочим, кусочек стекла с инициалами «D v P» (или N). Буковки нацарапаны тем же самым первым алмазом ван Никерка, которым пользовался и грейамстаунский епископ. Будь моя воля, я бы соединил два этих образца и поместил их, скажем, в Кейптаунский музей. Ведь обе надписи в равной степени раритетные — это первые следы, оставленные южноафриканскими алмазами.

Мне потребовалось все мужество, чтобы покинуть прохладные залы музея и выйти на залитую солнцем улицу. Несколько горожан, переживавших полуденный зной в тени веранд и эвкалиптовых деревьев, смотрели на меня, как на сумасшедшего. Сказать по правде, я и сам начал сомневаться в своем здравом смысле. Однако любопытство оказалось сильнее. Справа от дороги я обнаружил маленькое заброшенное кладбище, которое выглядело особенно жалким в беспощадных лучах солнца: многие надгробия потрескались и упали, стенки склепов покрывал толстый слой мха и лишайника. Мне

трудно понять обитателей Колсберга. Я бы не смог спокойно жить здесь, зная, что в самом центре города находятся пол-акра *такой* территории и в *таком* состоянии. Ведь хватило бы всего одного Дня флажков (даже в таком крохотном местечке, как Колсберг), чтобы собрать средства на реставрацию кладбища. Всего-то и нужно, что посадить пару десятков деревьев да зацементировать старые камни.

Я пытался прочесть надписи на могильных камнях, но это оказалось нелегко. Многие из них стерлись до такой степени, что стали почти неразличимыми. Все же на одном из надгробий мне удалось разобрать, что возведено оно «безутешной вдовой» Дугласа Дуката, майора 91-го полка, который умер в Колсберге в возрасте сорока пяти лет и «был горестно оплакан друзьями по оружию». А заодно я выяснил, что Джосайя Биллингем умер в 1849 году в возрасте всего двадцати семи лет. Несчастный юноша был сыном Джозефа и Марты Биллингем из города Давентри, графства Нортгемптоншир. Уроженец шотландского Уигтоншира по имени Уильям Хэнни скончался в 1850 году. Он лежал под камнем, на котором двое его братьев начертали следующие скорбные строки:

И брату нашему лежать
Под камнем скорбным сим,
Покуда горний свет с небес
Не вспыхнет по-над ним.

А Роберт Гиббон, который родился в 1793-м в норфолкском городе Бэшем-Уэст, умер в Колсберге в 1869 году. И как это трогательно — приехать в такую даль, за шесть тысяч миль от старого доброго Норфолка, и обнаружить следы местного произношения в названии городка. Ибо упомянутый «Бэшем-Уэст» — не что другое,

как расположенный под Уолсингемом Бэршем-Уэст. Многие старики в тех краях и сегодня опускают букву «р» в названии родного городка — точно так, как это сделано на могильном камне в далекой Южной Африке.

Солнце садилось над пустыней Кару.

Перед глазами у меня расстиралось полотно дороги. Оно убегало вдаль, скрывалось из виду, а затем снова появлялось — светлое на фоне серо-коричневой равнины, усеянной невысоким кустарником. Кустарник этот был странной расцветки, словно присыпанный перцем, и напоминал седую шевелюру старого готтентота. Кое-где монотонная плоскость равнины нарушалась небольшими холмами, блестящими в лучах заходящего солнца, будто мокрый асфальт. На горизонте четко выделялись очертания горной гряды с плоскими, как у Столовой горы, вершинами.

Я проехал еще несколько миль, тщетно обшаривая взглядом окрестности в поисках хоть каких-то признаков человеческого жилья. Увы, я был абсолютно один посреди пустыни. В сердце начала закрадываться тревога. Интересно, и где я буду сегодня ночевать? Местность вокруг выглядела как внутренность пересохшего аквариума. На многие мили вокруг не было видно не то чтобы деревьев, а даже и кустарника. Эта земля была настолько странной и настолько древней, что природа припасла для нее особые, ни на что не похожие формы жизни. Я видел диковинные растения со стержневыми корнями, а также с листьями, обладавшими способностью накапливать влагу. Попадались растения, которые могли месяцами лежать в виде засохшей колючки, а затем снова возрождаться к жизни с первыми каплями дождя. Наверное, мудрая природа долго экспериментировала. Она потратила не одно столетие, чтобы создать жизнеспособную растительность для пустыни Кару. Каждый квадратный

ярд здешней земли являл собой пример чудесной способности к самосохранению.

Солнце опускалось все ниже к горизонту. Пустыню окутало какое-то странное безмолвие. Далекие холмы окрасились в нежно-лиловый цвет, какой бывает у цветущего вереска. Лучи заходящего солнца в последний раз скользнули по поверхности буша, словно по гребню морских волн. Затем вдруг воцарился странный серый полумрак, в котором все предметы обрели странно четкие и слегка угрожающие очертания. Тишина была такая, что, казалось, крикни я сейчас, и голос мой услышат за далеким горизонтом. Темнота еще не успела опуститься на землю. Облака — красные, золотые и розовые — плыли на запад, чтобы там повиснуть разноцветными полотнищами, смахивающими на великолепные яркие флаги. Я бы не удивился, если бы за очередным поворотом наткнулся на коленопреклоненного святого Антония. Ибо то был краткий миг, когда стирается грань между днем и ночью, между небом и землей.

7

Вспоминая дни, проведенные в Кару, могу сказать, что неделя эта стала одним из самых ярких переживаний, выпавших на мою долю в Южной Африке. Если бы меня спросили заранее, какой я себе представляю ферму в Кару, то я, скорее всего, нарисовал бы картинку в духе романа Олив Шрайнер «История африканской фермы» — нечто грубое, тяжелое и безрадостное. И в некотором смысле был бы прав. Я находился на золотом краю Кару. Если бы я отправился верхом или в треккерском вагоне в коричневую пылающую даль, то, несомненно, рано или поздно повстречался бы с тетушкой Санни и Бонапартом

Бленкинсом. Но мне довелось увидеть совсем другую пустыню Кару.

Я очутился в красивом и просторном доме, полном книг и картин, мебели красного дерева и старинного серебра. Здесь царили свои порядки и обыкновения. Например, обедать было принято при свечах, а гостя старались порадовать маленькими сюрпризами — вроде многоярусной серебряной вазы с персиками, которую я обнаружил у себя на прикроватном столике. Жизнь казалась легкой, приятной и хорошо налаженной. Словом, жили здесь в соответствии с эталонами, принятыми в английской загородной усадьбе. Я знаю, что этот дом не типичен для Кару. Чудо, что он вообще существует, хотя бы в качестве единичного примера. Переход от безжизненной пустыни к саду с тенистыми деревьями и круглосуточно работающими водяными насосами (они-то, собственно, и обеспечивают это изобилие), был настолько неожиданным, что я почувствовал себя Алисой в Зазеркалье.

Хозяин дома оказался шотландцем, который, как настоящий африканер, всю свою жизнь разговаривал на африкаанс. Что касается его очаровательной жены, происходившей из очень известного капского семейства, то она говорила на чистейшем английском не хуже прирожденной англичанки. И должен сказать, у них сложился исключительно счастливый союз! Если бы их семейный опыт был воспроизведен в общенациональном масштабе, то Южная Африка стала бы самой счастливой страной в мире!

Издали ферма выглядела темным пятном на фоне Кару — подобно кораблю на фоне морских просторов. Но по мере приближения я начал различать детали: увидел сосны и эвкалиптовые деревья, окружавшие дом; разглядел и сам дом — белый, с неизменной верандой, целиком заплетенной бугенвиллеей. Поодаль стояли амбары, конюшни и прочие хозяйственные строения.

Хозяевам несказанно повезло — на их участке протекал подземный ручей, он-то и стал основой здешнего оазиса. Среди деревьев была устроена запруда, образовалось крошечное естественное озерцо. По берегам стояли водяные мельницы с вращающимися колесами. Они перегоняли подземные потоки в специальные резервуары, и процесс этот сопровождался самым сладостным звуком в Кару — звуком падающей воды.

После обеда мы с хозяином удалились в библиотеку, где, к своему удивлению, я обнаружил множество различных журналов и газет. Они лежали аккуратными стопками, словно разложенные руками грамотного и старательного дворецкого. Мы долго беседовали о Кару, о скаковых лошадях, которых разводили на ферме, о крупном рогатом скоте и овцах. И все то время, что мы разговаривали, в доме раздавался прерывистый телефонный звонок.

— Это не нам звонят, — отреагировал хозяин, заметив мои беспокойные взгляды. — Дело в том, что все фермы в нашем районе подключены к одной линии, а коммутатор располагается на железнодорожной станции в пятнадцати милях отсюда. У каждой фермы свой условный звонок. Наш — два длинных, два коротких. Остальных сигналов мы просто не слышим!

Позже я имел случай убедиться, что это чистая правда. Хозяева спокойно беседовали, не обращая ни малейшего внимания на переливистый телефонный звонок, звучавший почти беспрестанно. Но стоило лишь раздаться условному сигналу — два длинных, два коротких, — как хозяин вскочил на ноги и помчался к телефону. По возвращении он сообщил, что двое их друзей попали в неприятную ситуацию по дороге на Кап. У них прокололась шина, и машина съехала в канаву. Так что бедолаги заедут к ним переночевать.

Его жена уточнила, в какое именно время их ждать, и отправилась поднимать жалюзи на окнах в гостевой

комнате, которая всегда наготове в южноафриканских домах.

— Вам, наверное, интересно послушать английские новости? — предположил мой хозяин и включил радиоприемник.

Комната немедленно наполнилась голосами из Лондона.

Ближе к ночи прибыли два усталых и запыленных путника. Они принесли с собой йоханнесбургскую атмосферу. Мы слушали их разговоры — об акциях и ценах на бирже, о евреях и миллионерах, о том, что надо покупать, а что ни в коем случае не следует, — и все это казалось отголосками, доносившимися из какого-то другого мира.

Вечером, когда я уже лежал в постели и прислушивался к стрекоту сверчков и глухому тархтению генератора, мне подумалось, что здешний благословенный оазис находится в близком родстве с теми суккулентами, которые его со всех сторон окружают. Ведь что такое насосы с их трубами, спускающимися в самую глубь земли — туда, где протекает подземный ручей, — как не мощная корневая система пустынных кустов? А взять эти бетонированные резервуары для воды с покрытием из оцинкованного железа, да хоть и само озерцо с его гусями и утками. Это просто искусственная система для аккумуляции влаги, аналогичная той, которой пользуется мезембриантемум. Все верно. Закон выживания в Кару един для всех: хочешь жить, запасай впрок воду.

В пять утра меня разбудил звук колокола. Спросонья показалось, будто я нахожусь в каком-то греческом монастыре. Но затем я сообразил, что у здешнего

колокола совсем другое звучание — не чета тем, которые я слышал в греческих храмах. Этот колокол, как и полагается, висел в высокой белой арке, и предназначался для того, чтобы созывать на работу окрестных батраков.

В шесть утра в комнату тихо, как мышка, проскользнула чернокожая горничная. Она принесла серебряный поднос с чайными принадлежностями и почтительно поприветствовала меня: «Доброе утро, господин». Девушка подняла жалюзи, и я увидел яркий солнечный свет на противоположной стене конюшни. Горничная оказалась не слишком интересным собеседником: на все мои реплики она отвечала однообразным «Да, господин» или «Нет, господин». Однако надо признать, что подобная скромность делала честь местной прислуге. Ведь, согласитесь, одно дело ставшее привычным «сэр» и совсем другое, когда вас почтительно величают «господином»! Я наблюдал за девушкой, пока она бесшумно двигалась по комнате, там поправляя подушку, здесь расправляя полотенце. Какая естественная, неосознанная грация сквозила в каждом ее движении! Я сделал еще одну попытку завести разговор — предположил, что сегодня, похоже, снова выдастся жаркий день. Но в ответ услышал лишь обычное «Да, господин».

Я вышел в сад прогуляться перед завтраком и был поражен роскошеством петуний, насаженных вокруг фонтана. Им не уступала в красоте и клумба с каннами. Что уж говорить о розарии с изящной перголой, сплошь увитой каким-то вьющимся растением малинового цвета! А по ту сторону от стены простиралась пустыня Кару. Она тянулась до самого горизонта — плоская, унылая, оживляемая лишь редкими темными валунами, блестящими на солнце, словно коричневое стекло. Поразительно! Всего один шаг отделяет цветущий сад от безжизненной пустыни.

То же самое и со стороны крикетной площадки. Сразу за изгородью начиналась Кару: несколько племенных кобыл паслись в низком кустарнике, гуси слетались на здешнее озерцо, а на горизонте перемещалось крохотное облачко пыли с какой-то живой сердцевиной — это мчался спрингбок.

К тому времени, как мы закончили завтракать, рабочий день уже был в самом разгаре. Во дворе тархтел грузовик, дважды в неделю отправлявшийся на станцию за почтой; мальчишки-конюхи чистили конюшню; пастухи успели выгнать стадо на выпас; старый садовник бродил по саду со шлангом; цветной столяр стучал в своей мастерской — он мастерил новую дверь для конюшни; во дворе прачка терла белье на плоском камне под перечным деревом; босоногие служанки мыли посуду и надраивали мебель красного дерева. Моя хозяйка с гордостью демонстрировала современную кухню с холодильными установками и кладовые, где хранились несметные запасы консервированных персиков и нектаринов. Мы заглянули также на маслобойню и на мясной склад. В первом помещении стояли бидоны с утренним молоком, а во втором висела целая туша овцы.

Затем хозяйка повела меня в сад. Ирригационная система в настоящий момент была задействована, и по каналам с журчанием текла вода. По ветвям деревьев расселись птички с ярким оперением. А вдалеке — за пределами огромного тенистого шатра, под которым прятался дом — раскинулась пылающая пустыня Кару. Я смотрел на эту картину, и в памяти моей всплывали строки из Книги пророка Исайи: «Радуйся, пустыня жаждающая, возвеселись и расцветай, как лилия».

Холмы Кару, которые днем кажутся коричневыми, вечером становятся голубыми. Они покрыты низким кустарником и с виду похожи на холмы Самарии — так

по крайней мере решил бы человек, знакомый с Палестиной. Нетрудно понять воодушевление буров (мало что читавших, кроме Библии), которые сразу же признали в пустыне Кару свою Землю Обетованную. Все признаки налицо: пересохшие русла рек, неосвоенные края с дикими животными, пышущее жаром медное небо, недостаток дождей, встречающиеся время от времени небольшие озера и оазисы возле них, а также нечастые животворящие реки. Кару присуща та же самая чистота и необитаемость, что и Синайской пустыне. Она и говорила тем же возвышенным голосом, что и библейская «пустыня жаждущая». Это было то самое место, которое во все времена и во всех странах обращало мысль человеческую к Богу.

Мне нравилось гулять по Кару в самый разгар полуденного зноя. Это так здорово — распахнуть двери и выйти в пустыню, оставив оазис позади. Мое появление вызывает переполох на берегах запруды. Дикие гуси, утки и журавли поднимаются в воздух и с негодующими криками перелетают подальше — с тем, чтобы снова вернуться к воде, едва опасность минует. Заяц выскакивает у меня из-под самых ног и во все лопатки улепetyвает под укрытие невысокого кустарника.

Тишина обволакивает, как тяжелый плащ. Это глубокая, непроницаемая тишина, под стать необъятному небу и безбрежным просторам южноафриканской пустыни. За время своих прогулок я научился различать голос Кару — тысячеголосый хор, складывающийся из едва слышного жужжания насекомых, стрекота, поскрипывания и шелеста крыльев, наполняющих воздух почти неощутимыми вибрациями. Вот я вышел на поле, заросшее мексиканскими маками, и каждый мой шаг отзывается тихим хрустальным позвякиванием. Затем слева раздалось тихое постукивание, будто заработал

метроном. Когда я попытался определить источник звука, постукивание переместилось еще левее, а затем смолкло так же внезапно, как и началось. И от этого тишина еще больше сгустилась и стала казаться почти невыносимой.

Кару, которая издалека кажется совершенно плоской, на самом деле представляет собой волнистую поверхность. И я убедился в этом на собственном опыте: стоило отойти от фермы на четверть мили, как дом со всеми хозяйственными постройками скрылся за очередным гребнем. Невысокие плоские холмы (так называемые *коппи*) вселяли неясное чувство тревоги: казалось, будто за мной неотрывно следят чьи-то любопытные недобрые глаза. Человеческие? Возможно, что и нет. Это мог быть и леопард или бабуин... или призрак какого-нибудь бушмена. Любопытство погнало меня к ближайшему *коппи*. Однако когда я туда добрался, то не увидел никого, кроме ящерицы, — она лежала на раскаленной скале, и горлышко у нее пульсировало в такт дыханию. Я отправился дальше в поисках не столь горячего валуна, а найдя, уселся и достал свои бутерброды. Я жевал, разглядывая далекую линию горизонта. Затем мой взгляд случайно упал на землю, и я сделал удивительное открытие: крошки, которые я нечаянно ронял на землю, ожили и самостоятельно двигались по песку в сторону близлежащих кустов. Все ясно — муравьи! Эти неутомимые труженики аккуратно подобрали каждую уроненную мной крошку и понесли к своему дому. Они двигались очень слаженно — в медленном, но непоколебимом темпе, издали напоминая цепочку чернокожих носильщиков, которые сопровождают какую-нибудь экспедицию в джунгли Конго.

Интересно, а каково это — быть муравьем? Наверное, ужасно ощущать себя столь крохотным существом посреди безбрежной Кару. Ведь здесь на каждом шагу

тебя поджидает огромное доисторическое чудовище — зеленое, с длинными суставчатыми лапами, или же какой-нибудь отвратительный крылатый червяк. Думаю, человеческой расе даже в самые далекие, незапамятные времена не доводилось сталкиваться с такими кошмарными монстрами, с какими приходится иметь дело несчастным муравьям — причем буквально на каждом квадратном ярде пустыни.

Впрочем, муравьям здесь живется достаточно вольготно. Если не считать человека (который использует местные холмы как печки и посыпает толченой породой полы в своей хижине), да еще муравьеда — ночного животного, столь же скрытного, как и наш барсук (который подкапывает холмы и сидит в засаде, время от времени выкидывая наружу свой смертоносный язык), у здешних муравьев практически нет врагов. Во всяком случае нет таких, которые бы серьезно угрожали немалому поголовью муравьев. Мне доводилось видеть холмы, развороченные муравьем — почти все они вновь «отремонтированы» муравьями и вернулись в свое исходное состояние.

Растительный мир Кару обладает особым очарованием. Здесь любой квадратный ярд — это маленький ботанический сад, не менее причудливый и утонченный, чем знаменитые японские сады. Если вы повнимательнее присмотритесь к серовато-черному кустарнику, то обнаружите, что каждый куст представляет собой миниатюрное деревце совершенных пропорций. Разнообразие этих кустов и то, как они растут — наособицу, на некотором расстоянии друг от друга — неизменно удивляет человека, впервые попавшего в Кару. Здесь действительно можно найти кустарник на любой вкус: колючий и не очень, с желтыми, красными цветами или вовсе без цветов. В Кару растет дикий розмарин, который в пору созревания выбрасывает семена вместе с легкими пушинками —

своеобразными парашютиками. Есть так называемая турецкая фи́га, которая по виду больше похожа на вереск; есть ганна, которую так любят овцы, и многие, многие другие разновидности кустарника. Некоторые из них остаются невидимыми, спрятавшись под землей и ожидая первого дождичка, чтобы возродиться к жизни.

В Кару царит особый — душисто-пыльный, травяной — запах. Лошади и коровы медленно бродят по равнине, при помощи чутких ноздрей ориентируясь в этом букете ароматов. Они выискивают те растения, которые им больше нравятся. Достаточно взглянуть на их лоснящиеся плюшевые бока, чтобы понять: как ни странно, а земля Кару предоставляет достаточно изобильные и питательные пастбища.

Я прожил в пустыне неделю и ежедневно наблюдал одну и ту же картину: после обеда или ближе к вечеру в небе появлялись облака. Фермеры поглядывали на них и гадали: будет дождь или нет? Облака собирались над вершинами далеких гор, и казалось, неминуемо должны были добраться до Кару. Однако вскоре поднимался ветер и уносил облака прочь. На задыхавшуюся, исстрадавшуюся землю опускался еще один безнадежно жаркий вечер.

Утром мы с хозяином отправились на аукцион ферм и домашнего скота. Оказывается, такой тоже бывает. Вначале мы ехали по шоссе, от которого каждые десять-пятнадцать миль отходили проселочные дороги. И каждая из таких дорог вела к небольшому скоплению деревьев, обозначавшему очередной кусочек европейской жизни — с ее домом и хозяйственными постройками, с ее водяными колесами и розариями. Некоторые из этих ферм преуспевали, другие, судя по

виду, не очень. Попадались и такие, где дела шли совсем плохо. Видно было, что их хозяева из последних сил сражаются с засухой, с нашествием насекомых и безжалостными банковскими служащими. Англичане и африканеры более или менее равномерно распределены по этой огромной территории, но все они — независимо от происхождения и политических взглядов — являются членами единого сообщества обитателей Кару.

Мы как раз выехали на относительно прямой участок дороги, когда мой хозяин воскликнул: «Смотрите!» и прибавил скорость.

Справа от нас на расстоянии примерно в милю с небольшим двигалось плотное облако пыли. Перемещалось оно нам наперерез и к тому же довольно быстро.

— Спрингбоки! — пояснил мой хозяин. — Если поторопимся, сможем увидеть, как они пересекают дорогу.

Наш автомобиль рванулся вперед, стремясь вовремя поспеть к месту предполагаемой встречи. Это была лихая гонка! По мере приближения я начал различать отдельные детали волнующего зрелища (того самого, о котором долго мечтал!) — по пустыне на полной скорости мчалось стадо в несколько сот спрингбоков. Они растянулись длинной цепью глубиной в три-четыре животных. В передних рядах бежали самые сильные и резвые, за ними поспевали более молодые или, может, менее длинноногие (если подобное определение допустимо к данному виду животных). Уже можно было разглядеть отдельные рыжевато-коричневые тела, белые грудки и прелестные точеные головы с великолепными рогами, изогнутыми в виде буквы «V». Заметив приближавшуюся машину, спрингбоки не ускорили свой бег (да и вряд ли это было возможно), но движение приобрело заметно волнообразный характер — животные стали чаще совершать прыжки.

Время от времени одно из них (а иногда и несколько сразу) взмывало в воздух и, перемахнув через спину впереди бегущего, снова приземлялось на тонкие изящные ножки. Некоторые при этом низко склоняли голову и сводили вместе передние ноги, другие же, напротив, прыгали с запрокинутой головой и раскинутыми ногами — системы я не уловил. На мой взгляд, прыжки не сильно ускоряли движение, но я могу, конечно, и ошибаться.

Теперь, когда мы достаточно приблизились, общий вид бегущего стада напоминал мне кадры кинохроники, отснятой перед Тоттнэмским разворотом. Мелькающих ног было не разглядеть, и казалось, будто бело-коричневые тела несутся над землей, поддерживаемые облаком пыли. Прыгуны же были похожи на рыбок, вынырывающих из моря. Первые животные уже достигли дорожного полотна — и пересекли его, — а мы все еще находились на расстоянии в пятьдесят ярдов!

— Ну вот, — рассмеялся мой друг. — Они нас обогнали!

После чего резко снизил скорость, затем и вовсе остановился.

Я наслаждался грандиозным зрелищем под названием «стадо спрингбоков пересекает дорогу». Некоторые животные делали это одним грациозным прыжком. Они с такой легкостью взлетали в воздух, что я подумал: окажись у них на пути наша машина, они бы перемахнули через нее с запасом в несколько футов. Несколько стремительных мгновений, и все стадо оказалось на противоположной стороне дороги. Не сбавляя скорости, спрингбоки умчались вдаль и скоро превратились в облако серой пыли с легкими проблесками белого и рыже-коричневого.

Мы продолжили свое путешествие и через четверть часа свернули к ферме, на которой должны были проходить торги. Надо сказать, что за все время пути мы

не встретили ни единой живой души — ни пешей, ни на автомобиле. Тем сильнее оказалось мое удивление, когда за очередным поворотом я увидел парковочную площадку, на которой сгрудилось около трех сотен блестящих американских лимузинов. Откуда они взялись? Казалось просто невероятным, чтобы безжизненная пустыня породила все это городское великолепие!

Мы пешком прошли к усадьбе — прелестному дому, стоявшему в окружении добротных хозяйственных построек. При доме был фруктовый сад, и там, в спасительной тени деревьев, расположился женский клуб Кару. Дамы устроились под зонтиками со своими прохладительными напитками и, судя по всему, прекрасно проводили время. Торги их не интересовали (женщины даже сидели спиной к аукционисту), они просто «выехали в свет». Очаровательная коллекция шляпок и шелковых платьев подтверждала мою догадку.

А пока дамская половина обсуждала важные философские проблемы — ибо я не представляю, что еще можно обсуждать с таким пылом, — мужчины Кару столпились на самом солнцепеке и готовились к участию в аукционе. Через несколько минут им предстояло торговаться за фермы, стада и фермерское оборудование. Здесь я воочию увидел, сколь могучий тип людей порождает пустыня Кару. Большинство мужчин — как африканеры, так и англичане — были высоки (не менее шести футов) и широки в кости. Форма одежды не отличалась строгостью: можно было увидеть и твидовые пиджаки, и шорты цвета хаки. Я разглядел даже группу мужчин, облаченных в воскресные черные костюмы — наверняка они представляли несгибаемую прослойку бурских фермеров.

Аукционист — немолодой, одетый в шелковую сорочку и легкие брюки из туссора — явно страдал от

жары: он, как веером, обмахивался своим каталогом и часто промокал пот со лба. Наконец торги начались. Несчастный аукционист громко зачитывал название очередного лота по-английски и на африкаанс, а затем давал необходимые пояснения. На моих глазах были проданы шесть крупных овцеводческих ферм, каждая площадью в несколько тысяч акров. За одну из ферм покупатель выложил шесть тысяч фунтов, но никого это не смутило. Похоже, подобные цены здесь считались вполне нормальными. Затем аукционист перешел к распродаже скота.

Все столпились вокруг специального загона, куда чернокожие пастухи по очереди запускали огромных упирающихся быков породы «африкандер» и медленно водили их по кругу. Это великолепное зрелище, доложу я вам. Представьте себе такого гиганта посередине крааля — могучая башка с широко поставленными рогами угрожающе наклонена вперед, бык бьет копытом в землю, подымая клубы пыли. А вокруг плотное кольцо потенциальных покупателей: они придирчиво рассматривают животное, отмечая все его достоинства и недостатки. Их подход к делу вполне понятен, ведь каждый из быков призван стать родоначальником элитного стада, столпом, на котором строится будущее благосостояние фермы.

Торги идут своим чередом. Перед нашими глазами неспешно проходят мычащие и блеющие «лоты», а дамы в это время пьют чай в холодке, демонстративно расположившись спинами к аукциону. И я снова подумал: «Ах, что за картина! Какая гармония образов и красок!» Необъятные просторы коричневой пустыни; на фоне ослепительно-голубого неба четко выделяются очертания горы с плоской вершиной; блестящие колеса водяных мельниц; неожиданная зелень тенистого сада; за плетеной загородкой крааля отара перепуганных, сбившихся в кучу овец; рядом с ними великолепные

рыжие быки со своими торчащими в сторону рогами и темными задумчивыми глазами; цепочка фермерских вагонов; молодой человек покупает винтовку (вот он вскинул ее в небо, высматривая что-то сквозь прицел); большая толпа мужчин — приглядывающихся, беседующих, смеющихся; красное распаренное лицо аукциониста; и на фоне этого многоцветья и разноголосья — нарядное женское общество, которые восседает под зонтиками и обсуждает свои дамские дела. Не знаю, право, что интересует женщин Кару, но это явно не «пресс для овечьей шерсти, три сортировочных стола, три косилки, три пары граблей и одна волокуша Хобсона».

Пустыня Кару быстро погружалась в ночь. Луна уже взошла и сейчас висела в футах над горизонтом. По мере того, как она поднималась, вся пустыня окутывалась призрачным серебристым туманом, и каждый куст отбрасывал собственную тень. Это время, когда в воздухе начинают мелькать летучие мыши (в точности как у нас дома), когда таинственный муравьед выползает из норы на ночную охоту, когда грозный леопард сладко потягивается на полную луну и грезит об антилопах и бабуинах.

Погруженная в серебряное безмолвие пустыня Кару была невидима, ее будто заперли в ночи до следующего утра, когда солнце снова займет законное место на небосклоне. Мне было жаль уезжать из Кару. Я чувствовал, что мог бы остаться здесь надолго, возможно, даже навсегда. Пустыня — коварное место. Мне рассказывали о людях, которые, однажды приехав сюда, так и не сумели больше уехать. Сколько людей Кару поймала в свою ловушку... И скольких еще поймают!

Глава девятая

Алмазы Трансвааля

Я рассматриваю алмазы в Кимберли и отправляюсь на прииски реки Вааль, где трудятся охотники за богатством. Я посещаю новый золотоносный район в Одендалсрусте, останавливаюсь на ферме и встречаю Рождество в Потчэфструме.

1

Расстояние между Блумфонтейном и Кимберли составляет сто миль, и все это пространство занимает голая белесая земля, усеянная муравейниками высотой в шесть-семь футов. Местность выглядит так, будто здесь побывало несколько сотен самосвалов, груженных порошком какао, и все они освободились от своего груза, кое-как разбросав его кучами. Однако здешний грунт — это не какао. Упомянутые холмы и холмики тверды, как сталь; и хотел бы я посмотреть на того муравьеда, который с ними справится.

Везде, где есть муравейники, появляются и сурикаты — небольшие забавные существа с симпатичными мордочками. Сурикат представляет собой некий гибрид белки и ласки. Обычно он сидит, вытянувшись столбиком, и внимательно наблюдает за дорогой. Коротенькие передние лапки свисают над животом, на чуткой мордочке пара больших, обведенных черными кругами глаз — вот портрет суриката, самого знатного сплетника во всей Южной Африке. Для этого зверька весь вельд — его личная веранда.

С вашим приближением он поспешно юркнет в нору, но недалеко и ненадолго. Если, проехав мимо, вы оглянетесь, то увидите, что сурикат уже вернулся на свой пост. Да еще не один, а в сопровождении многочисленных друзей и родственников — вся компания застыла в ожидании следующего путника. Насколько мне известно, существует две разновидности сурикатов: один серый, с обычным тонким хвостом, а второй — *ваайерстерт*, то есть веерохвост. Его хвост действительно оканчивается увесистой пушистой кисточкой, которую сурикат с успехом использует в качестве зонтика. Нередко можно наблюдать, как он сидит, укрывшись в тени собственного хвоста! Сурикаты очень распространены в этой части Свободного государства — пожалуй, не менее, чем когда-то кролики в Англии.

Шустрый любопытный сурикат, сидящий рядом с муравейником; похожая на лорда-камергера птица-секретарь, важно шествующая по полю; маленькая вдовушка в своем неровном, спотыкающемся полете; и бородач-ягнятник, внезапно взмывающий в воздух при вашем появлении — вот самые характерные обитатели южноафриканского вельда, образ которых я навечно сохраню в своей душе.

Однако в этот раз мне повстречалась по дороге еще одна птица — мелкая дрофа, которую здесь называют *корхаан* (или *кнорхаан*), что в переводе означает «бранчливый петушок». Имя это подходит птичке как нельзя лучше. Ведь недаром же сурикат держит дрофу за бессменного сторожа! Стоит лишь на горизонте появиться какой-либо угрозе, как наш корхаан раздражается громким, раздраженным «кряк-кряк-кряк». Птица эта не только бдительная, но и совершенно неуловимая. Попробуйте как-нибудь поймать ее и сами убедитесь: визгливый голос дрофы доносится то с одной, то с другой стороны, но самой ее не видно. Позже

выясняется, что все это время корхаан прятался у вас чуть ли не под ногами.

Я ехал безостановочно, пока не заметил посреди голого вельда жалкую обветшалую ферму, прятавшуюся в тени нескольких эвкалиптов. Я в удивлении притормозил. Интересно, как кому-то в голову могла прийти мысль обосноваться в здешних гиблых местах? На что, на какие дары бесплодной каменистой земли они рассчитывали? Я оглядел ферму повнимательнее. На месте бывшего палисадника громоздились муравейники, надворные постройки покосились — того и гляди упадут! Под жаркими лучами полуденного солнца рифленая крыша раскалилась чуть ли не добела. Я постучал в дверь, намереваясь задать какой-нибудь безобидный вопрос — например, как проехать в Кимберли. А там, глядишь, завяжется разговор...

Женщина, отворившая мне дверь, выглядела худой и бледной. По лицу ее читалось, что она давно уже не ждет от судьбы ничего хорошего. Удивление, промелькнувшее в глазах женщины, тут же сменилось опаской. Похоже, она решила, что я принес судебную повестку или пришел требовать арендную плату. Убедившись, что ничем подобным мой визит не грозит, женщина пригласила меня в дом. Мы прошли в тесную и темную гостиную, посередине которой стоял обшарпанный стол и несколько набитых конским волосом стульев. К своему удивлению, я обнаружил в углу комнаты старенькую фисгармонию, а на стенах картинки в зелено-голубых тонах, изображавшие египетские пирамиды.

Извинившись, женщина вышла, а вместо нее появился хозяин дома — высокий сдержанный африканер с той же самой печатью безнадежности на лице. Я еще раз представился, и мужчина заметно расслабился. Он уселся на шаткий круглый стульчик возле фисгармонии и замер, подобно персонажу

древнегреческой трагедии — огромные руки сложены на коленях, а взгляд блуждает, то и дело обращаясь к раскрытой двери. Не знаю, что уж он надеялся там увидеть, ибо снаружи не было ничего, кроме беспощадного зноя, столь же плотно утвердившегося на этой земле, как медная крышка на кастрюле.

Да, ужасная сушь стоит! *Ферскриклик!* Вся кукуруза посохла, да еще вдобавок в ней завелся какой-то вредный жучок. И весь скот ушел в трек. Некоторые фермеры вынуждены продать свое хозяйство и податься в город на заработки. Он неловко, с несчастным видом поерзал на стуле.

Женщина вернулась в комнату с подносом, на котором стояли стаканы с чаем. Из-за ее юбки застенчиво выглядывали трое босоногих мальчишек с растрепанной соломенной шевелюрой — этакие маленькие Гекльберри Финны. Мы прихлебывали горячий чай и молчали. Ни мне, ни им не хотелось говорить о той невидимой битве за выживание, которая велась под раскаленной рифленой крышей. На душе было тяжело, и я гадал про себя, сколько еще они протянут. Как долго смогут выдерживать эту беспощадную осаду? Сколько дней (или недель) им придется ждать, прежде чем по крыше забарабанят вожделенные капли дождя?

Я ехал по дороге и думал о том, что многие в Южной Африке занимаются фермерством не в надежде обеспечить себе жизнь, а в силу наследственной привычки. Ведь работая на земле, в здешних краях не разбогатеешь. Подлинные сокровища земли скрываются глубоко под поверхностью. Если бы мне в тот день явилась добрая фея и предложила загадать желание, я бы попросил у нее, чтоб во дворе этой убогой фермы обнаружилась парочка «Куллинанов». То-то было бы шуму в «Де Бирс»!

Кимберли показался жарким, коричневым и беспорядочным. Он все еще сохраняет внешность горняцкого городка. Его улицы не могут похвастаться простором и упорядоченностью. Еще бы, ведь они прокладывались не профессиональными архитекторами в расчете на упряжку из шестнадцати быков, а скопищем случайных старателей. Эти люди пришли сюда в надежде на богатство, и меньше всего их волновала эстетика растущего селения. Город возводился в спешке: хижины строились без всякой системы — там, сям, где попало. Затем хижины, естественно, снесли, но новые здания построили на старых местах. Вот и стоят они скученно — словно толпа старателей, обсуждающих последнюю находку.

Сегодня люди приезжают в Кимберли, чтобы постоять на краю Большой Дыры — огромного карьера на старом прииске, отыскать какой-нибудь камешек и швырнуть его вниз, а затем с замиранием сердца ждать шлепка о воду. Что больше всего поражает в Большой Дыре (и делает ее просто нереальной), — что при таких фантастических размерах ожидаешь увидеть по краям ее столь же грандиозные отвалы. Ничего подобного! От земли, которую достали из Большой Дыры, не осталось и следа. Всю ее просеяли, промыли и после тщательной проверки вынесли подальше.

Отсюда, из Большой Дыры и прочих шахт в районе Кимберли, появились на свет многие вещи и явления. Номера-люкс в отелях «Ритц» и огромные автомобили, бриллиантовые диадемы и королевские регалии, высокомерные дворецкие и льющееся рекой шампанское, скаковые конюшни и яхты, норковые манто и роскошные дома на Парк-лейн, богатые династии, многочисленные сердечные приступы, самоубийства и

разочарования — вот неполный список того, что породила Большая Дыра. Трудно даже поверить, что все это берет свое начало в таком тихом и непрезентабельном местечке, как Кимберли. Тем не менее это так! Нынешний Кимберли сопричастен всей роскоши современного мира. Единственное, чего никогда не случилось в Кимберли, — чтобы какой-нибудь миллионер пришел и сказал: «Ура, я заработал миллион! Теперь я собираюсь осесть в старом добром Кимберли и потратить здесь все свои денежки!» Увы, никому из богачей даже в голову не придет поселиться в Кимберли. Может, поэтому город напоминает объедки, оставшиеся на столе после того, как праздник закончился и все гости разошлись по домам.

Однако Кимберли обладает особой атмосферой, которая трудно поддается определению. Ее не назовешь богемной... или особо сердечной, или просто беспечной. Скорее, это сочетание всех трех настроений, которое я бы определил как некую теплоту сердец или, если угодно, *теплосердечность*. Поверьте, даже в этой традиционно гостеприимной стране я нигде не встречал такой открытости и щедрости, как в Кимберли. Возможно, качества эти достались городу в наследство от поколения старателей, в конце девятнадцатого века основавших Кимберли. Все же, что ни говори, а большинство из них были яркими и неординарными личностями с огромным запасом энергии и жизненных сил. Они отличались размахом мышления и колоссальной жаждой жизни. Если вспоминать конкретные исторические личности, то в первую очередь надо назвать Сесила Родса — самого большого романтика эпохи «алмазной лихорадки». Наиболее пронизательным из той компании, пожалуй, можно считать Альфреда Бейта, а самым невероятным и фантастическим был, несомненно, Барни Барнато.

Так уж случилось, что Южная Африка стала ареной столкновения двух самых значительных направлений общественно-политической мысли девятнадцатого века. Первое — движение за социальные реформы, представленное в Африке многочисленными миссионерами. А второе — меркантилизм, и его представителями являлись охотники за алмазами, позже к ним присоединились и золотоискатели. В результате бедным провинциальным южноафриканцам — веками жившим вдали от Европы и ее революционных коллизий — пришлось пройти ускоренный курс обучения: в течение каких-то ста лет они были вынуждены переварить эту неудобоваримую смесь учений, к тому же в крайних формах проявления. Разразившаяся в середине девятнадцатого века «алмазная лихорадка» была совершенно новым явлением для Южной Африки — как по своей сути, так и по масштабам. В долину реки Вааль хлынули толпы охотников за алмазами. Среди них были не только англичане, но и жители обеих Америк, Австралии, многочисленные служащие Голландской Ост-Индской компании, а также сами южноафриканцы, приехавшие из отдаленных уголков страны. Всеми этими людьми двигала в первую очередь жажда обогащения. Так в жизни Южной Африки впервые возник мотив денег, и событие это имело колоссальные последствия: патриархально-аграрная страна буквально в мгновение ока перенеслась в самый центр безжалостного современного мира.

Поисками алмазов занимались не только уитлендеры. Среди буров тоже сыскалось немало охотников быстро разбогатеть на берегах реки Вааль. Однако были и другие — наверное, менее современные, а может, более преданные десяти заповедям, — которые с радостью ухватились за возможность продать свои фермы спекулянтам и уехать подальше от этих жадных безумцев, вознамерившихся искать богатство на дне

глубочайшей в мире дыры. Сегодня название «Де Бирс» у всех на слуху. Для большинства людей оно ассоциируется с биржевыми брокерами, с акциями и облигациями. Однако первые де Бирсы были обычными бурскими фермерами, не сильно отличавшимися от тех, кого я встречал по дороге в Кимберли. Просто в какой-то момент им повезло: на их земле (такой же раскаленной и бесплодной, как и все Кару) обнаружился алмаз. Ферма под многообещающим названием «Перспектива» (*Vooruitzicht*) принадлежала двум братьям де Бирс — Дитриху Арнольдусу и Йоханнесу Николасу, которые приобрели ее за пятьдесят фунтов. Продали они ее уже за шесть тысяч гиней, и прежде чем братья успели погрузить свое имущество в вагоны и отправиться в трек, в окрестностях фермы уже копошились пять сотен человек с лопатами. Говорят, что с того момента на участке де Бирсов найдено алмазов на общую сумму в девяносто миллионов фунтов стерлингов.

Де Бирсы оказались не единственными умниками, решившими продать свои фермы. Голая степь с чахлым кустарником и редкими деревцами мимозы дала приют тысячам старателей, которые немедленно приступили к раскопкам вдоль русла реки Вааль. В то время никому даже в голову не приходило искать алмазы в сухом вельде или под холмами, поскольку в прошлом все алмазы находили именно среди речного гравия. Вот так и получилось, что город Кимберли вырос буквально за одну ночь и в крайне неподходящем для жизни месте — посреди раскаленного вельда.

Именем своим город обязан крошечной деревушке, расположенной в Норфолке неподалеку от Уэймондэма. В этих краях уже несколько веков проживало семейство Вудхаузов. В тот момент, когда в Южной Африке разразилась «алмазная лихорадка», лорд Кимберли, один из Вудхаузов, занимал пост министра по делам колоний. После того как алмазные поля вдоль реки

Вааль были аннексированы Капской колонией, лорд Кимберли дал поселению старателей собственное имя — возможно, чтобы избавить сотрудников от необходимости выговаривать неудобопроизносимое название фермы де Бирсов.

Что, безусловно, поражает, так это молодость (я бы даже сказал, юность) первых южноафриканских миллионеров. На тот момент, как Сесил Родс прибыл в Кимберли, ему исполнилось восемнадцать лет. Альфред Бейтс был его ровесником, Барни Барнато — на три года старше. И все они стали миллионерами задолго до того, как справили свое тридцатилетие!

Полагаю, никто не станет оспаривать, что появление такой творческой и одухотворенной личности, как Сесил Родс, сильно украсило беспорядочную толпу старателей, собравшихся в Кимберли. Вот где он мог в полной мере удовлетворить свои аскетические наклонности. Если верить биографам Родса, восемнадцатилетний юноша читал классиков в руднике. Однако он не только читал, но и зарабатывал деньги. Прошло не так уж много времени, и тот самый юноша написал домой, с гордостью сообщая матери, что его недельный заработок перевалил за сотню фунтов. А затем Родс внезапно решил бросить все — салуны и палатки в старательском лагере, общество грубых землекопов и свою жизнь азартного игрока — ради монашеского уединения в оксфордском Ориэл-колледже. Однако хватило его ненадолго. Очень скоро этот необычный студент прервал изучение древнеримской истории для того, чтобы купить новое оборудование и отправить его на алмазные копи. Сесил Родс вновь вернулся в Кимберли — еще большим идеалистом и одновременно материалистом, нежели прежде.

Здесь же оказался и Альфред Бейт — робкий в жизни и отважный в бизнесе человек, искренне восхищавшийся теми чертами в характере Родса,

которых не доставало ему самому. Он регулярно отсылал письма в Гамбург, где у него осталась любимая мать. Говорят, он и приехал в Южную Африку для того, чтобы иметь возможность посылать матери тысячу фунтов в год и оплачивать ее экипаж.

Барнетт Айзекс принадлежал совсем к иному типу людей. Он происходил из семьи уайтчепелских евреев и подвизался жонглером в мюзик-холлах Ист-Энда, где у него был совместный номер с братом. Своему творческому дуэту они дали звучное имя «Братья Барнато», ибо придерживались мнения, будто все высококлассные жонглеры должны быть итальянцами. В результате родился псевдоним «Барнато» — вполне адекватная версия их родной фамилии «Барнетт», но с ощутимым южным оттенком. Под этим именем — Барни Барнато — Айзекс и прибыл на алмазные поля Кимберли. Приехал он не с пустыми руками, его активы на тот момент включали изрядный запас характерного юмора лондонского кокни, неплохой хук левой и сорок ящиков каких-то сомнительных сигар, которые Барни намеревался продать на приисках. Свою карьеру он начал с выступлений в местном цирке. Скопив несколько шиллингов, он решил пустить их в дело — купил разрешение заново просеять уже отработанный гравий. Барнато повезло: он обнаружил пару крохотных камешков, которые пропустили предыдущие старатели. Таким вот образом — вроде бы потихоньку-полегоньку, но на удивление быстро — развивалась карьера Барни Барнато. Вскоре он превратился в эксперта по алмазам, начал понемногу скупать их, затем приобрел собственный участок и в конечном счете стал миллионером.

На первых порах алмазные прииски Кимберли представляли собой хаотическое скопление мелких (и совсем крохотных) шахт. Здесь собрались тысячи старателей со всех концов света. Каждый из них

приобрел небольшой участок и принялся в нем копать. Поскольку процесс шел бесконтрольно, очень скоро вся местность уподобилась огромному улью с узкими извилистыми ходами и переходами. Подземные коридоры перекрещивались, проходили друг над другом. Нередко случалось, что они обваливались, погребая под слоем земли тех, кто оказался ниже. Чем дальше углублялись старатели, тем более опасным и дорогостоящим становилось это занятие. Кстати, дороже всего обходился подъем породы на поверхность земли.

Когда появились первые компании по разработке месторождений, то многие старатели с радостью обменяли собственные концессии на паи в этих компаниях. Таким образом, несколько десятков компаний пришли на смену тысячам индивидуалов. Затем начался закономерный процесс укрупнения компаний, пока их не осталось всего две — картель Родса под названием «Де Бирс» и «Кимберли майн», принадлежавшая Барнато.

А сейчас позволю себе небольшое отступление, так сказать, общеобразовательного характера. Дело в том, что, строго говоря, алмаз не является драгоценным камнем — в том смысле, в каком ценится достаточно редкий изумруд. Если бы все алмазы, скрытые в южноафриканской земле (особенно в районе города Александр-Бей), одновременно откопали и выбросили на рынок, цена на них катастрофически бы упала. Для того чтобы поддерживать ее на достаточно высоком уровне, необходимо строго регламентировать объемы добычи алмазов. Родс понимал это, но понимал и то, что подобная регламентация невозможна в условиях конкуренции с Барнато.

В своем бизнесе он руководствовался следующим соображением (одновременно милым и меркантильным — вполне в духе самого Родса): в Европе и Америке

достаточно обеспеченных молодых людей, способных сообща потратить четыре миллиона фунтов в год на обручальные кольца с бриллиантами для своих избранниц. Деньги эти пойдут в прибыль алмазодобывающим компаниям при одном неременном условии: что не произойдет переполнения рынка драгоценных камней. Этого можно не опасаться, если «Де Бирс» поглотит картель Барнато. Именно так рассуждал Сесил Родс и сделал все для достижения цели. Не буду утомлять читателя перипетиями войны между алмазными королями. Скажу только, что Родс победил, и «Де Бирс» стал главенствующей компанией в торговле алмазами (такое положение вещей сохраняется и поныне).

В Южной Африке очень любят историю о Родсе, Барнато и ведре алмазов. Я слышал ее не менее десяти раз и должен сказать: в том виде, в каком мне ее рассказывали, история выглядит абсолютно глупой и недостоверной.

Якобы во время переговоров с Барнато Родс, желая подольститься к конкуренту, объявил, что всегда мечтал увидеть ведро, доверху наполненное алмазами. И Барнато — довольный тем, что может продемонстрировать свои возможности — выставил на стол ведро, полное камней. Даже такой вдумчивый биограф, как Бэзил Уильямс, приводит эту историю в своей книге и добавляет, что Родс опустил руки в ведро и «извлек на свет полные пригоршни сверкающих камней». Последнее замечание выглядит тем более неправдоподобным, что необработанные алмазы вовсе не «сверкают», а кажутся просто намыленными стекляшками.

Совсем другой вид история приобретает в изложении Гордона Ле Сера, личного секретаря Родса. По его словам, Родс очень старался уговорить Барнато не выкидывать на рынок большую партию алмазов. Он

приводил все новые доводы, распалялся, взывал к профессионализму конкурента. Барнато же, осознавая свою власть, развлекался тем, что перебирал на столе огромную коллекцию камней — ту самую, о которой шла речь! Все камни были уже подготовлены для продажи — тщательно рассортированы, снабжены соответствующими надписями и разложены по кучкам. Можете представить себе эту сцену? Изнемогающий от бессильной злости Родс и сладко улыбающийся Барнато (вот уж действительно артист!) над кучей алмазов. Барнато мог себе позволить улыбаться. Он успел уже озвучить условия и пригрозил: если Родс их не примет, все камни немедленно поступят на рынок.

А далее, по Ле Серу, произошло вот что. Где-то в середине дискуссии, воспользовавшись тем, что Барнато на минутку отвлекся, Родс вскочил с места, стремительно подошел к столу и произнес: «Барни, ты когда-нибудь видел полное ведро алмазов? Я, например, нет. И я скажу тебе, что сделаю. Если твои алмазы заполнят ведро доверху, то я куплю их по той цене, которую ты назначил».

И с этими словами — бедняга Барнато не успел и ахнуть! — он смахнул кучу камней в стоявшее рядом ведро. Родс бросил беглый взгляд на дело рук своих — ведро оказалось заполненным на две трети! — после чего гордо покинул комнату. Он уже достиг цели переговоров — получил желанную отсрочку в несколько дней. Что касается Барнато, то «лишь наткнувшись на удивленные лица присутствующих, он понял, что произошло — секунду назад он лишился своего главного козыря в борьбе с Родсом, ведь на повторную сортировку камней у него уйдет не меньше недели».

Мне кажется, что в таком виде история о ведре алмазов выглядит более осмысленной и правдоподобной (при условии, конечно, что она вообще не вымысел). Подобный поступок — одновременно импульсивный и

рассчитанный — вполне в духе Сеси́ла Родса. Представить же себе, чтобы он, как опереточный Али-Баба, купал руки в алмазах — нет, увольте! Это видится мне в высшей степени маловероятным.

3

Двадцать молчаливых мужчин сидят за длинным столом лицами к свету. Вооружившись тонкими пинцетами, они один за другим берут какие-то мелкие предметы со стола — по виду эти предметы больше всего похожи на кусочки оплавленного стекла. Одни из них размером с фасолину, другие с горошину, остальные еще мельче.

Так вот, значит, каковы итоги долгих трудов и сопутствующего им переполоха. Громкие крики и драки, запыленные упряжки мулов и тяжело груженные вагоны из Порт-Элизабета, скрип лебедек и бесконечное раскачивание десяти тысяч гравиемоек — все это заканчивается вот в такой тихой комнате, где серьезные, сосредоточенные мужчины в зеленых наглазниках изучают кусочки мутного стекла и аккуратно выкладывают их рядами на белой бумаге.

— Обратите внимание, — сказал мой экскурсовод. — То, что вы видите, стоит четверть миллиона фунтов.

О нет! Я видел не просто кучу алмазов, а гораздо больше. Перед моими глазами стояли сотни обручальных колец. вполне возможно, что девушки, для которых они предназначены, даже еще и не думают о замужестве. Но «Де Бирс» уже готов их осчастливить! Я видел улыбки тысяч женщин, получивших в подарок долгожданное кольцо с бриллиантом, и мужчин, которые пока не подозревают, что они сделают этот подарок. У бриллиантов множество применений. Они могут стать залогом верной любви, выражением мужского

раскаiania, предметом грязной взятки... Я видел ветхих старцев, которые, заглянув к Картье, на глазах молодеют — им не дашь больше пятидесяти. Я слышал женские голоса, которые на разных языках и с разными акцентами произносят одну и ту же фразу: «Ах, дорогой, это совсем не *обязательно...*» А также видел умных и предусмотрительных людей, которые с помощью маленького замшевого футлярчика с бриллиантами сумели избежать верной смерти от рук разъяренной толпы. Все эти образы витали над длинным сортировочным столом в Кимберли. Мне даже показалось, что я на минутку заглянул в мастерскую, где богини судьбы прядут свою пряжу.

Я поинтересовался у специалистов, что собой представляют алмазы. И получил следующий ответ:

— Алмаз — это кристаллический углерод, подвергшийся обработке высокой температурой и давлением.

Однако никто не смог мне объяснить, по какой причине углерод превращается в алмаз, а не, скажем, в уголь или любой другой минерал. Никто этого не знает, точно так же, как никто до сих пор не сумел создать искусственный алмаз. Разрозненные кусочки этого кристаллического углерода встречаются в жерлах погасших вулканов, которые получили название кимберлитовых трубок. И нигде более! Долгое время среди старателей бытовало заблуждение, будто все алмазы разбросаны по руслам рек. А на самом деле те экземпляры, что находились возле рек, попали туда благодаря длительной эрозии почвы. Попросту говоря, они были вымыты подземными водами из кимберлитовых трубок, а затем уже перенесены в русла рек. Представьте себе потрясение старателей, когда в Кимберли обнаружили не отдельные разрозненные камешки, а целые залежи алмазов. А все дело в том, что посчастливилось напасть на кимберлитовую трубку!

Мне разрешили посетить рудник Дю-Туа-Пан. Я первым делом переоделся в рабочий комбинезон и водрузил себе на голову защитную каску. Специальный подъемник опустил нас на глубину в тысячу футов. Выбравшись в просторное подземное помещение с белеными стенами, мы увидели толпу сидящих черных мужчин — они дожидались своей очереди, чтобы подняться на поверхность. Я разглядел среди них представителей коса, басуто, пондо и других народностей, которых раньше наблюдал на их коренных территориях. Странно было видеть этих людей в столь непривычных декорациях — я помнил еще, как выглядели они (или им подобные) в родных деревнях, в окружении жен, детей и прочей родни. Здешних рабочих — как и тех, что работают на угольных шахтах Йоханнесбурга — вербуют в национальных резерватах и тоже на определенный срок. Однако, в отличие от угольщиков, владельцы алмазных приисков предпочитают держать чернокожих рабочих в специально оборудованных лагерях. Разгуливать по городу и окрестностям им запрещается.

Подобная система сегрегации была впервые введена Родсом, чтобы пресечь хищения алмазов, а заодно и уберечь туземцев от чрезмерного пьянства. Справедливости ради, надо признать, что для рабочих в лагерях созданы очень неплохие условия: их хорошо кормят, обеспечивают медицинской помощью и бытовыми удобствами. Я рад отметить, что по истечении срока контракта чернокожие возвращаются в свои деревни практически не испорченными соприкосновением с западной цивилизацией.

По длинному белому коридору мы зашагали в глубь шахты. Нам то и дело приходилось останавливаться и, прижимаясь к стенке, пропускать вагонетки с драгоценной голубой землей. Мой провожатый объяснил, что туннель, по которому мы движемся,

проделан в жерле вулкана. Именно этим путем миллионы лет назад выходили потоки раскаленной лавы, а вместе с собой они несли будущие бриллианты для обручальных колец и фамильных перстней. Наконец мы добрались до забоя, в котором несколько чернокожих рабочих вгрызались в скалу под надзором белого мастера. Они откалывали куски породы и складывали их в бадейки, точно такие же, какие мы видели в проезжавших мимо вагонетках.

Здесь было достаточно чисто, во всяком случае ни в какое сравнение не шло с теми угольными шахтами, на которых мне довелось побывать.

Вернувшись на поверхность земли, я познакомился с дальнейшими этапами производства. Поднятая из забоя порода измельчается до порошкообразного состояния, пропускается через пульсатор, который представляет собой не что иное, как механическое решето, исполняющее роль фильтра: оно отсеивает всевозможные мелкие камешки, затесавшиеся в породу (должен сказать, что выглядят они куда привлекательнее вожделенных алмазов). Затем наступает этап промывки и просеивания породы — это достаточно длительные и трудоемкие процедуры. И лишь в самом конце мы подошли к огромному лотку, на дне которого в слое промышленной смазки поблескивали один или два камешка.

На алмазных шахтах работают люди с исключительно хорошим зрением. Все участники производственного процесса — как белые, так и черные — отлично знают, что надо искать. И уж если им встретится алмаз, будьте уверены — они его не проглядят. Чернокожие все еще пытаются тайком вынести камни с приисков, однако сейчас это сделать гораздо сложнее, чем прежде. Хозяева шахт используют последние медицинские достижения, дабы увериться,

что уезжающие домой басуто не увозят пару-тройку алмазных диадем в желудках.

4

Пятьдесят лет назад один молодой ирландец, проживавший в окрестностях Килларни и проходивший курс обучения в монастыре, решил, что духовная карьера его не устраивает. А посему он покинул родные места и уехал в Южную Африку. По прибытии в Кимберли он устроился работать ночным сторожем в старом лагере Вест-Энд.

— Подумать только! — говорит мистер Э. М. Дагган-Кронин. — Проучиться девять лет в колледже и еще два в монастыре для того, чтобы стать ночным сторожем у «Де Бирс»! Ведь единственное, что от меня здесь требуется, это не спать по ночам. Вот и вся наука! Ну, ничего, в конечном счете все вышло к лучшему.

На сегодняшний день «Галерея банту Даггана-Кронина» является одной из главных достопримечательностей Кимберли (а может быть, и всего Союза). Здесь собрана уникальная коллекция из четырех тысяч фотографий, посвященная жизни коренного населения Южной Африки, домашнему быту туземцев и их племенным обычаям. Несколько лет назад мистер Дагган-Кронин принес свою коллекцию в дар городу. Ее разместили в милом особнячке, а самого фотографа назначили куратором выставки.

Все фотографии распределены по племенной принадлежности, и каждому племени отведен собственный зал. Рядом с комнатой матабеле располагается зал зулу, затем свази и так далее. Здесь можно увидеть, как эти племена выглядели еще до знакомства с европейской цивилизацией. Мы смотрим на зулусов глазами Дика Кинга, Фэйрвелла, Айзекса и

Гардинера; а туземцы коса предстают перед нами такими, как их увидели зуурвельдские буры и поселенцы 1820 года. С каждым годом ценность коллекции будет только возрастать. Уже сегодня не так-то легко отыскать (а тем более сфотографировать) местного жителя, совершенно не затронутого западным влиянием.

Мистер Дагган-Кронин впервые столкнулся с туземцами банту в шахтерском лагере и был очарован их красочными обычаями. Он начал их фотографировать, используя примитивный ящичный фотоаппарат за двадцать шиллингов. Затем ему пришла идея сделать серию снимков банту в естественном окружении. С этой целью он ежегодно совершал длительные экспедиции в глубь коренных территорий банту.

Я поинтересовался, действительно ли сейчас сложнее фотографировать, чем, скажем, двадцать лет назад.

— О да, — сказал мистер Дагган-Кронин. — С каждым годом все труднее найти национальные одеяния. Если уж туземец надевает что-то из европейской одежды, это навсегда! Изменения в обычаях не так бросаются в глаза. Но вообще-то я не берусь сказать, как долго продержатся национальные обычаи и одежда. Понятно, что для этого чернокожие должны оставаться в своих резерватах, а не бежать в белые города.

Благодаря поддержке нью-йоркского фонда Карнеги мистер Дагган-Кронин выпустил серию чудесных книг под общим названием «Племена банту Южной Африки», куда вошли сотни фотографий из его коллекции. Сейчас готовится к печати новая серия, которая будет посвящена племенам пондо и пондомезе.

Напоследок хочу привести замечание — одновременно логичное и грустное, — которое сделал

вождь одного племени, обращаясь к мистеру Даггану-Кронину.

— Не пойму, — сказал он, — какой смысл прививать нам цивилизацию, если потом вы хотите фотографировать нас обязательно в леопардовых шкурах, которые мы уже успели повыбрасывать.

5

Я провел несколько дней в маленькой, залитой солнцем деревушке, расположенной неподалеку от реки Вааль. Вокруг простиралась плоская рыжая равнина, вся изрытая искателями алмазов. Впечатление было такое, словно здесь прошла огромная армия кротов.

Население деревушки на треть состояло из белых и на две трети из черных — всего около трех тысяч человек. Что касается африканеров, все они являлись страшными националистами, принципиальными ненавистниками Англии и всего английского. Мне даже на мгновение показалось, что я вновь очутился в Ирландии! Если говорить о национальном составе, то, по-моему, здесь наличествовала сложная смесь ирландцев и шотландцев. По воскресеньям деревушка становилась несомненно шотландской! Неудивительно, ведь в жилах любого африканера течет немалая толика шотландской крови. Благодарить за это следует тех шотландских священников, которые в девятнадцатом веке приехали в Африку по призыву голландской реформистской церкви. Многие проповедники, которые сегодня считают себя стопроцентными африканерами, носят фамилии Барри, Мюррей и Николс.

Если с утра пораньше усесться на гостиничной веранде, можно увидеть весь цвет местного общества. Вот неунывающий адвокат, делающий деньги на спорах и склоках своих односельчан. Он шагает в куртке из

альпаки, направляется в офис, стены которого так же густо увешаны медными табличками различных страховых компаний, как грудь ветерана орденами. А этот мрачный пожилой джентльмен — школьный учитель; рядом с ним идет молодой коллега — с виду настоящий бунтарь, только что вернулся из армии, успел побывать в застенках Тобрука. Следом проходят почтмейстер, проповедник и несколько старых фермеров, которые приехали на запыленных кап-картах.

Здесь я познакомился с человеком, который до сих пор надеется обнаружить в земле алмазы. Ежедневно он ведет раскопки на задворках гостиницы — там, где раньше располагался сад заброшенной церкви. Обычно он сидит под навесом и бдительно наблюдает за чернокожей троицей, которая ковыряется в канаве.

При встрече я всегда интересуюсь, как идут дела, и всякий раз получаю один и тот же ответ:

— Пока никак!

Однако, будучи истинным оптимистом, он не теряет надежды и с воодушевлением тычет пальцем в очередную точку — например, в здание разрушенной часовни.

— Я знаю! — по секрету сообщает он. — *Вот* где они прячутся.

Как-то раз мистер Смит, скупщик алмазов, пригласил меня совершить поездку на аллювиальные месторождения. Путь предстоял неблизкий. Мы уже час катили по бесконечной песчаной дороге, и все это время я наблюдал один и тот же пейзаж: телеграфные столбы вдоль обочины, коричневая пожухлая трава, муравейники да застывшие столбиком сурикаты. Изредка на горизонте медленно проползала черная цепочка железнодорожных вагонов.

Миля пролетала за милей, но ничего не менялось в однообразном ландшафте — все то же монотонное чередование песка и кустарника под абсолютно

безоблачным небом. Земля эта безраздельно принадлежала муравьям и сурикатам.

А ведь у нее существовала своя история. На протяжении восьмидесяти лет здесь располагался своеобразный Монте-Карло — конечно, неказистый и грубоватый, но тем не менее привлекавший тысячи и тысячи людей. Как только стало известно об удаче ван Никерка, в долину реки Вааль толпами хлынули разнообразные искатели приключений и авантюристы. Сначала старатели оккупировали берега реки. Затем — по мере появления новых находок — стали продвигаться в вельд. В разношерстной массе старателей можно было обнаружить людей всех типов и возрастов, но я бы выделил три основные категории: «кидалы», «простаки» и люди, о которых обычно говорят — «стреляный воробей».

— И что, неужели здесь до сих пор находят алмазы? — спросил я.

— Не без того, — улыбнулся мистер Смит. — Иначе зачем бы я ездил сюда дважды в неделю?

— И какова цена на аллювиальные алмазы? Сколько стоил самый дорогой?

— Дайте-ка припомнить! Ага, примерно пять лет назад возле Претории нашли алмаз стоимостью в семьдесят тысяч фунтов. Как видите, не такой уж это напрасный труд.

Мы по-прежнему ехали по изрытой и перепаханной земле. Казалось, будто она на протяжении нескольких лет подвергалась массированному артобстрелу. На десятки миль окрест виднелись сплошные ямы, канавы и каменистые отвалы. Каждый квадратный ярд этой земли был перевернут, взрыхлен и тщательно просеян.

— Я помню времена, когда здесь работали свыше двадцати тысяч человек, — говорил мистер Смит. — Теперь практически никого не осталось! Вот такая история. В этот район ринулись тысячи старателей, как

только прослышали об алмазах. Растащили всю землю по кусочку и ушли.

Мимо проехал старик на повозке, запряженной мулом.

— Видали? У этого старика неподалеку ферма, а в земле под ней — алмазы. Когда выдаются плохие времена — вот как сейчас, например, — он начинает копать алмазы. И представьте себе, находит достаточно, чтобы как-то продержаться до первых дождей. В нашей округе немало таких — наполовину фермеры, наполовину старатели.

Наконец мы свернули с главной дороги на узкую проселочную и проехали до того места, где она терялась среди скал. Там мы вышли и дальше отправились пешком. Вокруг по-прежнему тянулась обожженная земля, покрытая редкими мимозами и колючим кустарником с красноречивым названием «подожди немного»: шипы его имеют форму рыболовного крючка и грозят доставить немало хлопот тем, кто имел неосторожность за них зацепиться. Встречались здесь и роскошные желтые кусты, которые я раньше уже видел в одном из свеллендамских садов. Помнится, я еще тогда обратил на них внимание, но никто не смог сказать мне их названия. А оказывается, зовутся они «райскими птицами»!

В тени одного-единственного дерева стоял грубо сколоченный стол, на котором восседал высокий седобородый мужчина. Одет он был в спортивную рубашку со множеством карманов и старые потрепанные брюки. На голове грязный пробковый шлем, обут в вельдскуны на босу ногу. Он не отрываясь следил за группой полуобнаженных туземцев, которые работали кирками в небольшом гравийном карьере. Здесь бытует мнение, будто все чернокожие только и ждут, чтобы надсмотрщик отвернулся — тут же припрятут найденный алмаз в кармане.

— Ну что, уже разобрались с карьером? — спросил мистер Смит.

Мужчина медленно поднялся, и по одному этому движению я сразу же распознал в нем джентльмена старой закалки.

— Увы, пока нет, — отвечал мужчина с явственным оксфордским акцентом. — Но, думается, я уже подошел вплотную.

Он бросил вопросительный взгляд в мою сторону, и мистер Смит поспешил представить нас друг другу.

— Добрый день, сэр, — учтиво приветствовал меня мужчина в лучших лондонских традициях (я буквально услышал, как грохочут двуколки по мощеной мостовой Стрэнда).

Вместе с мистером Смитом они подошли к краю карьера и начали что-то горячо обсуждать. Я же тем временем терялся в догадках относительно личности этого человека. Когда мы собрались уходить, он снова обернулся ко мне и произнес с легким поклоном:

— Доброго вам дня, сэр.

Затем снова обратил взгляд своих льдисто-голубых глаз на работавших туземцев.

— О, это стреляный воробей, — пояснил мистер Смит по дороге. — Он успел сделать себе состояние в наших краях и все спустить до последнего фартинга. После этого уехал в Англию и исчез лет на десять-пятнадцать — ни слуху, ни духу. А затем в один прекрасный день объявился вновь — такой же, как всегда, только чуточку постарел. Он ни с кем не общается, никому ничего не рассказывает. Живет один в деревянной хижине, сам себе готовит пищу. Короче, я же говорю — стреляный воробей.

Мы ехали еще какое-то время, пока не добрались до берега Вааля, вода которого тем утром выглядела молочно-голубой. Дальше нам предстояло переправиться через реку на примитивном пароме: двое чернокожих

крутили барабан, и судно медленно скользило по гладкой воде к противоположному берегу. Здесь тоже вся земля была перевернута, просеяна и кое-как свалена в кучи. Обозревая безрадостные окрестности, я наконец-то сообразил, что они мне напоминают. Эта ассоциация все утро вертелась у меня в голове, но никак не поддавалась определению. И вот теперь я понял: так, должно быть, выглядели развалины Вавилона! Охотники за алмазами в своих трудах породили тот же самый пейзаж, что и арабы, рыскавшие в поисках вавилонских древностей.

Под безжалостными лучами полуденного солнца мы шагали по задыхавшейся от зноя земле. Нашей целью было местечко под названием Холпен, в центре которого располагалось крошечное здание с пышным названием «Королевский отель». Улицы выглядели пустынными, словно все население городка вымерло в результате какого-то ужасного катаклизма. Ну чем не ваальские Помпеи! Нам пришлось долго ломиться в запертую гостиницу. Наконец дверь распахнулась, и мы вошли в помещение, которое с полным правом могло бы претендовать на звание исторического музея.

Древняя барная стойка с застекленными шкафами позади, высокие табуреты, выдавший виды покерный столик, две картины на стене (одна изображала Трафальгарскую битву, другая — битву при Ватерлоо) — все здесь осталось таким же, как в достопамятные годы «алмазной лихорадки». Тогда городок находился в самом центре лихорадочной деятельности: повсюду, на многие мили окрест, копошились в земле тысячи старателей. Безжизненные холмы, которые ныне окружают Холпен, — результат их стараний. Толстый железный засов на входной двери сохранился в качестве единственного свидетельства упорства и силы тех мужчин, которые по вечерам ломались в здешнее питейное заведение.

Немного освежившись, мы двинулись дальше и через несколько миль попали в крайне оживленное место. Здесь все шумело, гремело и тарахтело. Какая-то компания вновь взялась разрабатывать три из четырех заброшенных участков. На невысоких пригорках было установлено оборудование, в карьерах работали бригады чернокожих, а белые мастера, устроившись в тени деревьев или дощатых навесов, зорко следили за всеми перемещениями.

Землю и гравий из каждого карьера сначала забрасывали внутрь странного приспособления, которое трогательно называлось «бэби». Оно представляло собой деревянную раму, укрепленную на шарнирах и натянутую сетью с ячейками различного размера. Пока один чернокожий раскачивал «бэби», сверху на нее направляли струю воды, которая помогала расщепить слой породы и благополучно пропустить его через сетку. Я было подумал, что название устройства навеяно сходством с раскачивающейся колыбелью, но, как выяснилось, ошибся. Оказывается, оно происходило от фамилии американца по фамилии Бэйб. Человек этот приехал на здешние копи в середине 70-х годов девятнадцатого века и ввел в употребление приспособление, которое до того видел на золотых приисках Австралии. Здесь шутят, что этот Бэйб единственный на свете качал собственную колыбель.

Итак, после того как слой земли прокачали на «бэби», его выкладывают в просеиватель (этакое большое сито) и передают хозяину карьера. Наступает самый волнующий момент. Старатель берет сито, предварительно погружает его в воду, а затем одним точным, отработанным долгими годами практики движением переворачивает на расстеленный мешок. Теперь надо внимательно изучить результат. Если в сите находился алмаз, то в результате данной манипуляции он вполне может оказаться на самом верху. Важно не

пропустить его среди массы мокрых блестящих камешков. Если старатель не видит алмаза, то берет кусок заостренного сланца и быстро разделяет всю кучу на маленькие квадратики. Затем разравнивает каждый на мешке — так, чтобы камешки лежали в один слой — и просматривает. Если и эта проверка ничего не дает, всю кучу грунта выбрасывают и переходят к новой.

И так повторяется раз за разом, день за днем — на протяжении месяцев, в иногда и лет. Мне кажется, что при всем однообразии этого процесса в нем есть что-то завораживающее. Попробовав разок сыграть в эту игру, человек уже не может остановиться. Это и есть зов алмазных приисков, и мало кто из людей находит в себе силы ему противиться. Чего стоит один только миг, когда замираешь с наполненным ситом в руках и беззвучно возносишь молитву Всевышнему! Каждое такое сито играет роль золотого знака вопроса. И всякий раз, как старатель переворачивает свое сито, сверху на него смотрит богиня судьбы и решает: подарить сказочную удачу или отвернуться с презрительной усмешкой? Каждая порция грунта занимает ровно шесть секунд, но эти секунды дорогого стоят. Именно ради них и живет старатель. Он годами сидит под мимозовым деревом и смотрит, смотрит... И эта череда волнующих мгновений, когда сердце бьется в безумной надежде, эта серия переходов от сладостных упований к горьким разочарованиям, а от них к новым надеждам — они-то и привязывают старателя к алмазному прииску, возможно, на всю жизнь.

Хотя я провел целый час на прииске, на моих глазах отыскался всего один алмаз. Да и тот был таким крохотным, что я бы, пожалуй, его выкинул, посчитав нецелесообразным хранить. Однако старатель внимательно оглядел свою находку и аккуратно спрятал в спичечный коробок.

— Наверное, среди здешней публики не бывает женщин? — спросил я.

— Отчего же? Очень даже бывают, — ответил мистер Смит. — И сейчас у вас будет возможность познакомиться с одной.

Мы спустились с пригорка и направились к стоявшей в отдалении ферме. По дороге нам повстречался чернокожий мальчишка. Мистер Смит поинтересовался, где хозяйка, и мальчишка ткнул пальцем куда-то в сторону раскаленного вельда. Посмотрев в указанном направлении, я увидел уже знакомую картину: гравийный карьер, ритмичное поскрипывание раскачивающейся «бэби», плеск льющейся воды и затем стук перебираемых камешков. Подойдя ближе, мы увидели миссис ван Асвеген, которая как раз в тот момент переворачивала сито на стол. Это была молодая симпатичная женщина, худощавая и дочерна загорелая. На ней было цветастое платье и черные шерстяные чулки, на голове — широкополая шляпа. Я обратил внимание, что сито она переворачивает как мужчина — одним резким, решительным движением. Побеседовать с ней не удалось, поскольку миссис ван Асвеген ни слова не понимала по-английски. Но у меня в памяти остался ее образ: главным образом, смеющиеся голубые глаза и сильные руки, по локоть испачканные в грязи. Мы отправились вместе на ферму, где лежали приготовленные для мистера Смита алмазы. Она оставила нас в темноватой комнате, заставленной старомодной мебелью, а сама ушла в глубь дома. Через несколько минут женщина вернулась — с чайным подносом и обещанными алмазами.

Из всех старателей, что я встретил за тот день, миссис ван Асвеген показалась мне самой практичной и здравомыслящей. Вот уж в чьем присутствии я бы не стал разглагольствовать о зове алмазных приисков! Меньше всего эта женщина думала о романтике

старательского труда. Для нее это была обычная работа — не лучше и не хуже других.

Я попросил мистера Смита узнать, что она станет делать с деньгами, если разбогатеет. Миссис ван Асвеген отвечала, что положит деньги в банк, купит новую отару овец и навсегда позабудет о старательстве. Несколько удивившись, я спросил: неужели она не находит это занятие романтичным и волнующим? Конечно, нет, ответила она. А какая может быть романтика в грязном гравии? «Но мужчины...» — начал я. Ах, мужчины! Мужчины от чего угодно способны сходить с ума. Особенно если это одинокие мужчины, которые живут без женщин в грязных хижинах и питаются одними консервированными сардинами!

Мы попрощались с обладательницей голубых глаз, очень чистых и трезвых глаз, и поехали обратно — туда, где одержимый фантастической мечтой мужчина неделями копался в грязной канаве на задворках заброшенной церкви. По дороге мы остановились выпить чаю в Блумхофе. Мистер Смит решил подвести итоги рабочего дня и разложил на листе бумаги свою добычу. Я смотрел и думал: удивительно, что столько усилий множества людей дали такой незначительный результат.

Заглянув в маленький городок с названием Кристиана, я воочию увидел, какой могла бы стать Южная Африка при условии достаточного орошения. То, что предстало моему взору, вполне могло бы быть долиной Темзы. Вдоль реки выстроились шеренги высоких тополей, повсюду простирались зеленые поля пшеницы и люцерны, перемежавшиеся обширными посадками картофеля и кукурузы. Все это аграрное великолепие обеспечивалось системой бетонированных каналов общей протяженностью семьсот миль. Они подавали воду из Ваальского водохранилища — огромной речной запруды площадью в шестьдесят

квадратных миль и глубиной достаточной для прохождения такого судна, как океанский лайнер «Куин Мэри». Окрестности Кристианы служат наглядным доказательством того, что грамотная система ирригации способна превратить бесплодную пустыню в сады Эдема.

Африку принято называть землей контрастов. Вот уж воистину разительный контраст между несчастной, изнывающей от засухи землей, где кучка одержимых людей роется в грязи в поисках алмазов, и этой благородной равниной, демонстрирующей благодарную реакцию Природы на разумное и бережное вмешательство Человека.

6

Если отправиться из Блумхофа на восток, то вы долгое время будете ехать по плоской равнине с неизменными очертаниями: мили и мили пожухлой травы и засохшего маиса, невысокие одиночные холмы и сонные деревушки в окружении эвкалиптовых деревьев. Наиболее существенная деталь пейзажа — дорога, по которой вы едете. Бесконечной полосой она тянется по бушу и теряется за горизонтом.

Дорога чаще всего пустынная, лишь иногда вдалеке появляется фермерская повозка, запряженная мулом; она проезжает, оставляя после себя облако красной пыли.

А затем вы неожиданно попадаете в деревушку, наполненную веселым перестуком плотницких молотков. Не составляет труда установить источник шума: целая толпа рабочих ползает по лестницам и козлам вокруг жалкой лачуги с громким названием «Коммерческий отель». Эта атмосфера радостного оживления и подъема характерна для всего местечка. На

деревенской лужайке (или *аутспане*, как здесь говорят) расположился вполне современный офис по продаже земельной собственности. На стоянке перед гостиницей в ряд стоят дорогие автомобили, из дверей выходят не обычные фермеры, заглянувшие пропустить стаканчик-другой перед обедом, а люди в деловых костюмах, журналисты, которых всегда можно различить за версту, и фотокорреспонденты. Вы перестаете удивляться, когда узнаете имя деревушки. Это Одендалсруст — центр нового золотого месторождения, открытого в Свободном государстве. Еще несколько месяцев назад никто и не слышал о населенном пункте с таким названием, а теперь имя это не сходит с первых страниц мировой прессы и поминается на всех фондовых биржах. Одендалсруст — прекрасная иллюстрация темы «деревенский парень добился успеха в жизни», и как всякий счастливчик, город искренне радуется своему успеху. Улыбки цветут на всех (или почти на всех) лицах. Даже древний старичок, привычно устроившийся в уголке, и тот уже, похоже, подсчитывает будущие прибыли. Что тогда говорить о молодом человеке из местного магазинчика: уж он-то точно видит себя во главе нового «Статтафорда»!

Люди расхаживают туда и сюда по Одендалсрусту и смотрят на старую деревушку новыми глазами. На месте жалких лачуг им видятся бетонные небоскребы. В мечтах по пыльной деревенской дороге бегают сверкающие трамваи и современные автомобили. Глядя, как к деревне подъезжают тяжелые самосвалы с горнодобывающим оборудованием, все наверняка вспоминают историю чудесного превращения Йоханнесбурга. Это сравнение не единожды всплывает в разговорах, ибо Одендалсруст посетила та же самая добрая (или злая, если угодно) фея, что и в Кимберли или на Ранде.

Иногда в газетах печатают заметки о людях, неожиданно выигравших на тотализаторе и в мгновение ока разбогатевших. Помните их счастливые и слегка ошалевшие лица? А здесь то же самое произошло с целой деревней! Некоторые жители поспешили воспользоваться ситуацией и продали свои земли за десятки тысяч фунтов, другие же пока выжидают в надежде сорвать большой куш.

Я заглянул в крошечный гостиничный бар, битком забитый шумными уитлендерами в городской одежде. Хозяин бара — молодой немец в рубашке с закатанными рукавами — едва успевал принимать заказы. А вокруг шумела стройка — ведь гостиница (простите, «Коммерческий отель») должна была соответствовать новому имиджу Одендалсруста, — и в прорехах в стене то и дело мелькали бесстрастные лица чернокожих рабочих. От сидевшего рядом мужчины я узнал, что хозяин гостиницы отверг предложение продать заведение за сто тысяч фунтов.

— Эх-ма! — с завистью вздохнул мой собеседник. — Мне бы кто такое предложил!

Я узнал, что Одендалом звали фермера, который всего поколение назад обрабатывал землю в здешних местах. А что касается окончания «-руст» (или «-рест»), то оно имеет отношение к его могиле, которая тоже находится неподалеку.

Зашел я и в офис по продаже недвижимости — тот самый, недавно выстроенный на деревенской лужайке. И хотя пока он представлял собой всего-навсего трех- или четырехкомнатное бунгало, но вполне отражал всю мощь современного мира. Прежде чем пройти внутрь, мне пришлось зарегистрироваться у секретаря, и я слышал, как в соседней комнате вовсю тарахтит печатная машинка. Затем меня принял управляющий офисом. Он развернул передо мной карту района и рассказал, по какой цене идут те или иные участки. У

меня возникло ощущение, будто я каким-то таинственным образом совершил путешествие во времени. Ведь нечто подобное случилось и с Йоханнесбургом, Кто сегодня поверит, глядя на его небоскребы и широкие авеню, что каких-нибудь восемьдесят лет назад там был пустынный буш с кучкой палаток и жалких хибарок? Я даже выглянул в окно офиса и мгновенно успокоился: и со мной, и с Одендалсрустом все было в порядке — по пыльной улице как раз гнали стадо мычащих коров. Перспектива превращения в блестящую метрополию пока откладывалась.

Но где же сами золотые прииски? Мне объяснили, что они разбросаны по вельду в трех-четыре мили от городка. Я отправился туда и нашел несколько контор, стоявших посреди знойной степи. Молодой инженер вызвался отвезти меня на шахту № 3, она же рудник Сент-Хелен — место, откуда все начиналось. Прибыв на место, я увидел миниэлектростанцию, надшахтное сооружение, а также толпу потных рабочих у входа в наклонную шахту, чрезвычайно похожую на типовой вход в метро. Золото залегало в четырех сотнях футов под землей.

— Но откуда вы знаете, что оно там есть? — спросил я.

Инженер начал излагать основы геофизики — что-то о буровых скважинах, технике бурения и прочих сложных материях. Из всего сказанного я заключил, что разведка золотоносных слоев производится по тому же принципу, что и снятие пробы со стилтонского сыра. Помните, в те давние благословенные дни, пока еще Король Сыров не превратился в антикварную редкость, мы приходили перед Рождеством в бакалейную лавку и требовали головку стилтона. Лавочник брал в руки тонкий серебряный пробник (зонд по-научному) и осторожно втыкал его в самую середину

сыра. Затем извлекал пробник наружу и давал на обследование — вы могли его оглядеть, понюхать, даже попробовать на вкус. Хочется надеяться, что здешнее зондирование оставит по себе такую же добрую память.

Я продолжал свое путешествие по Свободному государству, размышляя о том, что мы живем в век строгой организации. Теперь уже на золотые прииски не съезжаются тысячи старателей со своими лопатами и кирками. Ученые бурят пробные скважины, компании приобретают земельные участки, инженеры строят шахты и набирают персонал. Только один персонаж отсутствует в современной золотой лихорадке — это старатель.

7

Ферма, на которую я приехал погостить, стояла среди деревьев на невысоком пригорке, а у его подножья протекал ручей. Сразу за ручьем простиралось Свободное государство — протянувшаяся до самого горизонта плоская равнина, кое-где пересекаемая горными отрогами. Необычайно чистый и прозрачный воздух создавал обманчивую иллюзию их близости, хотя на самом деле до ближайших гор было не меньше двадцати миль.

Каждый день после обеда на небе собирались огромные облака, и все разговоры сводились к одному животрепещущему вопросу: будет дождь или нет? Небо на горизонте темнело до тех пор, пока не принимало угрожающе темный цвет индиго. Местами его прорезали ослепительные молнии, они сопровождалась глухими раскатами грома. Сидя на веранде, мы наблюдали за тем, как где-то вдалеке темно-фиолетовые небеса разверзаются, изливаясь косым дождем на исстрадавшуюся от долгого зноя землю. Просто

невероятно, как день за днем повторялась одна и та же история: гроза начиналась во второй половине дня и проливалась дождем там, сям — где угодно, только не над нами.

Грозы эти могли часами бушевать над Свободным государством, порой они затягивались до поздней ночи. Но всякий раз, проснувшись поутру и выглянув в окошко, я видел над головой безоблачное небо, на котором сияло безмятежное солнце.

Хозяин фермы оказался одним из самых приятных людей, которых я только встречал в Южной Африке (а в этой стране немало приятных людей). Он был настоящим африканером, понимай, талантливым фермером, и при этом — страстным любителем чтения и большим энтузиастом родного языка. Назовем его, скажем, Мастер Ян Бруан. Внешне Мастер Ян тоже был типичным буром: высоким, костистым, с провинциальной манерой одеваться и собственным неопровержимым мнением обо всем на свете. Он в некотором роде удалился от дел, передав управление фермой двум сыновьям, один из которых недавно вернулся с войны. Большую часть дня Мастер Ян величественно восседал в своем любимом кресле на веранде и отдавал распоряжения сыновьям и многочисленным слугам-басуто, которые немедленно повиновались. Второй трон на веранде предназначался для супруги Мастера Яна, женщины с большим чувством юмора и массой неотложных дел по хозяйству. По этой причине она нечасто сиживала на веранде, ее вотчиной являлась кухня и прочие помещения дома. Зато там ее власть была абсолютной и безграничной. Они с Мастером Яном составляли отличный тандем: она правила внутри дома, а он снаружи.

Время от времени Мастер Ян покидал веранду и в сопровождении верного добермана-пинчера (а также своры других собак непонятного происхождения)

отправлялся в гараж. Там он садился в свой любимый старый автомобиль и катил вниз с холма. Такие мелочи, как ручей, муравейники и прочие препятствия, его не останавливали — Мастер Ян разъезжал по вельду со скоростью сорок миль в час в поисках антилоп. Найдя небольшое стадо, он пристраивался ему в хвост и получал несказанное удовольствие от наблюдения за животными.

— Нет, вы только посмотрите на них! — кричал он в возбуждении. — Поглядите, как они двигаются! Как склоняют голову на скаку. Ну разве не красавцы?

Накатавшись вволю. Мастер Ян поворачивал к дому. Приблизившись к холму, он со всего размаху влетал в неглубокие воды ручья и с громкими криками «Таласса! Таласса!» форсировал его.

В молодости он близко общался с шотландцами и, от природы обладая выдающимися способностями к подражанию, мастерски имитировал шотландский говор. К тому же его познаниям в области шотландских идиом и сленга мог бы позавидовать любой филолог.

Мастер Ян отлично ладил с детьми. Забавно было сопровождать его в прогулках по вельду и наблюдать, как он общается с двумя мальчиками, проживавшими на ферме. У него были заготовлены истории о каждом животном и птичке, которых мы встречали по пути. Например, увидев возле дороги красноногого чибиса, он начинал напевать:

Kiewitjie, kiewitjie, wats jou naam?
(Малютка чибис, как тебя зовут?)

И оба маленьких мальчика тут же радостно горланили на два голоса:

Basie, basie, rooi beentije!
(Хозяин, маленький хозяин — красные лапки!)

Но Ян оставался недоволен их манерой исполнения.

— Нет, нет! — восклицал он в притворном ужасе. — Это совсем не похоже на чибиса. Вы только поглядите на него! Какой он аккуратный и благовоспитанный! Как осторожно переступает с одной ножки на другую, как чопорно кивает вам головкой. Ты, Пит, и ты, Ханс — вы оба орете, как противные маленькие мальчишки. Маленький чибис *так* не разговаривает! Он говорит вот так...

И, возвысив голос, старик изображал тоненькое воркование чибиса: «Basie, basie, rooi beentije!» Оба мальчика — вместо того чтобы засмеяться — вдруг благоговейно замолкали и, подталкивая друг друга локтями, указывали на птичку: та кланялась и кивала головкой, словно соглашаясь с Мастером Яном.

Мы шли дальше и наталкивались на цесарку (*тарентаал*, как называл ее Мастер Ян на африкаанс), которая при нашем появлении пыталась скрыться в зарослях маиса. При этом она так быстро семенила своими ножками, что двигалась гладко, словно катилась на колесиках. Жарким полднем, когда гроза еще только раздумывала, начинаться ей или нет, на земле была видна каждая трещинка, каждая дырочка, и в том числе многочисленные норки ящериц — больших любительниц греться на солнышке. Из каждой такой норки высовывалась змееподобная головка. Ян называл их *оу'фолк*, и мальчики послушно повторяли за ним: «Оу'фолк». Затем они устраивали соревнование: проверяли, кто сможет ближе подобраться к юрким животным, прежде чем те успеют скрыться под землей. Мы прислушивались к возмущенному хриплому клекоту корхаана, который спешил оповестить весь вельд о

нашем приближении. А затем мы поворачивали домой и успевали подойти к ручью как раз в тот миг, когда цапля тяжело взмывала в воздух, расправив голубые крылья, а зимородок низко пролетал над самой водой. Затем с небес падали первые теплые капли дождя. Они скатывались с засохших кукурузных листьев, подобно маленьким капелькам ртути. Тут уж мы со всех ног припускали по склону пригорка, чтобы, добравшись, услышать строгий женский голос, который выговаривал Мастеру Яну: «Нет, вы только посмотрите на них! Интересно, что ты делал с этими мальчишками? Они выглядят еще грязнее, чем обычно!»

8

Здесь рано ложатся и рано встают. Как правило, мы отправляемся спать в девять вечера, а поднимаемся на заре — не позднее пяти утра. Обычно с наступлением темноты собаки занимают круговую оборону вокруг фермы, а парочка устраивается на ночлег прямо под моим окном. Где-то около двух часов ночи в вельде случается какой-то шум, и все собаки с громким лаем немедленно устремляются туда. Я поднимаюсь с постели и выглядываю в окно. Вельд стоит молчаливый и неподвижный в серебряном свете луны, надворные постройки прячутся в глубокой тени, а контуры деревьев кажутся вырезанными из черной бархатной бумаги. Южноафриканские сторожевые собаки — это прирожденные полицейские. Я вообще не понимаю, как у кого-то хватает смелости приближаться к ферме после того, как стемнеет.

В пять утра встает солнце. Достаточно взглянуть на безоблачное небо, чтобы понять: нас ожидает еще один сухой и жаркий день. Чернокожие девушки басуто медленно движутся по двору с молочными ведрами на

головах. Они подходят к зданию кухни и скрываются за углом. Осталось подождать совсем чуть-чуть, и настанет миг, который я люблю больше всего. Вот раздается шлепанье босых пяток по прохладному кафелю, а вслед за этим осторожный стук в мою дверь. Появляется Ян в домашнем халате, с собой он несет кофейный поднос и коробку с сигаретами. Нам предстоит полчаса упоительных литературных экзерсисов. Как правило, Ян начинает день с цитаты. Это может быть Гораций, или Вергилий, или даже Вордсворт. Поставив поднос с чашками на стол, он садится в изножье моей кровати и произносит с самым серьезным видом:

В лесу встречаю я дрозда
И зайца на лугу,
Но милой Люси никогда
Я встретить не могу.

— Как там дальше? В детстве я изучал по этой книжке английский язык — она называлась «Английский для начинающих»! Ах, как я хорошо помню те уроки! Мы, маленькие буры, должны были встать и хором декламировать стихотворение. Мы повторяли его снова и снова, пока каждое слово навечно не впечатывалось в нашу память.

Я спросил его, почему он не надевает по утрам шлепанцы. Мой вопрос, казалось, доставил ему удовольствие.

— Очень важно, — начал объяснять мне Мастер Ян, — в начале дня зарядить свое тело электричеством! Каждый человек должен с утра пораньше походить босиком по земле. Вы разве не слышали об этом? *Ex Africa semper aliquid novi!*

Прикурив сигарету, он продолжил:

— Маргаритки цветут на газоне, в небе жаворонок поет, верный колли дремлет на пледе, ну а жизнь все мимо идет. Боже мой, как давно это было! Как будто голос из прошлого... Я знаю, что такое «плед» (заметьте, я не произношу *плэд*, как многие), но объясните мне, пожалуйста, что такое «маргаритки» и что такое «колли»?

Затем Мастер Ян переходит к обсуждению иных тем. Это может быть национальная проблема, или положение дел в России, или какой-нибудь поступок доктора Малана, или цитата из фельдмаршала Смэтса, или в конце концов будущее Южной Африки. Но о чем бы ни говорил этот человек, я слушаю его с неослабевающим интересом. Он так много всего знает и так хорошо излагает свои мысли!

Как-то раз он сказал:

— В пору, когда я был еще совсем маленьким мальчиком, все боялись, что буры начинают забывать родной язык. Затем — простите мне маленькую шутку — доктор Джеймсон дал нам хорошего пинка, и событие это (само по себе печальное) сослужило добрую службу языку африкаанс — стало, так сказать, начальным посылом к его возрождению. Это, пожалуй, всем известно. Но есть кое-что, о чем европейцы не догадываются, впрочем, как и многие южноафриканцы английского происхождения. Дело в том, что в последние сорок лет африкаанс развивался так быстро, что уже вполне может конкурировать с английским языком в качестве средства выражения мыслей. Мне так жаль, что вы не понимаете африкаанс, все мои истории звучат гораздо лучше на этом языке. Он более прямой и рационализированный, что ли... В некотором смысле он похож на американский английский.

Вот вы мне скажите, что известно европейцам о языке простых и грубых буров? Ничего! А я не исключаю, что когда-нибудь африкаанс будут изучать в

европейских университетах. *Ex Africa!*.. Должен сказать, что нынешний африкаанс очень сильно отличается от *тааля* — того диалекта, на котором раньше говорили сельские буры. Примерно так же, как современный английский от языка Чосера. На мой взгляд, то, что произошло на наших глазах с африкаанс — как он вырос, окреп и превратился в первоклассный литературный язык, — самое интересное событие в истории Южной Африки. В процессе своего развития африкаанс поглощал все литературные витамины, какие только существовали в мире. Отсюда и такой бурный рост: за какие-то пятьдесят лет африкаанс проделал путь, для которого английскому языку потребовалось много столетий. Правда, сейчас и времена другие! Если английский ехал на бычьей повозке, то африкаанс несется на воздушном лайнере!

Наш язык, как губка, впитывал то, что создавалось другими народами. В его идиомах отражены все лучшие мысли английской, голландской и немецкой литературы. Причем африкаанс не просто накапливал чужие богатства, но и творчески их перерабатывал — излагал более простым языком и, тем самым, способствовал популяризации. Чтобы пояснить свою мысль, я, с вашего позволения, прибегну к образному сравнению. Скажем так: африкаанс взял прямую ветвь знаний, отсек от нее все лишнее — торчащие корни, боковые побеги; то, что осталось, очистил от коры, ошкурил, отполировал и получил отличный, очень удобный для использования посох. Надеюсь, мне удалось донести до вас свою мысль. Вы спросите, есть ли поэтика в нашем языке? О да... Послушайте хотя бы «Равнины» Яна Селлье, нашего величайшего поэта.

Ek slaap in die rus van die eeuwe gesus,
Ongesien, ongehoor,
En dof en loom in my sonnerdroom
Ongewek, ongestoor... [3]

Ну разве не прекрасно звучит! И скажите, размер стиха не напоминает вам «Облако» Шелли? Но что это я так разболтался?.. Кофе у нас с вами кончился, придется идти на *камбуз*!

Однако по дороге Мастер Ян останавливается и говорит:

— Вот тоже интересное слово! Как известно, мы, голландцы — нация моряков. Приплыв в Африку мы, так сказать, повернулись спиной к морю и превратились в фермеров. Но тем не менее до сих пор называем свои кухни словечком «камбуз», каким пользовались в семнадцатом веке на кораблях Голландской Ост-Индской компании! И это не единственное выражение, доставшееся нам в наследство от мореходного прошлого. Например, если что-то особо удастся — танец какой-нибудь или вечеринка, — то мы говорим: «*Гуд афгелуп!*», что в переводе означает «хорошо пошел!» В оригинале это звучало как «*гуд ван стапел луп*», то есть «хорошо пошел со стапелей» — выражение из лексикона голландских корабелов. Естественно, для здешних фермеров слово «стапеля» утратило значение, а потому исчезло из оборота. Вот и получилась усеченная фраза. Ну, ладно, довольно разговоров. Пойдемте-ка лучше на кухню, попробуем разжиться кофе...

Кухня в этот ранний час, когда Ян шлепает по дому босиком, представляет собой интересное зрелище. Пухлая чернокожая матрона разводит огонь в печи. Скоро здесь всюду будет кипеть чайник. Две-три молодые девушки басуто сидят на полу в ожидании хозяйки. С появлением миссис Бруин вся сцена оживет и придет в движение. Пока же мы спокойно наливаем себе кофе и выходим на веранду. Нет ничего приятнее, чем сидеть на солнышке с чашечкой кофе и наблюдать, как просыпается жизнь на ферме и в вельде.

Если говорить о повседневной жизни в Свободном государстве, то главными ее достопримечательностями являются *ступ* (или веранда) и ворота. Сначала давайте поговорим о веранде. Голландцы любили строить в старину высокие дома — так, чтобы к входной двери вела длинная каменная лестница. На самом верху ее делалась небольшая площадка, а на ней обязательно устанавливали скамеечку. Так приятно сидеть на крылечке своего дома и смотреть на проплывающие по каналам корабли и баржи. Перебравшись в Южную Африку, голландцы прихватили с собой и любимую скамеечку. Позже она отправилась вместе с бурами в долгий трек по диким степям и стала неотъемлемой частью быта. И хотя фермы здесь в основном одноэтажные и длинных лестниц (*ступс*) не осталось и в помине, но вот место, где можно посидеть в сумерках, по-прежнему называется *ступ*. С небольшой поправкой: теперь это название распространилось на все огороженное пространство вдоль бурского дома — то, что мы обычно называем верандой.

Приехав на южноафриканскую ферму, надо первым делом выяснить, где именно на *ступе* располагаются любимые места хозяина и его супруги. Поверьте, это совсем несложно, но очень, очень важно! И следующее, что надо запомнить: никогда, ни при каких обстоятельствах (даже если сами хозяева будут вас сердечно просить) не садитесь на эти места! Для бура его место на *ступе* в той же мере священно, как для англичанина любимое кресло возле камина. И со стороны гостя будет настоящим святотатством, если он посягнет на этот трон на веранде.

Южноафриканский *ступ* можно уподобить юту военного корабля. Это место, принадлежащее капитану

и его помощнику: здесь они проводят основную массу времени, здесь же принимают посетителей, когда таковые случаются на судне. А еще *ступ* можно с полным правом назвать своеобразным сельским парламентом: именно на веранде бурского дома собираются, чтобы обсудить последние новости и принять решения по животрепещущим вопросам. И на каждом южноафриканском *ступе* (а особенно это справедливо в отношении Свободного государства) обязательно присутствует местный политик.

Сидение на веранде (то есть *ступинг*) стало уже профессией, едва ли не призванием. И я прекрасно понимаю южноафриканцев, ибо чарам *ступа* очень трудно противиться. Коли вы обзавелись собственным местечком на веранде, то будете возвращаться туда снова и снова. Это все равно что валяться целый день в постели — осознаешь бессцельность такого времяпрепровождения, но ничего с собой поделать не можешь. Стоит только выйти на веранду, и кто-нибудь обязательно предложит чашечку кофе. И вот вы уже сидите в теничке, смотрите на залитый солнцем двор и не испытываете никакого желания покинуть удобное прохладное кресло («Что? Еще одну чашечку? Конечно, с удовольствием»).

Теперь несколько слов о воротах. Нигде (за исключением, может быть, Ирландии) я не видел такого количества разнообразных ворот, как в Свободном государстве. Попробуйте свернуть с главной дороги, и через каждые сто ярдов вам придется останавливаться, дабы сначала открыть, а затем закрыть очередные ворота. Что характерно, все они различной конструкции! Бывают ворота, связанные железной цепью — над ними бьешься, как над запутанной головоломкой. Одни ворота открываются внутрь, другие, наоборот, наружу. Некоторые из них распахиваются от малейшего толчка, но попадаются и упрямые экземпляры, которые надо

растаскивать вручную, оставляя глубокую борозду в земле. А еще бывают агрессивные ворота, которые толкают и пихают вас в ответ. Они так и называются — *бексландер хек*, что приблизительно переводится как «ворота получи-ка-в-зубы».

Как человек, немало поездивший по отдаленным уголкам Южной Африки, могу с уверенностью утверждать: если у вас в кармане завалялся пенни, нет лучшего способа его потратить, нежели бросить кому-либо из босоногих негритят, которые иногда (но, увы, далеко не всегда!) специально дежурят возле ворот в надежде услужить проезжему автомобилисту.

И еще один полезный совет иностранцам. Оказавшись в южноафриканском вельде, избегайте хвастаться своим умением стрелять из ружья. Вас наверняка попросят продемонстрировать это искусство. Дело в том, что буры глубоко веруют — и убежденность эта сформировалась в стародавние времена, еще до англо-бурской войны, — будто ни один англичанин не способен метко стрелять. Разуверять их бесполезно. Поверьте, выйдет себе дороже! Вам дадут винтовку 22-го калибра и отправят гулять по вельду — пока вы не подстрелите цесарку.

Со стороны может показаться, что нет ничего проще. Все равно что выйти во двор птичника и подстрелить парочку индеек. Но если вы попытаетесь реализовать свой план на практике, то очень скоро убедитесь: это безнадежная затея! Птица, которая представляется безоружному человеку такой крупной и неуклюжей, немедленно превращается в практически неуловимую цель, стоит взять в руки винтовку. Цесарки живут в вельде большими стаями и, едва завидев человека с ружьем в руках, в тот же миг исчезают (попросту растворяются!) в ближайших зарослях маиса или любом другом клочке растительности. Причем речь идет не о паническом, беспорядочном бегстве. Нет, вся стая

отстывает в результате отлично скоординированного маневра — на редкость плавного и стремительного, почти неуловимого для человеческого глаза. Что удивительно, птицы эти отлично знают диапазон дальности винтовки и дробовика.

Если вы возьмете с собой на охоту собаку или мальчишку-помощника, то получите тот же самый результат, только еще быстрее. Цесарки вычисляют, в каком направлении вы намереваетесь стрелять, и затем ринутся в строго противоположную сторону. Стремительная волна неуловимых капелек ртути — вот какое сравнение приходит мне в голову, когда я смотрю на стаю улетающих цесарок.

10

Мы с Яном посетили множество соседних ферм. По нашим европейским меркам все они кажутся просто огромными. В дополнение к обычным стадам и отарам многие фермеры держат таких диких животных, как спрингбоки, лиророгие бубалы и антилопы гну. В одном месте я даже увидел небольшое стадо ланей.

Бурский фермер во многих отношениях похож на английского землевладельца восемнадцатого века, и претензии к нему предъявляются те же самые. Здесь по-прежнему царит потомственный принцип владения: многие фермы переходят от отцов к сыновьям, а от тех к внукам. Однако мне доводилось слышать жалобы на то, что современная молодежь не желает жить в вельде и уезжает в большие города.

— То, что было хорошо для моего отца и меня самого, почему-то не подходит моим сыновьям! — ворчал пожилой фермер. — Нынешние молодые люди хотят жить в городах и делать денежки более легким способом.

— Он прав, — подтвердил Ян. — Такого раньше в Южной Африке не было. Сейчас происходит новый трек — молодежь бежит с земли в промышленность, бизнес, коммерцию.

— Я надеялся, что сыновья унаследуют мою ферму, — продолжал жаловаться фермер, — но они не проявили к тому склонности. Один из них государственный чиновник в Претории, у другого швейный бизнес в Порт-Элизабете. Старые идеалы оказались на свалке!

— Ну и правильно! — заявил Ян. — Мы, буры, не должны отставать от жизни и во всем подражать нашим дедам!

Рядом с каждой фермой можно увидеть маленькую деревню басуто, где проживают сельские рабочие вместе со своими женами, детьми, курами, утками и стадами. Я заглядывал во многие хижины, точные копии тех, что мне попадались в Басутоленде. Помимо ежемесячной платы, чернокожих работников обеспечивают бесплатным жильем и топливом; им выделяют участок земли под огород и посадки маиса. Многие фермеры разрешают басуто пользоваться своими племенными животными. Десятник чернокожих имеет собственную лошадь и двуколку. В общем и целом мне показалось, что живется им совсем неплохо. Что же касается взаимоотношений между нанимателя и рабочими, то я бы определил их как отношения белого хозяина и старых семейных слуг.

Меня удивило отсутствие ездовых лошадей на фермах. Вернее, лошадей-то много (я даже видел, как из вельда приходили дикие жеребчики, привлеченные запахом ручных кобыл), но ездили на них только чернокожие.

— Я думал, что у вас тут лошади на каждом шагу, — признался я Яну. — Что случилось со знаменитыми бурскими пони?

— Случился автомобиль, — с улыбкой ответил он. — Нынешние молодые люди не желают ездить верхом. Они все обзавелись машинами и теперь всюду, даже на короткие расстояния, ездят в них. Между нами говоря, если бы сейчас пришлось собирать новые команды, они наверняка оказались бы механизированными!

И еще об одном бурском обычае, который, к сожалению, почти полностью изжил себя. Мне рассказывали, что теперь лишь в самых отдаленных уголках вельда (да и то в беднейших семьях) сохранилась милая традиция *опсит-керс*, то есть посиделок при свечах. Раньше ведь как бывало... Если молодой человек хотел посвататься к девушке, он надевал выходной костюм, садился верхом на коня и отправлялся наносить визит своей избраннице. Внешность юноши — приглаженные волосы, чисто выбритые щеки и лучшие воскресные одежды — достаточно красноречиво говорила о цели посещения. И тогда вся семья удалялась, оставляя молодых людей посидеть при свечах и побеседовать наедине. Если парень нравился девушке, она зажигала длинную свечу и разговор получался долгим — до тех пор, пока не догорит свеча. В противном случае свечка оказывалась короткой, и незадачливый жених понимал, что шансы его невелики.

Интересно, откуда взялся этот обычай? Я спрашивал у голландцев, но они уверили меня, что не слышали о таком. Д. Дж. Ван дер Вен в своей работе, посвященной обрядности голландских крестьян, тоже ни о чем подобном не пишет. Поэтому я был удивлен, обнаружив в книге Э. В. Лукаса «Странник в Голландии» следующий пассаж: «Если молодой человек намеревается посвататься к девушке, он сначала обращается к ее родителям. Если те благосклонно отнеслись к его намерениям, они приглашали юношу провести вечер с их дочерью. Старшее поколение благоразумно удалялось

спать и предоставляло молодежи самостоятельно выяснять отношения. Молодой человек приносил с собой пирог (не обязательно имбирный, годился любой), который и выставлял на стол — со словами или без. Если жених глянулся девушке, она клала в камин большой брикет торфа, и парень понимал, что все идет хорошо. Пирог разрезали на части, и встреча проходила в самой романтической обстановке. Однако если в камин ничего не подкладывали, юноша понимал, что ему здесь не рады. Тогда он забирал пирог и возвращался домой».

Согласитесь, все это очень напоминает бурский обычай, о котором я рассказывал.

— В наши дни, — вздохнул Ян, — прогулки на автомобиле и биоскоп заменили старый добрый *опситкерс*.

Как ни грустно признавать, но это действительно так, по крайней мере среди достаточно обеспеченных буров.

11

Раннее летнее утро. За окном раскинулись безбрежные степи Свободного государства; откуда-то издали доносится монотонное «ку-ку, ку-ку»; рыжие коровы бредут на выпас в открытый вельд, за каждой тянется по-утреннему длинная тень.

Трава мокрая от обильной росы, ящерицы уже заняли места на порогах норок, ласточки мельтешат над ручьем — ловко пролетают под мостиком и снова взмывают в воздух. Первоочередная задача каждого дня — выгнать быков из крааля, куда их запирают на ночь, и впрячь в плуги. Чернокожие мальчишки-погонщики отворяют ворота крааля и зовут наперебой: «Вурман! Вурман!» и «Асвул!» Услышав свои имена, два крупных быка выдвигаются вперед из общей рыже-коричневой

массы. Их бархатные свисающие подгрудки раскачиваются в такт шагам. Быки медленно бредут к плугам.

Южноафриканские плуги с большими бороздными колесами уже стоят наготове, перед каждым из них лежат вытянутые в длину цепи и ярма. В каждый из плугов запрягается связка из четырнадцати быков, следовательно, всего потребуется восемьдесят четыре животных — целое стадо.

Быки знают, чего от них ждут. Более того, животные, которые старше и опытнее, даже знают свое место в упряжках. Я наблюдал за тем, как они себя ведут. Одни с готовностью шагают к рабочему месту, другие ленятся и тянут до последнего, пока погонщики криками «Хой! Хой! Хой!» не поднимут их с места. Короче, обстановка не сильно отличается от той, что обычно царит в человеческих коллективах. Когда последняя связка из четырнадцати быков занимает место возле плуга, мальчишки начинают выстраивать их в соответствии с ролью, которую животное играет в упряжке. Теперь быки стоят попарно — хвостами к плугу, глядя в затылок друг другу. Можно запрягать! Вначале погонщики проходят вдоль упряжки и прикрепляют сыромятный ремень (*рим*) ко лбу каждого правого быка. Затем вдвоем поднимают деревянное ярмо и кладут на шею первой пары — так, чтобы оно удобно помещалось на загривке, или *скофе*, животных. Теперь надо взять *рим*, свободно свисающий с головы правого быка, и прикрепить к рогам левого напарника. И так проделывается семь раз, пока вся команда из четырнадцати животных не окажется запряженной. Только после этого плуг готов к работе.

На первый взгляд кажется удивительным: столько могучих животных требуется, чтобы тащить один маленький плуг! Но дело в том, что летняя засуха скверно сказалась на вельде — земля стала твердой, как

камень. Чернокожие погонщики проявляют чудеса расторопности: они бегают туда-сюда, окликая каждое животное по имени, и ловко проделывают привычную работу — прикрепляют *римы*, устанавливают ярма, поправляют всю упряжь в целом.

У каждого быка есть свое имя, на которое он откликается. Вот они стоят попарно: Стормберг и Асвул; Красавчик и Аппель; Комендант и Солдат; Понтак и Синквас; Вапад и Вигман; Вурман и Карпендер; Вулбард и Свитвельд. Пахарь окидывает последним взглядом упряжку и поднимает с земли длинный кнут. Он на мгновение отклоняется назад, и в воздухе раздается свистящий звук, затем звонкое щелканье.

— Ком! Ком! Ком! — это означает «Пошел!»

Цепи, которые до того свободно провисали, натягиваются; рыжие лобастые головы склоняются к земле; вся упряжка разворачивается влево (быки задевают рогами друг друга, и раздается сухое костяное постукивание — будто шаловливый мальчишка на бегу ведет палкой вдоль ровного штакетника); плуг трогается с места. На фоне упряжки из четырнадцати африкандеров он выглядит смехотворно маленьким и легким.

— Трой! Трой! Трой! — кричит пахарь.

Плуг начинает прокладывать борозду, и видно, что это нелегкое дело. На несколько томительных мгновений лемех застревает в твердой земле. Плуг уже не кажется легкой игрушкой. Напротив, судя по тому, как напрягаются могучие быки, можно подумать, что в нем нескольких тонн веса. Медленно тянется борозда через все поле, в прозрачном утреннем воздухе далеко разносится щелканье кнута и звонкие крики мальчишек:

— Трек, Вигман! Трек! трек! трек!.. Понтак, Понтак! Трек... трек... трек!..

Вот и второй плуг сдвинулся с места, а за ним следующий, и еще один — пока все восемьдесят четыре

быка не приступят к работе. Широко расставленные рога на ходу задевают друг о друга — щелк! щелк! — вверх поднимаются клубы красноватой пыли, и над всем этим разносятся звонкие крики погонщиков:

— Трек... трек... Краса-а-вчик!.. Трек!

Я возвращался на ферму, и на подступах к холму меня накрыло облако соблазнительных ароматов: свежесвеженные булочки, яичница с беконом, кофе...

12

И теперь настало время поговорить об южноафриканской еде.

Как я уже неоднократно отмечал, высокое и благородное искусство кулинарии высоко ценится в Южной Африке, и всякая женщина старается превзойти саму себя на кухне. Страна эта является родиной некоторых замечательных блюд, и я считаю, что каждый путешественник просто обязан их попробовать. В самом деле, кто же поверит, что вы побывали в Южной Африке, если вы не в состоянии поддержать разговор на такие темы, как *боботи*, *бильтонг*, *сосатис*, *мелктерт* или *мебос* (хотя последний уже сродни экзотике).

Начнем с *боботи*. Эта восхитительная запеканка готовится из рубленого мяса и сушеных абрикосов, особый вкус ей придают приправа карри и лавровый лист. Считается, что название блюда взято из малайского языка. Вполне возможно, ибо рецепт боботи привезли с собой малайские рабы, и в нем сильно ощущается восточное влияние.

Бильтонг — кусочки вяленого мяса, обычно их подают с тостами или просто с хлебом. В качестве основы годится любое мясо — говядина, баранина, оленина или даже мясо страуса. Я пробовал *бильтонг*, приготовленный из говядины, баранины, мяса куду и

спрингбока, и вне всякого сомнения, отдал бы пальму первенства спрингбоку. Как и все жены фермеров, миссис Бруин ежегодно готовит *бильтонг*. К сожалению, мне не удалось по достоинству оценить ее мастерство, поскольку я приехал в неподходящий сезон (обычно *бильтонг* готовят в июле, когда нет надоедливых мух).

Но я все равно поинтересовался рецептом приготовления. Итак, берут мясо и нарезают тонкими полосками, затем натирают смесью крупной соли и желтого сахара. Обработанное таким образом мясо складывают в эмалированную посуду (ни в коем случае не в оцинкованную!) и оставляют на 24–28 часов, в зависимости от толщины кусочков. По истечении этого времени мясо достают, протирают хлопчатобумажной салфеткой, смоченной в уксусе, и вывешивают где-нибудь во дворе под навесом — чтобы оградить от прямых солнечных лучей. Висит оно там до тех пор, пока каждый кусочек не высохнет и не провялится. Должным образом приготовленный *бильтонг* может храниться сколь угодно долго.

Сосатис — еще одно малайское слово! — очень вкусное и популярное в Южной Африке блюдо. По сути оно представляет собой местную разновидность шашлыка. В простейшем случае берутся отбивные котлетки из баранины или телятины, обваливаются в сухом карри и жарятся на шампурах над открытым огнем. Если же вы хотите приготовить *сосатис* по всем правилам, то придется предварительно вымачивать кусочки баранины или свинины в уксусе и вине, обваливать в приправе из кориандра, перца, кукурмы и тамаринда и лишь затем жарить на шампурах. По сути это более изысканная вариация кебаба — широко распространенного на Ближнем Востоке блюда, которое в Турции продается на всех железнодорожных станциях.

Мелктерт представляет собой великолепный пирог с кастардом, ароматизированный миндальной эссенцией.

Обычно он готовится из слоеного теста, и ниже я привожу рецепт такого теста. Возьмите фунт муки, смешайте с фунтом масла, добавьте соли, стакан бренди и стакан воды; дальше поступайте, как обычно: складывайте и раскатывайте.

Мебос — не совсем обычное блюдо. Оно тоже наверняка пришло на Кап с Дальнего Востока. Некоторые полагают, что слово «мебос» происходит от арабского «муш-муш», то есть абрикос. Хотя мне более вероятной видится версия, согласно которой название блюда связывают с японским словом «умебоси», обозначающим консервированные сливы. *Мебос* готовят из спелых абрикосов: фрукты высушивают, солят, а затем засахаривают. В результате они приобретают весьма специфически вкус — тот самый «сладко-соленый», который так любят китайцы. Выходцы из Китая рассказывали мне, что там очень популярны сливы, приготовленные тем же способом, что и *мебос*. Для меня это служит лишним доказательством того, что сей необычный цукат был завезен в Южную Африку моряками Ост-Индской компании из Китая и Японии.

Жарким декабрьским утром я попрощался с моими друзьями из Свободного государства.

— Я знаю, что вы никогда больше сюда не вернетесь, — сказал Ян, — и тем не менее, *ТОТ СИИНЗ!*

Мы обменялись крепким рукопожатием. Остановившись возле первых по счету ворот, я оглянулся и бросил взгляд на дом. Ян по-прежнему стоял на своем *ступе* и махал рукой. Этот жест стал мне добрым напутствием в путешествии по прекрасной и такой непростой стране.

Тем временем дело шло к Рождеству. Солнце с каждым днем становилось все жарче, все больше георгинов и петуний распускалось в садах. Обстановка, прямо скажем, мало располагала к празднованию Рождества. И — словно для того, чтобы подчеркнуть неуместность сугубо зимнего праздника — в Южной Африке настала пора урожая. Прилавки магазинов буквально ломились от разнообразных фруктов. Здесь были горами навалены спелые персики, сливы, ананасы, дыни, манго, бананы, абрикосы, а также инжир и клубника.

Неудивительно, что меня охватила мучительная и неотвязная тоска по дому. Днем я еще как-то с нею справлялся, но по ночам она набрасывалась на меня с удвоенной силой. Я лежал, прислушиваясь к стрекоту цикад в саду, вспоминал холодные английские рассветы и страстно мечтал оказаться на родине. Там наверняка уже по ночам подмораживает, и, выйдя поутру, вы видите поверхность озера, схваченную тонким ледком. Деревья стоят голыми. По вечерам грачи мечутся на фоне серого ненастного неба, и знающие люди говорят: «Вот увидите, на Рождество выпадет снег».

Казалось очень странным встречать Рождество в летнем саду...

Потчештрум является старейшим городом Трансвааля, в чьем названии увековечена память о суровом старом вуртреккере по имени Хендрик Потгитер. Это небольшой живописный городок, окраины которого утопают в садах, а река Моои несет свои сонные воды под плакучими ивами.

Кроме того, Потчештрум является важным образовательным центром.

Канун Рождества я провел в кругу друзей, в одном очень милом и дружелюбном семействе. Когда я приехал, уже стемнело, но все равно было видно, что дом стоит в окружении цветущего сада. Да и позже,

укладываясь спать, я ощущал цветочные ароматы, вплывавшие в спальню через открытое окно. Ну и, конечно же, на столе стояла ваза с красными розами. Вечер выдался на редкость теплым — я бы сказал, удивительно теплым для кануна Рождества! И мне снова подумалось: а дома сейчас все иначе. Холодные звезды подмигивают с небес; люди осторожно, чтобы не поскользнуться на обледенелых ступеньках, входят в дома и развешивают подарочные носки на столбиках кроватей; а на освещенной улице стоят рождественские хоры — студеной парок изо рта — и расппевают традиционное: «Вести ангельской внемли...»

Что это? Неужели я сплю? Или строчка из рождественского хорала прозвучала наяву: «Вести ангельской внемли...» Ну, конечно, это кто-то из детей включил радио, по которому шла рождественская передача. «Вести ангельской внемли...» из Йоханнесбурга! Уму непостижимо.

Утром я вышел в сад, и мне сразу бросились в глаза ласточки, летавшие на фоне безоблачного летнего неба. Клумбы радовали обилием нарциссов, канн, шток-роз, шалфея, петуний, африканских лилий и французских бархатцев, жасмина и бугенвиллей. Поразительная щедрость для сада в рождественскую пору.

Когда мы направлялись в церковь, на улицах царил торжественная тишина. И я подумал, как похоже на Шотландию: те же самые группы несчастных детей в перчатках; молодые мужчины и женщины в выходных одеждах и старшее поколение, большей частью в строгом черном. Церковные скамьи располагались полукругом вокруг кафедры проповедника. Вот вошли старейшины общины в своих черно-белых одеяниях, затем появился священник в одеянии с белыми лентами. Служба велась на африкаанс. И хотя я не понимал ни слова, но с легкостью мог следить за ходом богослужения, поскольку оно было точной копией

шотландской процедуры. По окончании службы мы зашли в ризницу познакомиться со священником и старейшинами, или, как они здесь называются, *керкраад*. Мне представилась редкая возможность заглянуть за эту ширму из черных сюртуков и белых галстуков. Оказывается, за ней скрывались такие различные жизненные призвания, как солдат, торговец, фермер и прочие.

По возвращении домой нас ждал грандиозный пир. Тот, кто утверждает, что южноафриканское Рождество не имеет ничего общего с английским, очень сильно ошибается. И лучшим доказательством мог бы служить наш праздничный стол. Он был выдержан в совершенно диккенсовских традициях: индейка, свиной рулет, великолепный пирог, сливовый пудинг и мороженое — все сменяло друг друга, причем подавалось в огромных количествах, так что пиршество растянулось на несколько часов. День уже далеко перевалил за середину, когда мы наконец поднялись из-за стола и устало поплелись (я бы даже сказал, поползли, как сытые боа-констрикторы) в соседнюю затененную комнату. Единственное, что мы еще могли, — сидеть в полутьме и слушать неумолчное пение цикад в саду.

Затем по часам наступил ранний вечер, хотя солнце по-прежнему нещадно палило с небосвода. Молодые люди плескались и ныряли в садовом водоеме. После прогулки снова вернулись к столу, ибо подошла очередь обеда. Вскорости спустились жаркие, душные сумерки... Приехали гости, все собрались на *стуге* и обсуждали многочисленные проблемы, волнующие южноафриканскую душу. Африканеры — едва ли не единственные люди, кто не пасует перед нашим обезумевшим миром. Во всяком случае они не боятся брать на себя ответственность за его развитие. И в этом мне видится одно из главных достоинств нации.

«День рождественских подарков» начался со страшного переполоха на улице — оттуда доносились громкие крики и грохот пустых консервных банок. Выглянув на дорогу, мы застали следующую картину: обряженная в самые невообразимые одеяния компания чернокожих мальчишек скакала и дергалась под собственные рукоплескания, перемежавшиеся взрывами веселого смеха. Этот фантастический танец полагалось вознаграждать аплодисментами и мелкими монетками в пенни.

Затем мы отправились в гости на одну из ферм, расположенных в нескольких милях от города. Ее хозяин — веселый добродушный бур, который, подобно многим здешним жителям, принимал участие в англо-бурской войне (и как вы понимаете, не на стороне британцев) — принял нас с распростертыми объятиями. Меня предупредили, чтобы в беседе с африканерами я не касался щекотливой темы, но признаться, у меня и не возникало подобного желания. Во-первых, бесполезно обсуждать с простыми необразованными фермерами причины, породившие ужасную братоубийственную войну, а во-вторых, сами буры становятся чересчур разговорчивыми и могут часами предаваться болезненным воспоминаниям. Однако справедливости ради надо отметить, что они не злопамятны. Я уже и прежде отмечал эту черту у многих бывших солдат (причем независимо от их национальной принадлежности): как правило, при личном контакте они оказываются милейшими людьми и не выказывают злобы к недавним противникам. Странно, что именно гражданские (в особенности же гражданские, которым не довелось услышать ни единого выстрела) оказываются рабами застарелой вражды в нашем мире.

Хочу рассказать еще об одном ветеране, которого встретил в Трансваальской глубинке, в маленьком домике, окруженном деревьями. Доктор Дж. Д. дю Туа сыграл важную (чтобы не сказать решающую) роль в развитии родного языка буров. На момент нашей встречи он был занят поистине титанической работой — переводил на африкаанс Библию. В интеллектуальной жизни Южной Африки доктор дю Туа занимает примерно то же место, какое традиционно отводится Йейтсу и Дугласу Хайду в ирландском возрождении. Мы с ним побеседовали и с горестным вздохом констатировали, что оба не в восторге от современного мира.

Поспешив обратно в Потchefструм, мы успели на прелестную чайную вечеринку, где самыми веселыми гостями оказались пасторы.

— Между Свободным государством и Трансваалем существует некое добродушное соперничество, — рассказывал один из них. — Мы, трансваальцы, потешаемся над соседями, считая их болтливymi хвастунами. На эту тему есть хороший анекдот. Два трансваальца удят рыбу в Ваале, который, как вам известно, является пограничной рекой. И вот один из них разглядывает пойманную рыбку и спрашивает у друга: «Как, по-твоему, эта рыба трансваальская или из Свободного государства?» «Открой ей рот, — советует друг. — Если язык длинный, значит, из Свободного государства».

Позже я услышал еще одну историю. Жил себе в глубине вельда один старый бурский фермер, который очень любил разъезжать на автомобиле, но не умел его чинить. А поскольку тормоза часто отказывали, то он обычно ездил кругами по вельду до тех пор, пока бензин не кончится и машина сама не остановится. И вот однажды в тех краях появился аэроплан. Он с ревом пролетел над домом, описав несколько кругов.

Служанка, чернокожая девчушка, с криком бросилась на кухню к хозяйке: «Миссус, миссус, идите скорее, поглядите, куда забрался наш мастер!»

И вот третья история.

Как-то раз один фермер взял себе в помощники непонятого туземца — тот появился невесть откуда и попросился на работу. Через день хозяин и сам уже был не рад. Туземец и вправду оказался на редкость странным: он в два счета выполнял всю порученную работу, а затем возвращался и требовал нового задания. Фермер пребывал в удивлении — никогда прежде он не встречал таких чернокожих работников. Тот в рекордные сроки переделал всю работу, какая только нашлась на ферме. В конце недели фермер решил, что парню не грех и передохнуть. Поэтому, уезжая по делам, он дал помощнику лишь одно задание. Велел разобрать кучу картофеля: посадочные клубни отложить в одну сторону, а все остальные в другую. Вернувшись в конце дня, он увидел, что работа не сделана, а туземец сидит, тупо уставясь на картофельную кучу.

— Какого черта здесь происходит? — вскричал удивленный фермер.

— Сижу, баас, — отвечал работник. — Боюсь перепутать.

Когда мы вернулись в дом моих знакомых, чернокожие слуги разводили костер во дворе.

— Сегодня вечером у нас будет барбекю! — сообщили мне довольные хозяева.

С наступлением темноты начали прибывать первые гости. Через полчаса лужайка перед домом превратилась в декорации для вечернего приема в саду. Дамы в легких шелковых платьях расположились вместе со своими мужьями и отцами вокруг огня и с удовольствием наблюдали за подготовкой этого любимого южноафриканского развлечения, когда содержимое целой мясной лавки — в виде стейков,

отбивных и прочих конфигураций — жарится на шампурах и на специальной решетке. Очень скоро соблазнительный запах жареного мяса затмил все цветочные ароматы.

Страшно даже подумать, как должен себя чувствовать вегетарианец на подобной вечеринке! Ведь здесь плотоядные инстинкты южноафриканцев достигают апогея. Когда все жарится, шипит и брызгает аппетитным жиром, тут уже не до высокоморальных рассуждений. Вы попросту засучиваете рукава (в прямом и переносном смысле), приближаетесь к огню и, подцепив изрядный кусок мяса, жадно поедаете его без помощи ножа и вилки. Уж не знаю, почему, но мясо, которое держишь просто руками и ешь на свежем воздухе, кажется более вкусным, нежели тот же кусок, сервированный на блюде с гарниром. Во всяком случае могу засвидетельствовать, что мясо, съеденное нами в тот вечер под покровом южной ночи, было выше всяких похвал.

Больше всего на свете южноафриканцы любят выезжать на природу и устраивать там пикники. Возможно, под воздействием воспоминаний о Великом Греке действие это приобретает особое, сакральное значение. Так или иначе, но южноафриканские барбекю надолго остаются в памяти у иностранцев — особенно у тех, кто прибыл из стран с ограниченным потреблением мяса.

Глава десятая

Львы, золото и водопад

Виктория

Я знакоюсь с золотыми приисками Йоханнесбурга и Претории. Я отправляюсь в Северный Трансвааль, в город Барбетон, а затем в Национальный парк Крюгера, где наблюдаю за львами. Я лечу на север, в Булавайо, и посещаю водопад Виктория.

1

В незапамятные времена великая река текла через всю Африку на юг и впадала в огромное озеро. Озеро это располагалось примерно там, где сейчас находится месторождение Витватерсранд. Воды реки переносили с собой крупницы золота, вымытые из горных пород. Они осаждались на дне моря, покрывались слоями грязи, земли и песка, которые со временем превратились в сланцы, кварциты и конгломераты. Затем море пересохло, и дно его, содержащее золотоносные слои, обнажилось. В течение многих столетий оно подвергалось различным геологическим деформациям — то вспучивалось горными хребтами, то вновь опускалось. В результате вождеденный золотой сандвич оказался упрятым в недрах Трансвааля.

— Так-так, — сказала всеведущая Судьба, — предвижу я, что место это может принести в мир множество бед. Припрячу-ка я его от всяких халдеев, вавилонян, финикийцев, египтян, греков и римлян. Пусть пока полежит, отгороженное со всех сторон

морями и горами, а с севера еще и защищенное от непрошеного вторжения злыми москитами...

И надо же было такому случиться, чтобы из всех мест на земле именно это — с богатейшими залежами золота — избрали в качестве пастбища для своих быков бурские фермеры! Ведь, если помните, они затеяли Великий Трек для того, чтобы сбежать от ненавистой цивилизации и укрыться в каком-нибудь тихом, спокойном месте. Вот она, ирония судьбы! Земля Обетованная неожиданно обернулась легендарным Эльдorado, где о покое оставалось лишь мечтать. Ибо здесь, в Трансваале, земные недра разверзлись и выпустили одного из самых беспокойных и могущественных демонов современности — Золото!

Йоханнесбург представляет собой огромный город с шумными улицами и небоскребами, с крупными компаниями и целыми кварталами гостиниц, с трамваями, неоновыми огнями, модными магазинами и тысячами лимузинов, за рулем которых сидят люди без жалости (или без тормозов, что по большому счету одно и то же). В конце многих улиц возвышаются сверкающие на солнце золотые пирамиды. Это отвалы золотых шахт.

Вернее сказать, золотыми они кажутся лишь при определенном освещении. Но и этого хватает детям, чтобы всерьез поверить в утверждение, будто город построен на золотой пыли. Затем солнце зайдет за тучи, лучи его будут падать под другим углом, и золотые пирамиды превратятся в грязно-белые, серые, порой почти голубые. Ранним вечером отвалы эти явственно выделяются на фоне прозрачного неба — видна каждая эрозийная складка на их склонах. Наверное, корнуолльские горняки, которые приехали в Йоханнесбург поколение назад, не раз глядели на них и вспоминали каолиновые отвалы, которые украшают окрестности Сент-Освелла.

Эти отвалы являются визитной карточкой Йоханнесбурга. Они компенсируют недостаток архитектурных достопримечательностей, которым страдает город. Для Йоханнесбурга они играют ту же роль, что и собор Святого Павла для Лондона, Столовая гора для Кейптауна и Акрополь для Афин. Они видны отовсюду и неотвратно притягивают взгляд прохожих, являясь как бы символом города, его настоящим гербом.

Что больше всего удивляет в Йоханнесбурге, так это его молодость, я бы даже сказал, юность. Каких-нибудь шестьдесят лет назад здесь не было ничего, кроме голой безлесной пустыни с кучкой грязных палаток. Еще и сейчас живы люди того поколения, что укладывалось спать под холщовыми навесами. Если зайдете в музей истории страны, расположенный на верхнем этаже Центральной библиотеки, то сможете по фотографиям проследить недолгую историю города. В 1886 году на месте Йоханнесбурга стояло около пятидесяти убогих палаток, три года спустя их количество слегка увеличилось, и к ним добавилось несколько жестяных навесов. На фотографиях тех лет мы видим бычьи повозки на пыльных проселочных дорогах, а рядом с ними толпы мужчин в котелках — это вновь прибывшие шахтеры (судя по всему, женщин в ту пору здесь почти не было). Так выглядел Йоханнесбург шестьдесят лет назад.

Мое внимание привлекли толпы на улицах города. Они в равной степени состояли из белых и чернокожих. Здесь можно увидеть представителей туземных племен, англичан, африканеров, евреев, латинян — и все живут более или менее изолированными сообществами. Эксперимента ради можно зайти подряд в несколько магазинов на улице. В одном вас будет обслуживать шотландец, в другом еврей, в третьем ирландец или грек и так далее. Чернокожий мальчишка продает газеты на улице, а пожилой басуто, чьи предки

наверняка размахивали ассегаями, распахнет перед вами двери гостиничного лифта. Пожалуй, мир не видел более космополитичного города со времен Древнего Рима.

Я взял такси возле Центрального почтамта и попросил водителя повозить меня по городу. Он оказался язвительным англичанином, приехавшим в Африку двадцать лет назад. Всякий раз, как мы останавливались в уличной пробке, водитель оборачивался, чтобы выдать очередную порцию сведений (как правило, мрачного свойства).

— Позавчера здесь случилось убийство, — рассказывал он, указывая на перекресток. — Ужасно, правда? Да, все эти местные. Мы называем их *амалаита*, хулиганы, бандиты. Кстати, не вздумайте вечерами гулять по улицам! Иначе непременно настучат по башке!

В следующую остановку водитель снова обернулся:

— Нецивилизованные — вот как бы я их определил. Вы выдели заметку в газетах о парне с девушкой, которых прошлой ночью убили прямо в их машине? То-то и оно! Я же говорю, это небезопасный город... и с каждым годом все хуже. Если у вас будет время, съездите, взгляните на поселки местных. Сами увидите: нет ничего страшнее, чем оторвавшиеся от своего племени черные. А их здесь тысячи! В этом наша беда...

Через десять минут снова вынужденная остановка.

— Нет вы только посмотрите на них! — проворчал он, презрительно кивая в сторону гуляющей толпы. — Просто рай для белых женщин! И ни одна из них никогда в жизни не работала!

В компании с этим беспощадным критиком я доехал до окраин Йоханнесбурга, которые показались мне даже интереснее, чем сам город. То, что раньше было засушливым, голым вельдом, ныне превратилось в сплошные сады — каждый домик стоял в окружении фруктовых деревьев. Это, так сказать, внутренние

окраины, за ними шли внешние пригороды. А затем маршрутные автобусы покидали пределы города и устремлялись к цепочке городков-спутников. Ничто так красноречиво не свидетельствует об уровне благосостояния Йоханнесбурга, как эти городки. Достаточно заглянуть хотя бы в Хоутон, где фешенебельные виллы оккупировали горные склоны. Все дома чрезвычайно живописные, каждый выдержан в своем стиле — испанском колониальном, капско-голландском, тюдоровском, или том, что мистер Осберт Ланкастер назвал «Бруэрской готикой», — и каждый обладает собственным гаражом, садом и воротами, возле которых вечно прохлаждается пара-тройка чернокожих мальчишек из числа домашних слуг.

— Представляете, сколько стоит такая вилла? — возмущенным тоном спросил мой водитель. — Двадцать тысяч соверенов!

В лучах яркого солнца пригороды Йоханнесбурга напоминали калифорнийское побережье. И я знал наверняка, что за ажурными коваными оградами течет легкая и приятная жизнь. Она подразумевает цветущий кустарник, тенистые перголы, плавательные бассейны с изумрудной водой и целый штат безмолвной чернокожей прислуги в безупречно белых костюмах.

Полагаю, жить в Йоханнесбурге было бы невыносимо, если бы город не располагался на высоте шесть тысяч футов над уровнем моря (то есть на две тысячи выше Бен-Невиса). Однако на такой высоте даже палящее тропическое солнце становится неопасным, или по крайней мере вполне терпимым. Забавно думать, что, когда йоханнесбургские шахтеры спускаются на глубину шесть тысяч футов, они как раз оказываются на уровне Столовой бухты.

Порой на Йоханнесбург налетает неожиданный шторм, и тогда полуденный зной сменяется дождем или даже градом. Градины размером с грецкий орех

способны поранить человека или животное и пробить черепичную крышу. Как-то раз я стал свидетелем подобного катаклизма, и слава богу, что он захватил меня в гостинице, а не на дороге. Глядя на толстый слой льда на моем подоконнике, я с трудом мог поверить, что всего несколько секунд назад наслаждался теплым январским деньком.

Йоханнесбург — один из самых шумных городов на свете. Объясняется это не только большим количеством мощных автомобилей, каждый из которых снабжен пронзительным клаксоном, но и обилием черных жителей.

А эта публика никогда не разговаривает вполголоса. По крайней мере так обстоит дело на улицах Йоханнесбурга: все туземцы говорят, смеются и поют на пределе своих вокальных возможностей. А поскольку большинство отелей располагается в самом центре этого гвалта, то заснуть в Йоханнесбурге не так-то просто. Ближе к полуночи шум на улицах немного стихает, однако в пять утра возобновляется с новой силой и в новой тональности: теперь кажется, будто кто-то забрался на крышу и оттуда швыряет консервными банками прямо в гущу веселящейся толпы. Заинтригованный я выглянул в окно и увидел, что это всего-навсего йоханнесбургские мусорщики опорожняют уличные урны.

2

Вы получите незабываемые впечатления, если проедете шестьдесят миль по Ранду — от преуспевающего Крюгерсдорпа на западе до Спрингса на востоке — и собственными глазами увидите отвалы, надшахтные здания и жилые поселки. Все эти маленькие горняцкие городки образуют как бы золотую

цепь вокруг огромного медальона Йоханнесбурга. Ранд представляет собой единый золотоносный организм и в этом отношении напоминает каменноугольную долину Ронты в Южном Уэльсе.

А ведь шестьдесят с небольшим лет назад — как раз перед тем как здесь нашли золото — Витватерсранд представлял собой пустынную территорию, на которой едва ли насчитывалось десятка полтора ферм. Кучка неисправимых оптимистов бродила по горам и вручную долбила скалы, собирая образцы. Тогда за всю эту землю вместе с фермами никто не дал бы больше десяти тысяч фунтов, и трудно было поверить, что скоро она будет стоить миллионы. В 1886 году здесь нашли золото. Ранд официально объявили золотоносным районом, и тут же из Кимберли понаехали воротилы алмазного бизнеса и начали скупать землю у фермеров. Платили от нескольких тысяч до десятков тысяч фунтов (насколько я знаю, максимальная выплаченная сумма составила семьдесят тысяч фунтов). Но даже если бы платили вдвое больше, то и тогда бы не прогадали, ведь будущие прибыли исчислялись миллионами.

Для примера скажу, что одна из компаний, потратившая двадцать тысяч фунтов на приобретение земли, за первые же пять лет разработки месторождения добыла золота почти на два с половиной миллиона. Известно, что Сесил Родс (который, конечно же, не остался в стороне от подобного мероприятия) ежегодно получал доход в четыреста тысяч фунтов от своих инвестиций в Ранде.

Некоторые из владельцев земли пожелали получить плату в золоте. Рассказывают, будто Родс за раз выложил одному капризному продавцу двадцать тысяч золотых соверенов.

Как пишет мистер Ч. Д. Леруа в своей книге «Первопроходцы и спортсмены Южной Африки», многие из старых фермеров сумели весьма грамотно

распорядиться внезапно свалившимся на них богатством. Например, один из них — почтенный вуртреккер по имени Виллем Принслоо — выручил за свою ферму сто тридцать тысяч фунтов. Он положил денежки в йоханнесбургский банк «Стандард» и жил припеваючи до тех пор, пока не услышал о крахе одного из капских банков. Тогда *оом* Виллем запряг быков в старенький вагон и поехал за семьдесят миль в Йоханнесбург. Здесь Принслоо предстал перед управляющим банком и потребовал вернуть ему деньги. Надо сказать, что роста в нем было шесть футов восемь дюймов, а уж чисто бурского упрямства выше головы. Управляющий и так и сяк пытался его уговорить, но Принслоо оставался непреклонен — он желает получить свои деньги обратно, и точка! В конце концов все состояние упаковали в холщовые мешки по тысяче фунтов каждый, счастливый владелец загрузил их в вагон и повез на ферму.

Принслоо хранил деньги в огромном сундуке. А чтобы обезопаситься от ограбления, установил по всему дому винтовки и тяжелые ружья для охоты на слонов. По воспоминаниям очевидца, однажды к нему заглянул взрослый сын, который как раз собирался ехать в Преторию.

— У тебя достаточно денег? — поинтересовался Принслоо.

— Да, отец.

— Тебе может понадобится больше.

— Нет, отец, я думаю хватит того, что есть.

— Я сказал, тебе может понадобится больше, — проворчал старый фермер, направляясь к заветному сундуку, где хранились сто тридцать тысяч фунтов. Он зачерпнул золотые соверены обеими пригоршнями и, не считая, высыпал их в сумку сына.

Серьезная проблема встала перед Принслоо с наступлением зимы, когда пришло время перегонять

стада в нижний вельд. Не потащишь же с собой полный вагон золота! После долгих и мучительных размышлений Принслоо снова решил воспользоваться услугами банка. Однако хранить деньги обычным образом он наотрез отказался. Вместо того фермер абонировал одно из помещений хранилища (предварительно убедившись, что стены и замки прочные) и поместил туда свои сокровища. Упрямый бур три года аккуратно вносил плату за хранение золота, но сделал все по-своему!

Подумать только, какие удивительные приключения выпали на долю старых фермеров из Ранда! Принслоо был только рад продать свою ферму и отправиться в трек подальше от этих шахт, горняцких поселков, дыма, шума — то есть хаоса, который он ненавидел больше всего на свете. Он уехал в поисках тихого, спокойного места, и куда же, по-вашему, насмешница-судьба привела старого бура? В окрестности нынешней Претории, то есть в самый центр разразившейся «алмазной лихорадки». Именно здесь был найден Куллинан, и здесь же вырос первый алмазный прииск под названием «Премьер»!

3

В Йоханнесбурге скучать не пришлось. Я осмотрел множество интересных заведений, в числе которых замечательный англиканский собор, художественная галерея, здание железнодорожной станции, по виду напоминающее огромную мечеть, и похожее на византийскую базилику здание фондовой биржи. Магистратский суд порадовал меня двумя чудесными фресками Колина Джилла, а городская больница показалась самой большой и современной больницей в мире.

В Витватерсрандском университете мне продемонстрировали португальский крест, возведенный еще в пятнадцатом веке Бартоломеу Диашем. Наверняка это самая древняя европейская реликвия в стране. Крест был найден на Капе, в песчаных дюнах Кваай-Хука. Он оказался расколотым на пять тысяч частей, и его пришлось собирать, как разрезную головоломку. Среди доисторических экспонатов музея я увидел кости, которые, по мнению антропологов, могли принадлежать первому человеку на Земле. Данную точку зрения отстаивает, в частности, профессор Роберт Брум, главный южноафриканский эксперт в области антропологии (родился он, между прочим, в шотландском Пэйсли). Профессор привлек внимание мировой общественности, объявив Африку колыбелью человеческой цивилизации. Рассматривая африканское «недостающее звено», я пришел к выводу, что это было существо с длинным носом и едва наметившимся лбом. Короче, оно вполне могло соревноваться в уродстве со знаменитым Пилтдаунским человеком.

Причудливо выглядит район Йоханнесбурга, облюбованный чернокожими рабочими шахт. Подобно тому, как моряки лондонских доков редко заходят на запад дальше Олдгейт Памп, так и здешние шахтеры избегают показываться на центральных улицах Йоханнесбурга, вполне довольствуясь ближайшими к их жилью кварталами. Субботним вечером здесь можно наблюдать забавную картинку: какой-нибудь молодой африканец, одетый по последней европейской моде (в его понимании!), позирует уличному фотографу на фоне намалеванного на листе картона герцогского дворца.

А самым живописным местом в Йоханнесбурге является так называемый Май-май базар, куда чернокожие рабочие приходят в выходной день сделать необходимые покупки и выпить «кафрского пива» государственного разлива. Это огромная площадь,

запруженная крошечными африканскими лавочками и мастерскими. По виду она напоминает восточный базар, но торговец-банту — в отличие от своих арабских и египетских коллег — проявляет гораздо больше серьезности и достоинства. Как бы ему ни хотелось продать товар, он никогда не станет хватать покупателя за рукав и тянуть к прилавку! Белые сюда обычно не заглядывают, хотя никто им не препятствует. Я на собственном опыте убедился, что можно часами ходить по базару и ни разу не столкнуться с проявлением грубости или враждебности.

Здесь можно встретить представителей всех основных племен банту, прежде виденных мною в национальных резерватах. Некоторое время я развлекался тем, что отыскивал и распознавал знакомые черты. Однако место это примечательно еще и тем, что дает возможность познакомиться с национальными промыслами коренных жителей Африки. Хотя я проехал сотни миль по исконным территориям банту, но лишь на базаре впервые увидел процесс изготовления кожаных, деревянных и металлических поделок. Я заходил в различные мастерские, и везде мне были рады. Чернокожие мастера с радостью и готовностью демонстрировали, как делаются блестящие кожаные пояса с металлическими заклепками, столь любимые парнями с приисков, и расписные деревянные сундучки, в которых те увозят свои пожитки по истечении срока контракта.

В дополнение к торговым рядам на базаре имеется еще Харли-стрит, на которой продается вся южноафриканская фармакопея. Здесь можно купить обезьяньи черепа, кусочки кожи питона и гадюки, зубы бабуина, сушеные тушки лягушек и дикобразов, заячьи лапки, орлиные и страусиные яйца. Местные аптекари — владельцы лавок — выращивают в горшках и

выставляют на продажу наиболее распространенные лечебные травы.

Прогуливаясь по базару, я обнаружил лавочки, где можно приобрести (целиком и в розницу) традиционный костюм воина-зулуса. Там я нашел и воротники из леопардовой шкуры, и килты из обезьяньих хвостов, и подвязки, сплетенные из бычьего волоса. Были даже боевые щиты и миниатюрные ассегаи. Все эти предметы обычно скупают чернокожие рабочие с рудников для своих традиционных плясок, которые по воскресеньям устраивают в общежитиях.

4

Наверное, я не открою секрета, если скажу, что один и тот же город может выглядеть совершенно по-разному в зависимости от вашего образа жизни. Одно дело, когда вы живете в лучшем отеле города и разъезжаете на арендованной машине, и совсем другое — если ежедневно приходится толкаться в подземке, автобусах и трамваях.

Желая расширить кругозор, я провел весьма поучительный вечер с «белыми нищими». Дело происходило в одном из промышленных районов Йоханнесбурга, где контуры города на фоне закатного неба выглядят американской рекламой стали и бетона.

Люди здесь устраиваются, как могут. Одни живут в заброшенных особняках. Эти старые дома с колоннами, со стен которых осыпается штукатурка, когда-то принадлежали преуспевающим банкирам и промышленным магнатам. Другие предпочитают селиться в многоквартирных трущобах, в которых стоит неизбывный запах грязного белья и гниющей капусты. Состояние этих зданий немногим лучше: окна выбиты, а лестничные перила местами сломаны. Светловолосые

дети играют в бетонированных дворах-колодцах и гоняются друг за другом по длинным железным лестницам. Я был немало удивлен, увидев, как из одной такой квартиры вышла чернокожая служанка и стала развешивать на веревках выстиранное белье. Выходит, «белые нищие» не настолько бедны, чтобы отказываться от былых аристократических замашек!

Я долго беседовал с женщиной, которая называла своего отца «солдатом королевы Виктории» — из этого я могу сделать вывод, что он был из англичан. Мать же моей собеседницы происходила из семьи африканеров. Мы сидели при свечах, поскольку электричество в доме отсутствовало. Однако комната выглядела чистой и опрятной (позже выяснилось, что и у этой женщины — при всей ее бедности — есть приходящая служанка). Хозяин семейства трудился на кондитерской фабрике и зарабатывал четыре фунта в неделю. В семье было несколько детей, мальчиков и девочек. Я узнал, что девочкам вообще запрещается выходить из дома после наступления темноты. Мальчики обладали большей свободой, но все равно женщина ужасно беспокоилась за своих сыновей: как бы они ненароком не ввязались в случайную драку с цветными. Она пожаловалась, что те постепенно внедряются в их район.

В остальных семьях я видел примерно то же самое: отчаянная нужда и героические попытки сохранить достоинство. Многие из них весьма саркастически отзывались о Городе Золота. И все не любили черных. По сравнению с этими людьми самые фанатичные негрофобы выглядели благодушными либералами.

Вскорости после того я посетил «черные районы» в Пиммвилле, Орландо и Софиатауне — это маленькие городки, до которых легко можно добраться на электричке. Население их составляют тысячи чернокожих, большая часть из которых появилась уже в послевоенные годы. Поскольку новых домов здесь не

строят, старые буквально трещат по швам. Перенаселенность этих районов достигает угрожающих размеров. Я уже не говорю об ужасающих условиях, в которых вынуждены жить чернокожие. Особенно худо обстоят дела в Шанти-Тауне: здесь люди ютятся в совершенно невообразимых хибарах, кое-как слепленных из жести, картона и тряпок.

В наше время многие политики сетуют на возросший уровень преступности в Ранде. Я думаю, причина кроется в перенаселенности «черных районов» и скверных условиях существования. Это большая проблема для государства, и, к сожалению, не видно, кто бы взялся ее разрешить. В некотором смысле здешние трущобы похожи на аналогичные европейские поселения — то же самое смешение хорошего и дурного, человеческих добродетелей и пороков. Но, увы, между ними существует разница, и весьма важная. Если обитатели европейских трущоб живут все же на родной почве и у них остается хоть какая-то возможность выкарабкаться наверх, то здешние бедолаги как бы провалились меж двух цивилизаций. И ни одна из них не приемлет этих несчастных!

Мне удалось побеседовать со сравнительно образованными африканцами (большой частью это выпускники Лавдейла и других миссионерских школ). Все они жаловались на «цветной барьер»; на пропускную систему, согласно которой чернокожие жители обязаны иметь на руках идентификационную карту (они, кстати, очень удивились, когда я показал им свою карту); на постоянные полицейские облавы и тому подобные притеснения.

Когда я упомянул об этой поездке в разговоре со своими йоханнесбургскими друзьями, те были крайне удивлены. Выяснилось, что никто из них не бывал в «черных районах». По зрелом размышлении я решил, что

ничего странного в этом нет. В конце концов, многие ли обитатели Кенсингтона заглядывают в Степни?

5

Позвольте дать несколько полезных советов на тот случай, если вам когда-либо доведется посетить золотой прииск. Возможно, это убережет вас от пневмонии. Итак, независимо от того, какая погода стоит снаружи, обязательно захватите с собой зимнюю куртку и теплый шарф. Там внизу, конечно же, есть места, где нестерпимо жарко, но также есть и закоулки, в которых царит жуткий холод. Оглядевшись, вы можете заметить у входа в шахту складированные блоки сухого льда. Они ждут своего часа, чтобы отправиться на подземную холодильную установку, расположенную на глубине примерно в милю. Там сквозь них прокачивается воздух, который затем поступает в шахту. Вы неизбежно где-нибудь попадете в такой поток холодного воздуха. Он обрушивается с ошеломляющей силой и внезапностью — именно тогда, когда вы меньше всего этого ожидаете.

По прибытии на шахту вы прежде всего подписываете стандартное уведомление о том, что спускаетесь вниз на свой страх и риск и что администрация не несет никакой ответственности за те неприятности, которые могут с вами произойти. Затем вас проводят в раздевалку, где вы получите рабочий комбинезон цвета хаки, специальную тряпку для защиты шеи и ацетиленовую лампу. Теперь вы готовы спускаться в забой.

Первый из лифтов доставляет на глубину четырех тысяч футов. Происходит это чрезвычайно быстро: за несколько секунд вы преодолеваете девятьсот футов. Я помню, что зашел в железную клетку вместе со своими проводниками и несколькими зулусами в полицейской

форме, а дальше мы просто упали, канули в темноту. Когда клеть остановилась, мы вышли в подземную пещеру, хорошо освещенную, с белеными стенами. Там уже находилась группа чернокожих рабочих, ожидавших подъема на поверхность. Они терпеливо сидели на корточках — как это делают шахтеры во всем мире, — на черных лицах сверкали крепкие белоснежные зубы и яркие белки глаз. Я разглядел среди них представителей различных племен — басуто, бака из Грикваленда, мачопи из Португальской Восточной Африки, мзингили из Северного Зулуленда, пондо, мужчин из Сискея и Транскея. Независимо от своей национальности все рабочие производили впечатление покладистых роботов. Большинство из них были молоды и в хорошем физическом состоянии, мышцы под темной кожей так и перекатывались.

Второй лифт спустил нас еще на семь тысяч триста футов. По пути мы миновали уровень Столовой бухты, ибо, как известно, Йоханнесбург лежит на высоте шесть тысяч футов над уровнем моря. Здесь располагалась точно такая же белая пещера, от которой отходило несколько туннелей. На этом уровне было ощутимо теплее, и уже работала система охлаждения: я слышал, как вращались огромные лопасти вентиляторов, нагнетавшие холодный воздух. Таким образом, во время прогулки по туннелю мы попеременно попадали то в зону тропиков, то в зону арктических температур. Затем настала самая неприятная часть экскурсии — спуск на дно шахты. Для этого предусматривалась стальная труба с наклонными поручнями.

Я сжался по возможности в комочек и заполз внутрь. По мере того, как все новые люди протискивались в трубу, там становилось тесно. Я почувствовал чей-то ботинок на своем затылке. Наконец последний забравшийся захлопнул крышку, и наша труба с грохотом и лязгом полетела вниз, в жаркие недра земли.

Выйдя наружу, мы оказались на глубине восемь с половиной тысяч футов. Далее последовала долгая прогулка по туннелям (здесь они называются штреками), которые вели к рудной жиле. Вот теперь стало по-настоящему жарко.

В некоторый момент откуда-то спереди донесся предупреждающий крик — я сразу же вспомнил угольные шахты в Уэльсе, — и мимо нас прогрохотал небольшой состав из вагонеток, груженных рудой. Если не считать адской жары, то все здесь — и общая обстановка, и метод транспортировки руды — напоминало мне долину Ронты. В забое (или заходке, как здесь говорят) мы получили возможность увидеть глубинное нутро Йоханнесбурга — то самое, которое приносит прибыли и кормит весь город. Два белых шахтера внимательно изучали леса, поддерживавшие мощный пласт скальной породы, а целая команда чернокожих рабочих при помощи пневмомолотков дробила скалу и забрасывала отколотые куски породы в вагонетки. Отсюда руда поедет на камнедробильный завод, расположенный на поверхности земли.

Мне рассказали, что у двоих членов бригады контракт уже заканчивается, и через несколько дней они вернутся в Транскей. Они выглядели вполне здоровыми и веселыми. Я бывал в Транскее, видел тамошние деревни, поэтому воочию мог себе представить, как эти парни — обряженные в городские одежды, с кожаными поясами — гордо прохаживаются по деревенской площади и расписывают сельским красавицам свои похождения в городе «Голди».

Учитывая тот факт, что вся экономика Южной Африки основана на золоте, а уровень жизни ее граждан определяется уровнем добычи золота, эта картина — чернокожие банту, в поте лица добывающие золотую руду, — может считаться самым важным и значительным зрелищем в Союзе. Ведь все, что мы

видим наверху — автобусы и трамваи, блестящие автомобили и дорогие магазины на Элофф-стрит, великолепные пригороды и огромные особняки на Хоутон-Ридж, — напрямую зависит от готовности неизвестных банту на полгода расстаться с солнцем и спуститься в темные недра земли, чтобы упорно трудиться и заработать денег на новую жену.

Какой разительный контраст представляют собой различные периоды жизни банту: большую часть времени мужчины проводят в полной праздности (напомню, что практически вся работа в деревне выполняется женщинами), зато несколько месяцев в году они трудятся, как проклятые, на золотых приисках Йоханнесбурга. Рассказывают, будто один из первых девизов голландцев, который усвоили готтентоты, звучал следующим образом: «Не соберешь дров — не получишь обеда». Можно сказать, что в современной жизни банту действует тот же принцип: «Не накопишь золота — не получишь жену».

И еще мне пришло в голову: если вспомнить, как развивалась в девятнадцатом веке английская угольная промышленность, какое ужасное зрелище представляли собой горняцкие деревни Южного Уэльса и Ланкашира, придется признать, что Южная Африка гораздо цивилизованнее проходит аналогичный этап экономического развития. В рамках утвердившейся системы сезонного труда горнодобывающие компании проявляют отменную заботу о своих чернокожих рабочих. Они обеспечивают их жильем, питанием и медицинским уходом. Они оплачивают их труд — может, не так высоко, как оплачивали бы белых шахтеров, но тем не менее вполне достаточно, чтобы ежегодно привлекать все новые армии добровольцев. Глядя на чернокожих рабочих в забое, я вспоминал, какое жалкое зрелище представляли их соплеменники в Пиммвилле и Софиатауне — оторванные от своего племени и

заброшенные на землю белых, они вели бесцельное и бессмысленное существование. Хвала Господу, подумалось мне, что хоть эти черные парни вернуться в родные деревни и не будут страдать от процесса разложения традиционно-племенного африканского общества.

Тем временем стало нестерпимо жарко. Пот катился с нас градом, как если бы мы находились в турецкой бане. Одинаковые ручейки пота сбегали по белым и по черным лицам. Наши рабочие комбинезоны промокли и липли к телу. В подобном состоянии я был решительно неспособен воспринимать тот поток сведений, который обрушил на меня мой экскурсовод. Вместо того я думал, что женщины банту должны чувствовать себя польщенными. Ведь ни в каком другом народе мужчинам не приходится так тяжело трудиться, чтобы завоевать женщину! А еще я думал о том, что золото, чей блеск имеет неотразимую власть над человечеством, на стадии добычи выглядит куда менее привлекательно, чем тот же каменный уголь. Во всяком случае кусочек угля блестит куда ярче, нежели здешняя рудная жила.

Я попытался выяснить у двоих «отпускников», много ли они скопили денег и хотят ли поскорее вернуться домой. Напрасный труд! С таким же успехом я мог бы добиваться четкого и ясного ответа от Дельфийского оракула. Все, что мне удалось услышать, сводилось к привычному: «Да, баас!»

Лишь поднявшись на поверхность и перейдя на очистительный завод, я наконец сумел впервые за этот день увидеть блеск золота. Мне показали (и даже дали подержать) золотой кирпич! Формой и размерами он напоминал обычный кирпич, но был необыкновенно тяжелым и стоил семь с половиной тысяч фунтов.

Я удивился, узнав, какое ничтожное количество золота содержится в тонне руды. Возьмите тонну скального грунта, перемелите ее в порошок, промойте

над наклонной ребристой поверхностью, соберите остаток и поместите в специальные резервуары, отправьте на очистку; то немногое, что останется, подвергните химическому воздействию — и вот тогда вы наконец получите вожаденное золото. От целой тонны руды останется кусочек, чуть меньше брючной пуговицы! А чтобы выплавить такой кирпич, какой я видел, требуется приблизительно три тысячи семьсот тонн золотоносной породы.

Каждое воскресенье в одном из лагерей проводятся национальные танцы. Меня пригласили посетить подобное мероприятие на шахте «Консолидейтид мэйн риф». День выдался жарким, и ослепительные лучи солнца заливали каменную арену, спроектированную управляющим шахты и построенную силами чернокожих рабочих. Места для зрителей располагались девятью полукруглыми рядами, над ареной был возведен легкий тростниковый навес, который не мешал наблюдать за представлением. Каменный пол покрывал слой красноватого песка. Отдельного упоминания заслуживает собравшаяся публика. Здесь, как и на базаре, присутствовали представители всех племен. На некоторых были карикатурные европейские одеяния, другие пришли закутанными в традиционные одеяла, третьи и вовсе решили обойтись практически без одежды, ограничившись скромными набедренными повязками. Группа музыкантов тренькала на «кафрских пианино» — инструментах, напоминающих большие ксилофоны, остальные дружно притоптывали в такт. Земля содрогалась от мерного ритма, который постепенно убыстрялся. Затем на сцену вышла первая команда танцоров из Португальской Восточной Африки. Одеты они были в белые фуфайки и желтые передники, на обнаженных лодыжках — пышные подвязки из овечьей шкуры. В руках танцоры держали щиты и

короткие ассегаи. Ведущие танцоры носили высокие короны из страусиных перьев. Я с удовольствием смотрел на этих парней, по восемь часов в день работавших в жарких недрах земли и тем не менее сохранивших столько энергии. Танцоры казались неустойчивыми. Они выдвигались вперед и снова отступали, притоптывали и пришаркивали ногами. Музыка продолжала греметь. Внезапно на арену выскочили трое в женских костюмах и прокричали что-то, обращаясь к основной группе танцоров. Те пришли в настоящий раж, мгновенно преисполнившись воинственного пыла. Вслед за тем неистовые крики сменились тишиной, и танцоры покинули сцену. Очень эффектная концовка.

Следующий танец показался мне точным повторением предыдущего, с той только разницей, что исполнители были из Восточного Грикваленда. Затем на сцену вышли зулусы в роскошных костюмах: живописные кушаки из леопардового меха, на груди перекрестные ремни из белых овечьих шкур, на головах высокие плюмажи. Танцоры были вооружены щитами и копьями, и хотя меня предупредили, что это свадебный танец, он изрядно смахивал на начало боевых действий. Зулусы находились в великолепной физической форме, любо-дорого было смотреть, как сильные мышцы бугрятся и перекачиваются под бронзовой кожей. Во всех их движениях — когда они пританцовывали под аккомпанемент собственных напевов и выкриков — сквозила природная грация. Зулусский танец длился едва ли не час. Время от времени исполнители присаживались на каменный пол, и я думал, что представление закончилось. Однако секунду спустя танцоры снова поднимались, и прерванное действие продолжалось.

Весь спектакль производил странное впечатление, во всяком случае на меня. Я знал, что эти чернокожие мужчины живут в Йоханнесбурге, но они словно бы ему

не принадлежали. Ничто не мешало им выйти в город и раствориться в мире белых. Однако они предпочитали оставаться в своих общинах, среди тех, кто говорит на их родном языке и придерживается сходных привычек. Часть этих людей через несколько дней или недель вернется к краалям Северной Родезии или в далекие горные деревушки Басутоленда. А вместо них придут их друзья и родственники из тех же племен. Я восхищался такой организацией производственного процесса, которая позволяла сочетать примитивный образ жизни с работой на современных шахтах. Честь и хвала южноафриканским властям, которые умудрились привлечь к труду в одной из самых трудоемких отраслей промышленности людей, по натуре своей являющихся пастухами. И при этом сумели не превратить их в городских жителей, сохранили традиционный уклад жизни и безусловную преданность вождю племени.

Я смотрел на чернокожих танцоров, дивясь их энергии и жизненной силе. В памяти у меня стояли нижние уровни Подземного Города, куда я спускался совсем недавно. Я помню мужчин, сидевших на корточках в ожидании лифта. Помню, как поблескивали в электрическом свете белки глаз на сонных, апатичных лицах. Неужели те же самые люди сейчас выступают в роли яростных, неутомимых танцоров? Нетрудно представить, как некоторое время спустя они отправятся в свои богом забытые деревни — с одной только парой брюк да привычным ярким одеялом. Это нехитрое имущество станет единственным доказательством того, что они на протяжении месяцев помогали белому человеку добывать рыжий металл, который он любит больше всего на свете.

Претория находится всего в тридцати пяти милях от Йоханнесбурга. Дорога все время шла под уклон, а мимо проносились эвкалиптовые рощицы, кусты мимозы, фермы и придорожные кафе. Я оставил позади относительно прохладные взгорья Ранда и приближался к жаркой и душной долине, посреди которой стоит северная столица, окутанная джакарандовым цветом.

Почти все крупные города Южной Африки (за исключением Кейптауна, Ист-Лондона и Блумфонтейна) названы в честь каких-то знаменитостей. Так, Йоханнесбург назван именем Йоханнеса Жубера, Порт-Элизабет — в память об Элизабет Донкин, Дурбан — в честь сэра Бенджамина Д'Урбана, Грейамстаун — в честь полковника Джона Грэма, в названии Питермарицбурга объединились сразу два имени — Питера Ретифа и Герта Марица, Кимберли назван в память о первом графе Кимберли, Андриес Хендрик Потгитер подарил свое имя городу Потчештрум, а Претория увековечила память об Андриесе Преториусе, победителе в битве при Блад-Ривер.

Все жители Южной Африки по праву гордятся Преторией. Трудно не поддаваться общему мнению, особенно если вы попадете в страну в пору цветения джакаранды, которая наступает в октябре-ноябре. В это время вся Претория утопает в облаках голубого цвета. Зрелище действительно великолепное! И только несчастные жертвы сенной лихорадки смогут удержаться от того, чтобы присоединиться к восторженному хору похвал, что звучит повсюду, от Бразилии до Трансвааля.

Хотя меня и предупреждали относительно быстрой смены климата во время дальних путешествий по Южной Африке, тем не менее я был ошеломлен перепадом температур в Йоханнесбурге и Претории. Когда я покидал Ранд, было сравнительно прохладное утро, дул освежающий ветерок. И вот сейчас —

проделав путь в тридцать пять миль, но спустившись при этом на полторы тысячи фугов — я попал в область удушающей жары.

Если согласиться с теми, кто сравнивает Йоханнесбург с Нью-Йорком, тогда Преторию следует уподобить Вашингтону. На смену обсуждению биржевых проблем здесь приходят разговоры о правительстве и политике. Это становится понятным, если вспомнить, что в Претории располагается резиденция генерал-губернатора. Здесь же большую часть года базируются правительственные учреждения, чиновничий аппарат министерств, дипломатический корпус. Я не зря сказал «большую часть года», потому что рано или поздно настает момент, когда эта братия снимаются с места и, подобно ласточкам, совершает дорогостоящую миграцию на юг, в Кейптаун, дабы принять участие в заседании парламента.

Претория, скорее, примечательна своими идеями и личностями, нежели реальными, осязаемыми предметами. Жители этого города не ворочают миллионами, они скромно живут на зарплаты и пенсии. Местный университет проводит ту же работу на африкаанс, что и Витватерсрандский университет на английском языке. Если говорить о промышленности, то Претория умудрилась стать крупным сталелитейным центром, сохранив при этом облик города-сада.

Улицы имели вид крытых аркад с колоннами, по которым двигались толпы горожан. По контрасту с залитой ослепительным солнцем проезжей частью они казались длинными полосами густой тени. Если встать спиной к выстроенному в классическом стиле железнодорожному вокзалу (работы сэра Герберта Бейкера), прямо перед вами окажется памятник Паулю Крюгеру — человеку, чей дух так же парит над Преторией, как и дух Сесила Родса над Кейптауном. Поверх высокого постамента из петерхедского гранита

стоит отлитая в бронзе фигура знаменитого президента, облаченного в старомодный сюртук и высокий цилиндр.

В своей книге «Коммандо» Денис Рейц вспоминает, как они с отцом были в гостях у Крюгера и тот показал им пробный макет данного памятника. В этот миг в комнату вошла миссис Крюгер с чайным подносом. Бросив взгляд на макет, она высказалась в том духе, что, как и всякий памятник, штука эта, в общем-то, бессмысленная, и предложила приспособить ее для каких-нибудь полезных целей. Например, можно сделать цилиндр полым изнутри, наполнить его водой — и получится отличная поилка для птиц.

«Мы с отцом вспомнили ее слова на обратном пути и от души посмеялись, — пишет Рейц и добавляет: — Хотя надо признать, что подобная мысль была вполне в духе миссис Крюгер».

В свое время я заинтересовался этой историей и начал искать подтверждения в документальной литературе. Так вот, по крайней мере у одного уважаемого южноафриканского автора я нашел свидетельство того, что пожелание миссис Крюгер было выполнено и цилиндр президента стал поилкой для городских птиц! Однако, очутившись в Претории, я обратился за консультацией к высшему авторитету — человеку, который стоял на лестнице и драил тряпкой статую. Увы, оказалось, что вся история не более чем выдумка!

В северной части города на холме стоит величественное строение, призванное символизировать счастливый союз четырех южноафриканских провинций. Оно так и называется — «Юнион билдинг», Здание Союза. Здесь размещается официальная резиденция президента, правительство

Южной Африки и министерство иностранных дел страны. Глядя на этот грандиозный архитектурный монумент, я думал: что ни говори, а у Сесила Родса было

невероятное чутье на таланты. Никакие денежные инвестиции не принесли ему столь щедрых дивидендов, как те деньги, что он потратил на стажировку молодого Герберта Бейкера в Греции и Италии. Великолепные здания (как общественные, так и частные), воздвигнутые сэром Гербертом по всему Союзу, являются лучшим доказательством прозорливости Родса. И нигде это плодотворное сотрудничество не дало столь масштабных и впечатляющих результатов, как в Претории.

Два огромных крыла соединяются посередине постройкой, которая представляет собой не что иное, как открытый греческий театр. Великолепный замысел! К тому же он прекрасно соответствует местному ландшафту и климатическими особенностям. Чем дольше я рассматривал творение сэра Герберта Бейкера, тем больше проникался его гениальностью. Обладая великолепным чувством пространства, он сумел максимально использовать особенности южноафриканской атмосферы с ее прозрачным и шелковистым воздухом, которым я не уставал восхищаться с тех пор, как выехал из Кейптауна. На мой взгляд, Здание Союза — наиболее удачная попытка архитектора приблизиться к Парфенону.

Сам Бейкер в своем труде «Архитектура и личности» вспоминает, что вначале центральная часть здания (та самая, в виде амфитеатра) вызвала массу нареканий. «Однако жизнь доказала целесообразность такого решения, — пишет он, — когда огромная толпа собралась, чтобы приветствовать Питера Боту, вернувшегося из своего завоевательного похода в Юго-Западную Африку. И вторая такая оказия случилась, когда фельдмаршал Смэтс возвратился после долгой кампании в Восточной Африке. По словам Смэтса, он обращался к восьми тысячам человек, и все отлично его слышали».

И разве не оказалось такое открытое место для массовых собраний пророческим предвидением, — пишет сэр Герберт, — в свете усовершенствования громкоговорителей, позволивших восстановить античную традицию народных лидеров лично обращаться к народу?

Как я уже говорил, Здание Союза располагается на возвышенности. Земля спускается вниз террасами, на которых разбиты роскошные цветочные клумбы. Посреди них стоит памятник, который является копией делвиллвудского Военного мемориала (вторая такая же копия находится в Кейптаунских садах). Признаться, когда я впервые увидел кейптаунский памятник, то не проникся его символикой. Однако мне объяснили, что две мужские фигуры, соединившие руки на спине жеребца, представляют собой обобщенные образы африканера и британца, а сам жеребец — это конь войны. Таким образом, весь памятник символизируют совместное укрощение двумя нациями духа войны.

Над Братьями-Близнецами имеются два свободных пьедестала, — пишет Бейкер. — Для кого они предназначены? Для «Ромула» и «Рема» или для Боты и Смэтса, которые оба — хоть и были в прошлом врагами англичан — в годы войны отправились сражаться в армии Содружества, защищая безопасность мира и цивилизации.

Дом президента Крюгера в Претории — один из интереснейших музеев страны. За прошедшие полвека здесь ничто не изменилось, а потому посетителей

охватывает жутковатое чувство, что хозяева дома ненадолго отлучились, но могут вернуться в любую минуту. Миссис Крюгер наверняка бы ужаснулась, увидев пыль на занавесках. Зато *оом* Пауль был бы доволен: ведь его любимое кресло находится на прежнем месте, как и вместительная медная плевательница и драгоценная коллекция трубок.

Хранители музея приложили немало усилий, чтобы сохранить атмосферу тех времен, когда президент Крюгер — старый носитель соломоновой мудрости — сидел на веранде промеж двух мраморных львов, подаренных ему Барни Барнато. Кстати, Барнато был одним из немногих англичан, к которым Крюгер относился с симпатией. Родса он недолюбливал и ему не доверял, а вот хитрый Барнато сумел найти подход к старику. По словам самого Крюгера, «когда мистеру Барнато что-то надо от меня, он всегда приходит в гости, мы садимся и обсуждаем».

Вот пример человеческой необъективности! Старик с возмущением отверг парочку живых львов, которых Сесил Родс прислал ему из своего зоопарка в Хрут-Скер (а ведь это был дар от чистого сердца), но сохранил мраморных львов Барни Барнато. Животные эти проливают любопытный свет на взаимоотношения двух мужчин, ничем не похожих друг на друга, кроме одного — уныния и разочарования, которое им пришлось испытать в конце жизни.

Жилище Крюгера представляет собой длинное одноэтажное здание с белеными стенами. Вдоль дома тянется крытая веранда — *ступ*, — она опирается на чугунные решетки. Крыша дома (как, впрочем, и веранды) из рифленого железа. В музее мне продемонстрировали личные вещи президента — его любимые трубки, бритву, рубашку, кровать, кресло, а также перочинный нож. С последним экспонатом связана неприятная история: во время охоты у Крюгера

взорвалась пороховница. В результате взрыва ему практически оторвало большой палец на левой руке, и президент отрезал поврежденный палец этим ножом! В доме есть комната, целиком заполненная траурными венками. А в сарае хранится личный экипаж Крюгера, изготовленный на лондонском Лонг-Акре, и старый треккерский вагон. На мой взгляд, самый прекрасный предмет в доме — маленькая бронзовая статуэтка работы ван Вува. Она изображает сидящего старика, усталого, обессиленного, уже приготовившегося к неизбежному концу. А самым печальным экспонатом музея является фотография Пауля Крюгера, сделанная, наверное, незадолго до его смерти в Швейцарии. Невозможно без боли смотреть на сильное волевое лицо, несущее печать горя и разочарования. Мне оно напомнило голову состарившегося льва.

В Европе имеет хождение лишь одна фотография Крюгера — та, где он изображен уже в возрасте. На ней мы видим этакого старого президента девяностых, упрямого и несговорчивого, с треугольными бакенбардами, в цилиндре и сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Однако в Южной Африке Крюгера помнят молодым человеком, наделенным силой и ловкостью. Все знают, что президент был мужественным воином, а также великолепным охотником и атлетом.

Пауль Крюгер известен как человек твердых моральных принципов, которые он, несомненно, почерпнул из Священного Писания. Он был не чужд религиозного экстаза. Однажды в молодости он, подобно еврейским пророкам, на некоторое время удалился в глухой вельд, а по возвращении объявил, что сподобился общения с Богом. Президент до конца жизни пребывал в уверенности, что Земля плоская, как это описано в Библии. Сохранились воспоминания Э. Дж. П. Джориссона о путешествии в Европу, которое Крюгер совершил в 1877 году. Тогда на борту корабля у них

завязалась астрономическая дискуссия, которую Крюгер прервал словами: «Стоп, Джориссон, замолчите! Если все, что вы говорите, правда, то выходит, я могу выбросить Библию за борт!»

Надо сказать, что президент так и шел по жизни с Библией в руках — и в сердце! Он часто цитировал наизусть, причем отдавал явное предпочтение Ветхому Завету. Книга эта всегда лежала на его столе. Во время англо-бурской войны Крюгер, уже пожилой, много разъезжал по стране (он и делами-то государства в тот период управлял из президентского поезда), и часто можно было видеть, как он сидит у окна вагона с очками на носу и читает Священное Писание. Крюгер представлял собой самый яркий пример религиозного Рипа ван Винкля. Таких понятий, как наука и критицизм, для него попросту не существовало. И неудивительно, что современные политические деятели — в их числе Родс, Милнер и Чемберлен — не могли найти с ним общего языка. Зато пуритане, шедшие на казнь с псалмами на устах, равно как и шотландские ковенантеры, прекрасно бы поняли этого человека. Оливер Кромвель не нашел бы, о чем говорить с мистером Родсом, а вот в Крюгере признал бы брата по духу. Менталитет семнадцатого столетия, в целом присущий Южной Африке, в президенте Крюгере достиг тех высот, которые казались отталкивающими для его оппонентов из девятнадцатого века.

Удивительно даже, что при таком мировоззрении Крюгер трижды побывал в Европе с дипломатической миссией и в один из своих визитов умудрился подняться в небо на воздушном шаре. На мой взгляд, это выглядит столь же невероятным, как если бы патриарх Авраам объявился на «Гран-при». История с воздушным шаром приключилась в Париже на Всемирной выставке 1878 года. Крюгер тогда впервые увидел аэростат и мужественно решил подняться на нем в воздух (надо

думать, предварительно он заглянул в любимую Библию, но не нашел в ней ничего, что бы препятствовало проверке законов гравитации). Позже Крюгер вспоминал в «Мемуарах»: «Оказавшись высоко в воздухе, я в шутку спросил у аэронавта: коли мы уж поднялись так высоко, не может ли он отвезти меня прямо домой?»

Судя по всему, президент Крюгер вообще проявлял интерес к техническим новинкам. Он не только лично осмотрел первый автомобиль, появившийся в Южной Африке, но и познакомился с таким прогрессивным изобретением, как кинематограф (вот уж воистину удивительный поступок для человека его взглядов!). В своей книге «Чары Южной Африки» мистер Нейпир Девитт рассказывает, что первый автомобиль прибыл в Южную Африку в конце 1896 года. Это был двухместный «Бенц» с мотором в полторы лошадиные силы. В качестве фар использовались газовые горелки, а задние колеса были намного выше передних. Президента пригласили полюбоваться на это чудо техники. Он прибыл в Береа-Парк в сопровождении военного эскорта, осмотрел автомобиль, однако прокатиться на нем отказался. Сказал при этом: «Нет, благодарю покорно! Чего доброго где-нибудь по дороге залает собака, ваш автомобиль взбрыкнет и сбросит меня на землю».

Знакомство Крюгера с кино описано в книге Хедли Э. Чилверса «Из горнила».

Ошибочно утверждать, — пишет мистер Чилверс, — будто президент Крюгер никогда не видел кино. Он как минимум просмотрел первую киноленту, отснятую в Южной Африке. Тот фильм был посвящен прибытию президента в «Раадзаал» Претории. Просмотр договорились устроить у Крюгеров дома. Эдгар Хайман и Дэйв Фут из «Олд эмпайр» отправились туда

заблаговременно, дабы все соответствующим образом подготовить. Дверь им открыла миссис Крюгер.

— Мы приехали, чтобы показать кино про то, как его честь направляется в «Раадзаал», — пояснил Хайман.

Пожилая леди жестом пригласила их войти в дом и подала кофе. Затем они прошли в большое помещение (раньше здесь были две комнаты, разделенные перегородкой) и приступили к установке экрана. Сюда же внесли и фортепиано, ибо устроители показа желали обставить мероприятие со всей торжественностью. Дэйв Фут опробовал инструмент и остался доволен. Однако его честь появился еще до того, как все приготовления были окончены, и его взгляд сразу же упал на пианино. Он пришел в неопределимую ярость.

— Что эта богопротивная вещь делает в моем доме? — закричал он на африкаанс. — Немедленно уберите! Покажите мне человека, который распорядился принести эту штуку? Клянусь Богом, я самолично вышвырну его вон!

— Что он говорит? — шепотом осведомился Хайман у перепуганного чиновника.

— Его честь намеревается выкинуть вас вон, — отвечал тот.

Последовали долгие переговоры, но все объяснения и дипломатические приемы оказались бессильными перед праведным гневом старого президента. В конце концов пианино пришлось убрать. Затем кто-то предложил заменить его органом как инструментом, более соответствующим духу дома. К тому времени оом Пауль несколько смягчился и милостиво согласился на

присутствие этого инструмента в своем жилище. Таким образом весь фильм шел под торжественные звуки органа. На приеме присутствовал представитель администрации из Раада.

По вечерам его честь обычно читал Библию — продолжалось это часов до восьми, после чего он отправлялся спать. Но в тот вечер он до девяти просидел в импровизированном кинозале, с интересом наблюдая за собственными передвижениями по экрану. Затем он распрощался со всеми присутствующими и удалился, предоставив администратору в одиночку досматривать фильм.

Я с большим интересом обследовал дом Крюгера в Претории, в особенности знаменитый *ступ*, который служит фоном для большинства историй о южноафриканском президенте. Он проявлял большую демократичность в отношении со своими согражданами. Любой человек мог прийти к *оому* Паулю и спросить совета относительно личных проблем.

Беседы эти, как правило, происходили на веранде за чашечкой яванского кофе и хорошей сигарой. По моему глубокому убеждению, мудрость человека никак не зависит от его образованности. И в этом смысле Пауль Крюгер был несомненно мудрым человеком, чьи суждения опирались на богатый жизненный опыт и способность осмысливать людские поступки. При этом президент достаточно мрачно оценивал человеческую натуру.

«Сложно даже представить себе, — писал Карл Джеппе в своей работе «Переменчивый Трансвааль», — до каких бы высот возвысился его интеллект в соединении с неудержимой силой воли, если бы мистер Крюгер научился его соответствующим образом

дисциплинировать». В той же книге содержится и моя любимая история о президенте. Когда стало ясно, что война с англичанами неизбежна, Крюгер тоже решил отправиться на фронт. Как-то раз в его доме появился очередной посетитель, но ему сказали, что президент занят и не сможет его принять. Человек стал настаивать, и в конце концов его проводили на задний двор, где он застал следующую картину: «пожилой джентльмен, перепоясанный патронташем и с винтовкой в руке, тренировался в езде верхом — занятии, которое он забросил много лет назад».

Пауль Крюгер обладал удивительным чувством юмора. Рассказывают, будто, заглянув однажды на бал в парижском доме, он поспешно покинул это светское мероприятие. А в качестве объяснения сказал: «Я, похоже, приехал слишком рано — дамы еще не одеты». Миссис Смэтс, знавшая президента лично, уверяла меня, что «старик был большим остряком».

Всю свою жизнь Крюгер слыл убежденным трезвенником. Стоило ему учуять от кого-нибудь запах спиртного, как он недовольно морщился и заявлял: «Фу, от вас несет, как от помойки». Надо полагать, он очень неуютно чувствовал себя в Йоханнесбурге, где в первые годы салуны были на каждом углу. Наверное, этот город представлялся ему неким гибридом Содома и Гоморры.

Умер старик в 1904 году в Швейцарии. Германия, на которую он возлагал большие надежды в борьбе против Британской империи, от него отреклась. Известно, что кайзер Германии Вильгельм II специально уехал на многодневную охоту, лишь бы не встречаться с трансваальским президентом. В то же время многие страны поддерживали (по крайней мере на словах) борьбу бурского народа. Доказательством тому — многочисленные иностранные награды, которые Крюгер нацеплял на сюртук по торжественным случаям. Он был кавалером рыцарских орденов Франции, Германии,

Голландии, Бельгии и Швейцарии и, как свидетельствует мистер К. Э. Вилльями в своей книге «Уитлендеры», едва не получил звание рыцаря Великого креста Ордена святых Михаила и Георгия!

Тело умершего президента Крюгера было доставлено в Южную Африку. И ныне останки последнего из великих пуритан покоятся на тихом кладбище рядом с прахом его третьей жены — всего в нескольких ярдах от его любимого *ступа* с мраморными львами и маленькой допперовской церкви, где он так часто молился.

8

Всем известна история пленения Уинстона Черчилля в бытность его военным корреспондентом в Южной Африке. Случилось это в 1899 году близ местечка Чивели, где бронепоезд англичан оказался захвачен армией генерала Боты. Черчилля вместе с другими шестьюдесятью британскими офицерами поместили в тюрьму, устроенную в Государственных образцовых школах Претории.

Я отправился на пересечение улиц Ван дер Вальт и Скиннер посмотреть на это заведение. Теперь здесь располагается Центральная начальная школа, и, судя по выражению лиц учеников, им не в новинку посетители, которые расхаживают по двору и высматривают место, где молодой Уинстон — в ту пору гибкий и подвижный — перемахнул через тюремную стену. Напротив по-прежнему стоит здание, из чьих темных окон передавались сообщения для наших узников — при помощи азбуки Морзе и горящей лампы. Сохранилась и стена (правда, не знаю, та ли самая), отделяющая школу от соседнего дома, в 1899-м принадлежавшего генералу

Лукасу Мейеру. Именно здесь декабрьской ночью и свалился в кусты перебравшийся через стену беглец.

В своих литературных произведениях мистер Черчилль дважды обращается к теме бегства из бурского плена. В первый раз он сделал это по горячим следам, описав свое приключение в одном из писем в «Морнинг пост» (позже все эти письма вместе с дневниковыми записями вошли в автобиографическую книгу «От Лондона до Ледисмита»). А вторично он вернулся к данной теме в книге «Мои ранние годы», где дал более развернутое описание событий. Если верить самому автору, ночью он дождался, когда часовые отвернутся, и быстро перелез через стену, приземлившись по ту сторону в кустах. Вот так Черчилль оказался на свободе. Вся его наличность на тот момент составляла семьдесят пять фунтов шиллингов и четыре плитки шоколада.

Однако щепетильность английского джентльмена не позволила Черчиллю просто сбежать. Посему он оставил на подушке прощальное письмо, адресованное мистеру де Суза, военному министру бурской республики. Читая его, невольно поражаешься, насколько снизились стандарты военной вежливости с того дня. Текст письма был впоследствии восстановлен мистером Черчиллем по памяти и в таком виде приведен в книге «От Лондона до Ледисмита». Естественно, там есть некоторые расхождения с оригиналом. Любопытно, что подлинное письмо Черчилля тоже сохранилось: на протяжении нескольких поколений его бережно передавали из рук в руки представители семейства де Суза. Я побывал в городе Барбетоне у миссис О. Э. де Суза, приемной дочери последнего мистера де Суза. Она показала мне этот редкий документ, и с разрешения хозяев я включил его в свою книгу (хочу отметить, что письмо публикуется впервые).

Тюрьма при Государственных школах,

Претория.

Уважаемый мистер де Суза,
Позвольте заявить, что, являясь гражданским лицом и представителем прессы, я не признаю за Вашим правительством какого-либо права удерживать меня в качестве военнопленного. А посему принял решение бежать из-под стражи. Я твердо уверен в тех договоренностях, которых достиг с моими друзьями на воле, и надеюсь на успех своего предприятия. Однако, покидая Вас столь поспешным и бесцеремонным образом, считаю своим долгом принести благодарность за корректное и доброе отношение ко всем пленным и ко мне в частности. У меня нет оснований жаловаться ни на коменданта, ни на доктора Ганнинга, ни, тем более, на Вас лично. Также я хотел бы выразить свое восхищение гуманным и благородным характером солдат Республиканской армии. Мое отношение к предмету наших разногласий остается неизменным, что не мешает мне с глубоким уважением вспоминать тех представителей бюргеров, с которыми мне довелось столкнуться. Вернувшись в расположение британских войск, я представлю честный и беспристрастный отчет обо всем, что мне пришлось пережить в Претории. В заключение позвольте еще раз поблагодарить Вас и выразить надежду на то, что по окончании этой прискорбной войны нашим странам все же удастся достичь такого положения вещей, которое бы не оскорбляло

национальной гордости буров и не угрожало безопасности британцев. Между двумя нашими народами не должно быть вражды и соперничества. Сожалею, что обстоятельства не позволили попрощаться с Вами лично.

Честь имею оставаться
Вашим преданным слугой,

Уинстон С. Черчилль.

11 декабря 1899 г.

Я заметил на конверте буковки «р. р. с.» и задался вопросом, что заставило Черчилля сделать эту пометку — неумное остроумие или же просто привычка воспитанного человека? А может, сочетание того и другого? Для поколения, не знакомого со строгими формальностями викторианской эпохи, сообщу, что буквы эти являются сокращением от «pour prendre congé» — вежливой формы прощания в случае внезапного ухода.

9

Распрощавшись с Преторией, я сел на ночной поезд, направлявшийся на северо-восток Трансвааля. Выглянув поутру в окошко, я обнаружил, что едем мы по жаркой земле, покрытой буйной растительностью. Вокруг меня простирались плантации манговых и апельсиновых деревьев, а меж ними стояли невысокие горы с округлыми вершинами. Несмотря на раннее утро (на часах не было еще и шести), солнце припекало вовсю. А проезжая по мосту, я обратил внимание на стайку чернокожих ребятишек — грациозных и шаловливых, словно выводок черных котят, — которые весело плескались в водоеме.

По пути в Португальскую Восточную Африку поезд сделал короткую остановку в Нелспрейте, знойном субтропическом городке. Измученные жаждой пассажиры устремились к киоску на перроне и вскоре вернулись, неся с собой полные корзинки персиков, апельсинов и манго — все по шиллингу за дюжину.

На перроне меня встречали двое знакомых из Барбетона, у которых я собирался погостить несколько дней. Нам предстояла тридцатимильная поездка к их дому. Сначала дорога шла по живописной горной местности, а затем, когда мы миновали каменную арку, внезапно перед нами открылся вид на прекрасную долину — возможно, самую прекрасную во всей Южной Африке. Она простиралась вдаль на многие мили, как огромное зеленое озеро, а на горизонте ее окаймляла голубовато-синяя горная гряда, в которой я узнал северные отроги Дракенсберга. В этот ранний час, когда над вельдом еще лежал утренний туман, становилось понятным, почему долину называли Кап-вэлли: во всем Союзе не сыскать места, которое так бы напоминало горы Капа. Я никак не мог отделаться от ощущения, что сейчас, за следующим поворотом перед нами блеснет кромка океана. Друзья поведали мне, что порой утренний туман принимает такие причудливые очертания, что кажется, будто за долиной лежит неподвижная Столовая бухта.

— На прошлой неделе, — пересказывали мне последние новости, — автобус на Нелспрейт задержался в пути из-за черной мамбы. Представляете, автобус только вывернул из-за угла, а навстречу ему змея! Она как раз переползала дорогу. От неожиданности мамба подалась назад и приняла боевую стойку. Пришлось ждать, пока она успокоится и уползет с дороги.

Спускаясь в долину, мы остановили машину и вышли, чтоб я мог полюбоваться зарослями барбетонской маргаритки (или герберы Джемсона), которая густым

ковром покрывала придорожные пригорки. Этот милый цветок, частый гость английских садов, выглядит совсем иначе, когда растет на родной почве. Надо сказать, что Барбетон отнюдь не единственное место, где произрастает эта яркая и очаровательная гербера. Ее можно видеть также в Южной Америке, в тропических областях Азии и на Мадагаскаре. Но европейские ботаники впервые обнаружили ее в Барбетонской долине, что и определило имя цветка. В 1884 году барбетонская маргаритка попала в Британию и же сразу завоевала сердца английских садоводов.

Городок Барбетон — продукт разразившейся в Южной Африке золотой лихорадки — уютно устроился в одноименной долине у подножия горного хребта. Мы остановились перед добротным каменным домом, который вполне мог бы стоять где-нибудь в Камберленде. Однако стены его были увиты субтропическими вьющимися растениями, а сад наводил на мысли об оранжереях Кью.

После завтрака я вышел прогуляться по городу, который, казалось, мирно дремал в ослепительных лучах солнца. Нужно обладать очень буйной фантазией, чтобы хоть как-то увязать его с эпохой золотой лихорадки. Здесь даже здание бывшей биржи переоборудовано под гостиничный гараж! Тем более интересно было послушать восьмидесятилетних старожилов, которые, между прочим, выглядели не больше чем на семьдесят. Похоже, таковы последствия местного климата: перевалив через некую критическую точку, старики перестают меняться как внешне, так и внутренне. Во всяком случае память у них отменная. О былых временах они говорили с заметной гордостью и легким сожалением. Так состарившийся (и давно уже добродетельный) повеса вспоминает далекие времена своей беспутной молодости. По их словам выходило, что Барбетон был в ту пору сильно пьющим городом, куда

стекался самый разнообразный люд. Были в этой толпе и охотники за богатством, и содержатели многочисленных салунов, и желтоволосые красотки, которые на мгновение явили Барбетону истинный йоханнесбургский шик и снова упорхнули во вновь открытый Ранд. И хотя события, о которых рассказывали старики, отстояли от нас всего на шестьдесят лет, они никак не согласовывались с нынешним видом города, с его теннисными клубами и молочными барами.

Наверное, на моем лице отразилось недоверие... И тогда мне посоветовали заглянуть в Барбетонский клуб. Совет оказался хорош! Если хочется на время окунуться в атмосферу маленького южноафриканского городка золотоискателей, то лучший способ для этого — посидеть часок-другой в Барбетонском клубе. В этом месте все осталось, как шестьдесят лет назад. Клуб представляет собой длинное бунгало с решетчатой верандой. Внутри по стенам развешаны старые пожелтевшие фотографии, с которых на вас смотрят мужественные лица тех, чьими усилиями возникла современная Южная Африка.

Время от времени к зданию подъезжает запыленный автомобиль, и по ступенькам веранды поднимается загорелый мускулистый мужчина в шортах цвета хаки и рубашке с коротким рукавом. На вид ему никак не дашь больше пятидесяти. Однако, разговорившись, вы с удивлением узнаете, что ваш собеседник разменял восьмой десяток. Он пристраивает свою шляпу на крючок и заказывает в баре виски с содовой. Если вам повезет и в клубе окажется еще один представитель того поколения, вы услышите массу интересных историй. Они тем более ценны, что исходят от непосредственных участников тех давних событий. Эти мужчины, что называется, «тертые калачи». Многие из них помнят мистера Родса и времена открытия Родезии. В Барбетон они приезжают по делу — зайти в банк или

воспользоваться услугами железной дороги. А вообще они живут на своих больших фермах, где в зимнее время выращивают овощи для Йоханнесбурга, а в летнее — такие фрукты, как манго, папайи, гуавы, бананы, апельсины и маракуйю.

Они рассказывали мне, как успех двух братьев Барберов породил лихорадку восьмидесятых и привлек бесчисленные толпы в Барбетон. В горах появлялись все новые шахты, и через город непрерывным потоком следовали караваны строителей с осликами, груженными динамитом и кирками. Тогда это был самый востребованный товар.

— В то время можно было встретить довольно странных людей, — рассказывали мне. — Как-то раз здесь объявился один тип из Порт-Элизабета. Все жаловался на свою жену: дескать, не готовила она ему обедов — как ни придешь с работы, а пожрать нечего. Ну, парню это в конце концов надоело. Он оседлал своего пони и отправился в Барбетон! Прожил здесь в полном одиночестве двадцать лет. Затем в один прекрасный день к нему приехал сын, за ним дочь, а следом объявилась и старая леди собственной персоной. И разрази меня гром, если у них не случился второй медовый месяц. Уже здесь у них родился третий ребенок — мальчик, который и унаследовал ферму старика. Напрасно смеетесь, я могу вам показать эту ферму...

А вот еще одна история, которая надолго запала мне в память. Приключилась она десять лет назад с человеком по имени мистер Л. Э. О. Лаундес (и заметьте, инициалы-то подходящие!)

Ему чудом удалось вырваться из когтей раненой львицы. Та прыгнула на него из зарослей и схватила за руку. Тут бы и конец мистеру Ааундесу пришел, да выручил чернокожий слуга, который с расстояния трех ярдов насмерть застрелил львицу. Самое же интересное заключается в том, что мистер Лаундес по материнской

линии происходил от сэра Джеймса Гайера, лорд-мэра Лондона, который прославился благодаря схожей истории. Во время путешествия по Востоку этот почтенный джентльмен тоже побывал в когтях льва, но сумел остаться в живых. В благодарность за свое чудесное спасение сэр Джеймс завещал деньги церкви Святой Екатерины в Кри, чтобы там ежегодно читали «Львиную проповедь». И представьте себе, проповедь действительно читается со времен Карла I. Полагаю, мистер Л. Э. О. Лаундес обладает самой блестящей львиной историей во всей Африке!

Отправляясь спать, я с некоторой тревогой заметил, что на окнах нет противомоскитной сетки. А ведь меня еще в Йоханнесбурге предупреждали, что Барбетон находится в малярийном поясе. Выяснилось, что опасения мои напрасны, ибо за последние годы положение в Барбетоне сильно изменилось. Городу удалось избавиться от этой напасти. И действительно, я провел в Барбетоне несколько дней и все это время спал с открытыми окнами. Ночью в горах разразилась сильная гроза. Меня разбудил звук хлопающих ставен. Ослепительно яркие молнии — я таких никогда не видел! — прорезали ночное небо. Они сопровождались оглушительными раскатами грома, которые звучали почище артиллерийской канонады. Истощив свою мощь, гром откатывался в горы и превращался в глухой рокот, от которого сотрясались недра земли. Вскоре хлынул дождь, он лил мощными косыми потоками, и в промежутках между раскатами грома я мог слышать, как журчат десятки ручейков и заливаются трелями счастливые лягушки. Невероятно, но после всей этой жуткой какофонии наступило обычное утро. Небо выглядело безоблачно-голубым, а на ветке сидел пересмешник, счастливо избегнувший гибели в ночном потоке, и распевал свои нехитрые песенки.

Друг устроил мне поездку в горы с тем, чтобы показать заброшенный горняцкий городок под названием Эврика. С нами поехал старый шахтер Джеймс Холл, который давным-давно приехал в Африку из Манчестера. К несчастью, к старости он совершенно оглох, так что общаться с ним (в общепринятом смысле слова) было невозможно. Приходилось сидеть и ждать, когда мистер Холл осчастливит нас новым высказыванием.

— Ранд похож на слоеный пирог! — прокричал он мне на ухо (как и все глухие, старик говорил очень громко). — Тогда как Барбетон — это сливовый пудинг!

— Очень точно подмечено, — согласился мой друг. — В Ранде золото залегает пластами, а здесь оно разбросано кусочками в скале, в точности как фрукты в пудинге.

Сады и фермы, в которых работали красивые и здоровые на вид банту, остались позади. Теперь дорога поднималась в горы, сглаженные зеленые вершины окружали нас со всех сторон. Я подумал, что Барбетону исключительно повезло — мало какие города могли похвастаться такими живописными окрестностями. На мой взгляд, единственным минусом была удаленность моря. Меня все не покидало ощущение, что оно где-то поблизости, скрывается за ближайшим поворотом. Между тем до побережья отсюда было не меньше сотни миль — ближайший выход к морю находился в Лоренцо-Маркизе.

— Как учуете запах лука, значит, приехали! — сообщил Холл.

— Он имеет в виду, мышьяк, — пояснил мой друг, — который действительно по запаху напоминает лук. В этой местности золото с мышьяком залегают рядом.

Дорога извивалась по склону холма, имевшего в высоту около четырех тысяч футов, и когда мы наконец достигли его вершины, взору нашему открылись развалины заброшенной Эврики. Зрелище это вызвало у меня острый приступ меланхолии.

Мы переходили от одного разрушенного фундамента к другому. Все деревянные конструкции бесследно исчезли, подозреваю, местные жители попросту растащили их на дрова. Один только Джеймс Холл ориентировался в этих печальных руинах. Он еще помнил городок живым, наполненным движением и веселыми голосами, оживленным энергией и амбициями тысяч охотников за богатством.

— Старый отель «Виктория», — объявил он, указывая на кучу каменных обломков. — Здесь жил старина Джек Фрэзер.

Вскоре мы очутились в той части горы, где природа выглядела почти нетронутой. На огромном валуне в задумчивости восседал орел. При нашем появлении он нехотя снялся с места и медленно скрылся за ближайшей вершиной.

— Ипподром! — объяснил Холл. — Точно, точно, ипподром, — закивал он головой, заметив наши недоверчивые взгляды. — И видели б вы, какие здесь устраивались праздники! Уж вы мне поверьте, мы тут жили на широкую ногу!

Старик провел нас вокруг бывшего ипподрома и снова вернулся к городским развалинам и курганам.

— Да, когда-то это было оживленное место, — вздохнул он, обводя взглядом развалины. — По вечерам здесь собиралась куча шахтеров, всем хотелось пропустить чарку-другую после смены. Ну, и разговоры, конечно, завязывались, шуточки всякие. Здесь работали в основном парни из Корнуолла.

— И что, хорошо зарабатывали? — поинтересовался я.

— Да, веселое местечко, — продолжал старик, не слыша моего вопроса. — Люди все время приезжали и уезжали. Кое-кто, прежде чем уехать, умудрялся накопить денег. Но только рано или поздно все они исчезали вместе со своими палатками и баулами, осликами и кирками. Кто-то отправлялся в Ранд — попытать счастья на тамошних приисках. А другие оседали прямо в Барбетоне и быстро спускали денежки. Да, люди все время приходили и уходили...

В его устах это прозвучало как эпитафия давно почившему горняцкому городку, ровеснику золотой лихорадки восьмидесятых. Орел снова вернулся на свой камень — видно, ипподром чем-то его привлекал.

Мы продолжили наше путешествие по безлюдной долине, и Холл рассказал очередную историю из жизни золотоискателей. Один человек, которому долго не везло, совсем уже потерял надежду и собрался уезжать. С вечера он напился и заснул среди холмов. А проснувшись поутру, обнаружил, что лежит на огромном золотом самородке! Полагаю, всем жителям Йоханнесбурга было бы полезно приехать на экскурсию в здешние края. Побродить по пустынным холмам и заброшенным долинам, увидеть, какая участь ожидала бы весь Ранд вместе с их прекрасным городом, если бы золотоносная жила не ушла так глубоко под землю.

Свернув в маленькую каменистую лоцинку, мы неожиданно оказались в самом центре оживленной деятельности. Здесь все было, как встарь: надшахтное здание, горное оборудование, здание конторы и вагончики для шахтеров. И над всем этим по-прежнему витал дух золота. Мы попали на знаменитую шахту Шеба, единственную из действующих в данном районе.

Переодевшись в конторе управляющего, мы спустились в забой. Экскурсия получилась очень колоритной. Если говорить об атмосфере золотой лихорадки конца прошлого века, то здесь на каждом

квадратном ярде ее больше, нежели на всех крупных шахтах Ранда, вместе взятых. Достигнув определенной глубины, мы были вынуждены дальше спускаться по отвесным лестницам, липким от жидкой грязи. Каждая лестница вела на очередной «уровень» — черную, как смола, горизонтальную платформу, от которой отходили еще более страшные лестницы. Они вели на следующие, более глубокие уровни забоя. Электрические лифты здесь отсутствовали, каждый фут пути вниз приходилось отмерять собственными ногами. К тому же выданные нам грубые шахтерские башмаки скользили на ступеньках, поэтому передвигаться приходилось очень осторожно. Наконец спуск окончился, и мы ступили в дьявольскую преисподнюю, которая представляла собой верхнюю корку барбетонского «пудинга». Неверный свет налобных фонарей позволял разглядеть просторную пещеру, по которой перемещались полуобнаженные, мокрые от пота фигуры шахтеров.

Я и сам почувствовал, как вдоль позвоночника у меня поползла тепловатая струйка пота.

— Обратите внимание, сэр, — раздался голос молодого инженера (у него был характерный выговор выпускника частной школы). — Перед вами настоящая мечта любого геолога!

Не знаю, как геологам, а всем толстякам Южной Африки следовало бы совершить прогулку на дно шахты Шеба. Гарантирую: за один такой визит они скинули бы пару фунтов лишнего веса, а заодно и укрепили бы мускулатуру. Мне до сих пор непонятно, как кто-либо смеет утверждать, что золотоискателям легко достаются их деньги!

Я много путешествовал по Южной Африке и могу с уверенностью утверждать, что ни в одной другой части страны, включая самые дикие районы Зулуленда, не возникает такого чувства одиночества и отъединенности от внешнего мира, как на участке между Барбетонем и Национальным парком Крюгера. На самом деле ощущение это обманчиво, и умом я понимал, что существуют районы более удаленные и заброшенные. Здешние фермеры и плантаторы при желании легко могут добраться до Барбетона или, если им захочется более изысканных развлечений, до Португальской Восточной Африки. Однако когда милей едете по жарким джунглям, простирающимся во все стороны до самого горизонта, вам невольно кажется, будто вы попали в какое-то фантастическое неземное место.

Европейцы здесь живут на значительном удалении друг от друга, а потому всегда рады гостям. Архитектура домов диктуется особенностями местного климата. Хозяева всячески затеняют свои жилища, насаживают вокруг них деревья, чтобы хоть как-то укрыться от нестерпимого зноя. Окна в домах обязательно затянуты противомоскитной сеткой. Но это вовсе не значит, что здешние жители не любят простора. Напротив, они по возможности строят свои фермы на небольших возвышенностях, чтобы обеспечить достаточный обзор местности и приятный вид из окна.

В ярком сиянии дня изолированность ферм не так бросается в глаза. Зато когда спускается ночь, разбросанные по вельду дома остаются один на один с яркими звездами и рыкающими в темноте дикими зверями. Волей-неволей поддаешься романтическому настроению и представляешь их себе в виде маленьких крепостей, которые на ночь задраивают все входы и выходы. И тот факт, что по вечерам «гарнизон» крепости

сидит при электрическом освещении и слушает по радио колокола Биг Бена, ничего не меняет.

По крайней мере он не отменяет нечаянных визитов какого-нибудь льва, который выбрался из парка Крюгера и теперь бродит под стенами фермы, тоже прислушиваясь к колокольному звону.

Мне довелось свести знакомство со многими местными жителями. Среди них были люди, которые всерьез занимались выращиванием хлопка, табака, манго, еще чего-то и делали на этом неплохие деньги (при условии, конечно, что им удавалось выиграть извечную войну с засухой, суховеем и прочими южноафриканскими напастями). И были другие, которые благополучно вышли на пенсию и удалились в глушь, чтобы поиграть в фермеров. Этим последним не было нужды вступать схватку с природой, они просто наслаждались обеспеченной старостью и с оптимизмом смотрели в будущее.

В этих краях все знают и любят историю «Джока из Бушвельда». Именно так называется книга сэра Перси Фитцпатрика, написанная на основе жизненного опыта и ставшая классикой Южной Африки. Здесь же она особенно популярна, ведь действие книги происходит в Барбетоне, Национальном парке Крюгера и в пограничных районах Португальской Восточной Африки — то есть в тех самых местах, где некогда путешествовал сам автор со своим псом. Сэр Перси родился в Кинг-Уильямс-Тауне в семье судьи из Верховного суда Капской колонии. От отца он унаследовал ирландский блеск и живость ума. Учиться юного Фитцпатрика отправили в Англию, в очень приличную католическую школу при аббатстве Даунсайд. В шестнадцатилетнем возрасте — после смерти отца — ему пришлось оставить учебу и устроиться на работу в банк «Стандард». Однако мятущуюся душу юноши не устраивала карьера

банковского клерка. Проработав пять лет, он оставил службу и отправился скитаться по южноафриканскому вельду. На некоторое время Фитцпатрик осел в Барбетоне: сначала работал в местной лавке помощником продавца, затем стал сам возить товары для барбетонской старателей. Постоянные поездки из Португальской Восточной Африки в район золотых приисков и обратно оказались весьма полезными для будущей литературной деятельности Фитцпатрика. Именно в те годы он близко познакомился с природой Южной Африки и типажамы золотоискателей, которых позже описал в своей книге «Джок из Бушвельда». Со временем Фитцпатрик упрочил свое финансовое состояние, женился и перебрался в Йоханнесбург. Однако до конца жизни он вспоминал те приключения, которые ему довелось пережить в компании верного пса по имени Джок. Истории эти он сначала рассказывал своим детям, их услышал Киплинг, который сам только что написал книгу сказок для детей на африканском материале («Сказки просто так»). Он-то и убедил Фитцпатрика облечь воспоминания в письменную форму и издать в виде книги.

Джок жил в то время, когда весь нижний вельд был буквально наводнен дичью — картина, которую сегодня можно наблюдать лишь в национальных заповедниках. Полковник Г. М. Беннет, один из старожилов Барбетона и личный друг Фитцпатрика, является страстным исследователем топографии его книги.

— Двадцать семь лет назад, когда я только приехал в Барбетон, — рассказывал полковник, — здешние старики хорошо помнили Перси Фитцпатрика и события, о которых он рассказывает в своей книге. Правда, по поводу географии их мнения расходились. Мне показывали по крайней мере три смоковницы, под которой якобы похоронен Джок. Однако сам сэр Перси

сообщил мне, что могила Джока находится в Пицене, на португальской территории.

В последний раз Фитцпатрик навещал меня в 1924 году, и мы тогда много говорили о Джоке. Он рассказал мне, что Джим Макоkel еще жив и обретается где-то в Верхнем Вельде. Сегодня же, насколько мне известно, из того поколения в живых остался лишь старый полковник Джеймс Дональдсон. В тот раз накануне своего отъезда сэр Перси попросил дать ему мой экземпляр «Джока». Он хотел сделать для меня пометки на полях, чтобы я знал, где в реальности происходили те или иные события. Однако когда я вечером вернулся домой, он объяснил, что заснул и не успел выполнить обещания. Сказал, что сделает это в следующий свой визит. Однако судьба так распорядилась, что Фитцпатрику не суждено было снова вернуться в страну Джока. Вот так я лишился возможности стать обладателем уникального экземпляра книги.

Однако несколько пометок он все же успел сделать. На странице 215 — там, где Джим Макоkel натравливает Джока на шангаанов — автор написал: «Это произошло примерно в полумиле от Барбетонского госпиталя, по дороге к Квинс-Ривер». А на 454-й странице, где Джок берет к себе один из старателей, сэр Перси написал имя этого человека — «Джейкоб Клоет». Далее, на странице 255, где Джок едва не погибает под колесами, он написал: «Это случилось напротив Барбетонского клуба». Я все думаю: какая трагедия для всех поклонников «Джока из Бушвельда», что в тот день автор заснул после обеда!

Кстати сказать, сам полковник Беннет тоже занимает не последнее место в истории Южной Африки. Начать с того, что его мать, мисс Мелвилл, была той самой невестой, которую привезли в местечко Уайлдернесс, рядом с Книсной. Именно она произнесла исторические слова: «Какая дикая местность!» Невинное

замечание, из которого потомки умудрились состряпать красивую (но недостоверную) легенду.

Возвращаясь к «Джоку из Бушвельда», хочется сказать, что книга прекрасно иллюстрирована. В этом отношении она разделила общую счастливую судьбу литературных произведений о Южной Африке. Как правило, в качестве иллюстраций в них использовались акватинты с работ Барроу, Берчелла, а позже и Латроба, которые дают живое и правдивое представление о внешнем облике буров, бушменов и банту. Что еще важнее, художникам удалось успешно решить задачу изображения диких животных. Особенно радуют в этом отношении вышедшие позднее книги — такие как «Дикие виды спорта в Южной Африке» Корнуоллиса Харриса, «Охотник на южноафриканских львов» Гордона Камминга и, возможно, не столь знаменитая книга Чарльза Болдуина «Африканская охота и приключения».

По мне, куда сложнее запечатлеть несущихся во весь опор спрингбоков и антилоп гну или же охотящегося льва, нежели просто прервать это движение с помощью пули. И обидно, что люди, совершившие этот подвиг, сумевшие постичь и воплотить в своих работах дух дикой природы Южной Африки, пока не получили должного признания у широкой публики.

«Джоку из Бушвельда» чрезвычайно повезло с иллюстратором. Мистер Эдмунд Колдуэлл, художник-анималист, чьи работы выставлялись в Лондоне в конце девятнадцатого века, отличался острой наблюдательностью и подлинной любовью к животным.

По поводу его сотрудничества с автором «Джока» существует интересная история, которую мне поведала миссис Дж. П. Маки Нивен, дочь сэра Перси Фитцпатрика. По ее словам, она, хоть и была совсем маленькой, хорошо запомнила то давнее путешествие в Англию, когда ее отец писал на палубе корабля «Джока

из Бушвельда». Он был очень озабочен выбором достойного художника для своей книги и по приезде в Лондон сразу же пустился в обход столичных картинных галерей. Сэру Перси хотелось собственными глазами взглянуть на работы английских художников-анималистов и решить, кто из них подойдет в качестве иллюстратора. После долгих и безуспешных поисков он наконец нашел то, что искал. В одной из галерей он увидел великолепное изображение самца куду, стоявшего посреди степи и задумчиво глядевшего вдаль. Картина маслом была исполнена столь любовно и с таким знанием дела, что сэру Перси пришел в восторг. Он немедленно связался с автором восхитившей его работы. К его удивлению, мистер Эдмунд Колдуэлл оказался пожилым человеком, ни разу в жизни не выезжавшим за пределы Англии. Выяснилось, что своего куду он написал в зоопарке!

Фитцпатрику удалось уговорить старого художника вернуться в Южную Африку вместе с его семьей. На протяжении многих месяцев Колдуэлл наблюдал за дикими животными и делал наброски.

«Мой отец организовал для мистера Колдуэлла поездку в Бушвельд, — вспоминает миссис Нивен. — Мы выехали на вагоне и разбили лагерь в Матаффине, примерно там, где сейчас находится усадьба мистера Холла. Мои братья со своими друзьями отыскивали животных для мистера Колдуэлла, и он мог наблюдать за ними в естественных условиях».

Один из современников описывает мистера Колдуэлла как «гениального старикана, чрезвычайно любознательного и дотошного во всем, что касалось жизни животных. Он был седовлас, худощав и весьма деятелен. Больше всего меня поражала его точность в изображении деталей. Это тем более удивительно, что мистер Колдуэлл был близорук и носил очки с толстенными стеклами. Чтобы изобразить какой-либо

предмет, ему приходилось рассматривать его чуть ли не в упор. Меня всегда интересовало, что он будет делать, когда очередь дойдет до львов!»

Выполнив заказ Фитцпатрика, Колдуэлл снова вернулся к обычной жизни в Англии. Однако он на протяжении долгих лет поддерживал связь с семейством Фитцпатриков. Миссис Нивен рассказывает, что он ежегодно присылал чудесные рождественские открытки для детей — как правило, с изображением Джока. Умер он в 1930 году, и конец его был поистине ужасным для человека его профессии — перед смертью мистер Колдуэлл полностью утратил зрение.

Во время войны все собрание колдуэлловских иллюстраций погибло при артобстреле. По счастью, у миссис Нивен сохранились оригиналы рисунков, которые она и отправила в Лондон. Так что послевоенное издание «Джока» вышло с первоначальными иллюстрациями. Наверное, ни один художник-маринист не проходил столь строгую проверку у моряков, какой подверглись работы Колдуэлла у южноафриканских натуралистов и охотников. Надо сказать, что все его рисунки с честью прошли испытание и получили самую высокую оценку у специалистов. За исключением одного-единственного — с изображением скарабея (в простонародье навозного жука). У художника он, как и полагается, толкает шарик навоза, однако делает это не задними лапками, а передними! После выхода в свет первого издания натуралисты указали художнику на ошибку, и тот сразу же исправил рисунок. Все последующие тиражи выходили уже с «правильным» скарабеем. Таким образом, изображение это — где навозный жук стоит на задних лапках, а передними толкает перед собой шарик — стало отличительной меткой драгоценного первого издания «Джока».

Самый сибаритский способ передвижения по Южной Африке — путешествие в вагоне частной железной дороги, где к вашим услугам собственные повар и стюард. Понятия не имею, сколько это стоит — мне не сказали, а сам я спросить постеснялся. Когда мой друг предложил воспользоваться данным видом транспорта, чтобы добраться до Национального парка Крюгера, я с энтузиазмом ухватился за идею. Должен сказать, действительность превзошла все мои ожидания. Будь я миллионером, то путешествовал бы по Южной Африке и Родезии только таким способом — по крайней мере там, где есть возможность прицепить салон-вагон к поезду. Вам не приходится волноваться по поводу проколотого колеса и закончившегося бензина, а также ломать голову над поисками еды и жилья. Если на то пошло, то вам вообще ни о чем не приходится беспокоиться! Едете себе и едете под тихое шуршание лопастей вентилятора и позвякивание кусочков льда в стакане.

В Нелспрейте наш роскошный салон отогнали на подъездные пути — словно это был самый заурядный товарный вагон. Мой хозяин договорился, что сразу же после завтрака мы отправимся на автомобиле в парк Крюгера, где проведем целый день, а к вечеру вернемся в вагон, который будет ждать нас на отдаленном запасном пути возле Саби-Ривер.

С утра мы приступили к приведению в действие этого замечательного плана и некоторое время спустя уже стояли у ворот самого известного в мире заповедника. Он был учрежден президентом Крюгером в 1896 году для сохранения редких видов диких животных. Заповедник площадью примерно с наш Уэльс тянется до самой границы с Португальской Восточной Африкой. И на всей его территории действуют

непреложные законы дикой природы, человеку же отводится роль не более чем вежливого гостя, снабженного парой внимательных глаз.

В разных концах заповедника устроены специальные стоянки, где приехавшие на автомобилях посетители могут провести несколько ночей. Обратите внимание, пешие гости, равно как и всадники или велосипедисты, на территорию заповедника не допускаются ни под каким видом! Требования к посетителям здесь немного, и все они выглядят вполне разумными: вы не имеете права стрелять в животных; не должны съезжать с дорог и выходить из своего автомобиля. При въезде в парк вам вручают памятку, в которой изложен ряд полезных советов по поводу того, как надо вести себя в заповеднике. Ниже привожу выдержку из этой брошюры.

НЕ купайтесь; даже в самых мелких водоемах могут водиться крокодилы.

НЕ пугайтесь, если увидите, что лев стоит и смотрит на вашу машину. Скорее всего, он просто прежде не видел автомобилей и сейчас пытается понять, что это такое. Животное не собирается причинять вам вред. Фактически он видит не вас, а ваш автомобиль. Нюх льва улавливает запах бензина, а инстинкты подсказывают, что это нечто несъедобное. Львы не понимают, что внутри этой непривлекательной штуки спрятаны человеческие существа. А если бы поняли, то скорее всего пустились бы наутек. Увидев львов, стоящих или лежащих посреди дороги, не предпринимайте никаких шагов; просто сбавьте скорость и продолжайте ехать. Стоит вам приблизиться, и они сами уберутся с дороги, но

НЕ обольщайтесь их мнимой пассивностью: при всем своем внешнем миролюбии это тем не менее дикие хищники. Покидая машину в непосредственной близости от львов, вы напрашиваетесь на серьезные неприятности. Помните, что напуганное или сбитое с толку животное столь же опасно, как и животное рассерженное. Особую осторожность следует проявлять в отношении самок с детенышами. Львица может не обращать никакого внимания на автомобиль, но если увидит человека, направляющегося к ее детенышам, то почти наверняка нападет.

Следуя этим мудрым советам, мы сбросили скорость до пяти миль в час и поехали по дороге, бдительно поглядывая вокруг. Со всех сторон нас окружали заросли низкорослого кустарника и деревьев. И хотя мы пока не увидели ни одного животного, я испытывал странное волнение. Мне никогда не доводилось охотиться на львов, слонов или других по-настоящему опасных животных. Поэтому я не могу сравнить охватившее меня чувство настороженного ожидания с пресловутым азартом охотника. Но в нем явно присутствовал тот щекочущий нервы оттенок опасности, из-за которого, собственно, люди и охотятся на крупную дичь. Если не верите, съездите сами в заповедник Крюгера и попробуйте проанализировать свои ощущения. Что касается меня, то я бы чувствовал себя гораздо увереннее, если бы со мной была винтовка. Машина казалась до смешного ненадежной защитой. Я ставил себя на место львов и не мог понять, что им мешает напасть на этих слабых, беспомощных (но таких вкусных) двуногих, сидящих внутри хлипкой жестяной банки.

— А что будет, если проколем колесо? — спросил я шепотом (стоило нам только пересечь границу заповедника, мы почему-то перешли на шепот).

— Не бери в голову, — успокоил меня друг, — такого не случится.

Краем глаза я заметил какое-то движение в траве на обочине. Мы обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как удаляется семейство бородавочников. Для несведущих сообщу, что бородавочник — разновидность дикой свиньи. И на мой взгляд, это самое забавное животное в заповеднике. Вообразите себе черно-пегого кабанчика, большеголового, с карикатурными клыками. Маленькие поросята представляют собой точную копию родителей, только вдвое меньше. Надо видеть, как они деловито семенят друг за другом с хвостиками, задранными под одним и тем же углом.

Еще через полмили мы спугнули целое стадо импал, которые собирались пересечь дорогу. Наше внезапное появление вызвало переполох: стадо пришло в движение и в мгновение ока скрылось в кустарнике на противоположной обочине. Мы еще успели заметить, как последние антилопы перелетают через дорожное полотно в высоком, грациозном прыжке. Но через полминуты, когда мы подъехали к этому месту, импалы уже превратились в рыжевато-коричневые тени в колючих зарослях. Традиционно считается, что спрингбоки — самые красивые и быстроногие из всех африканских антилоп. Не знаю, не проверял. Но могу сказать, что бегущее стадо импал представляет собой незабываемое зрелище: часть животных свободно парит над землей, другие в этот миг ловко приземляются на свои тоненькие изящные ножки, в то время как третьи только готовятся совершить прыжок. Все происходит в полном молчании — сплошное движение и стремление вперед.

Что касается зебр, они водились здесь в таком количестве, что скоро мы вообще перестали их замечать. Эти черно-белые лошадки бродили вдалеке стадами, паслись вдоль дороги, стояли в зарослях акации, почти неразличимые в чередовании света и тени. На следующем повороте нам повстречался автомобиль. После взаимных приветствий последовал обычный для заповедника разговор:

— Вы уже видели львов?

— Нет, а вы?

— В лагере говорили, будто сегодня утром случилось «убийство».

— Да что вы! И где это произошло?

— Не знаем. Сами хотели у вас спросить.

Ну, и так далее. Львы в парке Крюгера играют ту же самую роль, что и злобные подслеповатые носороги в заповеднике Хлухлуве!

Распрощавшись, мы поехали дальше. Миновали скалу, на вершине которой грелись на солнышке огромные бабуины; затем снова повстречали семейку бородавочников, стада зебр, импал, иньял и наконец увидели маленького рыжего шакала, который стоял посреди дороги и смотрел на нас с таким видом, будто собирался облаять. К тому времени, как мы добрались до лагеря Преториус-Коп, способность удивляться у нас изрядно притупилась.

Лагерь представлял собой два десятка круглых рондавелов, обнесенных крепким забором. Нас предупредили, что с наступлением темноты ворота запираются. Правила на сей счет строгие: каждый постоялец обязан вернуться в лагерь за полчаса до захода солнца; покидать его разрешается не раньше, чем через час после рассвета. В лагере имелась своя маленькая лавка, где можно было приобрести всяческие безделушки и услышать массу захватывающих историй о львах.

Здесь я познакомился с человеком, который всю свою жизнь посвятил наблюдению за этими животными. Он жил и работал с единственной целью — урвать свободный денек и провести его в парке Крюгера. Мой новый знакомый рассказал множество удивительных случаев из собственной практики и подкрепил их фотографиями из своего альбома. Я увидел льва, дремлющего на подвесной подножке его пикапа, и еще одного, который сидел буквально в нескольких ярдах на дороге и щурился на солнце, как огромная сонная кошка.

— Автомобиль у них просто не ассоциируется с человеческими существами, — рассказывал мужчина. — Запах бензина их отпугивает, зато звук работающего мотора нравится. Иногда, особенно если львы сытые и в хорошем настроении, они подходят поближе и сидят, прислушиваясь. Ни дать ни взять — любопытные домашние кошки.

В своей книге «Дикая природа Южной Африки» полковник Дж. Стивенсон-Гамильтон (в прошлом — хранитель Национального парка Крюгера) приводит много интересных и поучительных наблюдений. Основной вывод, который позволяет сделать его богатая практика — что бояться следует не тех львов, которых вы видите, а тех, которые видят вас.

Помню, в начале 1938 года в лагере Преториус-Коп был такой случай, — пишет полковник. — Группа туристов вела наблюдение за львиным прайдом, расположившимся в нескольких сотнях ярдов на склоне холма Шабине-Хилл. Уже смеркалось, близился час закрытия лагеря, и туристы стали заводить моторы, готовясь к отъезду. Львы тем временем начали медленно спускаться с холма. В этот миг один из мужчин заметил, что у него прокололась

шина. Ему пришлось выйти из машины и заняться заменой колеса. Он достал с заднего сиденья свернутый спальный мешок, который ему мешал, и запасное колесо. Все эти вещи он положил возле себя на землю и как раз собирался поднять машину домкратом, когда на дороге появился автомобиль рейнджера Вулхантера. Гот совершал объезд территории, собирая припозднившихся посетителей. Рейнджер сразу же заметил львицу, прятавшуюся в траве всего в двенадцати футах от мужчины и пристально наблюдавшую за всеми его манипуляциями. «Немедленно забирайтесь в машину! — кричал Вулхантер. — Или же попадете в зубы ко льву!» Несчастный турист подпрыгнул, как ужаленный. И одновременно с ним прыгнула львица! Если бы она хотела схватить мужчину, то легко могла бы это сделать. Однако, судя по всему, ее заинтересовал не человек, а его пожитки. Схватив в зубы свернутый в рулон спальный мешок, львица метнулась с ним обратно в траву и скрылась из вида. Надо думать, она здорово развлеклась со своей добычей, потому что на следующее утро мы обнаружили мешок, разодранный в клочья. Что касается бедняги, то он настолько перепугался, что так и уехал на спущенном колесе.

Полковник Стивенсон-Гамильтон утверждает, что вопреки расхожему мнению лев (если только он не ранен) не имеет привычки сразу бросаться на жертву. Подобно всем кошкам, он предпочитает некоторое время красться за добычей, а затем неожиданно нападать. «Часто турист, — пишет полковник, — по незнанию или из глупой беспечности покидает машину, чтоб сделать

пару удачных снимков львов, лежащих на дороге. Но ему следует помнить, что помимо тех животных, которые являются объектом его интереса, имеются и другие — невидимые, затаившиеся в траве всего в нескольких ярдах». Автор рассказывает, что многие фотографы-любители приходили в ужас, обнаружив на снимках льва, которого они вовсе не видели в момент съемки, хотя тот находился совсем рядом.

Полковник отмечает, что, несмотря на многолетние наблюдения, до сих пор не вполне ясно, по какому принципу формируется львиный прайд и почему он распадается. Во главе всегда стоит крупный вожак, который играет в прайде ту же самую роль, что и буйвол в стае антилоп. Лев-вожак имеет привычку отдыхать на некотором расстоянии от стаи. Молодые львы, чем-то прогневившие вожака, обычно изгоняются из стаи и образуют «холостяцкие» прайды. Иногда случается, что молодежь — как самцы, так и самки — по собственному почину уходит, дабы сформировать новый прайд и охотиться отдельно от старшего поколения. Вообще-то молодым львам несладко живется в стае. После удачной охоты они не имеют права подходить к добыче до того, как насытятся «старики» (и не один молодой лев расстался с жизнью по причине излишней горячности). Увы, после того, как старшее поколение закончит свою трапезу, молодым почти ничего не остается.

У льва, как и у любого животного в природе, имеются свои враги. Худший из них, конечно, человек. Но я был очень удивлен, узнав, что, оказывается, на втором месте по вредоносности стоит такое безобидное с виду существо, как дикобраз. Тем не менее это так. Если лев повредит лапу об иглу дикобраза, то жизнь его превращается в одну долгую агонию, в конце которой неминуемо ждет смерть от голода и истощения. Как правило, ранка в подушечке лапы инфицируется и

вызывает такую нестерпимую боль, что лев не способен охотиться.

В Преториус-Коп я услышал множество историй о том, как людям чудом удавалось ускользнуть из лап льва, о животных, которые не желают убираться с дороги, об «убийствах» в заповеднике. Неоднократно случалось, что какой-нибудь посетитель тихонько ехал себе по территории парка и вдруг неожиданно попадал в самую гущи свалки, когда прайд львов охотился на жирафа, антилопу гну или зебру.

Как-то раз, когда мы сидели в лавке и развлекались подобными историями, в лагерь на всех парах влетел автомобиль и чей-то взволнованный голос прокричал:

— В полумиле по Скукуза-роуд объявился большой прайд!

Побросав свои занятия, мы опрометью кинулись к машинам и скоро уже катили в указанном направлении. По обеим сторонам от дороги росла высокая трава и карликовые акации, так что видимость была не очень хорошая. Проехав с полмили, мы сбавили скорость и теперь еле ползли, поминутно оглядываясь по сторонам. Наконец кто-то крикнул:

— Стоп! Вот они!

Бросив взгляд в левое ветровое стекло, я увидел в пятидесяти ярдах от дороги львицу. Она тоже несомненно заметила нас, я видел, как встали торчком ее уши, и крупная морда медленно повернулась в направлении непрошенных гостей. Я подумал, что никогда в жизни не видал такой огромной львицы, и прикидывал, во сколько прыжков она сумеет преодолеть разделявшее нас расстояние. Однако в данный момент львица, похоже, не собиралась нападать. Она сидела совершенно неподвижно, разглядывая нас с видом заинтересованной кошки.

— Скольких вы видите? — раздался чей-то громкий шепот. — Я — шесть!

Я стал внимательнее вглядываться в буш и вскоре обнаружил: то, что я вначале принимал за участки более темной травы, на самом деле были львы. Я насчитал пятерых, затем мне показали шестого — крупного самца с темной гривой, который лежал в отдалении и был почти неразличим в густой тени акации.

Кто-то выставил в окно фотоаппарат и начал делать снимки. Щелчок затвора — тихий безобидный звук — тут же был услышан прайдом. Два льва, которые прежде лениво валялись в траве, медленно поднялись и, наострив уши, обернулись в нашу сторону. По своей напряженности эта минута вполне могла сравниться с тем мигом в заповеднике Хлухлуве, когда мы ранним утром наткнулись на самку носорога с детенышем.

К огромному моему облегчению, львы почти сразу же успокоились. Они завалились на спину, задрав все четыре лапы в воздух — забавная картинка, хорошо знакомая тем, кто держит дома кошек.

Я провел в парке Крюгера два дня, но больше мне не удалось повстречать львов. Этот прайд стал моим единственным достоянием. Рейнджеры объяснили, что засуха загнала всех животных в глубь буша, и теперь они вернутся не раньше сезона дождей.

13

Честно говоря, меня это не очень огорчило. За свою жизнь я успел насмотреться на кровопролитие и потому не слишком стремился стать свидетелем очередного «убийства» на территории заповедника. Тем более что весь второй день мы посвятили жирафам и гиппопотамам.

Думаю, из всех обитателей парка жираф представляет собой наиболее интересный объект для наблюдения. А недостатка в этих славных животных у

нас не было, они бродили большими стадами и мелкими семейными группами. Жирафа почти невозможно разглядеть, когда он неподвижно стоит в тени акаций. Выдает его только голова с рожками, возвышающаяся над кроной дерева. С морды жираф похож на симпатичного любознательного верблюда. Надо проследить взглядом вдоль длинной шеи, и лишь тогда начинаешь различать пятнистое тело, идеально упрятанное в солнечной светотени. Мое воображение поразил громадный самец, чьи пятна казались почти черными на фоне рыжевато-бежевой шкуры. Поистине потрясающее животное!

Мне повезло увидеть, как жираф пьет. Для того чтобы достать до воды, ему приходится широко расставить передние ноги. Причем жираф делает это не сразу, а в несколько приемов — до тех пор, пока его корпус не опустится на достаточную высоту, и лишь тогда склоняет свою длинную шею. Не менее интересно наблюдать стадо жирафов в движении. На мой взгляд, ради одного этого зрелища стоит приехать в Национальный парк Крюгера. Когда жирафы бегут, кажется, будто они передвигаются на пружинных ходулях. Ноги они переставляют, как лошадь при галопе — сначала две задние, затем две передние. Длинные шеи раскачиваются взад и вперед, короткие хвостики вытянуты в воздухе. В общей массе движение выглядит довольно нелепым. Однако мне говорили, что на короткой дистанции жирафы способны развивать скорость до тридцати пяти миль в час, а это, согласитесь, немало!

При первом взгляде на жирафа возникает мысль: бедный безобидный вегетарианец, он, должно быть, становится легкой добычей для хищников. Как выяснилось, это не совсем так. Природа обеспечила жирафа неплохими средствами самозащиты: задние ноги его способны лягать с силой парового молота, все

жизненно важные внутренние органы надежно защищены шкурой толщиной в дюйм, а длинная шея обеспечивает отличный обзор местности. По сути, жираф представляет собой самую высокую сторожевую башню в природе. Даже лев вынужден относиться к нему с уважением.

После обеда мы приехали на берег широкой реки, где нежилась небольшое стадо бегемотов. Около десятка животных засели в воде так, что наружу торчали лишь макушки голов, увенчанные маленькими, бдительными, как у терьеров, глазками. Время от времени один из бегемотов с громким плеском погружался на глубину, чтобы через несколько минут снова вынырнуть за глотком воздуха. Вот таким образом гиппопотамы и проводят большую часть дня — плавая и ныряя на дно реки, по которому разгуливают на своих четырех, как по подводному бульвару. Они издают весьма своеобразные звуки — нечто среднее между ревом и хрюканьем. Бегемоты очень любопытные животные: стоило нам посвистеть или что-либо крикнуть, как они сразу же высовывали головы из воды и начинали ими вертеть в поисках источника необычного звука.

Я составил список животных, которых увидел в парке за два дня: львы, жирафы, гиппопотамы, зебры, бородавочники, водяные козлы, импалы, иньялы, антилопы гну, обезьяны, шакалы, куду, а также множество птиц с незнакомыми мне названиями. За все время пребывания в заповеднике я не встретил ни одной змеи, хотя вот что пишет полковник Стивенсон-Гамильтон в своей книге: «Саби-Буш печально знаменит мамбами; число змей, приходящееся на квадратную милю, здесь выше, чем в любой другой части Африки».

Интересно, многие ли посетители Национального парка Крюгера осознают, в чем его основная ценность? А ведь этот заповедник дает нам представление о том,

как выглядит мир, живущий по законам природы. Собственно, закон здесь всего один, и сводится он к тому, что выживает сильнейший (понимай: наиболее приспособленный к жизни). Весь животный и растительный мир следует этому закону, и лишь человек позволяет себе пренебрегать сим непреложным правилом. Хищникам в этой схеме отводится особая роль: природа использует их как инструмент для совершенствования животных. Ибо, в отличие от человека, они убивают не сильнейших, а слабейших.

Автор книги «Дикая природа Южной Африки» анализирует то чрезвычайно сложное и деликатное равновесие, которое складывалось в диком вельде на протяжении столетий. В балансе этом учитывается множество факторов: уровень рождаемости и срок жизни отдельных видов животных, пол нарождающихся детенышей и, конечно же, разумное соотношение между количеством хищников и численностью их жертв. Полковник Стивенсон-Гамильтон приходит к выводу, что без львов и прочих плотоядных животных вельд очень скоро бы превратился в безжизненную пустыню.

Вот что он пишет:

Львы осуществляют своеобразную «отбраковку» слабейших животных — тех, кто уступает своим собратьям в силе, ловкости и сообразительности и в силу этого становится жертвой хищников. Таким образом, выживают (и дают потомство) наиболее здоровые и приспособленные животные, что в конечном счете способствует усовершенствованию всего вида. Кроме того, оперативное уничтожение больных особей ставит барьер на пути распространения многих опасных заболеваний, которые в противном случае могли бы перерасти в эпидемии и значительно снизить численность

животных, вплоть до полного их вымирания. И еще один немаловажный аспект. В отсутствие хищников травоядные очень быстро бы расплодились, что привело бы к перенаселению вельда и, как следствие, к истощению пастбищ. А там, где не хватает корма, животные голодают и гибнут сотнями. В результате нынешний вельд уже через несколько лет превратился бы в безжизненную пустыню, и понадобился бы не один десяток лет, чтобы восстановить плодородие земли и заново заселить ее млекопитающими. Таким образом, мы видим, что существование хищников приносит пользу не только фауне вельда, но и его флоре...

Тот же самый жестокий закон выживания действует и в среде самих хищников. Животное, которое в силу каких-то причин утратило способность охотиться, неизбежно обречено на смерть.

Вот о чем я размышлял, сидя в роскошном купе салона-вагона, который вез меня по жаркой стране манговых джунглей. Мягко шелестели лопасти электровентиляторов. Завтра утром мы проснемся в Йоханнесбурге.

Водопад Виктория находится в Южной Родезии. От Йоханнесбурга его отделяет тысяча восемьсот пятьдесят миль. Но я выяснил, что это огромное расстояние легко преодолеть при помощи авиатранспорта, благо самолеты летают три или четыре раза в неделю. От Йоханнесбурга до Булавайо всего четыре часа лета, а там можно сесть на ночной поезд,

который утром доставит вас практически к вождеденному водопаду. Короче, я решил воспользоваться этим заманчивым способом. Должен сказать, что я колебался, ехать ли туда вообще. Меня мучили дурные предчувствия, ведь нередко бывает, что величественные природные явления выглядят куда более эффектными в книжках, нежели в реальности. А так не хотелось разочаровываться!

Перечитывая литературу, посвященную водопаду Виктория, я отметил два факта, которые поразили меня больше всего. Во-первых, этот гигантский водный каскад, чей рев слышен за мили, еще сравнительно недавно был неизвестен европейской науке и отсутствовал на географических картах. Лишь девяносто лет назад Дэвид Ливингстон добрался до здешних мест и, раздвинув ветви деревьев, в благоговейном страхе воззрился на это чудо природы. А во-вторых, меня несказанно удивило, что Сесил Родс никогда не видел главной достопримечательности своей страны. Водопад расположен на реке Замбези в том месте, где ее воды срываются в пропасть глубиной триста шестьдесят футов.

День или два у меня ушли на ознакомление с дневниками доктора Ливингстона и некоторых других европейцев, которым повезло в числе первых увидеть это величественное явление. Выяснилось, что звание первооткрывателя неоднократно оспаривалось у Ливингстона другими путешественниками. Тем не менее я доверяю мнению мистера Ч. Д. Леруа, который в своей замечательной книге «Первопроходцы и спортсмены Южной Африки» пишет: «Много лет я посвятил кропотливому и тщательному исследованию притязаний различных людей на право называться первооткрывателем водопада Виктория и вот теперь спешу доложить, что все же пальму первенства следует отдать Дэвиду Ливингстону. У меня нет оснований

сомневаться в том, что именно он стал первым европейцем, увидевшим водопад».

А вторым стал малютка Уильям Чарльз Болдуин, кровожадный убийца львов. В 1868 году во время одной из своих охотничьих экспедиций он случайно вышел к водопаду Виктория и стал первым человеком, который приблизительно измерил его параметры (Ливингстон сделать это не сумел). Затем два года спустя здесь появился Томас Бейнс со своими карандашами и красками. Мужественный англичанин работал в ужасных условиях — терзаемый лихорадкой и осаждаемый назойливыми мухами цеце, — зато ему первому удалось запечатлеть гигантский водопад во всей его красе и величии.

Первая белая женщина побывала здесь в 1875 году. Это была африканерка, жена охотника по имени Джордж Уэстбич.

Самолет доставил меня на аэродром Булавайо. Здесь царил нестерпимый зной. Трава была желтая и пожухлая, земля вся потрескалась, над ней поднимались и вибрировали потоки горячего воздуха. Термометр показывал девяносто семь градусов в тени, но по ощущениям было еще жарче. Местные жители — все как один в белых костюмах и тропических шлемах — согласились, что да, в этом году действительно припекает. И сообщили, что такая погода продержится до самого сезона дождей.

Полагаю, в краю, где дубы за десять лет вырастают в небольшие крепенькие деревца, а персики в тот же срок начинают плодоносить, никого не удивишь молниеносным ростом городов. Но все же было странно думать, что еще несколько десятилетий назад на месте Булавайо стояло всего несколько палаток и жестяных сараев. И вот за невероятно короткий срок здесь вырос большой современный город. Я смотрел и глазам своим

не верил. Тем не менее все было реальным: и великолепные общественные здания, и широкие оживленные улицы, вдоль которых стояли цветущие джакаранды, и шикарные магазины, и памятник Сесилу Родсу, и даже плавательный бассейн, достойный Голливуда. В нескольких местах над городом реяли новенькие «юнион джеки», совсем не похожие на те потрепанные и выцветшие флаги, что висят у нас дома.

К вечеру жара стала невыносимой. Я прямо чувствовал, как зной опалает белки глаз, во рту пересохло, язык стал шершавым, как наждачная бумага. Слава богу, что в городе не было недостатка в напитках — на каждом углу продавали лаймовый сок и газировку.

Вечером я сел на поезд, а утром уже был в двух сотнях миль от Булавайо. Наш поезд проезжал по великому угольному бассейну Банки, занимавшему площадь в четыреста квадратных миль. Говорят, его запасов угля хватит, чтобы обеспечить все человечество на много поколений вперед. Тем временем солнце взошло, и сразу же, без каких-либо промежуточных стадий окружающий мир погрузился в адское пекло. Окружавший меня тропический ландшафт колебался и трепетал в волнах горячего воздуха. За окном проносились туземные деревни. Чернокожие жители сидели в тени своих хижин или под деревьями с крупными листьями, смахивающими на уши слона, и дожидались начала дня.

На подъезде к железнодорожной станции «Водопад Виктория» я выглянул в окошко. Мне рассказывали, будто ветер — если дует в нужном направлении — приносит с собой водяную пыль, которая каплями оседает на стеклах. Но поскольку в то утро вообще не было никакого ветра, то ничего подобного я не увидел.

Крытый переход связывал здание железнодорожного вокзала с современной гостиницей, заполненной мужчинами в белых фланелевых костюмах

и женщинами в летних платьях. Если вспомнить, что еще совсем недавно Ливингстон, Болдуин и Бейнс тратили месяцы, чтобы добраться до этих мест, а добравшись, вынуждены были ночевать в палатках, этот роскошный отель — с его великолепной (еще довоенной!) кухней и первоклассным обслуживанием — выглядел просто фантастикой. Так сказать, одно из чудес Африки.

Окна в моем номере выходили на водопад, и я сразу же услышал низкий гул, доносившийся с той стороны. А когда слуга раздвинул шторы, стал виден расположенный в нескольких сотнях футов гигантский экран из водяной пыли, который висел в воздухе. Он был серого цвета, подобно дыму от степного пожара. Поразительная и пугающая картина! Поразительная, так как ничего подобного я в Африке не видел. А пугающая потому, что высота водяного облака и в особенности его ширина (не менее мили), равно как и непрерывный мощный гул, служивший звуковым фоном, — все свидетельствовало о невиданной мощи того, что скрывалось за ним. Я присел у окна, не в силах оторваться от зрелища. Слои серого тумана непрерывно колебались, то поднимаясь, то вновь опускаясь вместе с потоками воздуха. Зато рев падающей воды был непрерывным. Я вспомнил, что Ливингстон сравнивал этот звук не то с громом, не то с шумом морского прибоя, и в душе не согласился с маэстро. Лично у меня сразу возникла ассоциация со скорым поездом, несущимся на скорости семьдесят миль в час, с той только разницей, что поезд этот не удалялся и не приближался, а незримо завис где-то в пространстве. Было что-то угрожающее в этом устойчивом, непрерывном гудении, и я теперь понял, отчего чернокожие туземцы во времена Ливингстона отказывались подходить к этому месту ближе, чем на пять-шесть миль. Некоторое время спустя до меня

дошло, что к могучему зловещему гулу примешивается еще какой-то звук — более земной и приятный. Я выглянул в окно и увидел чернокожего мальчишку, поливавшего из шланга цветочную клумбу. Вот откуда шло благодатное журчание, ласкающее слух каждого южноафриканца. Мальчишка работал, то и дело бросая через плечо подозрительные взгляды. Мне стало интересно, что он там высматривает.

Я проследил за его взглядом и обнаружил, что за парапетом плавательного бассейна прячется старый седой бабуин. Это был заслуженный ветеран своего дела, поэтому он вел себя очень осторожно — лишь изредка выглядывал из-за парапета и тут же прятался. У бабуина было лицо старого разочарованного пса, но еще более примечательными показались мне его глаза — такие пронизательные светлые глаза я встречал только у шотландских редакторов. Наконец, посчитав, очевидно, что подходящий миг настал, бабуин покинул свое убежище и стремительно метнулся к росшему неподалеку манговому дереву. Мгновение спустя он уже возвращался с видом триумфатора: в каждой пригоршне по куче зеленых плодов манго, еще один плод зажат в зубах. И прежде чем бедный парнишка, услышавший треск ломаемых сучьев, успел подобрать с земли камень, старый разбойник уже скрылся за холмом.

15

После завтрака мы с мистером Майлсом, смотрителем, отправились к водопаду Виктория. Меня по-прежнему одолевали сомнения: а если водопад не произведет на меня должного впечатления? Как будет обидно — после всего, что читал и слышал о нем! К сожалению, нередко так случается: горы, долины, вулканы и прочие природные чудеса описывают так

часто и так хорошо, с таким энтузиазмом, что когда затем видишь их воочию, испытываешь невольную растерянность. Выясняется, что подспудно ты ждал чего-то большего. Даже сейчас, спустя многие годы, я помню, каким горьким разочарованием стала для меня первая встреча с египетскими пирамидами.

Мы шли в том направлении, откуда доносился звук — низкий и глубокий рокот, о котором я уже писал, — и вскоре пришли в место, которое иначе, как земным раем, я назвать не могу. Ибо это был единственный кусочек африканской земли, на котором воплотились чаяния всех жителей жаркого и засушливого континента. Миллионы людей по всей Африке мечтают и молятся о том, чтобы выпал хоть небольшой, хоть кратковременный дождик, а здесь он шел непрерывно! День и ночь в воздухе висела водяная пыль, которая оседала каплями теплого дождя. Эта местность непосредственно прилегала к водопаду и постоянно орошалась его брызгами. Потому-то ее и прозвали Дождевым лесом!

Это было несказанное наслаждение — идти по влажным, насыщенным сотнями ароматов джунглям, где каждый листок искрился и блестел дождевой влагой. Редкие порывы ветра приносили из ущелья лохмотья серого тумана, и тот стелился вдоль земли, как бывает ранним утром в шотландских гленах. Охлаждаясь, туман конденсировался в мириады мельчайших капелек, которые усеивали листья и ветви деревьев, блестящими бусинками оседали на мхах и папоротниках. Мелкие птицы, рассевшись по лианам, распевали свои утренние песенки, а стрекозы носились взад и вперед, наслаждаясь ощущением влаги на прозрачных крылышках. Постоянный теплый дождик как нельзя более благотворно сказывался на здешних мхах и лишайниках, которые толстым ковром устилали землю, карабкались по стволам и покрывали зеленым бархатом

все валуны и поваленные деревья. Местами сквозь этот ковер пробивались цветы невиданной красоты, которые тут же принимались расти со скоростью грибов после дождя. Особенно эффектно смотрелся *гемантус мультифлорес*, или, как его называют в народе, кровавый многоцвет. Растение это практически лишено листьев, зато выкидывает огненно-красные цветы, напоминающие маленькие язычки пламени.

Мы шли, перекликаясь в полный голос, чтобы заглушить нараставший рокот водной лавины. И все это время я внутренне готовился к знакомству с тем монстром, что бушевал и грохотал за стеной деревьев. Я уже ничего не боялся, а только горел желанием поскорее встретиться с ним лицом к лицу. Наконец лес начал редеть, впереди забрезжил просвет. Еще несколько шагов, и взору моему предстал блестящий уступ мокрой скалы, а за ним примерно в сотне ярдов — противоположный край глубокой расселины, с которого низвергался белый кипящий поток воды.

Я стоял на обрыве и глядел во все глаза. Снизу, из пропасти, поднимались клубы насыщенного влагой тумана, вокруг сотнями носились тропические стрекозы, похожие на летающие изумруды, а напротив... Напротив несла свои воды могучая Замбези, которая в этом месте имеет примерно милю в ширину. Она достигала края пропасти и всей массой устремлялась в темные глубины. Я застыл на месте, не в силах оторваться от этого грандиозного зрелища. Ослепленный водяной пылью и оглушенный мощным грохотом потоков воды, я понимал, что ничего подобного не видел в своей жизни и, наверное, уже не увижу.

Вид водопада с опушки Дождевого леса особенно эффектен благодаря тому, что смотреть приходится не снизу вверх (как обычно бывает с водопадами) — здесь наблюдатель находится практически на одном уровне с базальтовым плато, по которому течет Замбези. Вы

можете бросить взгляд вдаль и увидеть, как она неспешно несет свои воды меж пологих берегов, по пути огибает мелкие островки и с каждой минутой приближается к краю глубокой расщелины, куда ей предстоит низвергнуться. Затем течение реки внезапно ускоряется, и она, словно бы в отчаянной решимости, устремляется вниз: белые кипящие потоки воды... все приходит в смятение... шум, грохот, столбы водяной пыли.

Я невольно сравнивал эту картину с Ниагарским водопадом, который видел раньше. Насколько мне помнится, там река неслась мощным, бурным потоком и, словно бы в неистовстве, кидалась в пропасть. В отличие от Ниагары, Замбези — тихая, спокойная река и таковой остается еще в нескольких ярдах от места падения. И вот этот контраст — между спокойствием и внезапной яростью, между рекой, мирно текущей по земле, и той же самой рекой, шумно низвергающейся в бездну — как раз и производит сильнейшее впечатление, делая зрелище водопада незабываемым.

Здесь, на краю Дождевого леса, устроен ряд смотровых площадок для туристов. Как правило, это просто деревянная скамья под соломенным навесом, на которой вы можете сидеть в относительной сухости и наблюдать за хаосом, творящимся на противоположном берегу. Белая кипящая полоса длиной в милю, непрерывный грохот падающей воды, эхом отзывающийся в глубине пропасти, само сочетание двух встречных векторов движения — воды вниз и тумана вверх — все вместе оказывает на зрителя почти гипнотическое воздействие. Вы сидите часами, наблюдая за этим феерическим спектаклем. Можно еще наметить себе какой-нибудь маленький, относительно спокойный водоворот и следить, как он неспешно скользит по речной поверхности, как совершает последний прыжок и устремляется вниз, по пути теряя

свою индивидуальность и вливаясь в общий поток воды. Сначала он принимает вид тонкой струйки, затем, сталкиваясь с встречным потоком воздуха, раздробляется и превращается в облако водяной пыли. То в свою очередь соединяется с общей массой воды и растворяется в ней. Вот и нет нашего облачка: одна часть его улетела вниз, в темную бездну, другая же рассеялась в виде водяного пара. Не менее захватывающе наблюдать за самой кромкой водопада, где Замбези, готовясь совершить финальный прыжок, изгибается дугой, подобно краю зеленоватого стакана.

Театр действий растянулся на целую милю, и вы можете пройти эту милю по опушке Дождевого леса, рассматривая один каскад за другим. А еще, если осмелитесь, можно подползти к краю обрыва и увидеть, как река продолжает течение по дну ущелья — местами она зеленая, местами почти черная, над ее поверхностью клубится серый туман, а из него вырастает радуга, смахивающая на раскрашенный обод колеса.

Любопытно сопоставить отзывы разных людей, видевших водопад. Так, Ливингстон был сражен непревзойденным величием этого зрелища и записал в своем дневнике: «На места, столь прекрасные, должно быть, смотрели ангелы в полете». Чапмен тоже преисполнился благоговейного восхищения при виде этого чуда природы. Однако он предупреждал о «невидимых чарах» этого места, которое якобы искушает человека «броситься вниз головой в его глубины». Майор Серпа Пинто, который побывал на водопаде в 1877 году, преисполнился суеверного страха перед «адам, где вода смешивается с тьмой». Он даже уподобил его «последнему вздоху вечности в темных объятьях смерти». Француз Лионель Декле соглашался с Пинто и сравнивал водопад с «темной и ужасной преисподней, откуда в любую минуту можно ждать

появления страшного, отвратительного монстра». Лорд Керзон, эксперт по водопадам, был поражен «великолепием и мощью» Виктории и утверждал, будто «по красоте и величию зрелище это превосходит все, что он видел прежде».

Я, конечно, не специалист, но тоже был сражен силой и величием уникального природного явления. Эти два понятия — сила и величие! — определили мои первые впечатления от водопада и затмили все прочие ощущения. Ничего злобного или дьявольского я здесь не усматривал. Просто потрясающая демонстрация природных сил, которой трудно не восторгаться. Потом мне пришло в голову, что из всех природных феноменов одним лишь водопадам присуще постоянное сочетание звука и движения. То есть я хочу сказать, что они способны в равной степени воздействовать на органы слуха и зрения человека, причем не кратковременно, а на протяжении длительного времени. Взять, к примеру, грозу или извержение вулкана. Это тоже могущественные явления, но они лишь периодически проявляют себя в природе. Если говорить о горных вершинах, то даже самые великие из них молчаливы и неподвижны, то же самое можно сказать и о прекрасных долинах. И даже о полноводных реках (хотя там тоже присутствует движение, но не в таком грандиозном, почти катастрофическом масштабе).

После обеда мы по мосту пересекли ущелье и приблизились к тому месту, где нас ждало каноэ. Противоположный берег с Дождевым лесом отсюда казался сплошной темной полосой, над которой кое-где вздымались растрепанные кроны пальм. Мы заняли места в лодке. Четверо чернокожих гребцов взяли за весла, и каноэ медленно двинулось к краю пропасти, где бушевал и грохотал водопад.

Солнце играло на черной, отполированной коже наших гребцов, и наверное, со стороны мы изрядно

напоминали иллюстрацию из книги Стэнли «В джунглях Африки». Отличительной особенностью Замбези является наличие мелких островков, расположенных в непосредственной близости к водопаду (некоторые, казалось, прямо нависают над пропастью). Мы подплыли к одному из них, носящему имя Ливингстона. Это оказалось несложным, ибо течение здесь было спокойное, а редкие завихрения — грозившие захватить нашу утлую лодчонку и увлечь ее в бездну — мы успешно преодолевали с помощью весел. Островок весь зарос тропической растительностью, являвшейся точной копией той, что мы видели в Дождевом лесу. Между высокими деревьями и густым кустарником была проложена тропинка, она вела к тому самому месту над обрывом, откуда Ливингстон впервые заглянул в пропасть.

Мы отыскивали дерево, на котором доктор когда-то вырезал свои инициалы. Увы, сегодня от них не осталось и следа. В свое время Ливингстон сделал попытку разбить на острове сад. Выбрав место подалее от обрыва, он закопал в землю сотню косточек абрикоса и персика, а также кофейные зерна. Однако время (вместе с тяжеловесными и неразборчивыми гиппопотамами) не пощадило его посадок. Вот уж откуда Главный каскад имеет устрашающий вид, так это с острова Ливингстона. До сих пор помню свои ощущения, когда я отважился подползти к обрыву и посмотреть вниз. Казалось, будто маленький островок весь сотрясается от рокота могучего водопада — того и гляди оторвется и канет в черную, грохочущую бездну.

Трудно вообразить себе эпизод менее героический, нежели мое первое знакомство с дикими слонами. В один из дней я получил приглашение совершить речную

прогулку вверх по течению Замбези и с радостью согласился. Мне почему-то рисовалось пасторальное плавание на древнем каноэ в компании с чернокожими гребцами. Поэтому я сильно удивился, прибыв в назначенное место и увидев готовый к отплытию моторный катер. На борту его уже собралось немало людей, среди которых я признал своих соседей из отеля. Были здесь и престарелые джентльмены, и несколько парочек молодоженов, и семьи с детьми. С виду все это напоминало увеселительную поездку в Хэмптон-Корт.

Мы уселись под навесом, туристы достали фотоаппараты и приготовились щелкать обещанных крокодилов. Вскоре мы действительно их увидели: несколько крупных рептилий лежали на скалах, разинув пасти и демонстрируя глотки цвета вареной лососины. Все остальное время мои попутчики фотографировали гиппопотамов.

Мы едва успели свернуть в широкую протоку, как вдруг наш капитан мистер Доуэлл издал крик, тыча пальцем в дальний берег. Там, у самой кромки воды, виднелось небольшое стадо слонов. Мистер Доуэлл направил судно туда, и слоны подпустили нас довольно близко. Лишь когда расстояние сократилось до двухсот ярдов, они развернулись и пошаркали обратно в буш. К тому моменту, как мы закрепились отпорными крюками за берег, еще был слышен треск ломаемых веток под ногами серых великанов. Судя по всему, слоны облюбовали этот участок берега для водопоя и часто его посещали. Глина здесь была порядком истоптана и перемешана с желтой речной грязью. На ней четко отпечатались огромные круглые следы, в каждом из которых стояло по полному ведру голубой воды.

Мистер Доуэлл сообщил мне, что слоны давно уже не появлялись в этих краях. Он казался гораздо более взволнованным, нежели пассажиры, очевидно, привыкшие видеть слонов в городских зоопарках.

Капитан схватил свою фотокамеру и поспешно сошел на берег, крикнув нам, что собирается сделать несколько снимков слонов в буше. Я опрометчиво вызвался его сопровождать, и вот мы уже вместе пробирались сквозь колючие заросли.

— С ветром повезло, — прошептал мистер Доуэлл. — Но если только увидите, что слоны развернулись в нашу сторону, тут же хватайте ноги в руки и дуйте на баркас что есть мочи!

Я пообещал, что именно так и поступлю. Мы вскарабкались на большой пологий муравейник и осторожно раздвинули ветви деревьев. Слоны находились в пределах видимости. Мы могли слышать треск сучьев у них под ногами, когда они переходили с места на место, объедая нежные побеги. Капитан жестами приказал мне оставаться на месте, а сам пополз вперед.

Оставшись в одиночестве, я почувствовал себя неуютно. С легким раздражением я подумал, что всеобщая страсть охотиться на крупную дичь с помощью фотокамер в Африке доведена до абсурдной крайности. Время тянулось томительно медленно. Меня стали посещать всяческие неприятные мысли: например, о том, что я абсолютно беззащитен и беспомощен на холме. Оглянувшись, я с тревогой отметил, что мы изрядно углубились в лес. Баркас скрылся из вида, и даже обрывки веселой болтовни на борту сюда не долетали. Впереди, несколько справа маячила белая рубаха мистера Доуэлла: присев на корточки, он прильнул к видеоискателю — судя по всему, делал снимки. Проследив направление его взгляда, я обнаружил огромную серую тушу, наполовину скрытую деревьями. Путем несложных вычислений я установил, что, если все эти деревья убрать, то между мной и слонами окажется не более пятидесяти ярдов. Внезапно один из слонов резко развернулся и с неожиданной для

такого громоздкого животного скоростью двинулся в нашу сторону. Возглас мистера Доуэлла «Все, уходим!» прозвучал для меня небесной музыкой. Дважды повторять свой приказ ему не пришлось.

Уже вернувшись на борт баркаса, я проанализировал свои ощущения и пришел к выводу: уж если и заниматься фотоохотой, то лучше снимать подслеповатых носорогов, нежели этих гигантов с острым зрением и длинным сильным хоботом. Одно дело восторгаться слонами, сидя в уюте гостиничного номера, и совсем другое — наблюдать за ними в условиях дикого африканского буша.

Мы чувствуем себя вполне спокойно и комфортно на территории отеля, ибо данное учреждение исполняет функции полицейского: оно обеспечивает нашу безопасность, защищая от произвола дикой природы. Но это не должно заслонять того факта, что регион Замбези не сильно изменился за последние десятилетия. По сути, он остался тем же, что и во времена доктора Ливингстона. Уберите удобный буфер в виде современного отеля, и любому путешественнику опять придется иметь дело с палатками, москитными сетками, ружьями, носильщиками, хинином, атропином и прочими атрибутами девятнадцатого века. Однако мои соседи по гостинице, похоже, об этом совсем не думали. С утра они беззаботно отправлялись на экскурсию к водопаду, после обеда ждала прогулка по Замбези, а вечером, наслаждаясь замороженным суфле, они хвастали своими фотографиями крокодилов и бегемотов — будто это было самым обычным делом.

Заглянув вечером в бар отеля, я разговорился с одной молодой дамой, и она с восторгом поведала мне, что видела на прогулке «такого *миленького* крокодильчика»! А сидевший рядом мужчина, потягивая виски с содовой, сообщил, что запах гари вызван пожаром в буше.

— Кто-то не загасил сигарету? — предположил я.

— Да нет, — пожал плечами мужчина. — Это местные охотятся. Они поджигают буш, а затем бросают ассегаи в дичь, которая спасается от огня. Это, конечно же, запрещено, но полиция не всегда может уследить за порядком.

В глубокой задумчивости удалился я в свой номер, чтобы переодеться к обеду. Мы здесь едим замороженную папайю, суп из лука-поррея, жареную камбалу под майонезом и оленину под винным соусом, закусывая персиком «мельба». А в это время буквально в двух шагах от нас разгуливает «миленький крокодилчик» и бьется в агонии бык, пронзенный ассегаем. Какой из этих миров более реален? Что есть подлинная Замбези? Этот вопрос я предоставляю решать вам, уважаемый читатель.

17

На обратном пути в Йоханнесбург я снова остановился в Булавайо. Один из моих друзей вызвался отвезти меня на холм Матапо и показать могилу Сесила Родса. Выбором места для своего погребения этот необыкновенный человек озаботился задолго до смерти. Он распорядился, чтобы его похоронили на вершине одинокого холма в стране, носящей его имя. Однако Родс был не первым человеком, избравшим Матапо в качестве своей могилы. До него здесь был похоронен Мзиликази, великий вождь матабеле. Известно, что его погребли в пещере сидящим на троне — так, чтобы даже после своей смерти вождь мог любоваться страной, которой правил при жизни. Прослышавший о том Родс воскликнул: «Этот человек был великим поэтом!» Возможно, тогда же у него возникла идея посмертного использования холма Матапо.

«Меня восхищает уединенность и величие этого места, — писал Родс в своем завещании. — Посему я желаю, чтоб меня похоронили на холме Матапо, на площадке, куда я часто приходил и которую назвал “Панорамой мира”. На моей могиле прошу поместить простую медную табличку, на которой должны быть выгравированы следующие слова: “Здесь покоится прах Сесила Джона Родса”».

Проделав путь в пятнадцать миль, мы очутились в пустынном горном краю, который произвел на меня зловещее впечатление. Здесь росли гигантские деревья молочая — я таких нигде больше не видел. Они стояли, угрюмо вздымая в голубые небеса колючие ветви и придавая ландшафту некий сюрреалистический оттенок. Приглядевшись, я заметил и другие растения, которые чудом умудрялись закрепиться в расселинах скал и извлекать из этой негостеприимной земли живительные соки. Тем не менее их было немного, и главной деталью пейзажа оставались гранитные валуны (некоторые огромного размера), какие громоздились по склонам холмов в таком беспорядке и в такой опасной близости к краю, что, казалось, довольно одного порыва ветра, чтобы сбросить их вниз. В этом месте царила глубокая тишина, которую нарушало лишь жужжание насекомых. В просвет между холмами я разглядел открывавшиеся голубые дали.

Площадка, которую Родс избрал местом своего захоронения, выглядела, несомненно, эффектно. Сама природа позаботилась о том, чтобы возвести здесь некое подобие Стоунхенджа: гранитные валуны стояли по периметру, будто охраняя заключенную внутри каменную платформу. Наверх вела узкая каменистая тропа, и того, кто находил в себе силы преодолеть этот подъем, ожидала достойная награда — та самая «Панорама мира», простиравшаяся вдаль по меньшей мере на пятьдесят миль. Именно здесь, на вершине

холма, и расположена могила Сесила Родса. Как он и просил, тут лежит скромная гранитная плита, на которой вырезаны его имя, а также даты рождения и смерти. Родсу не было и пятидесяти, когда он умер.

Глядя на эту плиту, на которой грелась красноголовая ящерица, я подумал, что такая могила вполне бы подошла монаху-трапписту. Мне вспомнилась история, которую рассказывал У. Т. Стэд, душеприказчик Родса. Некий мистер Дж. Уиндем путешествовал по Родезии, и ему повезло очутиться на вершине этого холма вместе с основателем страны. По его свидетельству, Сесил Родс обвел горизонт рукой и произнес следующие слова: «Дома, еще больше домов... Вот ради чего я тружусь!»

Рассказчик называет эту историю «очень красивой», но у меня она вызывает в первую очередь чувство жалости. Ведь дома предполагают женитьбу и рождение детей, а это как раз те радости жизни, которых Сесил Родс был лишен. Из всех людей, кого судьба забросила в Африку, Родс оказался наиболее непоседливым и наименее приспособленным к домашнему уюту. Мечтая о домах для других, сам он так и остался одиноким бродягой, не познавшим семейного счастья.

Мне кажется, что эта скромная могила на холме призвана увековечить память о Родсе-мечтателе. Разве этот человек не из той же породы, что и Александр Македонский? Один грезил об эллинистическом мире, другой — об англизированном. И оба стремились завоевывать все новые и новые земли.

На обратном пути я повстречал пожилого джентльмена в рабочих шортах, который с видимым трудом поднимался на холм, опираясь на палку. Увидев меня, он снял сомбреро и промокнул лысину платком.

— Джон Сесил там, наверху? — спросил он.

— Вы найдете его на вершине холма, — отвечал я.

— Я просто хотел поздороваться с ним.

— Вы были знакомы с Родсом? — поинтересовался я.

— О Господи, еще бы не был! Я хорошо знал его в прежние времена. Но так уж сложилось, что я пятьдесят лет не мог попасть в Булавайо. Да... Конечно, в ту пору я был совсем молодым парнем.

— Скажите, а каким Родс был человеком? — спросил я. — Ну, какое впечатление он производил на людей при встрече?

— Вот уж не знаю, — пожал плечами старик. — Он ходил в старой рубашке и брюках. А на голове, как и все, носил широкополую шляпу. А насчет впечатления ничего сказать на могу.

И он продолжил свое паломничество на вершину холма. А я ушел, оставив его наедине с этим небом, с красноголовыми ящерицами и могилой Сесила Родса, которого он когда-то знал.

18

Прильнув к иллюминатору самолета, я наблюдал, как встает новый день над необъятной землей, лежащей к северу от Лимпопо. Мое путешествие по Южной Африке окончилось, и через несколько часов я буду уже на другом континенте. Я пробыл в этой стране достаточно долго, чтобы уяснить себе ее проблемы, но, увы, этого времени не хватило, чтоб выработать собственное мнение по их поводу.

Я представлял себе, как в этот ранний час очертания Кейптауна медленно проступают на фоне голубой бухты; Порт-Элизабет, Ист-Лондон и Дурбан, должно быть, только просыпаются; над одинокими краалями Зулуленда вьется тонкий дымок; в ясном, прозрачном воздухе Свободное государство просматривается до самого горизонта, и ранние пташки из племени

золотоискателей уже приступили к работе под скалами Трансвааля.

Миллионы людей по всей Южной Африке в этот час готовятся начать очередной трудовой день со всеми его радостями и трудностями. Южноафриканцы британского происхождения, африканеры, капские цветные, банту, индусы — таков пестрый и не всегда дружный состав пассажиров на корабле под названием Южная Африка, которому предстоит везти их всех в будущее. Мысленным взором я видел жителей Союза, расселившихся от Столовой бухты до Дурбанского залива, и далее за горным кряжем на территории северного плато — все они в данный момент занимались повседневными делами и, скорее всего, не задумывались о высоких материях. Я же, устремляясь взглядом в прошлое, видел тех, кто стоял за их спиной — Крюгера, Родса, и Лобенгулу; Потгитера и Гарри Смита; вуртреккеров; Пита Ретифа и Дингаана; Фэйрвелла, Кинга и Чаку; переселенцев 1820-го; Прингла и Сомерсета; леди Энн Барнард и первых британцев; голландских губернаторов, последовательно правивших Капом, и, наконец, последних в этом ряду — и самых первых по времени — Яна Антони ван Рибека и его сподвижников. Так и кажется, будто История — после бесчисленных веков молчаливого бездействия — постаралась впихнуть как можно больше личностей и событий в три коротеньких века колонизации Южной Африки.

По сути, ее история представляет собой летопись деяний двух европейских народов — англичан и голландцев. Народы эти во многом схожи друг с другом (я бы сказал, настолько похожи, насколько это возможно для двух различных народов). И преследовали они одинаковые цели: оба стремились утвердить свои ценности на южной оконечности Африканского континента. Ценой невероятных трудов и

многочисленных жертв им удалось это сделать. Несмотря на прискорбное противостояние, вылившееся в ряд кровопролитных войн, обе нации сумели распространить свое влияние на значительной территории. При этом они не побоялись взять на себя ответственность за такое количество слуг, какого ни одно государство — на радость ли себе или на беду? — не имело со времен рабовладельческих империй древности. Большинство путешественников, побывавших в Южной Африке и ставших свидетелем противостояния, уезжали с мыслью, что именно этим двум народам (более, чем каким-либо другим в нашем суровом и переменчивом мире) предназначено назидание, содержащееся в третьей главе Евангелия от Святого Марка.

С теплым чувством думал я о людях, как африканерах, так и британцах, с которыми успел подружиться во время своей поездки. Я убедился, что в массе своей южноафриканцы — открытые, добрые и великодушные люди, превыше всего чтящие традиции гостеприимства. Я также с благодарностью вспоминал молчаливую услужливость чернокожих — людей другой расы, которые с готовностью исполняли все мои распоряжения и тем самым делали мою жизнь намного легче и приятнее. Теперь меня ждал длительный перелет на север, а в конце его удивительное открытие — оказывается, страна, казавшаяся мне такой огромной, пока я путешествовал по ней, на самом деле является всего лишь малой частью единого большого мира.

Фотографии

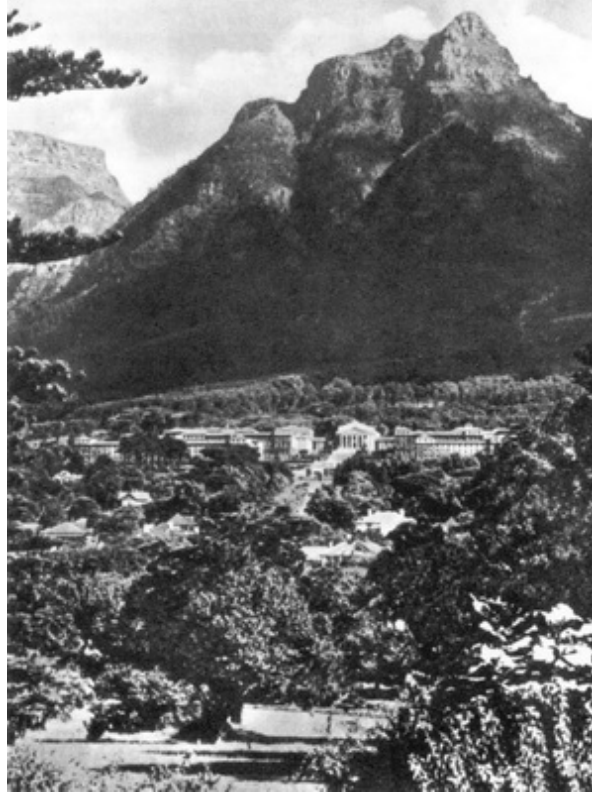

Вид на Столовую гору из парка, Кейптаун

Марин-драйв, Капский полуостров

Университет, Кейптаун

Кейптаун и Столовая гора (вид с воздуха)

Старинная капская усадьба

Цветной мальчик с виноградом

Лагуна в Книсне

***Дорога в горное ущелье, Дракенсбергский
национальный парк, Наталь***

Дурбан

Зулусские женщины с детьми

Полная бычья упряжка, Свободное государство

Элитные быки африкандер, Крунстад

Здание парламента в Блумфонтейне

Вид на Йоханнесбург с высоты птичьего полета

Панорама Претории, вид от «Юнион билдинг»

Главная часть водопада Виктория

Известный журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, Мортон много путешествовал по миру и из каждой поездки возвращался с материалами и наблюдениями, ложившимися в основу новой книги. Репортерская наблюдательность вкупе с культурным багажом, полученным благодаря безупречному классическому образованию, отменным чувством стиля и отточенным слогом, — вот те особенности произведений Мортона, которые принесли им заслуженную популярность у читателей и сделали их автора признанным классиком *travel writing* — литературы о путешествиях.

Книга «Южная Африка. Прогулки на краю света» станет верным спутником или спутницей, гарантией ярких эмоций и незабываемых впечатлений. Ни самый квалифицированный гид, ни самый подробный путеводитель не сделают для вас большего.

---

notes

Примечания

1

Р. Киплинг. Цветы. Перевод В. Бетаки.

2

Там же.

З

Покоюсь я, лелеемый веками.
Незримый и неслышимый,
Очарованный, околдованный грезами,
Непробужденный, недвижимый...